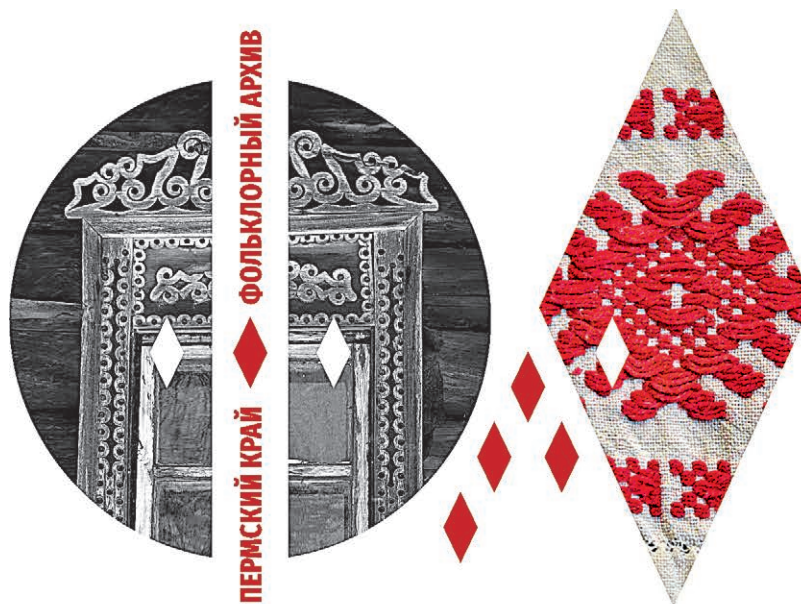

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕРМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ГКБУК «ПЕРМСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА»

РУССКИЕ СКАЗКИ

ПЕРМСКОГО КРАЯ

В ЗАПИСЯХ КОНЦА XX –
НАЧАЛА XXI в.

(ПОД ОБЩ. РЕД. А. В. ЧЕРНЫХ)

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-ПЕТЕРБУРГ
2020

Авторский коллектив:

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Отдела истории,
археологии и этнографии Пермского федерального
исследовательского центра УрО РАН
(руководитель проекта, ответственный редактор)

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Варвара Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
зав. сектором нематериального культурного наследия
Государственного Российского Дома народного творчества
имени В. Д. Поленова МК РФ,
доцент кафедры общего и славянского искусствознания
Института славянской культуры РГУ им. А. Н. Косыгина
(составление корпуса текстов, вступительная статья,
комментарии)

РУСИНОВА Ирина Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного
национального исследовательского университета
(расшифровка записей, орфографическое оформление
текстов с сохранением диалектных особенностей
речи исполнителей, составление словаря диалектной,
просторечной и устаревшей лексики)

ПОДЮКОВ Иван Алексеевич,
доктор филологических наук, профессор Пермского
государственного гуманитарно-педагогического
университета (вступительная статья)

СУХАНОВА Марина Евгеньевна,
сотрудник Отдела истории, археологии
и этнографии Пермского федерального
исследовательского центра УрО РАН
(расшифровка записей, составление корпуса текстов,
техническая работа с комментариями)

СИВКОВ Олег Сергеевич,
сотрудник Пермского краевого дома народного творчества
(обработка аудио- и видеозаписей, нотная расшифровка)

СВАЛОВА Екатерина Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
(расшифровка записей, вступительная статья)

ХОРОБРЫХ Станислав Валерьевич,
заместитель директора Усольского
историко-архитектурного музея-заповедника
«Усолье Строгановское»
(предоставление экспедиционных материалов)

КОРОЛЁВА Светлана Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного
национального исследовательского университета
(предоставление экспедиционных материалов)

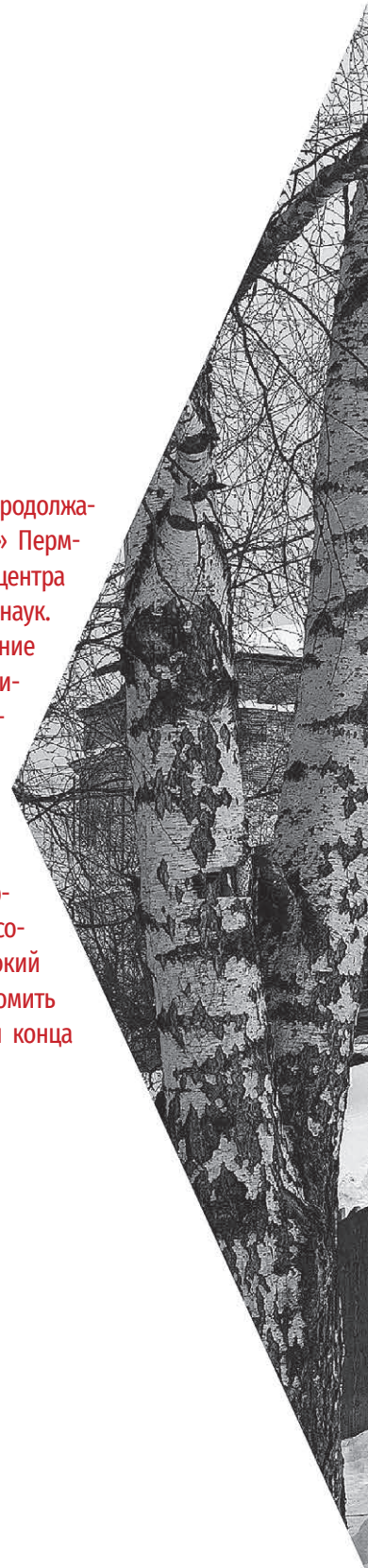
Рецензенты:

Адоньева Светлана Борисовна,
доктор филологических наук, профессор кафедры
истории русской литературы филологического
факультета Санкт-Петербургского государственного
университета, директор АНО «Пропповский центр:
гуманитарные исследования в области
традиционной культуры»
(г. Санкт-Петербург)

Лызлова Анастасия Сергеевна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Сектора фольклористики и литературоведения
(с фонограммархивом) Института языка, литературы
и истории КарНЦ РАН
(г. Петрозаводск)

О настоящем сборнике

Предлагаемый вниманию читателя сборник продолжает серию публикаций «Фольклорный архив» Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. Основная задача серии – комплексное издание фольклорных собраний: архивных и экспедиционных материалов. Актуальность всего проекта «Фольклорный архив» и публикации сборника «Русские сказки Пермского края» обусловлена потребностью в сохранении и презентации этнокультурного и фольклорного наследия народов России. Публикация архивных материалов позволяет независимо от состояния архивных фондов включить их в широкий общественный и научный контекст и познакомить читателей с состоянием сказочной традиции конца XX – начала XXI в.

Первый сборник серии был посвящен сказочному репертуару исполнительницы из села Русский Сарс Октябрьского района Пермского края Евдокии Никитичны Трясциной (1922–2011)¹. Настоящий сборник отличается от предыдущего тем, что в него включены сказки, записанные от многих исполнителей из русских сел и деревень разных районов Пермского края. В книге представлены все сказочные тексты, записанные в регионе разными собирателями – участниками фольклорных и этнографических экспедиций с конца 1970-х гг. и вплоть до настоящего времени. К текстам прилагаются аудиозаписи.

Сборник подготовлен на основе расшифровки аудиозаписей, которые представлены на флеш-карте. Мы пытались сохранять особенности устной разговорной речи, фиксируя их обычными средствами русского языка, без введения транскрипции и дополнительных знаков, обозначающих фонетические особенности. В качестве иллюстраций использованы фотографии, сделанные во время экспедиций в разные районы Пермского края.

¹ Сказки Евдокии Никитичны Трясциной (серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020.

*Зима. Поселок Ярино
Добрянского района, 2020*

В сборнике мы постарались показать материал, собранный в конце XX – начале XXI в., который наиболее ярко характеризует и сказочную традицию, и личность исполнителя в пермской сказочной традиции. К сожалению, в целом ряде случаев информация о сказочниках, истории их жизни и интересах, сведения об источниках их репертуара далеко не полны, в ряде случаев неизвестны их полные имена и отчества. Лишь по отдельным репликам иногда удается восстановить некоторые недостающие сведения.

Публикуемые фольклорные тексты снабжены соответствующими научными комментариями, словарем устаревших и диалектных слов, архивными фотографиями и материалами, в сборник также помещен список аудиоматериалов с QR-кодами для доступа к интернет-ресурсам, посвященным проекту. В основу структуры сборника положен географический принцип. Разделы классифицированы по отдельным районам и населенным пунктам Пермского края.

Нашей целью было показать, какой была сказочная традиция на территории Пермского края в конце XX – начале XXI в. Состояние сказочной традиции в наше время можно охарактеризовать словами «уходящая натура». Встретить сказочника, способного не просто передать сюжет, а рассказать сказку, создавая текст для слушателя, наполняя его особыми, «своими», деталями, – большая редкость.

Найти человека, который может пересказать сказку, услышанную в детстве, тоже непросто. Из деревень уезжает молодежь, в них все меньше семей с детьми – основными слушателями сказок. Даже наиболее талантливый исполнитель, не рассказывая сказки постоянно, забывает их. Поэтому не всегда сказки, включенные в этот сборник, представляют собой развернутые сказочные тексты. На состояние сказочной традиции влияют и книга, и массовая культура: сказки наполняются новыми, не свойственными им деталями, сказочники в ряде случаев не воспроизводят традицию, а создают авторские тексты, превращая фольклорную сказку в подобие сказки литературной. Все эти изменения в сказочной традиции мы и пытались показать в нашем сборнике.

*Тарелка деревянная с текстом:
«ХЛЪБЪ СОЛЬ ЪШЪ ПРАВДУ
РЪЖЪ 1905 ГОДА».
Очерский краеведческий
музей*

*Сток сена в окрестностях
села Аспа Уинского района, 2008*

*«...дню не дневать, часу не чосовать,
в смоле скипетить этого парня,
бросить в смолу...»*

Рассказывание сказок в прошлом носило сакральный характер. Так, у русских Прикамья не разрешалось рассказывать сказки летом, когда скот пасли в поле, потому что животные могли заблудиться. Часто в экспедициях, которые в основном организовывались в летние месяцы, мы сталкивались с ситуацией, когда информаторы отказывались рассказывать сказки: «За сказками приезжайте зимой, когда скот дома». В русских быличках Прикамья встречается сюжет, в котором герой, рассказывая сказки, побеждает нечистую силу. Однако отношение к сказке изменилось, теперь их рассказывают «по поводу» в любое время.

Вошедшие в сборник сказки записаны от разных людей, многие из которых являются потомственными сказочниками. Так, Лукерья Михайловна Петухова из д. Асюл Бардымского района знает сказки, которые рассказывала ей мать. Она довольно точно передает сюжеты известных ей текстов. Однако сказочница не помнит всех деталей сюжета. Так, в сказке о Марко Сыробогадом довольно путано передается начало сюжета. В то же время исполнительница явно использует приемы из сказок матери, запомнившиеся ей с детства. В сказке о Марко Сыробогадом встречается формульная вставка в виде диалога:

- Ты, уосподи, здися?
- Да, здися.
- У кузнеца восьмой сын родился. Чем его благословишь?
- Марко Сыробогадого имёнём.

Рассказывая о содержании писем, фигурирующих в сказке, Лукерья Михайловна также прибегает к формулам: «...дню не дневать, часу не чосовать, в смоле скипетить этого парня, бросить в смолу...», «А тот погледел, прочитал, дунул да плюнул, это... На бумажке-то: “Дню не дневать, часу не чосовать, с дочерью повинчать”».

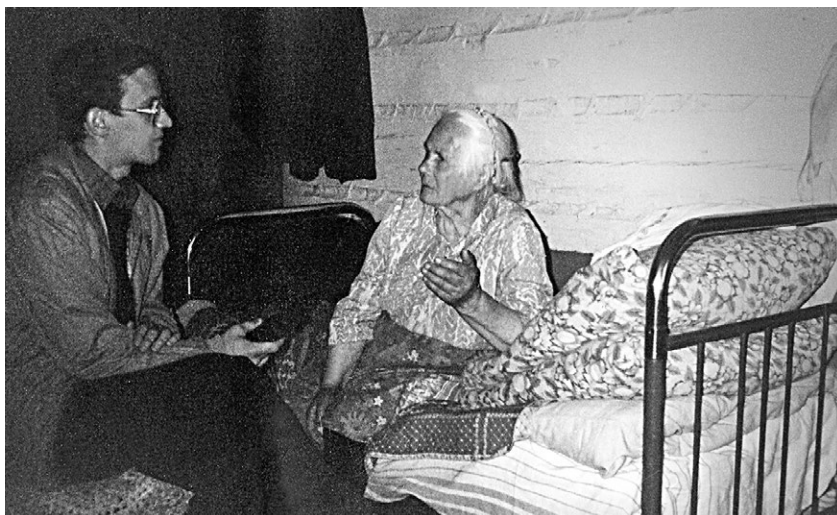
*Прялка. Нач. XX в.
Александровский краеведческий музей*

Вид на село Кын Лысьвенского района

Совершенно иначе рассказывает сказки Евдокия Николаевна Новикова из д. Перино Карагайского района. Она пытается импровизировать, и сюжет широко распространенной сказки «Медный лоб» (СУС 502) приобретает индивидуальные черты. Вместо Медного лба царь пленяет лешего, и невольным помощником в пленении лесного хозяина становится мужик, который «несёт лисичь да куничь, разных зверьков». Чтобы поймать лешего, войско царя идет «цепью, чтоб от дружка несколько уж не отходя, не пропустить чтобы ёво». По-своему рассказывает сказочница и эпизоды, связанные с наветами на царевича, например появляется мотив попытки отравления царя, который вообще не свойственен русской сказке. Необычно решается сказочником и мотив самой битвы – герой побеждает вражеское войско

*Запись фольклорных текстов
А. В. Черных от Любови
Яковлевны Мелкозеровой,
1910 г. р. Село Шарынино
Ординского района, 1997*

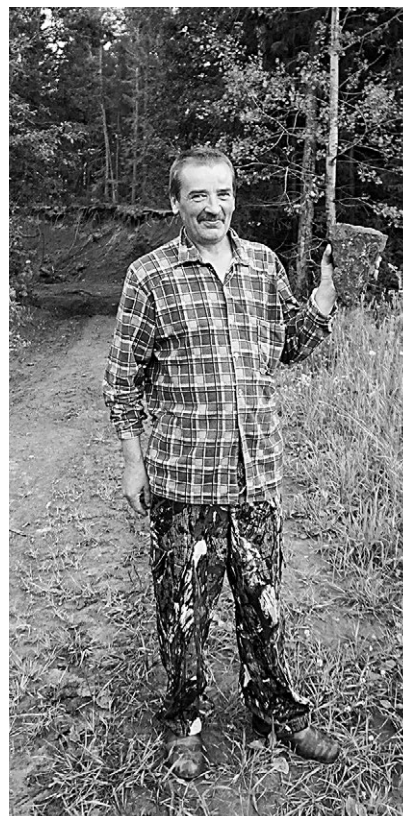
² Черных А. В. Вновь к вопросу о бытовании былин в Пермском Прикамье // Традиционная культура. 2020. № 4. Т. 21. С. 29–40.

³ Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М., 1962.

с помощью палки-самобойки. Красочна речь персонажей этой сказки. Так, царь, уговаривая дочь выйти замуж за ложного героя, произносит: «Да ты что дурака валяшь? Смотри, ты за того не пошла, скандал наделала, да счас за этого опять не идёшь. Он нам землю завоёвал, а ты не идёшь за его».

Уникальны сказки Любови Яковлевны Мелкозеровой из с. Шарынино Ординского района. Они представляют собой прозаические пересказы былин. Возможно, мать и тетка сказочницы исполняли былины², но, скорее всего, и они знали лишь прозаические пересказы известных былинных сюжетов. В данном случае мы вряд ли можем говорить о разрушенной форме былинной традиции, то есть о том, что А. М. Астахова называла «побывальщиной»³.

*Иван Семенович Бобров,
1965 г. р. Село Бым
Кунгурского района, 2019*

Тексты Любви Яковлевны – это «героические сказки», связь которых с былинами прослеживается только на уровне сюжета. Структура и стиль этих текстов полностью соответствуют жанру сказки. В некоторых текстах сохранился былинный зачин:

*У князя Владимира было пирóваньё, было столóваньё.
И все при беседушке росхвасталися.
Кто хвастат силою, хто хвастат молодой женой,
хто хвастат старой матерью,
Хто хвастат добрым, добрым конём⁴.*

Сохраняется у сказочницы и образный мир былин: Добрыня сражается со змеей на Почайной реке, сама змея обитает в Сорочинских горах.

*Вид на село Алтынное
Октябрьского района, 2010*

В этих сказках соединяются былинные и сказочные образы. Так, Степан-царевич сражается не с братьями-змеями, а с соловьями-разбойниками, которых называет Идолище Поганое. Сюжет развивается в соответствии со сказочным сюжетом «Бой на Калиновом мосту» (СУС 300А), однако в финале герой привязывает Соловья-разбойника к седлу и везет к князю, где и заставляет пленника свистеть, чтобы доказать свою победу. Этот эпизод, безусловно, восходит к былинному сюжету об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

⁴ Ср. с вариантом из сборника П. Н. Рыбникова, № 25 (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. М.: Типография А. Семена, 1909).

Очень интересны сказки Прасковьи Григорьевны Нефедовой из д. Нижнее Залесное Осинского района. От нее записано три сказки на широко распространенные в русской традиции сюжеты. Они характеризуются сказочной образностью и поэтикой. Так, в сказке про Анну Снегурку традиционная песенная вставка, в которой рассказывается об убийстве девушки, дополнена множеством деталей. Они указывают на место захоронения, растение, выросшее на могиле, на появление двух бурлаков, которые делают дудочку, и т. п. В сказке о мальчике и ведьме исполнительница использует необычную финальную формулу: «Меня на свадьбу приглашали, на пир. Я издила на пир. Щай с мёдом пила. Мёд по носу бежал, в рот не попал. И напилася пьяная. Напилася... А это осенью было дело-то, уж холодненькё. Поехала... На лошодё была. Лошедь со мной была. Поехала домой-ту, оне мне дали зипун синёй да шапку. Ехала, ехала – в лог заехала. Там огород стоит, чё-то, видно, это, был заогороженной. Скотину, скотину, раньше-то {ве}дь огороды были, скотину выпускали, идь не пасли раньше токо скотину-ту. Вот сидит синюшка на огороде и кричит: “Шапка с пухом, шапка с пухом”. Мне пьяной-то слышалось: “Щирей в ухо! Щирей в ухо! Щирей в ухо!” Я россердилась, раз – шапку бросила...».

Отличаются оригинальностью и сказки Александры Егоровны Токаревой из с. Токари Очерского района. От нее было записано девять сказок. Александра Егоровна представляет редкий тип сказочницы-импровизатора. Она легко соединяет в сказках разные сюжеты и делает это необычайно органично. В сказки вводятся дополнительные сюжетные линии и персонажи. Так, в распространенном в Пермском крае сюжете о зверях в яме появляется кот, запряженный в санки, и Дуня, которая на этих санках едет «по миру кусочки собирать». В сказке «Про медведя липовые ноги» сказочница использует повторы, рассказывая о спасении стариков от медведя. Обычно сказочники выбирают счастливый или печальный финал для сказок этого сюжетного типа: медведь либо съедает стариков, либо они спасаются. Исполнительница выбирает счастливый финал, но создает психологическое напряжение: медведь приходит к героям дважды.

Александра Егоровна наполняет свои тексты различными деталями, которые объясняют причины событий, происходящих в сказке. Так, в сказке про Иванушку и его невесту она объясняет, что герой заблудился в лесу, потому что его дедушка, «как я, глухой был». В сказке про Зеленую голову сказочница отмечает, что девушка «чё-то придумала» и вызвала к себе Зеленую голову, которую потом испугалась. Исполнительница

*Александра Егоровна Токарева,
1924 г. р. Село Токари
Очерского района, 2014*

*Александра Фокеевна
Сторожева, 1913 г. р.
Деревня Усть-Уролка
Чердынского района,
1980-е*

активно использует сказочные формулы: «Я у их бывала, пиво пивала, по носу бежало, в рот не попало. Дали мне шлык – я под ворота швырк. Дали мне шапочку писану. Птичка летит, го{вори}т: “Чашечка писаная, чашечка писаная”. Я думала “обдристаная”, взяла да свистнула. На мне была юбка полосата. Птичка летит, г{овор}ит: “Юбка полосата, юбка полосата”. Мне слышится, глухая дак: “В юбке поросята, в юбке поросята”. Опять снела, бросила. Синей кафтан ишо на мне был. А птичка летит и говорит: “Синь да хорош, синь да хорош”. А мне слышится: “Скинь да положи, скинь да положи”. Я свернула, положила под коко́рку, и щас не знаю, под которой. Вот и всё» и песенные вставки: «Увы-увы, волчок. / На горе старичок. / Старичок, старушка, / Парничок да девка, / Три овечки, два телёнка, / Сивой конь вороной...».

Еще одной замечательной сказочницей оказалась Мария Васильевна Мосеева из с. Советна Суксунского района. Ее репертуар включает большие развернутые тексты. Они наполнены необычными деталями и персонажами. Так, герой продает глупому попу чугунку-самокипку, героиню от разбойников спасает милиция. Исполнительница рассказывает новеллистические сказки, что обычно не свойственно женскому репертуару. Сказочница соединяет отдельные эпизоды в развернутые повествования о хитрых героях.

Прекрасные сказки были записаны в д. Усть-Уролка Чердынского района от Александры Фокеевны Сторожевой и Варвары Михайловны Сторожевой. Семь записанных от них текстов отличает богатство и разнообразие сказочной поэтики.

Морозко в сказках Варвары Михайловны скачет «по ельницам, по березницам, по цястым боркам, по верётникам», герой уговаривает избушку повернуться «к лесу задком, ко мне передком». Александра Фокеевна любит подробности, поэтому часто рассказывает о дальнейшей судьбе героев. Так, в сказке «Закаменный лес» один из братьев становится царем, а второй «тожо каким-то, заместителем». Сказочница создает авторские тексты на основе известных ей фольклорных сюжетов. Характерным примером является текст о том, как царь сыновей женил («Про Светлану»). В его основе – один из наиболее распространенных в русской традиции сюжетных типов «Царевна-лягушка», который сказочница превращает в запутанное действие с тремя стариками и их чудесными подарками. В сказке «Норушка» Варвара Михайловна использует сюжет о падчерице, посланной за огнем к Бабе-яге. Однако вместо привычной сказки о девушке получившей огонь за доброту, в этом варианте у сказки печальный конец. Репертуар Александры

Фокеевны включает и довольно редкий сюжет о девушке, которая заставляет черта носить ей разные вещи. В большинстве известных вариантов героиня делает это до того момента, как запоет петух. У Александры Фокеевны героиня убегает от черта: «...она назадь пятками, назадь пятками и убижала».

Нина Андреевна Чечихина из г. Чернушка Чернушинского района представляет тип сказочников, тяготеющих к книжной традиции. В ее репертуаре есть тексты, являющиеся пересказами произведений из книги В. И. Воробьева «Сказки по мотивам русского фольклора»⁵. Однако даже пересказывая литературный текст, Нина Андреевна

*Варвара Михайловна Сторожева.
Деревня Усть-Уролка
Чердынского района, 1978*

*Нина Андреевна Чечихина,
1924 г. р. Город Чернушка,
2006*

*Евдокия Филипповна Петухова,
1925 г. р. Село Аспа
Уинского района, 2008*

творчески его перерабатывает. Так, у писателя персонаж, ворующий горох, описан следующим образом: «...башка у вора рогатая, морда весёлая, глаза озорные, борода и усы травяные, брови моховые.

⁵ Воробьев В. И. Сказки по мотивам русского фольклора. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1973. – 133 с.

А из рук и ног ветки с листьями растут»⁶. Сказочница создает другой портрет: «Голова человечья, на голове ушки высокие торчат, а глазки такие нежные, такие ласковые, как будто розговаривают с Иванушкой, но слов пока не слышно. Хвост длинный, крючком. Усы из травы вставленные, а из рук и из ног ветки торчат». Таких примеров в ее сказках довольно много. Однако есть в репертуаре сказочницы тексты, которые явно имеют несколько литературных источников, но при этом являются не пересказами книжных текстов, а творчеством самой Нины Андреевны. Так, в сказке «Репка и Медведко» сказочница объединила несколько сюжетных типов. Начинается сказка сюжетом о девочке, появившейся из запаренной репы, потом исполнительница вводит элементы сюжета из сказки «Маша и медведь», затем вставляет эпизод о рождении сына от медведя и завершает сказку весьма нетипичным вариантом сюжетного типа «Три подземных царства».

⁶ Воробьев В. И. Указ. соч. С. 82.

Оригинальные сказки записаны и от Татьяны Петровны Никитиной из д. Мухоморка, Ксении Григорьевны Сакулиной из д. Осинка, Анны Ивановны Овчинниковой из д. Елога, Марии Константиновны Найдановой из д. Носкова, Анны Ивановны Суворовой из д. Ефремова и других, представляющих русскую сказочную традицию Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

*Татьяна Петровна Никитина,
1939 г. р. Деревня Мухоморка
Юрлинского района,
2015*

*Мария Терентьевна Пурик,
1945 г. р. Поселок Северный
Коммунар Сивинского района,
2019*

*Агния Ивановна Петрова,
1935 г. р. Деревня Оралово
Красновишерского района,
2020*

Состояние сказочной традиции Пермского края в конце XX – XXI в., безусловно, свидетельствует о ее затухании. Однако сказочники стремятся сохранить сказочную обрядность, формульность, верность сюжетной схеме текста. В то же время в этих сказках заметно усиление описаний и детализации, внимание к психологии героев, намерение создать оригинальные тексты, тяготеющие к литературным образцам. Можно говорить о попытках некоторых сказочников стать «авторами» сказочного текста, именно этим объясняются литературные приемы, которые используют некоторые исполнители.

Из истории собирания и изучения пермских сказок

Собирание и изучение сказок в Пермском крае имеет более чем двухвековую историю. Первое упоминание о сказочном репертуаре пермских сказочников мы находим в книге Василия Николаевича Берха⁷. Историк, офицер русского флота, он в 1811–1821 гг. служил советником Пермской казенной палаты, собирал исторические документы. В. Н. Берхом были организованы три экспедиции на север Прикамья (1815, 1818, 1819), в ходе которых историк изучал археологические памятники, собирал письменные документы, записывал народные предания⁸. В деревне Ветлан Чердынского уезда он встретился с Настасьей Тимофеевной Девятковой, которая знала немало сказок. В. Н. Берх хотел найти «новые», еще неизвестные сказочные сюжеты, поэтому не считал нужным записывать сказки, но, к счастью, зафиксировал репертуар сказочницы⁹. В. Н. Берх так описывает эту встречу: «Усмотря между моими посетительницами одну пожилую и умную женщину, спросил я ее, не может ли она в вознаграждение рассказать мне несколько старинных повестей или сказок? Настасья Тимофеевна Девяткова отвечала, что она готова удовлетворить любопытство мое и надеется успеть в сем более потому, что в целой округе нет женщины, которая бы так искусно повивала и рассказывала повести, как она. Обрадованный такою счастливою находкою, приготовился я слушать ее со всевозможным вниманием... Г-жа Девяткова предлагала мне: Илью Муромца, Ивашку белую рубашку, Царя Соломона, Данила безчастного, Соловья разбойника, Ивана царевича и, услышав, что все сии сказки мне известны, сказала, постой же, я расскажу тебе о Перяной кикиморе, которую ты верно не знаешь... Я выслушал еще и другую о Пелиторском короле и дочери его Мангалете, но не нашел в этом ничего нужного»¹⁰. Сообщение В. Н. Берха остается одним из первых свидетельств об активном бытовании в Прикамье былинных и сказочных текстов, а Н. Т. Девяткову из д. Ветлан можно считать первой из пермских сказочниц, известных фольклористам.

Вероятно, первой записью сказки Пермской губернии можно считать запись Л. Д. Питерского, который в 1859 г. опубликовал в «Пермском сборнике» сказку на популярный в русской традиции сюжет «Лиса-исповедница» (СУС 61А)¹¹. Считается, что она была записана в 1840 г. от Петра Сидоровича Казакова, бывшего рабочего Мотовилихинского завода. Этот текст опубликован и в сборнике А. Н. Афанасьева, где представлено почти сорок сказок, записанных в Пермской губернии¹².

*«Настасья
Тимофеевна
Девяткова отвечала,
что она готова
удовлетворить
любопытство мое
и надеется успеть
в сем более потому,
что в целой округе
нет женщины,
которая бы так
искусно повивала
и рассказывала
повести, как она»*

⁷ Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

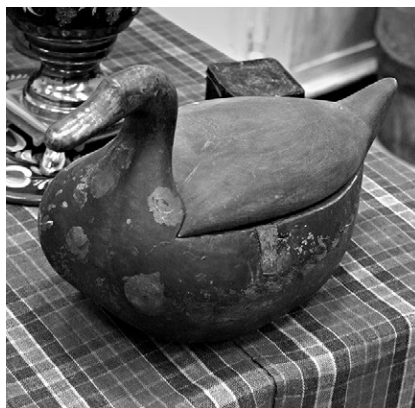
⁸ Бруцкая А. А. Берх В. Н. // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 83.

⁹ Берх В. Н. Указ. соч. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 114–115.

¹¹ Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. Отд. 2. С. 127–128.

¹² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957. Т. 1–3. № 16.

*Солонка-уточка. Нач. XX в.
Уинский краеведческий музей*

Общественный и научный интерес к фольклору, в том числе и к его собиранию, активизировался в России в середине XIX в. Одним из значительных собраний пермских сказок этого периода следует считать корпус сказок, записанных братьями П. А. и А. А. Вологдиными и опубликованных П. А. Вологдиным в 1863 г. в нескольких номерах газеты «Пермские губернские ведомости»¹³. Всего в публикации приводится двадцать сказочных текстов, в числе которых сказки о животных, волшебные, бытовые и докучные сказки. Далеко не все тексты сказочной прозы в публикации П. А. Вологодина сопровождаются указанием на место записи: Соликамский и Оханский уезды, г. Усолье, завод Добрянка и село Кудымкар. К собранию сказок братьев Вологдиных неоднократно обращались фольклористы при публикации пермских сказок. Д. К. Зеленин отмечал: «...записанные братьями Вологдиными сказки перепечатываются мною все полностью»¹⁴. Несколько сказок из этого собрания вошло и в сборник А. Спешилова¹⁵.

Новая страница в истории собирания и публикации сказочных текстов связана с выходом в свет сборников А. Н. Афанасьева. Сказки для своего сборника А. Н. Афанасьев находил преимущественно в архиве Русского географического общества, а также привлекал материалы из нескольких томов «Пермского сборника»¹⁶. В сборнике А. Н. Афанасьева представлены сказки таких пермских собирателей, как Н. Бодров (сказка «Лиса-повитуха» (Афанасьев 10), записанная в Чердынском уезде), С. П. Бувеский (сказки «Пузырь, соломинка и лапоть» (Афанасьев 88), «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» (Афанасьев 174), «Три копеечки» (Афанасьев 218), записанные в Кунгурском уезде), Д. М. Петухов (сказки «Чудесная рубашка» (Афанасьев 208), «Хорошо, да худо» (Афанасьев 417), «Дорогая кожа» (Афанасьев 447), «Крест-Порука» (Афанасьев 450), «Об отце Николае» (Афанасьев 451), «Христов крестник» (Афанасьев доп. 2), «Риза на иконе» (Афанасьев доп. 3), «О хитрости царя Соломона» (Афанасьев доп. 35), записанные в Соликамском и Пермском уездах), А. Сергачев (сказка «Мудрая девица и семь разбойников»

¹³ В «Пермских губернских ведомостях» в 1863 г. (№ 32–33; 36–44) напечатаны «Материалы для этнографии Закамья. Из сборника П. А. Вологодина». В «Материалах...» опубликованы и 20 сказочных текстов. См.: Материалы для этнографии Закамья: Сказки, говоримые детям // Пермские губернские ведомости. 1863. № 38–44.

¹⁴ Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. М., 1991. С. 459.

¹⁵ Сказки Прикамья / собрал и обработал А. Спешилов. Пермь, 1971.

¹⁶ Пермский сборник. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1859. Кн. 1; Пермский сборник. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1860. Кн. 2.

Дом в селе Мостовая Октябрьского района, 2010

(Афанасьев 345)¹⁷). Опубликовано в сборнике А. Н. Афанасьева и пермские сказки неизвестных собирателей. К ним относятся «Гусли-самогуды» (Афанасьев 238), «Ночные пляски» (Афанасьев 299), «Солдатская загадка» (Афанасьев 392), несколько докучных сказок записано в Чердынском уезде (Афанасьев 536–539). Несколько сказок А. Н. Афанасьев заимствовал из сборника Васильева¹⁸: «Медведь» (Афанасьев 57), «Мертвое тело» (Афанасьев 396), а также народный анекдот о сватовстве Мартынки (Афанасьев 519). Все эти тексты записаны в Осинском уезде. Часть пермских материалов была опубликована А. Н. Афанасьевым в сборнике «Народные русские легенды»¹⁹.

*На сельской улице.
Деревня Нижний Тымбай
Куединского района, 1994*

¹⁷ В комментариях отмечено только, что сказка записана в Пермской губернии.

¹⁸ Васильев. Этнографические сведения о России (РГО. Р. XLVIII. Оп. 1. № 18. Л. 1 об. – 4 об.).

¹⁹ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1859.

Собирание фольклора в рамках деятельности РГО велось довольно активно во всех губерниях России. Тексты записывали сельские и городские учителя, врачи, студенты, духовенство, чиновники, владеющие грамотой крестьяне. Разработанная РГО этнографическая программа была напечатана в 7000 экземплярах и разослана по губерниям «с целью собрать сведения о простом русском человеке, о народном быте коренного русского населения во всех его оттенках». Значительное место

занимали в программе вопросы, связанные с описанием языка «во всем разнообразии его местных наречий», с народными преданиями. Записи «памятников русской народной жизни» печатались в Этнографическом сборнике общества в том виде, в котором они были получены от собирателей (без малейших изменений, «из буквы в букву»).

Записи текстов в соответствии с предложенной программой прислали и пермские корреспонденты, записавшие сказки в Кунгурском, Осинском, Чердынском, Соликамском уездах. Значительная часть сказок из этих корреспонденций вошла в сборник А. Н. Афанасьева. Так, Савва Петрович Бувеский прислал в РГО рукопись, состоящую из двух частей, первая из которых была озаглавлена так: «65 загадок, 67 провинциальных слов, 9 присказок, 6 сказок, 18 песен, собранных в Кунгурском уезде»²⁰. Именно из этого собрания А. Н. Афанасьев выбрал несколько текстов для своего сборника. Дмитрий Михайлович Петухов записывал сказки в Пермском и Соликамском уездах Пермской губернии, и несколько текстов из его собрания также были использованы А. Н. Афанасьевым. Михаил Иванович Суряков, учитель из Соликамского уезда, передал в Академию наук сказку, записанную одним из его учеников («Сказка о Дуньке-дурке и Ясном Соколе»²¹). Василий Паламожных, также учитель из Соликамского уезда, предоставил в архив РГО записи сказок, которые сделали его ученики и их родители в рамках программы описания севернорусских говоров²².

Во второй половине XIX в. интерес к фольклору Пермской губернии проявил Василий Никифорович Шишонко, занимавший пост инспектора народных училищ Пермской губернии и активно интересовавшийся историей и культурой Урала. Он и сам записывал фольклорные тексты, и получал много материалов из разных сел Пермской губернии. В. Н. Шишонко готовил к публикации книгу «Народное творчество Пермской губернии», однако в свет вышел лишь небольшой сборник «Отрывки из народного творчества Пермской губернии» (Пермь, 1882 г.). В основном это песенные материалы, собранные учителями народных училищ Пермской губернии. В них хорошо отражено состояние песенной традиции (как сельской, так и городской, рабочей) к концу XIX в.²³ Другие неопубликованные материалы, в том числе и тексты сказок, находятся в личном фонде собирателя в Государственном архиве Пермского края.

В конце XIX в. в Русском географическом обществе была создана Сказочная комиссия, задачей которой являлось собирание текстов сказок и их изучение. В состав комиссии вошли знаменитые ученые А. А. Шахматов, А. Н. Пыпин, А. И. Соболевский, С. Ф. Ольденбург и др. Перед исследователями стояла задача «привести в известность все вообще

*«Я там был,
мёд-пиво пил,
по усам текло,
а в рот не попало.
А на дорогу мне
дали пива корёц –
тут и сказке
конец»*

²⁰ РГО. Р. XXIX. Пермская губерния. № 61. – 77 с.

²¹ В сборнике Д. К. Зеленина этот текст опубликован под № 67.

²² Программа для собирания особенностей народных говоров. Ч. 1: Программа для собирания особенностей северовеликорусской народности. СПб., 1896.

²³ Отрывки из народного творчества Пермской губернии / собрал В. Н. Шишонко. Пермь, 1882. – 331 с.

русские сказки» (С. Ф. Ольденбург). Предполагалось опубликовать не менее двенадцати региональных сборников сказок, собранных в разных губерниях страны. Программа сказочной комиссии активизировала собирательскую работу в регионах. В 1898 г. учитель начального земского училища в с. Козьмодемьянском Соликамского уезда Пермской губернии В. П. Паламожных доставил в Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук ответ на изданную Отделением подробную программу для описания северновеликорусских говоров. К своему ответу г. Паламожных приложил несколько сказок и песен, записанных местными крестьянами (в записях сказок исправлена народная речь: собиратели старались выражаться по-книжному, к тому же записывали сказки, видимо, не со слов третьих лиц, а по собственной памяти).

В 1917 г. в Петрограде вышел сборник «Великорусские сказки»²⁴, подготовленный Алексеем Матвеевичем Смирновым-Кутачевским. Среди 39 сказок, записанных в пределах Урала, можно назвать кунгурскую шутиливую сказку записи 1848 г. «Семилетка», а также тексты без указания места фиксации «Правда и кривда», «Приключения солдата», записанную в Нытве сказку «Воевода и мужик», стихотворное изложение сказок «Колобок», «Терем мухи», «Ёрш», записанных в Соликамском уезде в 50-х гг. XIX в., а также «Сказку о Лешаке», «О лисице и волке», страшную сказку «Василиса Прекрасная» (о том, как чудовище по имени Хам съело девушку, которая шла за огнем в другую деревню).

Летом 1900 г. на р. Вишера и р. Колва в Чердынском уезде побывал фольклорист Николай Евгеньевич Ончуков. Его главной целью был поиск былин и былинных сюжетов в Северном Прикамье. Однако Н. Е. Ончукову не удалось записать былины в Чердынском уезде, за исключением нескольких небольших фрагментов. По этой причине, видимо, собирательская деятельность в Северном Прикамье не была продолжена²⁵. В то же время фольклорист записал несколько сказочных текстов. Три сказки, записанные в Чердынском уезде, собиратель поместил в сборнике «Северные сказки» (Архангельская и Олонецкая губернии)²⁶.

Наиболее крупным собранием сказок Пермской губернии является сборник Дмитрия Константиновича Зеленина. Почти половину этого сборника составляют сказки, которые он записал осенью 1908 г. в Екатеринбургском уезде от Антона Демьяновича Ломтева. Всего за осеннюю экспедицию 1908 г. Д. К. Зелениным от русских исполнителей было записано 90 сказок, однако не все они вошли в сборник. Сказки западной части Пермской губернии, территории современного Пермского края, представлены в сборнике по известной уже публикации братьев Вологдиных. Д. К. Зеленин

²⁴ Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Выпуски I и II. Записки русского географического общества по отделению этнографии. Том XLIV. Петроград: Типография Российской Академии наук, 1917.

²⁵ Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре. СПб., 1902. С. 18–19.

²⁶ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1908. Т. XXXIII; в сборнике пермские сказки опубликованы под № 225–227.

опубликовал четыре сказки из с. Козьмодемьянского Соликамского уезда (современный Карагайский район), присланные в Отделение русского языка и словесности Академии наук учителем начального земского училища с. Козьмодемьянского В. П. Паламожных²⁷. Сборник Д. К. Зеленина получил высокую оценку научной общественности²⁸. До настоящего времени книга «Великорусские сказки Пермской губернии» считается наиболее полным, «классическим» собранием уральских сказок.

*Наличник.
Деревня Нижний Тымбай
Куединского района,
1994*

²⁷ Северные сказки... С. 465.

²⁸ Ольденбург С. Ф. Собрание русских народных сказок в последнее время // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Т. 64. № 8. С. 304.

Казалось бы, в дореволюционной России пермская сказочная традиция была хорошо представлена и изучена. Однако это не совсем так. Пермская губерния занимала огромную территорию. Административные изменения в XX в. привели к тому, что многие записи XIX в., выполненные на территории Пермской губернии, оказались отнесены к современной Свердловской, Курганской или Челябинской областям. И лишь отдельные записи были сделаны на территории собственно Пермского края.

Даже книга Д. К. Зеленина, традиционно считающаяся сборником сказок пермской традиции, отражает преимущественно сказочные традиции Среднего и Южного Урала.

После революции 1917 г. работа по собиранию сказок была продолжена. Следует отметить деятельность В. Н. Серебренникова. Начав свою собирательскую деятельность в 1900-е гг. в Оханске, он подготовил ряд публикаций, фиксируя свадебную обрядность. В. Н. Серебренников записал около 1000 загадок, опубликовал похоронные причитания, духовные стихи, заговоры, песни²⁹. Записывал он и сказки³⁰. В 1941 г. должен был выйти сборник фольклора Прикамья, но война помешала этому. Издание увидело свет только в 1964 г.³¹ В книгу включено около тридцати текстов (сказки о животных, волшебные и бытовые сказки, анекдоты). Не все они атрибутированы, но можно предположить, что большинство из них записано в Оханском уезде Пермской губернии.

Одна из наиболее интересных сказок коллекции – «О Пехтимке», записанная собирателем на родине, в с. Андреевка Оханского уезда. С образом главного персонажа Искорки соотносятся персонажи других восточнославянских сказок – Запечный Искр, Искорка Парубок, Матюша Пепельной (имена этих богатырей связаны с огнем, отражают идею неугасимого огня домашнего). Другой образ сказки – Змеевое царство (Змеиная земля) – представляет нижний, потусторонний мир. Злой лесной богатырь Пехтим, или Пехтим Иванович (имя происходит, скорее всего, из диалектного прозвища неловкого, неуклюжего *пéхтя*, откуда и пермское *пехтёрить* – делать что-либо крайне неаккуратно), живет в избе «о трёх углах» (что придает ему качества финно-угорского лешего, обитающего в треугольном доме типа чума). По сюжету сказка близка к известным сказкам о добывании героем невесты для своего врага (Искорка, пройдя череду испытаний, забирает дочь царя Юнделя Марфиду, которая в конце концов достается ему самому).

Активную собирательскую работу вел в первой половине XX в. и П. С. Богословский. Основной сферой его интересов был песенный фольклор, но записывал ученый и сказки. К сожалению, они практически не публиковались³² и в настоящее время хранятся в личном фонде собирателя в Государственном архиве Пермского края³³.

В 1962 г. в Перми выходит сборник сказок А. Спешилова. В нем около двадцати сказочных текстов. Часть сказок при этом была заимствована из опубликованных сборников А. Н. Афанасьева и Д. К. Зеленина, из рукописей В. Н. Серебренникова, несколько сказок было записано самим А. Спешиловым в деревнях Пермской области. Все тексты даны

²⁹ Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии // Материалы по изучению Пермского края. Вып. 4. Пермь, 1911; Из похоронных причитаний. Стихи духовного содержания, записанные в селе Пихтовка (Елеси тож) Оханского уезда Пермской губернии // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. Вып. 2. Пермь, 1917; Загадки как народное развлечение. Пермь, 1918; Народные заговоры, записанные в Оханском уезде Пермской губернии. Пермь, 1918; Из оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. Вып. 1. Пермь, 1924; Песни про разбойников // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 4–5; Из солдатских песен бывшего Оханского уезда // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926.

³⁰ Оханская сказка про Пехтимку // Пермский краеведческий сборник. Вып. 4. Пермь, 1928.

³¹ Меткое слово. Песни. Сказки: Сборник дореволюционного фольклора Прикамья. Пермь, 1964.

³² Несколько текстов П. С. Богословского опубликовано в книге: Русские народные сказки Пермского края. Пермь, 2004.

³³ Государственный архив Пермского края. Фонд Богословских (Ф. 973).

в литературной обработке. Сказка «Сила великая» рассказывает о богатыре, который победил трех чудищ, живших в недрах уральской земли (записана в с. Слудка бывшего Пермского уезда), сказка о разбойниках «Усы – удалые молодцы» зафиксирована в начале XX в. в Усолье (представляет собой сказочное переложение опубликованной Киршей Даниловым в конце XVIII в. народной скоморошеской песни). В сборник включена также «Сказка о богатыре Васе Балабурде», персонаже,

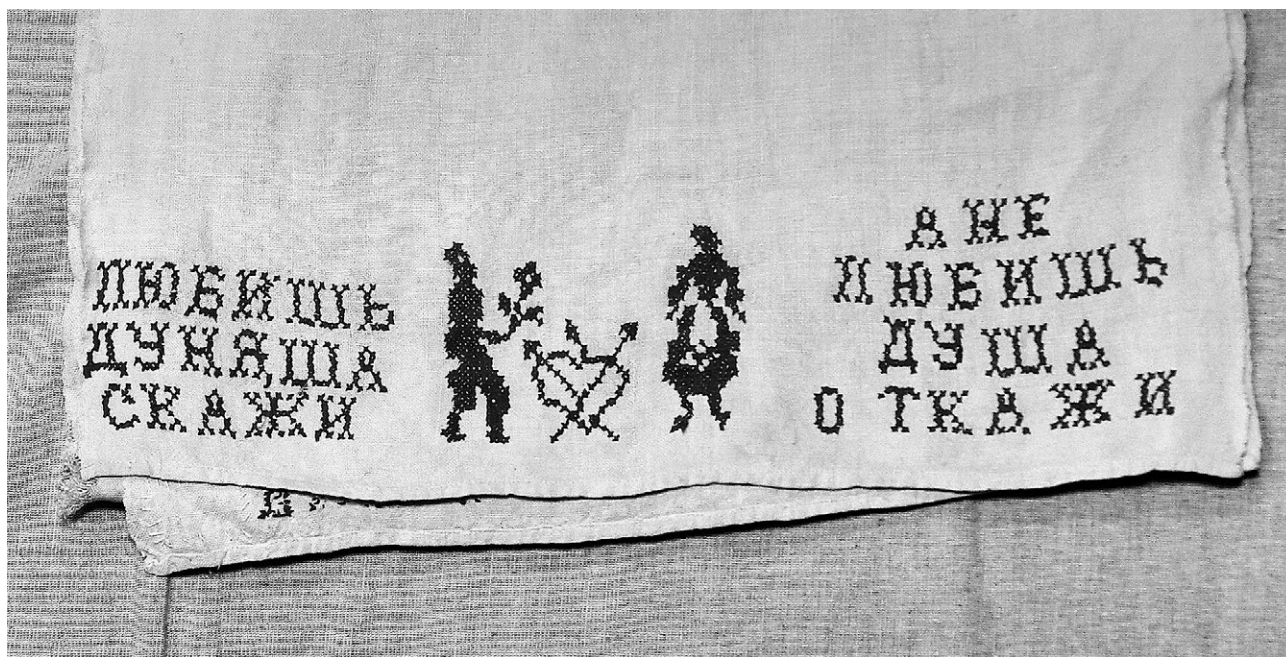
*Усадьба «на три коня»
в селе Молебка
Кишертского района, 2008*

знакомом по рассказу Д. Н. Мамина-Сибиряка о некогда знаменитом чувовском силаче Василии Балабурде, который мог перенести с места на место восемнадцатипудовый якорь. Его имя, видимо, тюркского происхождения, близкое к слову *белиберда*, которым обозначаются пустяки, чушь, чепуха, беспорядок, подчеркивает способность героя к выдумке. Ряд ученых, в частности М. Фасмер, считают, что слово *белиберда* образовано по принципу тюркских языков, в подражание экзотичной для русских татарской речи.

Итогом многолетнего собирания сказочной прозы Прикамья известным пермским фольклористом И. В. Зыряновым стал сборник сказок «Старикова тайна» (1981). В него вошли тексты, записанные от русских в Красновишерском, Чердынском, Березовском, Оханском, Кунгурском, Чайковском районах, в п. Суксун и в Перми, а также от коми-пермяков в Кочевском районе и в п. Гайны. Первые встречи собирателя с народными сказочниками относятся к 1947 г.; сказки он записывал от рыбаков и охотников вишерских деревень, от гайнского старожила Григория Васильевича Мизева, от талантливой носительницы фольклорной традиции Марии Федоровны Девятовой из Чайковского района.

*Полотенце. Нач. XX в.
Очерский краеведческий музей*

В его книге опубликованы волшебные сказки (например, «Марья Моревна», «Двенадцать лебедей», «Сивка-Бурка»), солдатские («Солдат и торба», «Храбрый солдат»), бытовые сказки («Гришка Ярыжка – невытый нос», «Как вылечили сердитую жену»). Все тексты, вошедшие в сборник, были собраны самим И. В. Зыряновым в ходе экспедиций. Своей задачей автор ставил публикацию неизвестных текстов и новых вариантов широко распространенных русских сказок³⁴.

³⁴ Старикова тайна: Сказки Прикамья в записи И. В. Зырянова. Пермь, 1981.

В конце XX в. полевая собирательская работа в Прикамье вновь активизировалась. Экспедиционные отряды фольклористов и этнографов Пермского государственного университета (К. Э. Шумов, А. В. Черных) и Пермского государственного педагогического университета (И. А. Подюков) обследовали значительную часть территории Прикамья и существенно пополнили фонд фольклорных материалов, собранных предшественниками. Неоднократно записывались и тексты сказочной прозы, большая часть из которых к настоящему времени опубликована.

В 1999 г. на основе экспедиционных материалов был издан сборник «Ореховая веточка», в который вошли двадцать сказок, записанных от выдающейся пермской сказочницы Евдокии Никитичны Трясциной из с. Русский Сарс Октябрьского района Пермского края³⁵. Особенность издания в том, что оно представляет репертуар одной сказочницы. После выхода сборника от Е. Н. Трясциной было записано еще около сорока текстов, и в 2020 г. вышло дополненное издание сказок Евдокии Трясциной. Эти сборники – первая для Прикамья попытка публикации сказочного репертуара одного сказителя.

В 2000 г. пермский фольклорист И. А. Подюков издал сборник «Пермские сказки». В него вошло пятьдесят сказочных текстов, записанных в ходе экспедиций последних лет, в основном в Карагайском, Чердынском, Соликамском, Усольском и Осинском районах. Это сказки о животных («Про мужика и медведя», «Выл-выл волчок»), сказки волшебные («Царская дочь», «Закаменный лес», «Иван-Королевич и Леший», «Анна Снеженичка»), сказки бытовые («Сказка про зимогора», «Ленивый Касьян», «Про скупого попа»).

В начале XXI в. был издан сборник «Русские народные сказки Пермского края»³⁶. В него вошли не опубликованные ранее тексты пермских сказок. Большая часть их собрана в ходе фольклорно-этнографических экспедиций 1993–2003 гг. в различные районы Пермской области. В сборник включены также материалы из архивных собраний Пермского, Чердынского и Добрянского краеведческих музеев, Государственного архива Пермской области, фольклорного архива Пермского государственного университета. Сто пятьдесят сказочных текстов (включая варианты, представленные в примечаниях) сгруппированы по разделам: докучные сказки, сказки о животных, волшебные сказки, богатырские сказки, социально-бытовые сказки и сказки-притчи. Большинство из представленных в сборнике сюжетов сказок имеют широкое распространение и уже известны фольклористам, однако пермские варианты этих сказок позволяют представить региональный комплекс сказочной

*Наличник.
Деревня Мысы Пермского района,
2008*

³⁵ Ореховая веточка: Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Октябрьского района Пермской области / сост. А. В. Черных. Пермь, 1999.

³⁶ Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004.

*Рукомойник. Нач. XX в.
Оханский краеведческий музей.*

прозы со всеми присущими ему локальными особенностями, пермской диалектной речью, во взаимосвязи с фольклорными традициями других народов края. Современные варианты дают возможность исследовать особенности эволюции сказочных сюжетов, их сохранность и состояние.

В 2020 г. в рамках серии «Фольклорный архив. Пермский край» вышел сборник сказок уникальной пермской сказочницы Евдокии Никитичны Трясциной³⁷. В нем комплексно показан весь собранный материал, раскрывающий как особенности пермской сказочной традиции, так и своеобразие исполнительского мастерства. Материалы этого сборника на конкретном примере показывают состояние пермской сказочной традиции в конце XX – начале XXI в.

Многолетняя история собирания пермской сказки позволила выявить значительное количество текстов, в том числе уникальных. Пермских исполнителей отличает самобытная живая диалектная речь Пермского Прикамья, в текстах нашли отражение особенности местной жизни. В записях XX в. прослеживается книжная традиция, внимание к психологии героев, насыщение сказочного текста деталями. В то же время сказочники стараются сохранить сказочную обрядность, следуют канону сказочного повествования.

Сегодня отмечается возрастающий интерес к традиционной сказке: в Пермском крае проходят фестивали сказок и конкурсы сказочников (в п. Октябрьский в ноябре 2020 г. прошел уже IX краевой фестиваль сказок «Ореховая веточка», посвященный пермской сказительнице Евдокии Трясциной). Творческое наследие сказочников Пермского края является объектом научных исследований, сказочные традиции районов включены в каталог объектов нематериального культурного наследия Пермского края и в Федеральный каталог объектов нематериального наследия народов России.

³⁷ Сказки Евдокии Никитичны Трясциной (серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020.

Языку пермских сказок посвящено лишь одно объемное научное исследование – диссертация пермского исследователя П. Г. Стрелкова «Синтаксис пермских сказок»³⁸. П. Г. Стрелков считается основоположником диалектологического направления в Пермском государственном национальном исследовательском университете. Он участвовал в работе по созданию диалектологического атласа русского языка, руководил кружком, организованным для преподавателей кафедры русского языка и общего языкознания и студентов филологического направления историко-филологического факультета Пермского государственного университета, где обучал умению слышать и транскрибировать живую речь. Исследуя синтаксический строй пермской сказки (по собранию Д. К. Зеленина), П. Г. Стрелков обнаружил в сказочных текстах особую частотность конструкций с прямой речью, описал разнообразие их функций. Рассматривая смешение рассказчиками прямой и косвенной речи, он выявил, что прямая речь используется для комментирования сказочных действий и для самого сказочного повествования. Наблюдения за функциями прямой речи и сказочных диалогов позволили исследователю утверждать, что сказочная речь сближается с магическим словом обряда, с заклинанием, становится «эпически неторопливой»³⁹. Так, в финале сказки «Олёнушка и Бурёнушка» герой, совершая действие и произнося фразу, похожую на заговорную формулу, нейтрализует противника и добивается желаемого: «Потом его научили, как вобратно Олёну переверотить – баушка-задворенка дала ему веретёшко волшебное. Вот взял он его, переломил пополам и сказал: “За мной будь дьявол, передо мной Олёна”. Так ведьму прогнали»⁴⁰. Сакральность высказывания особенно ощутима на фоне конструкций с обратным порядком слов (*веретёшко волшебное...* с инверсией прилагательного, *взял он его...* с препозицией сказуемого), она усиливается благодаря использованию трехчастных структур (*взял, переломил и сказал*).

Народные сказки сохраняют особенности живой разговорной речи, именно этим они интересны и привлекательны для тех, кто чувствует язык и ценит меткое народное слово. Диалектная лексика в сказочных текстах придает им черты местного колорита: *валежѝна* (упавшее дерево в лесу), *берлѝг* (берлога), *ошпѝндить* (ударить плеткой), *очунѝть* (прийти в себя), *имѝть* (ловить), *испристѝть* (устать), *стручѝстый* (имеющий много стручков) и т. д. Отдельно можно выделить группу этнографических

*«Потом его
научили, как
вобратно Олёну
переверотить –
баушка-задворенка
дала ему веретёшко
волшебное. Вот взял
он его, переломил
пополам и сказал:
“За мной будь дьявол,
передо мной Олёна”.
Так ведьму
прогнали»*

³⁸ Стрелков П. Г. Синтаксис пермских сказок // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Отдел общ. наук. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 1–60.

³⁹ Там же. С. 36.

⁴⁰ Пермские сказки. Современный фольклор Прикамья / сост. И. А. Подюков. Пермь: ПРИПИТ, 2000. С. 30.

диалектизмов: *го́лбчик* (уменьш.-ласк. к голбец – широкая лавка у печи с люком в подполье), *чигу́нка* (объемный сосуд для варки пищи в русской печи), *голубни́ца* (чердак), *шестóк* (место перед устьем русской печи).

Характерной особенностью текстов народных сказок является обилие изобразительно-выразительных средств, которые демонстрируют богатство народного красноречия. С помощью многочисленных эпитетов изображаются, к примеру, идеализированные образы героев сказок: «Была у него жена, два сына да птица *диговинная*» («Про купца и его волшебную птицу»)⁴¹; «...а дом-от у во *большушишой, хорошушишой...*» («Иван-королевич и леший»)⁴²; «Потом видит: стоит между ёлок берёзка, сама *пряменькая, листья шёлковые...*» («Девушка-берёзка»)⁴³; «Сын подрост, стал *красавец писанный*, ну и ума не занимать – словом, всем хорош» («Отдай, чего не знаешь»)⁴⁴; «Прилетело перышко и принесло платье *хорошее, ботинки хрустальные и карету всю в золоте*» («Фифилисто ясно перышко»)⁴⁵; «А через некоторое время под окном вырос сад, да такой *расчудесный*: яблони, вишни, сливы – *чего в нем только нет!*» («Про Буренушку»)⁴⁶. В двух последних примерах помимо эпитетов в описании пространства использованы гиперболы («*всю в золоте*», «*чего в нем только нет!*», ср. «В самой последней комнате нашли царску дочь, сидит, шьется, а *все золотом убито*» – «Закаменный лес»)⁴⁷. С помощью этих форм место действия представлено как чудесное, идеальное.

В фантастическом мире сказок гиперболизованно изображаются и герои: «Идет старичок небольшой – сам с аршин, а борода две сажени, несет на голове стог сено и большой чан воды»; «Догонят девуку. Та как увидела, бросила через себя гребень – такой березник нарос!» («Про ведьму-мачеху»)⁴⁸; «Вышли все же к какому-то домику, у его крыша из пирогов, рамы из сахара» («Баба-яга»)⁴⁹. Для создания образов используются и сравнения, усиливающие выразительность описания: «У Пехтимко брови, *как сенные зароды*, повесились – он ничего и не видит» («Про Пехтимка»)⁵⁰. Сравнение длинных густых бровей со стогами сена демонстрирует единство фольклора и народной жизни, крестьянского быта: рассказчик использует для описания неожиданный яркий образ, созвучный его деятельности и внутреннему мироощущению.

*«Прилетело
перышко
и принесло
платье
хорошее,
ботинки
хрустальные
и карету
всю в золоте»*

⁴¹ Русские народные сказки... С. 72.

⁴² Пермские сказки... С. 25.

⁴³ Там же. С. 44.

⁴⁴ Русские народные сказки... С. 75.

⁴⁵ Там же. С. 99.

⁴⁶ Там же. С. 107.

⁴⁷ Пермские сказки... С. 21.

⁴⁸ Там же. С. 32.

⁴⁹ Там же. С. 37.

⁵⁰ *Спешилов А. Н.* Сказки Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1972. С. 44.

Мифологические образы в сказках соотносятся с общерусскими. Носителями сверхъестественного дара в народных сказках чаще всего выступают Баба-яга (Егибича), леший, Змей Горыныч, Кощей Бессмертный и волшебные животные и птицы: «Вот приходит он раз к купчихе, видит: у нее в клетке птица диковинная сидит. Под правым крылом у нее написано: Кто это крыло съест – царем будет, а под левым крылом написано: Кто это крыло съест – князем будет» («Про купца и его волшебную птицу»)⁵¹; «Конь выше церковей подымался, выше лесу был, выше домов...» («Сивка-бурка»)⁵²; «Корова стала эту куделю жевать, а из ушей у нее нитки пошли» («Про Буренушку»)⁵³. В сказке «Отдай, чего не знаешь» необычайными способностями обладает одна из дочерей Кощея: «А Кощей Бессмертный стал думать: кто Ивану помогает? Никто такой силой, как у него, не владеет, лишь одна из его тридцати трех дочерей, младшая, Марья-царевна. И сапоги сшить, и замок в одну ночь построить – все может». Чудесным превращениям героев часто предшествует описание привычной обстановки, не предвещающей ничего необычного: «На озере девки купаются. Платья все побросали на берегу, а как из воды вылезли, платья накиннули – оборотились в уточек, вспорхнули и улетели» («Иванушка и его невеста»)⁵⁴; «В шилочку глядит [старушка], а эта [курочка Ряба] вышла середь полу – фырк! Сделала, и перышки все отпали, так, шкуркой все. И она в девочку, такую красавицу превратилась»⁵⁵. Подчеркнутая будничность происходящего усиливает необычность волшебного преображения, создает эффект правдоподобия и в то же время вызывает у слушателя желание узнать тайну сказки.

Ярким художественным приемом, активно применяемым в народных сказках, является антитеза, что обусловлено актуальной для этого вида народно-прозаического творчества идеей борьбы добра со злом. Как правило, противопоставление понятий или образов представлено в начале сказочного текста: «Мачеха есть мачеха: своих дочерей любила, а Машеньку нет» («Про Буренушку»)⁵⁶; «Два мужика шли Богу молиться. Один был богатый, другой бедный» («Ножик»)⁵⁷; «Жила в одной деревне женщина, у ней было три сына – двое-то умные, а третий – дурак» («Про Ивана-дурака»)⁵⁸; «Жил царь со царицей, и было у их три сына. Два

*«На озере
девки купаются.
Платья все побросали
на берегу, а как
из воды вылезли,
платья накиннули –
оборотились
в уточек,
вспорхнули
и улетели»*

⁵¹ Русские народные сказки... С. 72.

⁵² Там же. С. 101.

⁵³ Там же. С. 105.

⁵⁴ Там же. С. 83.

⁵⁵ Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Ма-

териалы и исследования. Пермь, 2008. С. 259.

⁵⁶ Русские народные сказки... С. 105.

⁵⁷ Там же. С. 166.

⁵⁸ Там же. С. 203.

хорошие, баские, а третий – кривой» («Три царских сына»)⁵⁹. Антонимы в данном случае не просто являются характеристикой (внутренней или внешней) персонажей, сопоставление пробуждает желание узнать историю и ее финал.

Особое значение приобретают использованные в текстах сказок повторы. Так, лексические повторы в сказке «Семеро братьев и людоед» придают динамизм повествованию: «Сначала дрова рубил вместе с ними, а потом ёлочка за ёлочку, лесинка за лесинку да и убежал от них, а ребята в лесу остались // Опять там дрова рубили, рубили, а потом ёлочка за ёлочку, пихтушка за пихтушку да и убежал от них старик». Синтаксические повторы в текстах сказок формируют их ритм,

⁵⁹ Пермские сказки... С. 33.

⁶⁰ Русские народные сказки... С. 60.

⁶¹ Там же. С. 102.

⁶² Там же. С. 68.

⁶³ Русские в Коми-Пермяцком округе... С. 258.

⁶⁴ Пермские сказки... С. 31.

⁶⁵ Русские народные сказки... С. 57.

⁶⁶ Там же. С. 58.

⁶⁷ Там же. С. 106.

⁶⁸ Там же. С. 59.

а значит, влияют на подсознательное восприятие. В сказках нередко целые фрагменты выстроены из идентичных синтаксических конструкций: «Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега поднялись и осыпались, а я взбунтовалась» («Про курочку Рябу»)⁶⁰; «Сивка-бурка бежит, земля дрожит, из ноздрей жар пышет, хвост по полу тащится, грива по земле волочится» («Сивка-бурка»)⁶¹. Синтаксический повтор обнаруживается не только в одном фрагменте, созвучные структуры могут возникать в разных частях текста, когда более «поздний» вариант является как бы эхом: в сказке «Про горох» сначала гиперболизированно изображается длительность происходящего: «А горох рос, рос, рос и до неба вырос», а позже, в точности повторяя этот порядок слов, описывается действие персонажа: «Лес, лес, лес, высоко уже залез»⁶².

Характерной особенностью текстов сказок является использование троекратных повторов, которые мотивированы особым отношением к числу три как магическому в фольклоре и в традиционной культуре в целом. Троекратные повторы придают тексту целостность и завершенность, обеспечивают его запоминание и легкость воспроизведения (хотя бы частичного). Так, в сказке «Коточек и Петушок» трижды звучит песенка Петушка: «Котик-братик, несет меня Лиса во тёмные леса, заzybuchi болота, за высокую гору, в тёмную нору, съест меня, отними»⁶³. В сказке «Про ведьму-мачеху» сохраняется структура повтора, но меняются символические компоненты – цветовые обозначения: «Вот бежит, а навстричу ей мужик попадат, сам *черной*, и лошадь *черна*. // Вот бежит, а навстричу ей мужик попадат, сам *красной*, и лошадь *красна*. // Снова бежит дальше, встричу ей опять мужик, сам *белой*, и лошадь *бела*»⁶⁴.

Ритмическая обработка в текстах сказок связана не только с синтаксическим параллелизмом. В первую очередь мерность и музыкальность создаются благодаря наличию в сказках разных по объёму рифмованных фрагментов. Это могут быть отдельные созвучные пары слов: «Жили-были старик со старухой, были у них *парнишка* да *котикшка*» («Про котикшу и парнишку»)⁶⁵; «А собаки следом бегут, за пятки рвут» («Медвежья яма»)⁶⁶; «Машенька думает: “Как это я холсты вытку? В один вечер и куделю опрясть, и моты *смотать*, и холсты *соткать*?”» («Про Буренушку»)⁶⁷. Встречаются и развернутые конструкции («Снесла курочка Ряба яичко *сине-зелено, красно-багрено*, положили они его *на полку, на прямую соломку...*» – «Про курочку Рябу»)⁶⁸, и целые фрагменты, представляющие собой песенные вставки («Я коза-дереза, полбока луплено, /

За три гроша куплена, / Топы-топы ногами, исколю тебя рогами, / Рожками заколю, ножками затопчу, / Хвостиком замету» – «Коза-дереза»⁶⁹.

Особое значение имеет словесное оформление зачинов и концовок сказок. Цель зачина заключается в том, чтобы привлечь внимание слушателя и заинтриговать его – еще не содержанием, а формой, красотой и игрой слов, живым, ярким, энергичным звучанием. Начальная присказка

*Улица в селе Калинино
Кунгурского района, 2007*

может быть не связана с сюжетом, она акцентирует внимание на предстоящем повествовании: «Сказок раньше много было, был и такой сказ» («Как ветер муку унес»)⁷⁰; «В разные времена по-разному люди жили» («Старуха с лаптем»)⁷¹. В зачине могут использоваться традиционные для сказок формулы или их элементы. Например, в сказке «Про Иванушку» помимо общеизвестного начала есть уточняющий фрагмент, в котором слушателю представлены герои сказки: «В некотором царстве, в неко-

⁶⁹ Русские народные сказки... С. 48.

⁷⁰ Там же. С. 131.

⁷¹ Там же. С. 50.

тором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жили да были старик со старухой, и был у них сын Иванушка». Вообще знакомство с персонажами в зачине – распространенный прием, чаще всего начинающийся формулой жили/жили-были: «Жили-были дед да бабка, у них сынок был, Иванушко» («Сказка про сына-дурачка»)⁷²; «Жил-был царь, и было у него три сына» («Как царь сыновей женил»)⁷³; «Жил в одном селении человек, и было у него три дочери» («Ореховая веточка»)⁷⁴; «Жил-был на свете купец» («Сказка про солдата»)⁷⁵; «Жили старик со старухой, и был у них боров» («Звери в яме»)⁷⁶; «Жили-были старик со старухой, ничего у них не было, лишь лошадка да дровенки» («Медведь – липовая нога»)⁷⁷; «Выл-выл волчок, на горе жил старичок. Старичок да баушка, парничок да деушка» («Выл-выл волчок»)⁷⁸. Во вступлении к тексту может быть представлена ситуация, которая является началом сказочной истории: «Вот дед на голубнице сажил репу» («Репка»)⁷⁹; «Рассказывали, как дед козу колол» («Сказка про козу»)⁸⁰; «Лиса да зайчик задумали избушку строить» («Лиса и заяц»)⁸¹.

Концовка сказки, как правило, возвращает слушателя из фантастического мира в реальный, оригинальностью используемых в ней языковых форм переводя разговор на слушателей: «А у их под окном-то – озеро, а в озере – щука да елец, а кто слушал – молодец! А ишо в озере щука да рак, кто не слушал, тот дурак» («Коточек и Петушок»)⁸²; «Как уж она стала там дальше жить, мы не знаем. На том и сказке конец» («Старуха с лаптем»)⁸³; «А кур да овец опять у них стал полный двор, и жеребец здоров, живут-поживают да правнуков ожидают» («Жадный волк»)⁸⁴.

И зачин, и концовка сказок порой представляют языковые шедевры русского фольклора, в которых выверено каждое слово, каждый звук. Пронизан звуковыми повторами, шутливыми каламбурами, рифмой зачин: «На краю деревни в маленькой избушке жили старик со старушкой, парень в сапожках и девка в сережках. Было у них семеро овец, восьмой жеребец. Жили не тужили» («Жадный волк»)⁸⁵. Таковы и концовки,

*«А у их под
окном-то – озеро,
а в озере –
щука да елец,
а кто слушал –
молодец!
А ишо в озере
щука да рак,
кто не слушал,
тот дурак»*

⁷² Русские в Коми-Пермяцком округе... С. 266.

⁷³ Русские народные сказки... С. 92.

⁷⁴ Там же. С. 99.

⁷⁵ Русские в Коми-Пермяцком округе... С. 264.

⁷⁶ Русские народные сказки... С. 29.

⁷⁷ Там же. С. 41.

⁷⁸ Пермские сказки... С. 8.

⁷⁹ Русские в Коми-Пермяцком округе... С. 260.

⁸⁰ Там же. С. 261.

⁸¹ Русские народные сказки... С. 38.

⁸² Русские в Коми-Пермяцком округе... С. 259.

⁸³ Русские народные сказки... С. 53.

⁸⁴ Там же. С. 55.

⁸⁵ Там же. С. 53.

нередко разворачиваемые в самостоятельный комический сюжет: «Ишо был у их сирийской коток, он скочил на потолок, сказку уволок. Было у их за двором-то озеро, в озере был рак, кто сказку слушал, тот дурак» («Закаменный лес»)⁸⁶; «И я у их была, мед пила. По носу бежало, да в рот только не попало. Мне дали колпак, да в подворотню меня так. А потом дали мне-ка красные сапожки, синий халат и шапку с пухом. Вот иду я – летит ворона, кричит: “Красные сапожки! Красные сапожки!” А мне слышится: “Чирей на ножку! Чирей на ножку!” Ну, я взяла, сапоги-то сняла, пешком пошла. Дальше иду. Ворона опять кричит: “Синь да хорош! Синь да хорош!” А мне показалось: “Скинь да положи, скинь да положи”. Я скинула, положила. Ворона опять кричит: “Шапка с пухом! Шапка с пухом!” А мне слышится: “Чирей в ухо! Чирей в ухо!” Я и шапку скинула, так и пришла безо всего. Все» («Лиза и разбойники»)⁸⁷.

В настоящее время народные сказки зафиксировать достаточно сложно: они в своем классическом виде все больше выходят из традиции. Мало кто умеет рассказать сказку, вызывая в памяти слушателя аналогичные тексты, поддерживая интерес аудитории, сохраняя «пышное словесное оформление»⁸⁸. Современные записи сказок зачастую не представляют развернутых текстов и сводятся к пересказу сюжета. Новое звучание сказка получает, когда рассказчик в угоду современному слушателю «избавляет» текст от непонятных (устаревших) слов и заменяет их лексемами привычными, не требующими объяснения и соответствующими современным реалиям: «И подговорил он попа написать у себя на воротах *объявление*: “Здесь живет беззаботный поп”» («Беззаботный поп»)⁸⁹; «А Игнашка пошел в *магазин*, купил *водочки*, взял муки, на водочке сделал колобки и набросал собакам» («Про Игнашку вора»)⁹⁰; «Старуха лапу варить поставила, и медведь к дому подходит. Услышала его старуха, испугалась, у деда спрашивает, что делать. Дед советует: «*Свет выключи*» («Про мужика и медведя»)⁹¹; «Царь собрал *собрание...*» («Закаменный лес»); «Раз в море ходили *пароходы...* Люди с парохода смотрят, удивляются, что за чудо» («Про золотых ребят»)⁹².

Современная пермская сказка воспроизводит устоявшийся, классический репертуар русской сказочной прозы, причем воспроизводит оригинально, отражая многие архаические и местные диалектные особенности. Народные слова подчеркивают колорит местности, передают специфику не только деревенского, но и прикамского бытового уклада. Вместе с изменениями в языковом оформлении отмечается стирание жанровых границ волшебной сказки, которая приобретает

*«И я у их была,
мед пила.
По носу бежало,
да в рот только
не попало.
Мне дали колпак,
да в подворотню
меня так»*

⁸⁶ Пермские сказки... С. 22.

⁸⁷ Русские народные сказки... С. 175–176.

⁸⁸ Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 8.

⁸⁹ Русские народные сказки... С. 183.

⁹⁰ Там же. С. 190.

⁹¹ Пермские сказки... С. 7.

⁹² Русские народные сказки... С. 176.

черты сказки бытовой, когда повествование получает ироническое и сатирическое звучание. Несмотря на очевидную трансформацию жанра сказка остается сказкой. Рассказчик стремится погрузить слушателя в придуманный фантастический мир, где происходят загадочные удивительные события. Сказка уводит слушателя от бытового, повседневного и позволяет пережить спектр чувств и эмоций – от восторга до ужаса. Кроме того, в сказках ярко выражена и воспитательная направленность, в них не только повествуется об основных нравственных категориях (добро и зло, любовь, честь, правда, справедливость) и человеческих пороках (лень, предательство, ложь, подлость), но и ненавязчиво предлагается сценарий поведения, который в конечном счете дарует героям жизнь, избавляет от врагов и обеспечивает душевное и материальное благополучие.

Принципы отражения диалектных произносительных особенностей в сборнике

Передача диалектных произносительных особенностей, отраженных в речи исполнителей сказок, осуществляется средствами орфографии.

Особенности произношения гласных звуков передаются следующим образом:

1) Предударное и заударное «ёканье», то есть произнесение звука [о] на месте звука [э] после мягких согласных и твердых шипящих Ж и Ш, отражается с помощью буквы Ё после мягких согласных и буквы О после шипящих Ж и Ш. В этом случае в слове ставится ударение: *бúдёт, ночё-ва́ли, мо́жошь, вьшо́л*.

2) Предударное «еканье», то есть произнесение звука [э] после мягких согласных и шипящих Ж и Ш на месте фонем /о/, /е/, /а/, обозначается с помощью буквы Е: *жена* (в лит. языке жена), *побере́гла* (в лит. языке поберегла), *гледит* (в лит. языке глядит), *привезали* (в лит. языке привязали).

3) Передается с помощью букв процесс перехода звука [а] после мягкого согласного в [е], реже в [и] под ударением: *опéть, опíть* (в лит. языке опять), *удивлёются* (в лит. языке удивляются).

4) Буквой И передается звук [и], возникший между мягкими согласными, обычно под ударением, на месте старого звука [ê], обозначаемого

в дореволюционной орфографии буквой ѣ: *зѣисѣ* (в лит. языке здесь), *исѣ* (в лит. языке есть), *писѣня* (в лит. языке песня).

Особенности произношения согласных звуков передаются следующим образом:

1) Двойной твердый звук [шш], соответствующий звуку [щ] литературного языка, обозначается двумя буквами Ш. После них соответственно пишутся буквы А, О, У, Ы, Э: *страшшат*, *большушшой*, *отпушшу*, *выташшили*, *похишшэна*.

2) Мягкий звук [ц'] на месте звуков [ц] и [ч'] литературного языка обозначается написанием букв Е, Ё, И, Ю, Я, Ъ после буквы Ц: *целовека*, *цёрту*, *крицит*, *мельницю*, *зайцями*, *доць*, *конець*, *королевиць*; мягкий звук [ч'] на месте звука [ц] литературного языка обозначается написанием буквы Ъ после буквы Ч: *лисиць* (в лит. языке лисиц), *куниць* (в лит. языке куниц).

3) Отсутствие затвора в звуке [ч'], т. е. произнесение его как звука [ш'], передается на письме буквой Щ: *бышши* (в лит. языке бычки), *зайщик* (в лит. языке зайчик), *нощѣвать* (в лит. языке ночевать).

4) Отсутствие затвора в звуке [ц], т. е. произнесение его как звука [с], передается на письме буквой С: *заяс* (в лит. языке заяц).

5) Произношение мягкого звука [к'] перед гласными звуками [у] и [а] передается написанием букв Ю, Я после буквы К: к *бышкю* (в лит. языке к бычку), *вишкю* (в лит. языке вичку), *проволочкя* (в лит. языке проволочка), *гуськями* (в лит. языке гуськами), *радѣхонькя* (в лит. языке радѣхонька).

В текстах сказок отражено упрощение групп согласных (-ст, -сть, -знь) на конце слов: *съес* (в лит. языке съест), *тягось* (в лит. языке тягость), *шерсь* (в лит. языке шерсть), *жись* (в лит. языке жизнь).

Отражено выпадение согласных в некоторых словах: *нао* (в лит. языке надо), *буот* (в лит. языке будет).

Отмечается выпадение звука [j], стоящего между двумя гласными звуками, и их стяжение в один звук: *потерятся* (в лит. языке потеряется), *хозяйничат* (в лит. языке хозяйничает), *знашь* (в лит. языке знаешь), *сделаам* (в лит. языке сделаем).

Ударение ставится в диалектных словах (*швѣичнул* 'ударил', *ссонѣл* 'съел'), в общерусских словах, если они имеют другое ударение (*подарішь*), в словах, отражающих «ёканье»: *врѣмѣ*, *лѣжѣ*, *убѣжал*.

Для передачи некоторых согласных звуков, отсутствующих в литературном произношении, использованы буквы латинского алфавита: для

«Он живо –
чѣ, от царя
как отопрёшиша? –
к царю пошѣл
гостить. Царь его
привѣл, ѳтдал
на кухню етем, ну,
стряпкам, оне...
и сказал:
– Этого целовека
пойте, кормите,
что его душа желат,
то и... тем
и кормите»

обозначения звука «г фрикативного» использована буква *γ* греческого алфавита: *боуатой* (в лит. языке богатый), для обозначения звука «эль среднего, или альвеолярного» используется буква *l* латинского алфавита: *волосы, напouл, позолотила, ушuла*.

В текстах употребляется несколько видов скобок:

() – круглые скобки заключают пояснения: например, когда местоимение *он* используется в тексте несколько раз подряд, становится непонятно, кто производит действие или говорит. В этом случае после местоимения в круглых скобках указывается герой – действующий субъект.

[] – квадратные скобки содержат вопросы и комментарии собирателя.

{ } – фигурные скобки применяются для обозначения звуков, подвергшихся сокращению и в результате приведших к изменению облика слова: го{вори}т, а также для введения в текст иллюстрации фрагментов слов или словосочетаний, отсутствующих в записях сказочных текстов, но необходимых для понимания смысла.

Искренне благодарим всех, кто помогал в сборе материала и подготовке настоящего издания. Прежде всего участников фольклорных и этнографических экспедиций в районы Пермского края В. В. Жука, Т. М. Санникову, Е. В. Лившиц, С. В. Хоробрых, М. В. Крысову и многих других. Благодарим Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва) за предоставленную возможность использовать материалы экспедиций Института 1970–1980-х гг. в районы Пермского края.

Особые слова благодарности исполнителям – пермским сказочникам, с которыми мы встречались во время экспедиций и чьи сказки и стали основой настоящего сборника.

БАРДЫМСКИЙ район

д. Асюл

1. ВОЛК – ЛИПОВАЯ НОГА

[Бабушка с дедушкой жили. Старик говорит:]
– Свари мне мясо.

– А мяса нету. Где брать, не знаю.

И шерсти то́жо нету, то́жо эдь надо шерсть-то. Ладно, старик взял топор:

– Пойду, старуха, я в лес, мо́жот, чё и найду.

И вот пошёл в лес. Шёл, шёл – огонёк горит. Кто уж его жгал, мо́жот, люди. А спит волк. Он замёрз, пришёл к огню-ту и спит крепким сном. Старик думал, думал:

– Чё делать? Дай отрублю ногу, бўот мясо и шерсь.

И вот отрубил ногу, {положил} в котомку и пошёл домой. Прибежал домой, старухе рассказал, старуха отеребила, сяла пресь шёрстку. Мяско сварили, едят.

Волк пробудился – ноги нет. Больно ведь. Как он без ноги?

– Пойду искать, кто отрубил.

Ладно, сломил палку, привезал к ноге и пошёл в деревню. {Дело} было зимой.

– Всё, – говорит, – в деревне огня нет.

А один домик маленький, и с кончика, и огонёк горит.

– Наверно, – говорит... – Скрипи, скрипи, – говорит, – нога липовая, – раз палку он привязал дак, вот лутóшку, го{вори}т. – Все, – го{вори}т, – спят, а одна, – го{вори}т, – старуха не спит, мою шёрстку прядёт и моё мяско жорёт, – говорит.

Вот. Шёл, шёл, шёл, шёл – дошёл до деревни. А оне слышат: по дверям-то стучал крепко. Старуха испугалась, старик то́жо испугалса. Чё, идь он ворота изломат, зайдёт в избу-ту ведь, ак съес! Вот. Стучал, стучал – изломал ворота и двери и зашёл в избу. {Спрашивает,} почёмү,

мол, ему ногу отрубили. И начал их, ето, ругать. А старуха-та залезла в печку, а старик-от на печь. Он старика-та нашёл, сбросил с печи-то, задавил, съел. А старуха-та с испугу-ту, говорит,

как возьмёт да, это, пёрнёт! И заслонка-та вылетела. Он иё (старуху) нашёл, тожо съел.

Вот и сказка. Всё Ондрюшке рассказываю. Слу-у-ушат.

2. МАРКО СЫРОБОГАТЫЙ

Нам мама всё рассказывала. Вот жил старик со старухой, ну, боуатые были. Он, это, сам-то не любил нишшых братьёв, ну как это, а старуха-та любила. Вот этот. Приехал до... Как уехал куда-то, всё жо тамока, боуатой дак, чё эдь, этот, товар продавал ли чё ли. А, ето, пришёл нишшэ-нёк. Марчиха-та подала ему горошку. А запончик-от подставил он – горох-от убежал на пол. Она сцапала крылышко, давай заметать. А Марко-то подъехал. Ну, она замела. [Старик-от?] Старик-от подъехал, этот мужик-от, как это, иё-то.

– Вы, это, идите тамо. – Две избы-то было на одних сенках. – Дак спите в этой избе-то. Там кулевáнят дак, на кульке, на кулёчках, это.

Знаете, что за кули? [Нет. Что за кули-то?] Ну, да из мочала ткали такие мешки, как мешки. Это, он лёг. [Это кого отправила? Нищего?] Да нишшэго-то старуха-та отправила.

А Марко зашёл. Ну, поели, суп похлебали, пирог был рыбной. Она только:

– Да у меня нишшэ-нёк есь дак, я снесу.

А он нечё уж не сказал, видно, не ругался так-то.

– Ну дак чё, снеси.

Она принесла ему, нишшэньк-ту. Корочку-ту взяла да супу налила в чашечку, это, и, это, унесла. Стоит, это, у дверей-то, слушат. И эти, прилетели голуби, воркут:

– Ты, үсподи, здися?

– Да, здися.

– У кузнеца восьмой сын родился. Чем его благословишь?

– А чё буду пить, ись, тем его благословлю.

Она нечё не сказала, ето, старуха-та, стоит, это, слушат, Марчиха-та. Слушат как раз его, раз так... Отдала. Ну, эдь надо убрать, это, сходить, эту чашечку-ту обратно унести. Пошла, опять стоит уже у дверей-то – опять голуби прилетели:

– Ты, үсподи, здися?

– Да, здися.

– У кузнеца восьмой сын родился. Чем его благословишь?

– Марко Сыробоуатого имёнём.

Вот приходит, это, домой, старуха-та как мужику и рассказыват:

– Вот чё, вот чё я выслушала.

– Сейчас я его выгоню!

Сцапал палку, побежал – нету тамока. Только местечко знáтко, где он был. [Нищенёк убежал, да?] Убежал уж, это, нишшэй-от убежал, нету. Это.

Ну, собрался опять, поехал этот. Едёт. В деревне-то в другой этот кузнец-то жил. Он (кузнец) дрова ладит. {Марко} поздоровался:

– Здорово.

– Здорово.

– Чё рано дрова ладишь?

– Да-а, баба восьмого сына родила.

– Это, отдай мне в сыновья, у меня нету жо.

У них не было ребят-то некого.

– Отдай, отдай, отдай, отдай.

– Нет, хоть в баньке вымоём, выпарим ребёнка-то, чё уж это, паренька-то.

Он взял, не дал выпарить. Взял его, этого паренька, выехал за деревню-ту да выбросил его в пелёночках-то, этого паренька-то. Это. И сам уехал вперёд.

А ехали к нему опеть, чё, эдь боуáтой дак, товары везли. Товары-ти везут. Чё, пишшит узол этот, связочок. Оне подобрали. [Это работники или кто?] Ну, которы ехали, извошшыки как, опеть, это, везли етому боуáтому-ту товары-ти. Это. Ну, Марчиха взяла этого паренька, водится. Он растёт не по дням, не по часам, а по минутам. Такой парнишка стал уже, он пока ездил да чё. Это, не знай, сколь уж он там ездил. Приехал, а он (парнишка) уже на ногах крепко стоит и смеётся. Но всё одно – ему не надо этого паренька.

А у его было завод, дёготь гнали и бочки ладили. Как это... Наказал бочку большую изладить. Это было дело-то зимой, как его... Бочку оне изладили, бочкари-ти которы, работники-ти. Туда его посадили, подушку положили, конфет насыпал. И по большой-то воде весной-то и отравили его, это... [В бочке-то?] В бочке-то. Ну и чё эдь, летела бочка-то, плыла по воде-то долго ли, мало ли. Это. Ветер поднялса – выбросило бочку-ту на берег. Парнишечко-то лежал, лежал там. Встал, это, стоял, поднатужилса – и дёнышко-то выпало. Он и, это, бегат, собирает цветочки. Чё, у ёво там конфетки были, всё поел. Бегат собирает цветочки.

А монастырь был дёвичой тут-ка. Оне по воду ходили на речку-ту. Пришли – паренёк бегат ма́ленькёй, увидели, что в бочке. Подобра-

ли этого паренька, вот дёржат, кормят этого паренька. Долго оне его, это, держали. Уже вот стал большой он, жених уж стал. Ему стало восемнадцать лет уже.

Эте, как Марко-то приехал, товар привёз в монастырь-от монашкам-то.

– У-у! У вас монастырь дёвичой, а зачем дёржите паренька?

Но вот оне рассказали, что вот так нашли его. Вот думал... А в ето вре́мё-то Марчиха забеременела, принесла ребёнка – девочку.

– Отдайте мне в работники его, отдайте, отдайте.

– Да чё, живи, живи он, парень-от.

– Нет, не положено вам держать парня, раз монастырь дёвичой.

Ну, написал... А он не умел не писать, ничё, не читать, парень-то. Написал это, отправил. Написал записку, что дню не дневать, часу не часовать, в смоле скипетить этого парня, бросить в смолу – в ётей бумажечке-то. Идёт парнишечко, это, ну, дяденька идёт, это, к ним в деревню-ту, как это, в которой он живёт дак. А тот (Марко) опеть вперёд уехал ишо. Приходит {сын кузнеца}, не дошёл ишо до деревни-то, – попадат встречу старичок с бадóжочкой.

– Ты куда, молодой человек?

– Да вот пошёл к Марку Сыробоуáтому в работники.

– А чё? Это, он тебя за... это?..

– Да он в работники меня порядил, велел идти вот, это, работать у него.

– А чё-то он тебе, вот это, дал каку-тося вот бумажку.

– Да вот дал, да я не знаю, читать-то не умю дак.

А тот погледел, прочитал, дунул да плюнул, это... На бумажке-то: «Дню не дневать, часу не часовать, с дочерью повинчать».

Ну чё, пришёл паренёк, отдал бумажку. Чё, Марчиха, раз приказ от мужика такой дак, она и, это, скоря́ уже обвинчали, всё, живут. Приехал Марко-то. Не любит зятя всё одно. Он знат уж – не любит его. Это. И вот однажды, в одну осеннюю ночь, и гово... это. Эти дёготь-от гонят, завод-от где-ка этот. И он етих, работников-то, уплатил имя́ и говорит:

– Сёдня он придёт ночью, вы его бросьте в смóлу, етого паренькя, хоть он чё б́уот кричать.

У них одежда уж всё была, это, что у того, что у другого-то шубы-те одинаковы уж, это.

– Хоть б́удёт кричать: «Сам я Марко Сыробоу́атой!» Хоть чё – нечё не разбирайте, бросайте в котёл.

Ладно. А оне уж в другой половине-то {дома} живут, не в одной, раз не любит дак это. Марчиха-та пришла, а он собиратся, зять-от, как идти на завод-от, раз папаша велел дак, эдь надо идти

проверить на заводе-то. Пришёл. Собирается, оболока́тся, Марчиха говорит:

– Да ты куды?

– Да на завод папаша велел идти.

– Да чё ты пойдёшь ночью-ту? Тёмно, да грязь, да дож, это, не ходи, это.

– Да кабы кто не украл чё.

– Да кому поташшыть дак, и пусть ташшат, не ходи!

Он не ушёл. Опеть спать лёг, это, со своей бабой. А етот, старик-от, Марко-то, душа не терпит. Бросили, нет оне его в смолу-ту, надо узнать ведь. Побежал. Прибегат, это, а те, это, которы, раз уж, это, дак сцапали его да в смолу. Он говорит:

– Я сам Марко Сыробоу́атой! Я сам Марко Сыробоу́атой!

Бросили, так и всё и досталось. Он скипел в смоле, это, Марко-то, [а зятю всё досталось боу́атство.]

КАРАГАЙСКИЙ район

**д. Перино
с. Воскресенск**

д. Перино

3. ЦАРСКАЯ ДОЧЬ

Вот была у царя одна дочь. А ей ворожчи вы-
воражива... воржчи ворожили, что её... она по-
терется у вас, говорит, уташшат её. Она шибко
её хранили, всё за её были мамушки-нянюшки
ходили. Она подросла уж как невеста...

[Тожно пошла погулять про лужечкам. Вдруг
ниоткуда витер поднялся, нянечек-мамушек всех
с ног сшибило, а её подхватило и унесло. Царь да-
вай её разыскивать. А в его же царстве был один
мужик, у его было три сына, один Утро, другой
Полдень, а третьей Вечер. Они и согласились ехать
выручать царску дочь. Поехали в чужую землю.

Тамо ездили-ездили, долго ли, коротко ли,
доехали до одного места. Видят: стоит домик,
туто же конюшна большая. Остановились. Два-
те брата говорят:]

– Старшего брата оставим, а двоё мы уйдём,
поиздим по этой пустыне. А ты нам заколи ба-
рана. Вот и всё.

Ну, ладно, он осталса:

– Заколю стяс барана.

Те уехали два брата. Он убежал, нож схватил,
барана зарезал, стал пекчи, варить и жарить. Ну
и приготовил кушанье хорошое. Вдруг видит:
идёт старичок небольшой – сам аршин, а борода
две сажени, и несёт на голове стог сено и боль-
шой чан воды. Полез, давай овечь считать. Один
баран не хватат. А им дал пить-ись, овечкам, по-
лез, в избу залетел, говорит:

– Это хто, какой-ко хозяин здись появился?
Барана, – говорит, – у меня зарезали.

Давай его (брата) хлестать палкой. А тот сел,
этот маленький старичок, ссопёл всего барана и
отправилса.

Вот братья едут, домой приехали.

– Ну, что, брат, ты нам приготовил обед? Барана заколол?

– Нечё не мог сделать. Печку затопил, угурёл и лёжу́ целой день.

– Ну, ладно, так проживём.

Опять ночь ночёвали. Тожно́ приходится Полдня оставить опять.

– Ты давай, Полдень, нам припаси обед. Барана заколи, припаси. Чё мы будём голодом издять?

Утро и Вечер уехали, а Полдень осталса. Живо улетел, зарезал барана. Давай пекчи́, варить и жарить. Опять приготовил обед. Опить идёт старик – сам аршин, две сажени борода. Несёт опять на голове сено и воду. Напоил овец, считал – опять один баран не хватат.

– Кто здись у меня опять хозяйничат?

Полез, давай опять палкой хлеста-ать етого, второго брата, Полдня. Отхлестал, он опять лёжит. Лёжит, угурёл опять. Братья домой приехали:

– Ну, чё? Приготовил обед?

– Да нет, вот печку затопил, угурёл и вот от угару лёжу́ всё вре́мё.

А тот, ста́ршой-от брат, говорит:

– Да я знаю етот угар, как он достаётся.

Значит, всё. Вот. Тожно́ ночь ночёвали, меньший брат Вечер осталса. Оне уехали, по пустыне издят. А Вечер улетел, живо барана заколол, обед приготовил, видит: идёт старик. Опять пересчитал овец, напоил их, накормил, в избу полез. Крепко ударил меньшего брата Вечера палкой. А тот был сам не плох. Как его хватил за́ бороду и по́чал волочить в ту сторону, в другу сторону:

– Что не розобралса брóду, а лизёшь в воду? Убью я тебя здися, и всё!

Палку у во выхватил. Тот ёво́ взмолился:

– Нет, – говорит, – миня не убивай, боуа-тырь. Я, – говорит, – знаю, что вы йшшыте. Что вы йшшыте, хóдите здися-ка, ездите. Я это всё знаю.

– Ты знашь, – говорит, – это?

– Знаю.

– А ты, – го{вори}т, – меня мо́жешь обмануть. Давай ве́ди меня к тому месту, где-ко это...

– Она, – говорит, – поймана и в подвале, – говорит, – уташшо́на. И в подвал, там есь, – го{вори}т, – место, дыра. Там можно спускаться, – говорит.

Он (брат Вечер) говорит:

– Давай ты меня ве́ди в то место, где-ка подвал етот.

Он его привёл.

– Вот, – говорит, – подвал. Счас там на верёвке – висит, спускаться туда, – говорит.

– А ты, – говорит, – меня мо́жешь обмануть.

Он (брат Вечер) взял залёзной большу́шшой клин, забил в ёлку бороду у во. Он как он на цепё сидит, бороду приковал.

Братья едут, удивляются:

– Что это сделалося? Старик-от, по́ли, где-ка.

А он едь их обеих исхлестал. А этот, меньший брат, к ёлке привезал, говорит. И всё, говорит.

– А вы, – говорит, – ёво́, – говорит, – не могли нечё сделать.

Ну, приехали, топерь напились-наилися. Пришли к етому подвалу. Давай липу снимать, верёвки вить. Давай жёребей кидать, хто бў́дет спускаться туда. А тот (старик) всё на прívязе сидит. Давай туды спускаться. Кого спустить? Жёребей упал на меньшего брата Вечера. Вот. Пришлось Вечеру спускаться туда, в подвал. Его спустили, он тожно́ поехал, пошёл. И пешком. [В подземном царстве...] Чё делал? [В подземном царстве, да?] В отдельном царстве, но.

Он тожнё тамока́ ходит. Шёл-шёл, увидел: стоит большу́шой дом. Ну, просто хто он? Как бы ца́рской дворец. Вот. А створка по́ла, во створку царица гледит, царевна-та на его погля-дыват.

– Ой-ой, – говорит, – ты зачем суда пришёл? Ведь здися, – го{вори}т, – змей живёт. Он те-бя, – говорит, – убьёт.

– Не убьёт! – говорит. – Не убьёт. Ты меня спрятай.

А змей трёхгла́вой. Вот. Три у во головы. Она его спрятала в другую комнату, заперла. Змей налетел.

– Что, – говорит, – всё ру́сской дух? – этой говорит, царевне-то.

– Да ты по Руси, это, летал, да русского-то духа нанюхался, да здись и придирашша, – гово-рит. – Давай, – говорит, – ешь и отдыхай.

Он живо наелса, лёг отдыхать. Лёг и уснул. А Вечер вылетел. У их меч туто есь, сабля. Он схватил ету саблю, раз – отсék все три головы. Зарубил. [У змея?] А? [У змея-то?] У змея, ага, трёхголо́вой он. Он его зарубил. Ну и чё, тожнё, это, {царевна} говорит:

– Ишо шестигла́вой есть. Да девятиглавой, – говорит. – Дак не справда́ть, – говорит, – будет.

– Ну, чё-нибудь сделам всё равно.

Вот другой змей прилетел. Опеть придира-ся, что у тебя русской дух. Она вот эдак жо ёму́ сказала, что ты русского духу нанюхался где-то, здись придирашша. Он опить поел, лёг отды-хат. Токо заусну́л – тот вылетел, раз-раз-раз, Вéчор вылетел, по́чал íхим же мечом, отсека-т имя́ башки. Чисто все отсек. Опеть второго за-рубил.

– А ну сичас, – говорит, – страшнее всех мене бу́дёт, наверно.

Ну и вот – послéдной змей налетел.

– Это что у тебя – ру́сской дух?

Да говорит {царевна}:

– Ты по Руси летал, да нанюхался, да здися придирашша. Давай, – говорит, – лёжися спать, устал шибко.

Он лёг, тот (брат Вечер) опеть тихонько, токо уснул, тот тихонько вь́шол, раз – отсек три головы. Остальные поднимаются – он опять три головы отсек. Три не может отсíkчи, мает-ся. Царевна ему, это, пособи́ла. Отсíkли. Тож-но́ чё?

– Домой надо ехать, – говорит, – дорогу искать.

Вот поехал домой. Привёл иё. Привёл к ето-му, подымать её надо из той земли. Тамо эте, братья, выташшыли её, а ёво оставили. По ёво не спустилась ета... верёвки не спустили по его. Её взяли отправили та́мока, из которой избы оне ночевали та́мока, где. А этот (старик) всё на при-вязе сидит ишо. Его оставили, он тожнё не знат, куда деватьця, как отту́ля выйти? Оне уж та́мока сказали, что, мол, собрались, поехали домой и царевну повезли, что он там погиб.

– Почёму́, – говорит, – он погиб тамо? – ета царевна-та говорит.

– Не знам, почто погиб.

А у во, была там у змеёв-то, была музыка хо-рошая. Он (брат Вечер) подошёл к етому, где подымали их. Он музыкой наéриват сиди-и-ит. Балалайка тут, всё это. К ему налетели биси. Столько много!

– Отдай нам, ето у на́шого хозяина музыка и балалайка.

Он говорит:

– Нет. Меня пёрво выташшыте вот туда – я толды́ вам отдам музыку и балалайку, всё отдам.

Оне тожнё давай его вытаскивать. Выташшы-ли, выташшыли, а тот маленькой {старик} всё ишо, аршинной, сидит на привязе.

Он (брат Вечер) вышел, говорит:

– Ты всё ишо, тебя не отпустили?

– Да нет, – говорит, – мне здись приходится погибать. Ты меня выпусти, – говорит.

– А я выпущу, – говорит, – тебя, а как отсу-да сам уеду?

– Я тебе коня приставлю, вот иди на коне.

Он, чё, говорит:

– Ну, если приставишь, то я тебя отпущу.

Вдруг налетел большущей медведь-зверь.

Он (старик) говорит:

– Вот тебе конь. Садись, и он тебя вывезёт, куда тебе только надо.

Он (брат Вечер) его отпустил. Выколол этот клин железной и аршинного старика отпустил. А тот ёво вывёз во всё на место.

Утро был женатой, а Полдень неженатой, и Вечер неженатой, три брата оне были. Оне давай за Полдня отдавать ету царевну замуж. Вот уж играют свадьбу. Значит, пируют уж невеста

да жаних. Тожно при... ета, царевна, всё переживает: «Я не за того иду замуж, которой меня выручил, а за другого. Мне надо того было жениха, а он погиб».

А он вышел да и будто пьяной – валяется у царя под окном, песни поёт. Она учула.

– Батюшка, батюшка, вот этот тот самой по голосу и есь, которой меня выручал. Писни поёт, – говорит.

Царь живо слуг послал, подобрали этого, будто что пьяной. Вот. А он не пьяной, токо приставилса. Вот она вышла, говорит:

– Вот этот самой меня выручал. Я за того замуж не пойду, а пойду за этого.

Его живо увели к царю, одили царскую одежду. И такой вышел детина – не в сказке сказать, не пером описать! Хороший. Вот и её жаних стал. И сделали свадьбу и их жанили. И тожо я на пиру-ту была. Больше ничё не скажу.

4.

ИВАН-КОРОЛЕВИЧ И ЛЕШИЙ

[Про лешего, значит, сказка?] Ну. Не в которм царстве, в неизвестном усударстве вот однажды идёт царь лесом, видит: идёт мужик, несёт лисичь да куничь, разных зверьков. Царь его спрашивает:

– Мужик, да где жо ты столько зверей наловил?

– Да в лесу.

– Да хто тебе разрешил зверей ловить в моим?

– Да леший, – говорит.

– А чё, ты его знашь?

– Знаю, – говорит. – Я, – говорит, – не только его знаю, я жилишко его знаю, – говорит, – даже.

Ну, царь, не будь плохой, говорит:

– Давай, иди ко мне погостить, к царю.

Он живо – чё, от царя как отопрёшша? – к царю пошёл гостить. Царь его привёл, отдал на кухню етем, ну, стряпкам, оне... и сказал:

– Этого человека пойте, кормите, что его душа желат, то и... тем и кормите.

Вот. А сам, не будь плохой, в то время собрал войско. Войско собрал, пошёл... топеря собралось войско видимо-невидимо. Пошли в лес. И этого мужика забрали, которой у во гостил:

– Давай указывай нам путь, куда идти.

Ну он чё, подчинятьца едь надо, царю дак. Он пошёл. Пошли лесом цепью, чтоб от дружка несколько уж не отходя, не пропустить чтобы

ёво. Ну и пришли. Пришли, он вылетел и в руки имя попал, лёшой ето. Оне тожнó его привезли, привели к царю, бросили в подвал. В подвал бросили.

Тожнó царь и мужик стали зверей ловить. Оне ловили зверей так хорошо, научился он этот, мужик-то. Вот. А ето, двери из подвала были в сад, где лёшой сидит. Вот. А в саду гулял Иван-королевиць, сын их. Вот. А лёшой в шшы-лочку поглядыват, говорит:

– Иван-королевич, подойди суда.

Он подошёл:

– Чего тебе нужно?

Дак говорит:

– Выпусти меня на свободу.

– Ну как жо я тебя выпущу, ведь замок тяжёлой, ключи у матушки, тяжёлым замком закрыт, – говорит, – и ключи у матушки.

– А ты, – говорит, – иди, приласкайся к матушке, она для тебя всё одас. А только, – говорит, – меня выпусти. Я тебе пригожусь.

«...» Ну, ладно, он (царь) пришёл домой, закричал строго:

– Убирай с глаз моих, чтобы тебя здись не было!

И всё. Ну, чё, царица говорит:

– Ладно, толда я его отправлю уже куда-не-набудь.

Там ёму надавала деньги, одежду хорошую надавала, ну, всё, что полóжено ему с собой.

– А что, – говорит, – он некуда не бывал.

Она взяла дала ему слугу с собой, прислугу. Вот оне пошли, Иван-королевич пошёл с дядькой в путь-дорогу. Шли оне, шли, долго или корóтко, Иван-королевич захотел пить и говорит:

– Дядька, ну-ко иди за водой, я пить захотел.

А дядька говорит:

– А что, ты пить захотел, а я тебе за водой пойду? Айда сам за водой!

Он ему подчинеться не стал. Ну, пошёл Иван-королевич за водой...

– Давай с себя одежду снимай, что у тебя есь с собой, цисто всё мне отдавай. А я тебе с себя одежду отдам, а ты мне.

Ну и чё, жизь дороже всего, он его добыл от-тúль. Иван-королевич взял снял одежду с себя, надел дядька. Он дядькину одежду надел. Пошли вперёд. Шли долго ли, корóтко, пришли в другóе государство, прямо к царю во дворец полизли. Ну, а царь спрашивает:

– Что вы за люди?

А дядька отвечает:

– Я Иван-королевич, а этой мой прислуга.

– Ой, Иван-королевич, дак ты останься у меня погостить.

– А прислугу куда деваю?

– Да прислугу отправим на кухню.

Вот. Опеть на кухню отправили прислугу, а тот, быдто Иван-королевич, гостит. А это дядька. Вот. А у етого царя была дочь. Вот... ну, ето... Ишо до этого не дошла... Ну, этот Иван-королевич на кухне жил и так научилса обеда готовить – лучше старшого повара. [Вот, ему (старшему повару) обидно:]

– Я столько годов работаю, меня царь не фáлит и деньгами не дарит, а как-то вот такого... вот уж деньгами стал дарить.

Иван-королевич замесил тесто для пирога, а этот старший, значит, подлóжил отраву. Вот. Отраву подлóжил. Он (Иван-королевич) пирог состряпал, живо испёк, царю поднёс:

– Давай, царь-батюшка, кушай.

Токо поднёс, и опить – там надо чё-нибудь делать – скорей убежал. Приходит старший повар, говорит:

– Царь-юсударь! Не вели казнить, вели слово молвить.

– Говори, не бойся.

– Твой любимый, – говорит, – поварёнок хочёт тебя отравить.

– Как это – отравить?

– Да, отравить хочёт.

Он взял, царь, от пирога конець оторвал, бросил собаке. Собака съела – тут жо сдохла. Вот. Он тожнó:

– А ну-ко, ведите мне этого, – говорит, – поварёнка.

Привели.

– Ты что, – го{вори}т, – ты меня хочёшь отравить? Смотри, – говорит, – ты чё наделал, ты меня отравить хотел. А собака вот съела и издохла туто жо.

Он говорит:

– Нет, царь-батюшка, ето, можот быть, злые люди так подводят, а я не хочу тебя отравить. Это злые люди.

– Ну, ладно, – он говорит. – Убрать его с кухни! С кухни убрать его, его убрать конюхом.

Его сделали конюхом. Вот Иван-королевич ко́ней пойт-кормит на дворе, топéре конюхом стал. А у царя была дочь. Она это поглядела, так ей понравилса этот конюх парнишко, ну, он жо сын царя. Он ей понравилса, она бы ладит бы приступиться с ём поговорить. А туто нянюшки да мамушки – это дело царской дочерé нельзя делать, нельзя. Не допушшают. Тожнó етого... поди, у его там работа. Тожнó заставил он ето...

А, другóе үсударство приехали, дочь что-бы высватать от царя. Вот. А доць не йдёт – ей надо конюха. Она... шíбко он ей понравилса.

– Что? – говорит.

– Зафорала.

Притворилась, что она больная. А тот царь, котóрой свататся её:

– Она нам шíбко понравилса сыну, ты не отдаёшь, я войной на тебя пойду и возьму всё ровно твою доць. Вот. Замуж за сына.

Ну и чё, тот... давай живо войско со́брали. Тот и другой царь стали воёвáть против друга, потому что дочь надо ему взять. Ну и всех ко́ней... Нет, смешалася малинько. А... Он ко́ней-то кормил. Вот тожнó до весны до́жили, он напоит-накормит коней, выпустит на прогулку. Выпустил. Кони улители к лесу. Он взял уздецьки и пошёл к лесу по ко́ней. Видит: на опушке лесу стоит лёшой, кричит что моченьки:

– Иван-королевич, зайди ко мне ненадолго, я тебя угошшу, за что ты миня на свободу выпустил.

А он говорит:

– Нет! Боюсь, кони разбегутся.

Он говорит:

– Да нет, не разбегутся, соберём.

Ну и он решил к ёму́ зайти, раз соберём ко́ней. Зашёл к ему – дом большúшшой, хорóшой у его. Три дочерí. Он дочерé-от первой сказал:

– Ну-ко, дочь, угости Иван-королевича, за что он меня на свободу выпустил.

Она... поди, не на{д}о соврать... Она ему подала вино. Поди, смешиваю малинько...

– Чё ты, старшая дочь, – говорит, – подарíшь Ивану-королевичу за то, что он меня на свободу выпустил?

– Я ему подарю палку-самобóйку. Если ему обида какая бў́дет дак, палка-самобойка отживёт всё.

Ну, ладно. Второй дочерé:

– А ты чем, ето, подарíшь?

– А я ему подарю скатёр-самобранку. Где бы он не был, и ска{ж}от: «Угости меня, скатёр-самобранка», – перед ём все кушанья окажутся, – говорит.

Вот тожнó.

– Третья дочь, а ты чем снабдишь Иван-королевича, за что он меня на свободу выпустил?

– А я ему дам перстень золотой. Он бѹдёт хоть в темнице, а от перстенья бѹдёт свет как, ну, как... [Солнца?] – не могу даже сказать... – как от лектричества.

Вот. Ну ладно, погостил. С той поры Ивану-королевичу шибко хорошо жилося. И он начал... токо погуливат, а, ето, выпустит лошадей, дочери лѣшого соберут их, вычистят, и соберут домой, и напоѣт-накормят, и всё. А он токо погуливат толды.

Ну вот тожнó война-та и стала. Вот я где перепутала. Война-та стала – на войну всех лошадей рóзобрали. Осталась одна некорѣсенькая лошадка с конюхом. Царь пришѣл:

– А ты что тутокá?

А дядьке дали самую лучшую лошадь, что он завоѣет у нас, и цáрской сын, за ѣвó дочь отдам, мо. Вот. Тожнó этот остался один на дворе. Царь пришѣл:

– Ты что? Тожо {в}едь молодой. Давай езжай. Забирай эту лошадь и езжай на войну тожо.

Он чѣ, поехал на войну. Лошадка некорѣсенькая. Подъезжат к лесу – на опушке лесу опить стоит лѣшой, кричит:

– Иван-королевич, заезжай ко мне давай! Ты меня на свободу выпустил, и я тожо тебя... сказал, что пригожусь, и пригожусь тебе.

Он говорит:

– Дак нет, мне ведь надо спешить на войну.

– Давай заезжай!

Он заехал.

– Вот давай, дочь, подай ему вино! Старшая дочь, подай вино ему.

Она подала ему вино. Он выпил. Лѣшой его спрашивают:

– Как твоя сила? Побольше стало её или нет?

– У-у, побольше! Была бы у меня залѣзина, а это, ну, пудов на тридцать, я бы её, как хворостину, переломил.

Улыбнулся лешой:

– Велика твоя сила.

Другую дочь говорит:

– Давай ну-кося ты подай тожо вино.

Она опять третья (вторая) дочь... Третья (вторая) дочь опеть, это, налила из бочонка, из второго бочонка налила, подала ему. Он выпил. Он (леший) опеть спрашивает:

– Какова твоя сила?

– У! Моя сила – была бы у меня в той руке петьдесят пудов бы гиря, в другой бы петьдесят, я бы как розмахнулся и за облако забросил.

Россмехнулся лешой:

– Велика твоя сила! А ну-ко, третья доць!

Третья доць подала. А лѣшой опять спрашивают:

– Как твоя сила? Прибавилась или нет?

– У-у, бы было за что ухватитьця, я бы всю землю кверху дном поворотил!

Улыбнулся лѣшой:

– Велика твоя сила.

Сам налил из бочонка и пóдал ему.

– Как топере чѹвствуѣшь?

– Топѣре немножко сила как будто бы уменьшилася.

– Хватит тебе сил. Хватит тебе сил.

Вот тожнó пошѣл лѣшой, вѣшѣл на парáдноѣ крыльцо, свистнул на весь лес, так что со всех дерѣвьѣв лис{т} посыпался, так свистнул. Летит конь, земля дрожит, из-под копыт у во искры летят, из ноздрей пламя-огонь, из ушей дым столбом. Вот конь летит! Лѣшой кричит вовсю...

«...» на войну. Видит: дядька сидит под кустом. Он ѣвó швѣичнул плѣткой:

– Вот тебе, – говорит, – за то, что ты меня так наказывашь.

Тожнó выехал на войну, а там говорят:

– Выезжай, дóброй молодец, а мы тебя уне-стóжим.

Он как токо махнёт плёткой – так ряд солдат как не бывало. Кого конём сомнёт. А палка-самобойка роботат, опять убиват и чё, и тут увичит людей, и всё. Дотуль довоёвал – цисто всех перебил. Цисто всех перебил, тожнó идёт домой.

– Я был сын царя, а сецяс буду зять царя. Такой жо ведь сын как, завоёвал раз. А етот, царьот, сказал:

– Кто завоюёт моё усударство, за того и отдам доць.

Приехал, лошадь переменил, отдал хозяину лесному, а тые лошадку взял и идёт. Идет и говорит царю:

– Вот я и твоё усударство завоевал, отдай топере доць за миня.

Ивана-то-королевича бросили в темницу, бро-

сили. А за того (дядьку) хóчёт (царь) доць отдавать. А доць опять притворилась больная-больная:

– Не пойду я за етого замуж, не пойду!

А он чё, едь дядька-то, говорит, что я завоевал, дак уж приходится едь... Вот доць говори... К дочерё пришёл царь, говорит:

– Да ты что дурака валяшь? Смотри, ты за того не пошла, скандал наделала, да счас за этого опять не идёшь. Он нам землю завоёвал, а ты не идёшь за его.

– Не пойду, не этот Иван-королевич, а тот Иван-королевич, которого вы бросили в темницу! Вот, – говорит, – тебе.

Ну, царь убедилса:

– Ну-кося я пойду погложу, где это сидит етот, ну, брошенной, в темнице?

Вот тебе сказка!

с. Воскресенск

5.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЦАРСКАЯ ДОЦЬ

...В тягосте ходит, а кот ходит... [Царица?] А? [Царица ходит в тягости, да?] Да, в тягосте. А царь тожо один только был. И потом она... это, кот ходит по избе и говорит:

– А, Иван, – говорит, – цареевиць, ето, у вас доць эта родитця, у вас доць родитця, и она вас всех съес, – это говорит, – она, – говорит, – вас всех съес.

Он взял коня и уйхал, етот Иван-царевиць. И поехал. Идёт – заяць.

– Прими меня.

– Нет, куды я тебя приму?

Потом всё ехал-ехал-ехал, за моря всё уйхал. Тамо солнышко-глуботá. Глуботá-де. Ето Солнышко-красота, подмóстка-глуботá.

– А, прими меня, солнышко.

Она его приняла. И вот он живёт у иё. Живёт, живёт, живёт, и похотелось ему домой съиздить, опровёдать, всё ле живы... Красота дала платочик белинькой и гребешок, это, чтобы она побежала... Побежать что дак, чтобы бросать. Вот. Он тожнó сля на коня и поехал. Она за им в погоню. Вот уж на пятах. Он возьми да брось гребень-от – стал лес, густушкой лес. И опять поехал, опять идёт. Она уж опять, видит опять уж: на пятах. Он тожнó возьми да платочком махнул. Платочком-то махнул – стало мóрё. Вот тожнó опять идёт сам всё вперёд. Она уж и мóрё переехала, перешла опять. А тожнó Солнышко-то вмисте его с конём прямо в окно. Вот. Вот и сказка.

КИШЕРТСКИЙ район

с. Осинцево

6. КОТОНАЙ ИВАНОВИЧ, ЗАИНЬКА КОСОШАРЫЙ, ЛИСА ПАТРАКИЕВНА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Так, сказка. Жил-был поп. У попа-та был кот. Кот-от старый стал, не стал мышей ловить. Сидит поп, пьёт чай за столом – мыши около его так и бегают. Поп рассердился на кота и выбросил его за окно:

– Куда хошь иди, Котона́й Иванович, а ты мне больше не нужен, раз мышей не ловишь.

Ну чё, коту скучно стало, он заплакал, обиделся, пошёл вдоль по дорожке.

– Мяу, мяу.

Идёт, идёт – навстречу ему попадается зайчик:

– Куда, Котона́й Иванович, пошёл?

– Да я вот жил у попа, старый стал, не стал мышей ловить, поп рассердился на меня и выбросил меня. «Куда хошь, – сказал, – иди».

– Подём вместе?

Ну, пошли оне вдвоём. Идут, идут вдоль по дорожке – попадается им навстречу лиса. Попалась им лиса.

– Это вы куда пошли, Котона́й Иванович, Заинька Косошарый? Куда пошёл?

Ну и вот:

– Да вот я жил у попа... – это опять повторяется, как поп-то это... – Я вот жил у попа, старый стал, не стал мышей ловить, он меня выбросил: «Куда хошь иди, Котона́й Иваныч, а ты мне больше не нужен». Я вот пошёл и встретил зайньку.

Ну, а лисичка и говорит:

– А я с вами вместе пойду.

Ну, ладно. Идут оне втроём, зашли в густой лес. Ну и вот. Идут, идут. Ну и вот. А котик всё помяргиват:

– Мяу, мяу.

Ему же скучно, ну и вот, обидно, что он его выбросил за окно. Ну и вот. Попадаете им навстречу волк. Ну и вот:

– Куда это вы все пошли, Котона́й Иванович, Заенька Косоша́рый и Лисичка Хитрая?

Ну и вот. Да вот опять объяснил. Ну и вот, ну и вот, что, мол, вот {на} меня поп россердился и выбросил за окно, вот я пошёл, и мне попались навстречу товарищи: Заенька Косоша́рый, лисичка. А, нет, ну заенька, лисичка и... как волк-от.

Волк, значит, подумал, подумал:

– Ну и возьмите меня то́жо с собой.

Ну и вот. Ладно, идут по густой чащё. Чашша́ в лесу похрупывает. Оне идут. Слышат: кто-то навстречу им выходит из этой чащи-то. Ну и вот. Медведь выходит, медведь:

– Куда пошли, Котона́й Иванович, ну и вот, Заенька Косоша́рый, ну и вот, Лиса Патраки́евна, ну и вот, волк?

Ну и чё. Да вот он опять объяснил все это, что я вот жил у попа, стал старый, меня не стал поп держать, я не стал мышей ловить, он меня выбросил: «Куда хошь иди, ну и вот, ты мне больше не нужен». Ну я и пошёл вот вдоль по дорожке и нашёл себе товарищей. Вот и мы идём.

Это оне уж идут вчетвером. Ну и вот. А медведь:

– А я с вами то́жо пойду.

Ладно. Идут, идут, идут, во́всё в глухой дремучий лес зашли. Ну и вот. Зашли. Что делать? Стоит избушка на курьих ножках в лесу глухом. Ну и вот. Ну и волк решил посмотреть, маленькое окошечко, го{вори}т тут:

– Некто́ там не живёт, неко́го нет.

Волк-от и говорит, как вроде бы некто́ не живёт.

– Ну дак давайте мы в эту избушку зайдём, и, можот, мы все будем тут вчетвером жить?

Ну, ладно. Зашли оне в эту избушку, там лавочка, столик, всё это. Ну и вот. Оне тут расположились.

– А что мы будем кушать?

Ну а кот сказал:

– Я вот не могу, то бы поймал хоть мышь, приволок.

Ну и вот. А заенька что притащит? Не знаю, чем он питается. Травкой, наверно, одной?

Ну и чё. Волк:

– А я щас пойду, принесу что-нибудь.

Ну и вот. Побежал волк, принёс там, задрал кого-то, принёс еды, положил на стол. А кот, эдь он мясо любит, он давай глодать. Ну и вот. А заинька на задних лапках прыгает да прыгает, ну и вот, радуется, что это ему... А он то́жо эдь, заинька, чё будет сыро-то мясо, как кушать-то? Ну и чё, ладно. Оне тут обнаслежились:

– Давайте мы будем тут жить и поживать в этой избушке.

Ну, оне вот жили – день живут, два живут, три живут. Ну и чё, медведь и говорит:

– А мне тут с вами, вроде как, ну, не знаю, ну, не нравится, что ли. Как бы это понять-то.

Ну и вот, медведь:

– Я от вас ухожу.

Ладно, медведь, значит, от них ушёл. Оне остались втроём: котик, заенька, лисичка. А, нет, вчетвером – и волк остался. Ну и живут, и поживают. Ну, волк, конечно, очень старался, хорошо всё это им подтаскивал. Волки, оне же хищные животные ведь. Ну и вот. Оне до сей поры в этой избушке живут-поживают и добра наживают. Вот такую сказку нам папка рассказывал.

КРАСНОВИЩЕРСКИЙ район

**д. Оралово
с. Верх-Язьва**

д. Оралово

7.

МЕДВЕДЬ – ДЕРЕВЯННАЯ НОГА

«Медвидь и деревянная нога», «Медвидь – деревянная нога» – вот эту-то я сказку помню. Значит, старик пошёл на охоту. И, это, увидел медвидя, выстрелил – медвидь пал. Ну, он думает, что это, всё, застрелил он его. Пришёл, ему ногу отрубил, одну ногу, значит. А чтоб... медведя он всего не унесёт, потом придёт с лошадьё и увезёт его. А ногу принёс домой.

Ну, это, шкуру сняли, сварили дед с, это, с бабушкой похлёбку, наелись, легли спать. Значит, слышат: ночью кто-то вокруг их дома ходит. Он говорит, и дед говорит:

– Кто там ходит?

Он (медведь) говорит:

– Отдай мою ногу! Зачем взял? Отдай мою ногу!

Он (старик) говорит:

– Дак ты на трёх-то ногах всё ровно ходить не можешь.

Он (медведь) говорит:

– Я деревянную ногу сделаю себе!

Вот сделал деревянную ногу и всё ходил, каждую ночь ходил к ним:

– Отдай ногу, отдай ногу!

Он (старик) говорит:

– Мы уже съели твою ногу.

– Как съели?

Он (старик) говорит:

– Дак потому что у нас ись нечё, мы живём со старухой, у нас есь нечего, и поэтому мы твою ногу сварили и съили. Только кости остались.

– Ну, отдайте мне кости!

Он (старик) говорит:

– Дак кости уже собака у нас съела, она тожо ись хóчёт.

Он (медведь) говорит:

– Ну, тогда я к вам приду и вас самих съем.

Он (старик) говорит:

– Ну придёшь, дак и второй ноги лишишься. У меня ведь ружьё есь. Я тебя всё ровно застрелю, если ты ещё раз придёшь сюда. Вот иле уходи сейчас или сейчас я тебе – как возьму ружьё – и

выстрелю. Взял и выставил в это, в окошко, дуло в это...

Он (медведь) говорит:

– Ну, ладно, живи. Оказался ты смелым, а если бы был трус, я бы вас обоих съел.

И ушёл медведь, больше не приходил. А ногу, г{овор}ит, себе он деревянную сделал, ино-то ходил на трёх ногах. [Он скрипел?] Да, нога у него скрипела.

8.

СКАЗКА О ЖЕНИТЬБЕ ТРЁХ СЫНОВЕЙ

Жил царь, ну, с царицей, с семьёй, всё. Он пошёл в поход с войной и гово... и это, а жена осталась беременная. Пока его не было, она родила трёх сыновей, это, тройню родила. Вырастила их, его всё нет.

В обшом, прошло, это, много лет. Он там в плен попал, потом вернулся домой, смотрит, а... зашёл в палату, а смотрит: там царица лежит в окружении трёх молодых человек, людей, значит. Сбоку лежат там, другой ещё сбоку, третей приновился где-то между головой и тем прилёт. А мать тожо сидела, говорит, рассказывала им про отца, и все уснули. Он решил... Схватил топор и хотел их всех зарубить. А это, закричал – царица проснулась. Ну и узнали, что у него, это его сыновья.

В обшом, прошло какое-то время, царь говорит:

– Ну что, надо женить сыновей. Сыновья большие, надо идти искать вам своё... свою невесту.

Дал им всем, значит, благословение и сказал:

– Идите!

Вот пошли. А день шли, шли, смотрят: значит, росстани, три, значит, дорога разделилась на три дороги. Ну, кто куда пойдёт? Ну, старший говорит:

– Ну, я вроде самый старший, давайте я пойду прямо, а вы, значит, уж позже меня уже родились, значит, один идёт на правой дороге, другой на левой.

Вот они шли, шли, это, ну, в обшом, все разошлись, никого нет. Старший шёл и пришёл, смотрит: стоит, значит, какое-то время шёл, стоптал уже все свои обутки. Смотрит: стоит этот замок, терем, сделанный весь из меди. И вот он, значит, блестит на солнце – медный, заборы медные, всё. Он думает:

– Ну как туда попасть?

Пока он ходил, смотрит: там эта, стража. Открыла ему ворота, он зашёл. Зашёл, ну, увидел: молодая женщина стоит, очень красивая. Говорит, что если, ну...

– Заходи, значит.

Он посмотрел, говорит:

– Дак видишь, я в какой... Как я зайду в палаты в таком одеянии?

Ну, она ему... вынесли ему хорошую одежду. Он переоделся, она посмотрела и говорит ему:

– Вот есле ты отгадаешь загадку, то я тебя, значит, пушшу, приму, и ты будешь...

Ну, он рассказал ей, что отец отправил искать невесту.

– Ты, – говорит, – будешь тогда моим мужем.

Вот. Я уж забыла, какую загадку загадывала она. В общем, он думал-думал, думал-думал, глянул на свои ноги... А загадка состояла в том, что обув парную надо носить и беречь. Смысл этой загадки в ней был. Он глянул, а обув-то он не сменил. И говорит:

– Дак вот, надо было поберечь, что ли, её, чтоб снять да босиком идти.

Она засмеялась и говорит:

– Да, ты отгадал эту загадку.

Значит, она его приняла.

Другой брат шёл по тропе, шёл через горы, через реки переходил. Смотрит... Вышел на поляну – среди леса стоит ишо замок. Что за замок? Ну, блестит на солнце весь, серебром сияет. Ага, это серебряный замок. А у него, значит, это... Ну, куда, как зайти, что зайти. А ему страж говорит:

– Слушай, ты не ходи, у нас очень злая хозяйка. Она, если ты не отгадаешь загадку, которую она тебе загадает, она отрубит тебе голову. Посмотри, сколько уже голов висит у нас на заборе.

Он говорит:

– Ну, а куда я пойду щас? Ночь приближается, темно, куда?

Ну, пришлось ему, это... Говорит:

– Ну, что, есле такая судьба меня ждёт, то пускай будет, что, это, голову отрубят.

Он зашёл, значит, в этот, открыли ему двери, зашёл он. Его встречает девица красоты неписанной. Он даже онемел, слово сказать ей не мóжет, ни поздороваться, ни поклониться, ничего. Она говорит:

– Ты что, язык проглотил сегодня?

Он потом засмеялся и говорит:

– Нет, чуть не проглотил, но ещё не проглотил.

Ну, это, кто он, откуда, стали его спрашивать. Он рассказал ей свою историю, что ему надо, значит, туда попась, найти себе нивесту, потому что отец сказал, что надо ему нивесту найти такую, чтобы она соответствовала царскому роду. Он сказал. Ну, она говорит:

– Ну, хорошо. Я – царица своего царства серебряного. Ты видишь, у меня всё в серебре. Но, – говорит, – кто ты такой – умный ты или не умный? Мне ведь мужа-то надо, чтобы царством моим руководить, умный.

Вот он говорит:

– Не знаю.

Она говорит:

– Вот я спрячусь, а ты попробуй найди меня. Есле найдёшь меня, значит, я буду твоей женой.

Сказала и, как птичка, упорхнула – нет нигде. Ходил он, ходил, везде искал, по саду ходил, везде кругом ходил. Смотрит: сидит мышонок на крылечке, в это... Там такая маленькая избушечка стоит, и на крылечке сидит мышонок. Он говорит:

– Здесь не пробегала больша-а-ая мышь?

Он говорит:

– Мышь не пробегала, а вот, если ты мне дашь корочку хлеба, то я тебе скажу, кто тут пробегал.

Он говорит:

– Ну, у меня счас хлеба нет, но вот посадят меня, я тебя накормлю: принесу тебе не только корочку хлеба, но и что повкуснее.

Он говорит, показывает хвостиком своим и говорит:

– Вот там она, там. Иди, ищи её. Найдёшь, она будет как зёрнышко маковой. А ты встань, возьми это зёрнышко, дунь на него и скажи: «Встань передо мной, красавица. Я – твой муж, я тебя нашёл».

Ну вот он так и сделал. Зашёл, смотрит: лежит на столике блюде, а в блюде лежит маковое зёрнышко. Он взял это маковое зёрнышко в ладошки и говорит:

– Ну, будь по-твоему, я тебя нашёл, значит, я твой муж.

Ну и она превратилась обратно в цари... это, в девушку и говорит:

– Да, ты нашёл, молодец. Но тебе кто-то подсказал, всё подсказал.

Он говорит:

– Доброму человеку всегда кто-то поможет.

Ну и всё, нашёл своё.

И вот. Потом... А третий шёл, шёл – тёмный лес, куда идти, не знает. Сел под ёлочку, сидит, смотрит.

– Ну-ко, залезу я под ёлку, может быть...

Уже спать собрался, потом говорит:

– Ну-ка, может быть, увижу что-то там за... Хоть просвет какой-то.

Залез на ёлку, смотрит, а вдали – сияние. Как солнце светит. Он говорит:

– Так. Сколько идти? Ну, это я ещё дойду, силы ещё у меня есть.

И пошёл. Значит, посмотрел, куда надо идти, нашёл дорогу и пошёл. Пришёл, смотрит – золото. Всё кругом в золоте. Он говорит:

– О! Это тут живёт богатый человек. Примет ли он меня или не примет, не знаю. Но попробую.

И вот поклонился замку и говорит:

– Кто в этом богатом замке живёт? Примите меня на ночь ночевать. Ведь тёмная ночь на дворе. Я шёл, устал, путник, да издалека иду.

Выходит, значит, девуш... девица, вся в жёлтом, ну, золоте, в золотом жёлтом платье, красивая. Он посмотрел, говорит:

– Ну, наверно, красивей этой девушки нет на свете.

Забилось у него сердце, и пал он без памяти.

– Куда, что? Куда он полез, куда я полезу в таком щас в обтрёпанном одеянии, весь я слабый.

Очнулся он, смотрит, потом, когда очнулся, смотрит, что он лежит на этой, княжеской постели. Слуги бегают, его, значит, там, кор... его моют, обтирают. Он решил, это, думает: «Ну...»

Она спрашивает:

– Кто ты, откуда?

Ну, он опять рассказал, что вот он царский сын, ищет себе невесту. Какая невеста, где она?

– Дак, – говорит, – сказал, что, какую встретишь, какую полюбишь, ту и возьмёшь.

А она ему говорит:

– Дак ведь не только чтоб ты полюбил, надо, чтоб и она полюбила. А как же ты любовь её заслужишь?

Он, ну, подумал, подумал и говорит:

– Я за неё жизнь готов буду отдать. Что она захочет, то я ей буду, значит, помогать жить, помогать всё делать.

Она говорит:

– Я давно жду такого молодца, который жизнь за меня готов отдать, а то все только идут ко мне из-за золота.

А он говорит:

– А мне золота не надо, мы сами богатые.

Ну и вот, ну что? Нашёл. Сели все они, значит, каждый там решил поехать отцу показать свою невесту. Приехали к отцу все. Одна другой краше невесты! А оне с матерью сидят на троне и говорят:

– Ну, сыновья наши пошли по правильному пути, так что можно их отпускать. Пусть идут правят своими царствами. А мы будем жить в своём царстве.

Вот. Вот такую сказку рассказала мне бабушка.

9. СКАЗКА О СУЧКЕ И СТАРИКЕ СО СТАРУХОЙ

Вот, работяга был, содержал семью. И вот, говорит, вот... А начал-то он с чего: «Я, – говорит, – был на заработках и заработал деньги». Значит, он как раз уезжал куда... где-то работал. Говорит: «Купил себе кафтан синий. Ну, хороший, – говорит, – кафтан. Померял – хорошо. Взял, – говорит, – в это, пошёл. Иду, это, по дороге, – го{вори}т, – уже тут». Где он, откуда-то, ну, по чердынскому тракту, что ли, он там шёл в Оралово. «В Оралово, – говорит, – шёл-шёл, смотрю: синичка сидит на, – го{вори}т, – на дереве и говорит: “Синь да хорош! Синь да хорош!” А мне, – говорит, – кажется: “Скинь да положь, скинь да положь”. Ну я, – говорит, – чё, синичка трéбуёт, просит, ну, взял, скинул да и пошёл. Вот и кафтан вам не принёс показать, чё я заработал. А вам, – говорит, – заработал вот конфеты».

Достал ириски. Они, это, все слиплись в такой комок. Ну, всё равно конфеты. В то же время было сладости-то какие? Это щас они вон: «Шоколад не хочу больше, шоколадные конфеты. Бабушка, какие-то другие есть?» Я говорю: «Других нету. Вы, – говорю, – не принесли. Люди то́жо приходят, то́жо, – говорю, – все приносят такие же конфеты».

Вот, и вот он, значит... Ну, потом сели, чё-то все вокруг него уселись да что, это, дети. Он сел на стул, а мы как-то вот так, кто рядом с ним, кто на колиях. Ну, я была самая маленькая, дак на колиях у него сидела. Вот он рассказывает: «Знаете, вот я, – го{вори}т, – работал там, в деревне, они, – го{вори}т, – жили, старик со старухой. У них детей не было. И так, – го{вори}т, – они горевали, так горевали, ну некому им в помощники. Пошёл, – го{вори}т, – старик в лес дрова нарубить, а старуха ему говорит:

– Ты, старик, там сруби какой-то сучок, такой, чтоб он... ну, можно было куколку, из него сделать куколку. Я хоть буду куколку нянчить.

Он го{вори}т:

– Ну ладно.

Он, го{вори}т, пошёл и нашёл, говорит, такое дерево. Ну, сучок такой, что как малыш. И ручки есть, и ножки – веточки. И головка, го{вори}т, такая, шишечкой на голове. Принёс старухе. Старуха обрадовалась. Значит, его запеленала, одела. Всё, значит, есть у них лялька. Положила в печурку эту игрушку свою – пусть спит. Ночку слышит: ребёнок ревёт. Они удивились:

– Как это так? У нас же детей нет.

Нет, из печурки кто-то плачет. Пришли, смотрят: там человечик маленький. Ну оне так:

– Как его назвать?

Так и называли его – Сучок, раз уж он был сучок. Вот он, значит, его оне рóстили, значит, это. А он не растёт. Он как был маленький, так и растёт и год, и второй. Но помощник в доме был очень хороший: и подметёт, и посуду помóёт, и кашу сварит, и стариков посадит, накормит. Чё ещё надо старикам? Ничё больше не надо, рады-радёхоньки.

И вот, говорит, проезжает, этот, через деревню купец. В это, остановился у них в это, в спа... в избушке. Оне его накормили. И говорят:

– Ложись, спи. Сучок накормит скота, приберёт, лошадей приберёт.

Он:

– Что за сучок такой?

Смотрит: такой маленький бегаёт по полу. Это, всё старикам посу... поели они, старики, посуду вымыл, побе... лошадей, значит, завёл в сарай, в конюшню, напоил, расчесал – всё. Он и говорит:

– Отдайте, прода... отдайте мне его!

– Ты, – говорит, – что хочешь? Он у нас нам помощник, зачем?

Он (купец) го{вори}т:

– Ну, продайте!

Он (старик) го{вори}т:

– Как, кто детей-то своих продаёт? Нет, мы не продадим.

А Сучок им подмигивает и говорит, что продайте, продайте.

– А сколько? – го{вори}т.

Ну, ладно. Он просил-просил, они ему потом говорят:

– А сколько ты нам дашь?

Он го{вори}т:

– Руп.

– Ой, шибко мало ты нам даёшь!

– А сколько вам надо?

– Сто рублей!

А сто рублей – это большие деньги были. Он, значит, говорит...

В обшом, купили (продали) они его, продали за сто рублей. Сидят, он уехал, они сидят горюют. Смотрят – а в доме-то опять Сучок бегаёт. Убежал он от него. Тот, кода отъехали далеко от деревни, вернуться он не захотел больше и махнул рукой. Тот, купец, уехал, а Сучок вернулся обратно. Вот, деньги у стариков есь, жить можно.

Узнала об этом ведьма. Она жила на берегу озера, это, недалеко от них. И всё время, значит, за ним охотилась, как бы себе его забрать. Ну, а старик всё время его говорит:

– Ты смотри берегись, чтобы никогда не попасться этой ведьме, то ведь она заманит и сожгёт тебя в печи.

А он говорит:

– Да нечё не будет! Подождите, я с ней отправлюсь!

Вот он (Сучок) пошёл один раз на рыбалку. Увидел: лодка стоит малинькая, хорошая. Такая, как будто только для него сделана. Сел он в эту лодку, а лодка поплыла. Он и так и сяк, а справиться не может. Лодка так и уплыла к, это, избе Бабы-яги.

Баба-яга увидела это:

– А! Вот наконец-то я тебя и поймала. Думала, думала, чем тебя поймать. Нашла чем.

Он го{вори}т:

– Зачем я тебе ну́жон?

– Как зачем? Ты бу́ошь мне то́жо, как старикам, кашу варить, посуду мыть, за мной... меня в бане парить, всё бу́ошь делать.

Он го{вори}т:

– Да? Ну, ладно. Буду парить. А ты мне деньги платить бу́ошь?

Она го{вори}т:

– Какие деньги? Если что, так я тебя вон в печку на ростопку кину.

Он го{вори}т:

– Ну, кидай на ростопку тогда.

Она, значит:

– Как так это? Ты не бу́ошь?

– Нет, не буду я тебя ни кормить, ни поить, я ведь это...

А старик со старухой там уже дома все испе-реживались – нет нигде их Сучка. Говорят:

– Ну, где он? Куда он мог деться?

Старик пошёл на берег, смотрит, а это, следы его, тут он, значит, пробежал. Ну, пошли, говорит:

– Ну, Баба-яга, я тебе всё ровно, это, отплачу.

Смотрит: у Бабы-яги печка затопилась.

– Ну, сожгёт ведь она его, сожгёт. Он ведь упрямый, ничё не бу́от делать.

А она (Баба-яга) говорит ему (Сучку):

– Ну что? Иле бу́ошь работать у меня, на меня, иле залезай в печку.

Он го{вори}т:

– В печку-ту я залезу, только видишь, какой я маленький, где я достану челó-то? Я туда не достану. Давай покажи, как туда подняться-то.

Она говорит:

– Дак вот так вот.

Раз – ногой встала, второй ногой, и она уже в этом.

– А дальше чё делать? Я ведь не знаю.

Он(а) го{вори}т:

– Вот я, – го{вори}т, – вот лопату поставлю...

У меня чё... – Тут лопата у неё стоит деревян-

на. – И сяду (сядешь) на неё. Вот. И сядешь ты на неё. Я её раз, и туда.

Он говорит:

– Да? А как сесть-то? Ну-ко, покажи мне.

Она, значит:

– Вот так сядешь.

Он взял лопату – шыр! И в печку иё, и заслонку закрыл. Ну, сгорела Баба-яга. Сел он обратно в эту лодочку, вёсла нашёл от неё и приплыл к старикам. И стали они снова жить-поживать и добра наживать». [С деньгами ещё.] Ещё с деньгами.

с. Верх-Язьва

10.

СКАЗКА ПРО СЕМЬ АГАФОНОВ

Семь братьёв как были, это, сказка. Жили оне одне сибе и вот поехали оне на реку кататься в лодке. Огонь сделали в лодке. Огонь сделали в лодку, в это, в лодку, лодка загорела – оне побигали на колодец за водой. С реки-то, с реки-то!

Потом поехали в город. Лошадь запрегать начáli – хомут сзади одевают. Тянут-тянут, одевают. И идут тут деревенские, ну, спрашивают:

– Ну как запречí, запречь лошадь?

Показали им, запрегли лошадь. Ехали долго ли, корóтко ли – лошадь устала, а у них у всех котомочки. Сами все сидят на это, на санях, на санях все сидят семь штук, все роскра́шоны – это сказка.

Ох, лошадь не идёт. Котомки сняли.

– Снимем котомки-ти.

А сами сидят.

– Легче будет. Лошадь повезёт легче.

Лошадь не везёт. Отъехали маленько. Не понимаете? У саней-то оглобля. Оглобля сломалась, оглобля сломалась. Давай иё тянуть. Тянули, тянули, тянули эту оглобля. Опять кто-то идёт.

– Вы чё делаете?

– Да вот вытега́м.

Срубили берёзку, сделали, поехали. Ночь настала. Приехали в деревню. Роспрегли, улеглись, уселись на печку все. Утром встают – считать надо друг друга. Считает один. Считал, считал, считал: один Агафон потерялся, брат. Шесь – семóй нету, шестеро. Вот всех просчитали – ну, всё так выходит: шестеро, седьмой нету.

Хозяин говорит:

– Вы что делаете?

– Да вот у нас один потерялся.

– Сколько ж вы были?

– Сем.

– Дак вы все!

Вот все смеются на печке сидят. А приехали да оглобли-ти, это, сделали на свою сторону, а не в город. Оне в городе. Встали, уселись в это, в сани, ехали-ехали, в глушь, домой подъехали, не в город. Вот и город. Сем Агафонов, и все бестолковые. Вот и сказка.

КУНГУРСКИЙ район

с. Бым

11. СКРИПИ, НОГА ЛИПОВАЯ

Ну, вот это моя мама рассказывала, она ещё щас живая. Кстати, ей девяносто годов, так вот она рассказывала. Короче, как попроще-то?

Пошёл отец – корова потерялась. Пошёл в лес и там встретил медведя. С ним у них договор там случился такой, чтоб медведь его не съел корову, у них договор случился. Отец посеял, поле распахан, посеял репу. Раньше же репа была. Это... Ну, если вы грамотные люди, вы знаете, что на Руси у нас не было такого: ни картошки, ничё раньше не было. [Репа, ууу]. Репа там. Посеял репу.

Приходит отец на поле – кто-то репу выдергал всю. Ну, он сел в засаду, взял топор с собой, тогда оружия как бы не было. Сел в засаду и сидит ночью ждёт. Приходит медведь, здоровый такой, страшный. Ну, он бросил в него топор и отсек одну ногу. Ногу ему отсек, и медведь убежал, короче, не стал пакостить.

А медведь был злопамятный. А дом стоял на окраине села там. Медведь идёт ноччу, а бабушка сидит, прядёт {на} веретено. Знашь, чё такое ведь? [Да.] Так, веретёшко это. А окошко у ней открытое. Она сидит и слы... а медведь идёт по деревне, ногу сделал се{б}е липову. Она скрипит. Он идёт и говорит:

*Скрипи, скрипи,
Нога липовая.
По деревне иду.
Одна баба не спит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско варит.
Приду, бабу съе-ем!*

[А вот какой у них договор был? Что за договор был?] Вот щас не могу вспомнить тожо

ето. [То есть медведь-то... Ему нельзя было, медведю, эту репу дёргать?] Нельзя. У них договор-то был, а репу-то нельзя было дёргать. Он репу-то начал дёргать – отец-то ему топор-то кинул и отрубил ногу. А он его за это решил съисть.

А баушка-та в это время прялá, и сидит, слышит: медведь-то идёт по деревне с окраины... А он крайний, дом-то.

*Скрипи, скрипи,
Нога липовая.
По деревне иду.
Одна баба не спит,
Мою шёрстку прядёт,*

Моё мяско {варит}.

Приду, бабу съем!

Она услышала, баушка-та, типа, эта, что медвидь такое говорит. Го{вори}т:

– Семён! Медведь идёт, щас нас съес!

А чё делать? А ружья-та едь нету, как с ним справиться-та? А они... А подполье-то было... Знашь, чё такое подполье? [Лазала.] Твори́ло открыли, свет, лампу погасили. И всё. Ждут. Медвидь пришёл, раз – а твори́ло-то открытое уже, всё. И оступилса. И туда, в подполье. Оне закрыли и побежали по деревне. Всё это, чё могли, короче, придавили его в подполье-то. Всю деревню собрали. И всё – капец медвидю, съели его.

ОРДИНСКИЙ район

с. Шарынино

12. ПРО СТЕПАНА-ЦАРЕВИЧА

Дак вот цё оне, три брата было тожо их. По-
ехали оне цезез, цезез реку за... Тóжо Поцйй, ли
цё ли, река-та была. А етот, Соловей-от-Розбой-
ник, и йдёт, йдёт и поёт:

*Хто этот мос мостил,
Меня за реку пустил?
Ехать бы мне, переехать бы мне,
Нет со мной поединшычка
Да нет со мной супротивницка.
Есь Степан-царевичь,
Да он ишо в колыбеле качается.*

– Чё ты, – го{вори}т, – Йдолишшо Погáноё,
говоришь?

– А я, – говорит, – думал, что ты в колыбеле
качаешша, а ты по всей земле шатаешша.

Ну, тут он, он говорит ему:

– Ну-ко, – говорит, – Йдолишшо Погáноё,
дунь по реке, чтобы река помíдневела, бережки
поджарились!

Тот дунул, но этот, чё, победил его Добры...
это, победил Степан-от. [Победил, видимо, пер-
вый брат Степана-царевича.] Победил.

На другой-от день опеть надо другому брату
ехать караулить. Чё-то они караулили на мосту.
Йдолишшо двухглавоё йдёт, две головы, тóжо поёт:

*Хто этот мос мостил,
Меня за реку пустил?
Ехать бы мне, переехать бы мне.
Нет со мной поединшычка
Да нет со мной супротивничка,
Есь Степан-царевичь,
Да в колыбеле качатся.*

– Чё ты, – го{вори}т, – Йдолишшо Погáноё,
говоришь?

– А я думал, – го{вори}т, ты в колыбеле качашша, а ты по всей земле шаташша.

Опеть заставил его:

– Ну-ко, Идолишшо Пога́ноё, дунь по реке, чтобы река поджа... река помидневела, бережки поджарились!

Тот дунул – опеть то жо.

На третей день уж топерь пришла очередь этого, Степанова-та. Он пошёл. А коня там привезал, где братья-та, у них там караушка была как, помешшэние. Коня-та там привязал. Он то́жо, трехглавоё идёт – Соловей-Розбойник. Он, это, поёт:

*Хто этот мос мостил,
Меня за реку пустил?
Ехать бы мне, переехать бы мне,
Нет со мной поединшычка,
Нет со мной супротивничка.
Есь Степан-царевичь,
Да он в колыбеле качатся.*

Он опеть:

– Ты чё, Идолишшо Пога́ноё, говоришь?

А он:

– Я думал, – говорит, – ты в колыбеле качашша, а ты по всей земле шаташша!

– Ну-ка, – го{вори}т, – Идолишшо Пога́ноё, дунь по реке, чтобы река помидневела, бережки поджарились!

Он дунул – всё... Ну, оне тут слилися, слилися – ни́хто не мо́жет... Конь-от тамо учуял. А братья спят, оне нечё не знают, спят. Как этот конь-от оборвалса́, налетел. И этот... как Степан-от-царевич бросил шляпу да в караушку-ту. Там только окна зашшэлка́ли. Вту́пор братья-ти

подбежали к ему, подбежали на помо́гу, убили этого, трёх-ту-главого.

Ну вот оне и поехали по етим по лугам. И вот в ко́ю {пору} кровать, стоит койка под яблонью. Степан-царевичь са́блэй стукнул – свалилася женьшына. Оне тогда – ето первого мужика. Он её... зарубили так же. Потом к другому подъехали – опеть койка стоит, дальше ко второму, к трётёму. К трётёму опеть подъехали. Ну и поехали.

Поехали. Приехали к Соловьёному-ту-Розбойнику дворцу. Дворец стоит. А у ёво́, ета, сестра была боуатырь то́жо, у Соловья-та-Розбойника. Она, как оне... подъехал этот Степан-от-царевич, он хотел... она бросила ету, палицу в деветьсот пудов в его. Он ногу подставил, сшиб да и в неё, её убило туто.

Ну вот, оне тутока́ и по етем вот по лугам-то издили. Поехали, приехали. А он, это, языки-те все вырёзывал у етех, у розбойников-то, у Соловья-та. Дак он послéдного-то к седлу привезал, привёз ко князю-ту живьём-то. Привёз. Оне не ви́рят ёму́, не ви́рят. Он заставил:

– Ну-ко, – говорит, – Розбойник, Соловей-Розбойник, сосвисти.

Он как сосвистел – даже ма́ковки-ти с етого, с дворца, политили. Кругом было, то́жо всё было... Тот закрицял, князь-от:

– Хватит, хватит, хватит, не надо!

И убил, убили. Говорит:

– Убирай его, убирай!

Вту́пор его Степан-от и убил. [А Степан-от – это что за богатырь такой?] А он ца́рской сын был, то́жо силач. Силач всё был.

13.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Вот етот Илья-та Муромец, он был самой главной боуатырь. Он тридцет лет не ходил и не ходил, всё он у старика-та да у матери-то один сын был, больше дитей не было. И до тридцети лет он всё лёжал на печё. К ему пришли странники, ну вот два вот, как вот странники, нишшые, хто ле оне.

– А чё, – го{вори}т, – давай ставай, – говорит его.

– Да я, – го{вори}т, – уж вот тридцет лет лёжү, не могу стать с печи.

– Да ставай, мо́жот, ста́нёшь.

Он это:

– Не могу стать.

Оне ему чё-то на́лили. Он выпил.

– Ну, – го{вори}т, – давай, ста́нёшь то-перя.

Он пошевелилса, стал, сел с имя розговаривать. Ну. Вот оне ему ишо на́лили. Он выпил.

– Вот я, – го{вори}т, – топерь силу чувствую в себе.

Вот. Третью чашу налили.

– Вот эту, – го{вори}т, – выпей.

– А мне бы, – го{вори}т, – чейчас кольце в землю, ак я бы всю землю поворотил. Ну. А токо меня, это, не дёржит земля. Всю бы землю бы вкруг поворотил.

Ну, оне взяли, чё-то ишо подали, убавили у его силы. Он пошёл к отцу с матерью, оне ушли. Он пошёл, а отец с матерью корчевали леса, это, пенья да чё там, всё вот выдергивали где-то, росчишшали поля. Он, говорит, как возьмёт, етот, пособи́л так им – всё выдергал моментально.

– Вы отдыхайте, я один буду, – {говорит} етот Илья Мúромец.

Потом он... Чё жо?

– Я, – го{вори}т... Ой...

Вот Цернигов, город Цернигов называется. Там родилося ведь государство... На государство напускалися – отбивали города. Мать и отец го{воря}т:

– Ты, – го{воря}т, – пойдёшь, это, на войну?

Он:

– Пойду, – го{вори}т, – я, посмотрю.

– За́ друга, – го{воря}т, – стой, а за недруга не стой.

Он в етот, в Цернигов, пришёл, в город. Ну, сказка, дак сказка. Оне, го{вори}т, собралися в монастырь все, в церькву, все, го{вори}т, ревут. Уж етот, видно, шибко како-от злой нападат на их, такой. Он (Илья Муромец) г{ово}рит:

– Вы, церниговци, не плацте.

Всё. Всех, го{вори}т, нагнали, какого-то то́жо князя, нагнали вершных три сына. Он, го{вори}т, взял, етот Илья Мúромец, подошёл, их повернул книзу, а руки да ноги ихны связал, отправил домой.

– А больше, – го{вори}т, – на Русь {не ходите}. Думаете, – го{вори}т, – Русь... думаете, – го{вори}т, – вы, Русь, ето, пустая стоит? Нет, – го{вори}т, – Русь...

Потом, го{вори}т, у его ни оружия, нецё, он токо како́ дерево вы́дернёт... и всё... уехали. Потом все уехали, дак оне его ладят блауодарить, эте все люди церниговски.

– Нечё, – го{вори}т, – мне не надо, только дайте, – го{вори}т, – мне хлеба коровай, больше мне ничё не надо.

И ушёл. Вот был какой силач.

14. ПРО СВЕТОГОРА

Светогор. Это на горе-то ўмёр. [Да, да.] Дак вот я скраю-ту то́жо не знаю. Оне изди́ли с Ильёй-то Муромцом. Ак ето, там гроб-от оне нашли на горе-то. Этот, Илья-та Муромец, лёг в ето́т, в гроб-от, –

ему не ладно. А тот, как его, Светлогор называлса, он лёг – и его сразу этой гробни́цей и закрыло. И этот, Илья Муромец, как старалса, не мог никак отбить, эту гробницу снетъ. И вот тут и... не стало.

15. ПРО СОРОЧИНСКУЮ ЗМЕЮ

Ну, он в Поцйй-реке зачал купатьця. А, ето, в Сорочинских горах жила сорочинская змея. Ну, она у князя-та Владимира уташшыла племянницу, ета сорочинска-та земля... змея. И вот. Она:

– Чё, – го{вори}т, – тут неправду, – го{вори}т, – тебе, Добрынюшка Никитиць, светые отци написали на светых воротах, что Добрынюшка Микитиць до́лжон, – го{вори}т, – меня победить. Я, – го{вори}т, – чечас тебя хочу, – го{вори}т, – едино клювом убью в реке-то, захочу – ак дымом зглушу, захочу – дак, – го{вори}т-от, – хоботом убью!

Это змея-то. Он говорит:

– Дак чё, – го{вори}т, – тебе? Скажешь, что Добрынюшка Никитиць в Поцйй-реке купался да, это, утонул.

– Дак выходи, – го{вори}т, – на сушу, – она ему говорит то́жо, ета сорочинска земля, змея.

– Отвороти, – го{вори}т, – большие-де свои шары, ведь ты женьшына, я, – го{вори}т, – мушшына. Я хоть, – го{вори}т, – одежду надяну на себя-то.

Она как выпустила, ето, отворотила – он выскочил из реки-то да... Сразу... Кака-то кольчуга называлася. Ишо и штаны, рубаху не стал надевать, сразу эту кольчугу надял. И тут и он её и убил, эту сорочинску-ту змею. Сорочинску-ту змею. И поехал. А эте, она цё-то... дак языки у ей

вырезал, и всё, как что не повирят ему. И поехал по этем, по Сорочинским-то горам.

Заезжат. А эте, го{вори}т, там змеята-ти у ей, и коню-ту, коню-ту на ноги стали, ето, обвиваются, и всё. А ему мать-та сплела плёточку из семи шолко́в, этому Добрынюшке-то Никитичу. И он, вот это, как, значит, он меж ушами коню-ту хлопат да:

– Ты, – го{вори}т, – Бурушко, поскакивай, с ног этех змеёнышей попинывай, побрасывай.

Ну и вот он поехал по этем. Приехал сам в змеино-то царсво к им. А окурат у князя-та Владимира племянницу-ту украли, она уташшыла её. И племянница-то ро́спета на стене, она её расперла́. Он её узнал, она его не узнала, ета. Ну, он её снял. И много тут было у ёво́ народу всякого. И он эту, их всех этех, народ... Дак оне, го{вори}т, все в пояс ему кланялися, что вот освободил ты всех.

А ето́т, Бурушко, как змеята-те, дак он всех, го{вори}т, ногами притоптывал. И приехал опять к ца́рю-ту, к етому, ко князю-ту. Приехал.

А ето́т, Олёшенька Поповиць, опять у их не везло ведь:

– Ты, – го{вори}т, – мне кресто́вой брат. Ведь, – ето Добрынюшка го{вори}т, – мы, – го{вори}т, – в одной воде крешшо́ны...

Тут уж я и забыла, не знаю, что там было ешо.

16.

ПРО АЛЁШЕНЬКУ ПОПОВИЧА

А Олёша-то Поповиць, он хваслівой был, хваслівой, хвастал шибко Олёшенька-та Поповиць. А Добрынюшку-ту Никитиця... А етот, Олёша... Добрынюшка-та Никитиць, он воёва́л, всё по мыта́рствам іздил. И оне с етой, сибѣ невесту он нашёл: как два боуатыря, сила на силу сошлись. Она шибко девка оказалась проворная. Ну вот оне силой помірились – одинакова сила. И сошлись, пожанились. А Олёшенька Поповича завись взяла, зави́дуёт. И он зацял всё над Добрынюшкой Никитицем... Там куды-то зачали посылать воёва́ть, зачали воёва́ть посылать куды-то. Олёшенька Поповиць:

– Добрынюшку Никитиця посылайте!

Князю всё ровно, надо кого-то в поход. И Добрынюшка Никитиць уехал. Уехал. И жене говорит, Настасье Вікулишне, всё оне называли так. Уехал.

– Жди, – го{вори}т, – меня три года. Три года пройдёт – мо́жешь взамуж ийти.

Вот она ждала три года, шесть годов, девять годов ждала его, и двенадцеть годов прождала – не выходит взамуж.

А Добрыне етому... Олёшеньке Поповичу надо стало её взѣть эту. Она ревѣт, не йдѣт. А оне только жили с етой, с Опрак... Опра́кса Королевишна была. Ревѣт мать-та Добрынюшкина. И ета, жана-то, тожо не йдѣт Добрынюшкина-та. Сило́м князь приказал.

Ну, сделали, как там, свадьбу. И Добрынюшка-та Никитиць вернулса домой. Домой вернулса, его конь розбудил. У него... Он на коне. И он домой-ту пригнал: мать-та ревѣт.

– А чѣ, – го{вори}т, – ты, мамаша, пла́цѣшь?

А она:

– Вот...

– А где моя жена?

– Олёшенька Поповиць взял. Вот сѣдни, – го{вори}т, – вчера была свадьѣбка, а сѣдни столóванье.

Ну цѣ?

– Дак я, – го{вори}т, – твой сын.

Она не вирит:

– У моёва-то, – го{вори}т, – у Добрынюшки Никитиця под правой-то пазухой было вот родімоѣ пятнышко.

Он показал: вот.

– А где, – го{вори}т, – мои гусли?

Там в гусли, ето, играли. Она всё...

– Я, – го{вори}т, – пойду на вецер.

Он пришёл к етому князю там, там, где игроки-те, свадьба дак. А Олёшенька Попович сидит за столом с ёво́ женой. Ну вот он всё:

– Розрешите, – го{вори}т, – мне молодым чару вина подать.

А оне его уж посадили, он всё играл.

– Розрешите, – го{вори}т, – молодым чару вина подать.

Розрешили ему, князь. Он взял, кольцо именно́ѣ, было у ёво́, да ей подал в вине:

– Пей, – го{вори}т, – до дна, дак увидишь добра, не пивать, – го{вори}т, – до дна, дак не видать добра.

Она выпила и сразу кольцо-то увидела.

– Женился, – го{вори}т, – Алёшка Попович, да не с кем спать, вздумал, – го{вори}т, – ты от живого мужа жану брать.

И его как взял, хотел его... Держал его на руке-то, не дал... Увёл. И вот оне и так и жили.

17. ПРО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Ак чё вот только? У князя Владимира было пирóваньё, было столóваньё. И все при беседуш-ке росхвасталися. Кто хвастат силою, хто хвастат молодой женой, хто хвастат старой матерью, хто хвастат добрым, добрым конём. Вот. А молодой Совёр, сын Годёновицъ, он сидел в углу. А кнезя-та не было, только кнегина-та, Опракся-королевишна, только была. Она это им... {Совёр} говорит...

– Я, – го{вори}т, – он зацял, ето, хвастать. – А я, – го{вори}т, – вас всех перехвастаю, – етот, молодой-от Совёр, сын Годеновицъ. – У меня, – го{вори}т, – жена, Василиса Тимофиевна. Она, – го{вори}т, – меня двóю продас, а трóю выкупит. Трóю, – го{вори}т, – выкупит.

Ну, а тут народ, все осердились, купци да хто там, там у ёвó вот были на вечеру-ту. А Опракся-то королевишна, она всё чула, что неправду оне на его насаказали. И в Сорочинские погреба его бросили, етого, молодого-та Совра́, сына Годеновича.

А ето, Опракся-та Королевишна знала, что ето неправда всё. Она от кнезя-та воровский ись носила ему в погреба-то, кормила.

Василиса-та Тимофиевна созвала нянёк, ма́нёк. Созвала. «И чё делать?» Думат: «Как цё выкупить его?» А посол уж там приехал, сказал ему, молодому-ту Совру́... Она нянькам говорит, служанкам:

– Лёжйтесь спать!

Она сидела, сидела, думала на стуле. Взяла свои волосы остригла по-молодецки. А только забыла добыть серёжки из ушей. Ну и приехала ко князю Владимиру.

– Давай, давайте, – го{вори}т, – сильцёв, борцов, или в кула́чики битыця, или вкосых боротьця.

Это она просит всё, эта жана-та. Ну цё, хоть цё, дак она всё перебиват, всё перебиват.

– А ето, – говорит Опракся Королевишна...

И говорит:

– Ну-ко, – го{вори}т, – позовите молодого-та Совра́, сына Годеновиця. Мо́жот, он неживой у их. Мо́жот, ежли живой дак, он, мо́жот, нам не помóжот ли цё.

Князь пошёл, крицял, слуги крицели – нехто́, некому́. Опракся Королевишна пошла сама. И она, знашь чё, закрицяла – он по́дал ей голос. И до́были его.

– А ты, – говорит, – вот...

Князь сам уговариват.

– Вот ты не дал...

Он за столь-то, за много лет просит по́дать с его. Он не платил, князь-от, видно. Ну, поехал.

– Да я... Он, – го{вори}т, – мне знако́мой, – етот молодой-от Совёр сказал.

А она назвалась:

– Я, – го{вори}т, – Васил, посол земли Тугайской, – назвалась.

– Ну-ко, – {Совёр} го{вори}т, – приведите её сюда, ко мне.

Ко князю-ту. А она на царских-то лугах была, шатёр изладила, никого не допускала, всех побеждала. Вот он, ета, как встритились оне со етой, со своей-то женой, взяли ушки́ за ушки́ – поцеловались. Он (Совёр) толда им и говорит:

– Не я ли, – го{вори}т, – вам говорил, что моя жена, ето, Василиса Тимофиевна, двóю продас, трóю выкупит. Вот. Этих забрал.

Потом и эта сказала, Опракся Королевишна: – Это неправда, – говорит, – он, – говорит, – правду ето рассказывал, так-то только было говорёно. И по́дать не зачал просить. И уехали.

– Я, – го{вори}т, – вам правду говорил, что она, – говорит, – меня двóю продас, трóю выкупит. Вот, – го{вори}т, – и выкупила.

Толда он (князь) повирил своей жене.

ОСИНСКИЙ район

д. Нижнее
Залесное

18. ЛАПОТОК И НИЩАЯ

Вот эта баушка тожо одна была. У ё был лопоток. Знаете, лопоток, чё это? [Нет.] Лапоть. [Ну, лапоть знаю.] Лапоть, лопоток.

Она-то этот лопоток, пошла, вот придумала, сидела, жила одна, придумала идти, щё вот проделывать такие фокусы. Взяла лапоток и пошла по деревням. Шла, шла, до деривни дошла... щё вот, до деривни дошла... просится нощёв́ать. Нощёв́ать просится и говорит:

– Бабушка, у меня есь лапоток, он спит с курошкими, во хлеве с курошкими спит.

Она (хозяйка):

– Ну ак щё, с курошкими – с курошкими, пустим с курошкими спать, с курошкими пустим.

Вот и пустили с курошкими нощёв́ать-то этот лопоток, положили там ли, повисили оне его. Вот утром встала эта бабушка, собираются и говорит:

– Тётенька, у меня эдь где-то была курошкя пúшшона.

– Ой, да ты что, бабушка, у тебя ведь был лопоток.

– Нет, нет, что ты, что ты, у меня курошкя была.

Спорили, спорили – отдали курошкю. Вот. Ладно. Пошла с етой, с кúрошкёй. Пошла, опеть до второй деревни дошла – опить на{д}о нощёв́ать. Опеть просится ночёв́ать. Ладно, пустили нощёв́ать её. Она и го{вори}т:

– Тётенька, у меня есь курошкя, она спит с гуськями.

С гусями. Знаете гусей? [Знаем, конечно.] Вот. Вот с этеми гусями спит.

– Ну, ладно, баушка...

Тётенька пустили с гусями эту курочку. Утром встали, баушка эта оболоклась и говорит:

– Тётенька, у меня эдь гусёк был пущонной нощёвать-то.

– Да ты что, баушка, у тебя ведь была курочка.

– Что ты, что ты, гусёк.

Вот опять спорили-спорили – опять отдали гуська. Ладно, ушла баушка с гуськём. Вот. Шла, шла, шла – опять до деревни доходит. Дошла до деревни – опять надо нощёвать. Опять просится нощёвать:

– Тётенька, у меня есь гусёк, он спит с овечушками. С овечками.

Вот, опять пустили с овечушками спать. Вот с овечушками пустили, опять с овечушками нощёвать. Ладно. Три деревни она прошла? [Ууу.] Три? До четвёртой деревни доходит. Пошла опить, опить их спрашивают, нощёвать просится у тётеньки. Она эдь, она чё уж... до овечушки? [До овечушки.] Ой, она уж нощёвала, это овечушку ей надо, вот как.

– У меня ведь овечушка была.

– Да ты что, что, тётенька, у тебя едь был гусёк.

– Нет, что ты, что ты, у меня овечушка была.

Вот спорили, спорили – опять овечушку отдали. Ладно, отдали ей, она ушла, отправилась. Вот шла, шла – опять до деревни дошла. Дошла – опять просится нощёвать:

– Тётенька, у меня есь овечушка, она спит с бычками, с бычками. Знаете, бычки какие? [Знаем, маленькие коровы.] Ну, ну, коровы, бычки. Вот. Ну дак щё, пустили. К бычку пустили. Это оне уж спали с бычком, с бычком. К бычку-ту... С бычком ведь, я сказала, спать-то надо уж ей? [Да.] Ну вот, с бычком. Вот утром встаёт, говорит:

– Тётенька, у меня едь был где-то бычок.

– Ой, да ты что ты, баушка, у тебя ведь овечушка была.

– Нет-нет, бычок.

Ну, вот опять спорили, спорили – опять отдали бычка. Ладно, вот зашла, а потом к девке... Бычка-та вот ей отдали, она на верёвочку посадила его и пошла с бычком с етем.

Дошла до дядьки до богатого и просит сбрую, сбрую на лошедь. Знаете, что за сбруя? [Знаем.] Вот, самое-то лошедь запрягают такое – вот сбруя. Вот он дал ей дровни, хомут, узду – всё, как запрегать лошедь. Всё сделал, дал ей. Вот она и отправилась.

Ёдет по дороге, песни поёт, радёхонька – пошла с лопотком, а, видишь, до щёго дожила. Ладно, зайщик услышал, а ето было дело-то зимой. Зайщик услышал, ну, что-то едет кака-та, писенки поют. {Подумал:} «Какая красивая писенка!» Вот выбежал на дорогу и сидит ждёт, колды подъедут к ему. Доехала баушка до зайщика, он и говорит:

– Ох, баушка, баушка, посади меня. Кака у тебя красивая писенка!

– Сади-и-ись!

Вот и поехали. Поехали с зайщиком. Поехали с зайщиком и нащали песни пить. Двоё. Она сначала одна пела, потом зайщик подсел, и с зайщиком запили:

*Тпрушки, бычок
По дорожке тещёт,
Сани не наши,
Хомут не свой.
Понужай, не стой.*

Вот. Ох, лисицка бежит, услышала писенки. Лисицка прибежала. Выбежала тожо, сидит на дороге.

– Ох, баушка, баушка, какая у вас красивая писенка! Посадите меня!

– Сади-и-ись, поехали!

Опеть давай писни пить. Троё уж поют
писньи.

*Тпрушки, быщок
По дорожке тещёт,
Сани не наши,
Хомут не свой.
Понужай, не стой.*

Поняли, она щё, про щё поет? Это всё не её,
чужоё. Вот. Волк услышал, что писньи поют,
едут по дороге. Вы́шол на дорогу и сидит ждёт,
колды подъедут. Вот. Подъехали к волку, волк
говорит:

– Баушка, баушка, посадите меня. Кака кра-
сивая у вас писенка!

Вот, ето уж стали щетверо пить их. Вот опять
едут. Бабушка опять нащала:

*Тпрушки, быщок
По дорожке тещёт,
Сани не наши,
Хомут не свой.
Понужай, не стой.*

Вот ехали, ехали, их ведь уж много, тяжоло́.
В лог заехали – у их оглобля изломалась. Знаете
оглобля-то, лошадь запрягать – оглобля? [Ага.]
Оглобля-та изломалась, вот бабушка-та и зару-
галась ета.

– Вы насіли. Такая тягось – изломалась
у меня оглобелкья. Давай бежи, заяс, по оглоб-
лю в лес.

Вот заяс убежал. Бежит, {г}де-то на дороге
вицкю нашёл. Ташшы́т в зубах вицкю.

– Ох, ты бестолковой, ты бестолковой! Да
эка ещё была, была-та оглобелкья-та!

Наругала его. Щё, кака оглобля...

– Давай бежи...

Лиса ведь, ли кого? Лиса? [Заяц.] Это заяц хо-
дил. А это щас лиса. Ой, лиса, кого-то, не знаю
кого, она и нашла, каку-ту соломинку на дороге.
Раньше эдь солому возили. Она соломинку на-
шла и ташшы́т в зубах соломинку. Вот прибежа-
ла, баушка заругалась:

– Да где-ко на оглобля-то это?.. Бестолковая
ты, бестолощ ты!

Вот, опять нещего, опять оглобли ниту. Посы-
лают волка:

– Иди, волк, по оглобля.

Волк пошёл. Он куда сходит, волк?.. Ташшы́т
жердь. Совсем с корнями жердь, жердь. Знаете
жердь? Тоненька жёрду́шка выросла в кучке, вот
это называется жердь. Вот он её и ташшы́т.

– Бестолковой ты, бестолощ ты!

Вот. Пришлось самой идти. Чё оне, чё не
в лад-то ташша́т. Сама пошла. Сама-та пошла,
они и придумали. Быку-то пушину-то распороли,
разрезали, кишки-те выпустили, съили. А потом
колья воткнули, на колья-те ету овшину-ту бы-
кову-ту натенули и поставили: стоит, как быщок.
Вот она пришла, притащыла оглобелкю, вер-
нула, запрегла и по́йхала. Дёрнула за вожжу-ту,
дёрнула – он и пал. Он щё, едь у его ног-то нет,
не дёржится. Пал. Она вот тут ревела, ревела, и
не знай, куда и девалась эта бабушка.

19.

ИВАНУШКА И БАБА-ЯГА

...А Ваньку не берут на охоту идти, охотни-
чать {в}от в лес. Ушли парни-ти, убежали. Он
то́жо пошёл, собрался и один пошёл. Шёл, шёл,
шёл лесом – вытти не мо́жот некуда. Заблудился.

Попадутся избушка. Стоит на курищье́й
голяшке, вертится. «Что такое? Что за избушка
за такая?» Вот зашёл в ету избушку – там Ба-
ба-яга на пещё лежит. Вот.

– Бабушка, бабушка, пусти нощёвать!

Вот. Ладно, она пустила, согласилась. И придумала ёво изжарить в пеще. Пещь истопить и изжарить. Вот рано-рано стала, пещь истопила. Утром он стал. Она ему и говорит:

– Давай, Иванушко, садись на лопату.

Как вот хлеб садить. Он сел. Руками, ногами в цело упёрся – она его посадить-то не мóжет, ничё сделать-то с ём.

– Ты неправильно сел, вот так садися!

Всё ровно никак не полуцатся, не мóжет она его посадить в пещь.

– А ты, бабушка, давай меня поуци. Ты вот сядь на лопату-ту, и я посмотрю, как ты садишша.

Она как села – как он не обробёл да и ша-рахнул её в пещь на лопате-то. И закрыл пещь. Пещь закрыл заслонкой. Вот она там орала, орала. Щё, он всё ровно эдь её не выпустил. И изжарил там её. Она в своё время денёт много, и всё,

и она вот эте деньги... Он деньги эте у её собрал и ушёл домой.

Пришёл домой, поехал на базар, всего, набрал себе одёжу. Бедно, бедно жили. Три брата жили. Набрал одёжи, всего. Сделался бóдрой, боуáтой, стал жанитьця.

Меня на свадьбу приглашали, на пир. Я издила на пир. Щай с мёдом пила. Мёд по носу бежал, в рот не попал. И напилася пьяная. Напилася... А это осенью было дело-то, уж холоднёнькё. Поехала... На лошодё была. Лошедь со мной была. Поехала домой-ту, оне мне дали зипун синёй да шапку. Ехала, ехала – в лог заехала. Там огород стоит, чё-то, видно, это, был заогоро́женной. Скотину, скотину, раньше-то {ве}дь огороды были, скотину выпускали, идь не пасли раньше токо скотину-ту. Вот сидит синюшка на огороде и кричит: «Шапка с пухом, шапка с пухом». Мне пьяной-то слышалось: «Щирей в ухо! Щирей в ухо! Щирей в ухо!» Я россердилась, раз – шапку бросила...

20.

АННА СНЕЖУРКА

А эта Анна Снежурка...

Вот девчонки бегают, бегают – придумали: «Давай Анну Снежурку убьём... В ямку её зароем». Сказка дак сказка. Вот согласились. Взяли ямку вырыли, её закопали там в ямку живую, видно. Вот и ягодки эти свои разделили, её ягодки в кружке разделили, кружечку изломали, бросили, и всё.

Потом пришли домой, Анну Снежурку не привели, Анну Снежурку к бабушке. Бабушка спрашивают:

– Где Анна Снежурка?

– Осталась, мы аукали, аукали – она не услышала. Вот и пришли без Анны Снежурки домой.

Вот через сколько лет на её могилке выросла таволóтка. Вот длинная-длинная выросла. И вот мимо этой таволóтки шли два бурла́ка. Дошли до этой таволóтки, им уж шибко она пондравилася. Тавалóтка длинная, и не сущкёв, нищё нету, прямая таволóтка. «Давай, срежу». Ну, срезали. Срезали, срезали, а таволóтка не бывает пустая. Дерево не бывает пустое ведь. Есть только мы́мранки пустые. Знаете мы́мранки? Вон щас у нас в огороде мы́мранки. [Нет.] Душúшшы-те мы́мранки. Да мы́мранки душúшшыые. Вот, посмотрели, а она пустая. Зачали дуть. Она начала играть тамо, петь с таволóтки-то. Она и запела:

*Дяденька, потихоньку,
Свет родной, помаленьку.
Две меня сестрицы убили,
Дуб-под дуб схоронили,
Ягодки розделили,
Кружецкую изломали.
На моёй-то могилке
Выросла таволóтка.
Шли-прошли два бурла́ка,
Срезали таволóтку,
Сделали по дудáрцу...*

Интересно ведь: зачали дуть и, дуть зачали – у их там заиграло. Вот. Вре́мя подходит, и к деревне подходят – надо где-то нощёвать. Вот шли, шли, как раз к ним в избушку зашли. И угодили жо вот к этой к дедушке да к баушке, где, у кого Анна Снежурка жила. Пришли – бабушка реве́т, пла́щёт. Они говорят:

- Зачем, бабушка, плачешь?
- Вот какоё у меня го́рё слушилось. Одна была внучка Анна Снежурка, и то не стало.
- Ой-да, баушка, не плачь! Мы тебя розвеселим. Вот мы тебе споём писенку, бу́дёт весело.

Вот она их щаем напоила, вечером отужнали, сили. Сили, и оне стали. Сили вот на лавку, он взял дудощку и зачал дуть в её опеть – она опеть и заиграла, запела тамо, опить же ето про «дяденьки потихоньку». Опеть поёт:

*Дяденька, потихоньку,
Свет родной, помаленьку.
Две меня сестрицы убили,
Дуб-под дуб схоронили,
Ягодки розделили,
Кружецкую изломали.
На моёй-то могилке
Выросла таволóтка.
Шли-прошли два бурла́ка,
Срезали таволóтку,
Сделали по дудáрцу...*

Тут бабушка опеть, сразу говорит:

– Ведь это, наверно, наша Анна Снежурка. Вот. Давайте её на печь положим, вот на пещку к ночи.

Вот оне согласилися эту дудощку положить на печь. Она ночью-ту росохлася – Анна-та Снежурка и выскочила из дудощки-то. Вот вам и сказка.

ОЧЁРСКИЙ район

с. Токари

21. СКАЗКА ПРО КОТА

Жила-была одна старушка Дуня. У её некогó не было, один кот был – большой-большой. Вот эта Дуня вырастила кота, сделала санки, запрягла кота этого и поехала по миру кусочки собирать. Раньше всё кусочки собирали.

Ёдёт, ёдёт, ёдёт – попадают навстречу заяц.

– Вы куда поехали?

– Кусочки собирать.

– Примите меня с собой.

– Нет, у нас места мало.

– Да прими-и-ите.

– Да места мало!

– Ну, да мне немного места надо.

Посадили. Ехали-ехали – попадают имя лиса.

Лиса и го{вори}т:

– Посадите меня с собой. Куда едете?

– Кусочки собирать. Да некуда у нас, некуда – санки маленькие. Чё, коту-то велики санки {нужны}?

– Да мне немного места надо.

Лиса хитрая. Посадили. Поехали. Ехали, ехали – медведь, это, попадают:

– Возьмите меня с собой.

– Да ты что, медведь, у нас вóвсё некуда садиться.

– Да как-нибудь всё ровно посадите.

Кусочки собирать поехали. Медведя посадили...

Тогда нá поле раньше овины были, большие ямы были. Кот вёз, вёз, вёз, ему тяжело стало, как перепрыгнул через ету яму – оне все в яму пали. А кот убежал, всех свалил в яму. [И Дуню тоже?] И Дуню тóжо, и зайчика, и лису, и медведя. Сидят, ись-то нечё. Сидят недилу, две. Чё делать?

– Давайте голосянку тянуть.

– Давайте.

– Кто не дотянёт, того ись.

Тянули, тянули, тянули голосаюнку – заяц не дотянул, его съели. Чё, много ли с зайца проку-то, день-два и нету. А лиса хитрая. Она, как кишки-те выпустят дак, она их под ж...у да под ж...у, сидит на кишках-то. Зайчика съели. Тянули, тянули голосаюнку – Дуня не дотянула, её съели. Чё делать? Медведь осталса да лиса. А лиса, это, хитрая, она кишочки опеть себе под ж...у. Тогда чё делать? Она сидит ес{т} кишочки, а медведь говорит:

– А ты чё, это, Лисофья, всё чё-то ешь, а я голодом сижу?

Она говорит:

– А вот, – говорит, – я вот запехала руку в... – я уж так... – руку в задь, кишочки свои достаю да и ем. Ты, – го{вори}т, – запехай лапу туда дак, это, в за́дней-от проход, кишки-те выташшы, – ей надо, как сказать, медведя-то обмануть, ей ведь не задавить его. – Станёшь, – говорит, – кишочки ись.

Он запехал лапу свою и выташшыл все кишки, и пропал. Вот лиса сидела, ела-ела, месец, мójот, ела, больше, опять голодом сидит. Летат ястреб. Он заметил, там пахнет мясом-то. И летат, выглядыват. Она го{вори}т:

*Ястреб-ястребок,
Вымостил мосток,
Выпусти из ямки,
Накорми меня досы́та,
Напой меня допья́на,
Насмеши меня до слёз.*

Ястреб думал-думал, как её выташшыть из ямки. Нашёл большую-большую палку, подал ей – лиса вышла. Вот. Она говорит:

*Ястреб, ястребок,
Выпустил из ямки,*

*Накорми меня досы́та,
Напой меня допья́на,
Насмеши меня до слёз.*

Тогда, это, он думат опять, как жо её накормить досыта. А раньше эдь пахали, пахаря на́ поле, садили, это, сеяли. Уедут на́ полё-то. Уехали. А ребята па́ужну несли маленькие. Брагу несли да шаньги да чё да, на полё-то ребята-то па́ужну-ту несли дак. А он, это, сидет перед имя, оне его хочут его поймать – он опять перелетит. Хочут поймать – а... Бежали-бежали, па́ужны-те оставили. А в это время лиса-та подошла, наелась, из туёсьёв-то браги напилась. Вот. Напилась и пьяна сделалась. Выспалась. А оне, ребята-те, и про па́ужну забыли. А пришли – уж па́ужны-то нету. Чё, воротились обратно домой.

И тогда, это, {лиса говорит}:

*Ястреб, ястребок,
Вымостил мосток (он опять над ей летат),
Накормил меня досы́та,
Напоил меня допья́на,
Насмеши меня до слёз.*

Ястреб думат, как жо насмешить иё до слёз. Думал-думал. В одном дому молотили. Раньше у нас вот, у нас всё в ограде молотили. А там подворота была, подворотня была, она была не заложона. А собаки больши́е-больши́е были. Вот. Он залетел под крышу-ту, там молотят женьшыны. Он сел одной женьшыне на голову, а другая прилетела – болты́х по башке-то, хотела ястреба убить, а не попала. А ястеб-от, это, лиса-та под ворота-та гледит и хохóчét, что можно. А собаки-те сорвалися да за лисой. Вот уж толда она как насмешы́лась, а собаки за ней. Она бежала-бежала и в дупля́ю забежала, забежала в дупля́ю, раньше дупля́, это, липовые стояли дупля́. Туда. Говорит:

– Ножки, ножки, что вы, мои ножки, думали?

- А то и думали, что от собак спастись.
- Ушки, ушки, что вы, мои ушки, думали?
- То и думали, что от собак спастись.
- Хвостик, хвостик, чё ты думал, когда бежал от собак?

- А то и думал, что собакам стравиться.
- Выставила хвостик-от собакам – как оне её за хвост-от дёрнули, вытащыли тут и съели. На-смешил её до смерти. Вот тогда и всё, и сказка кончилась.

22.

СКАЗКА ПРО ЗАЙЦА И ЛИСУ

Лиса да зайчик задумали избушки строить. У зайчика была избушка лубяная, а у лисички – ледяная. Лиса изо льда строила, а зайчик-то из этого – из моху да из сучьёв. Пришла весна – у лисички избушка растаяла, а у зайчика нет. Она пришла к зайчику (осень-то подошла), она пришла, говорит:

– Зайчик, пусти меня ночёвать, у меня избушки нету – растаяла.

– Я тебе чё говорил, надо ставить из моху, а ты изо льда.

– Пусти меня ночёвать.

– Нет, не пушшу, ты не послушала меня, не пушшу.

– Нет, пусти! Хоть на порожок пусти!

– Ну, ночуй. Ладно.

Ночёвала, ушла. Ходила, ходила день-два – опять идёт.

– Зайчик, пусти меня ночевать.

– Ты меня переспорила, не пушшу.

– Нет, пусти! Хоть на гóлбчик пусти!

Раньше гóлбчики были к пече-то.

– Ну, ладно, ночуй.

Ночёвала, ушла. А потом опять ходила, ходила – опять (холодно всё-даки, осень дак), опять пришла, просится:

– Зайчик, пусти меня ночёвать.

– Нет, не пушшу.

– Да нет, пусти, я на печке хоть погреюсь!

Уж на печь за... просится.

– Иди! Где была, там и, это, в своей избушке живи!

– Да у меня избушки нету, растаяла.

– Ну ладно, залезай на печь.

Сидели, сидели, поели. Тода лиса говорит:

– Давай, зайчик, буюм сало топить.

– Давай буюм сало топить.

Легли. Под того тарелку положили, под другого. У кого больше сала натопится. Вот. Лежат на печке-то, эдь чё, печка-та жарко топлена дак, сало топится у их. У зайчика много натопелось, а у лисы нет. Вот. А лиса толда хитрая, она встала, пока зайчик спал, она его-то тарелку переставила себе. И говорит, встали:

– Вот, зайчик, смотри, у меня сколь натопелось, а у тебя ничёво нет. Избушка, значит, моя.

Зайчик говорит:

– Нет, моя!

Спорили, спорили, и лиса выгнала его из избушки. Идёт {зайчик}, ревьёт. Попадают ему кот.

– Чё ревьёшь?

Ой, нет, петух сначала попадают.

– Чё ревьёшь?

– Лиса меня выгнала.

– Ну, ладно, щас выгоним! Пойду дак, выгоним щас.

Вот. Кот пришё... этот, петух пришёл, сидит на грядке. Потом... зайчик всё ревьёт. Идёт кот:

– Чё ревьёшь?

– Из избушки лиса выгнала.

– Аүа. Ладно, пособи́м выгнать лису. Не реви, иди домой. Я приду к тебе щас. Собираются петух, заяц... Тогда опять ревьёт идёт, попадают баран:

– Чё ревьёшь?

– Да лиса из избушки выгнала.

– А чё теперь делать?

– Давай, дескать, пособи́й нам лису выгонять.

Аүа, баран пришёл. Все собралися. Как лису выгонять?

– Ты, – говорит, – баран, вставай у дверей; а петух на грядку; а кот, кот бўот мяукать.

Всех распределил зайчик. И он сам бўот выгонять. Петух сидит на грядке:

– Вырву репку, в лоб да в лоб! Вырву репку, в лоб да в лоб!

А кот мяукает, мявкает, что можот, скребётся, страшшат иё. Лиса сидела, сидела на печё – нечё делать, приходится слезать на пол. Ко дверям подходит, а баран её толда на рогами-то буд да буд, буд да буд. Вот. Бўдкал да бўдкал – лиса была да нет, убежала в лес. А оне все остались в этой избушке и живут-поживают тожнó в этой избушке, добра наживают.

23.

ПРО МЕДВЕДЯ ЛИПОВЫЕ НОГИ

Старик со старухой жили, у их некогó не было, лошадёнка маломáльна да дровёнки – сани как. Поехал старик по дрова осенью. Лежит валёжина, а под валёжиной медведь. Он мял валёжину-ту. Старик соскочил с саней, побежал, давай сучки валёжине рубить и отрубил лапу медведю. Медведь соскочил, убежал, больно ведь лапу. Медведь ходил, ходил, деревяшку приделал. А старик уехал домой, это, дрова нарубил. Бросил старухе лапу:

– На, это, оснимай да суп вари, а шкуру-ту, дескать... шерсь определи.

Шерсь-то, видно, она, лапа-та, длинная. Вот. А потом старик, значит, пошёл дрова рубить, на{д}о печку топить ведь, плохо эдь тожо раньше жили. Рубит дрова-те, а медведь идёт через ниделю:

Скрипи, скрипи, нога,

Скрипи, липовая.

По сёлам спят,

*По деревням спят –
Одна бабушка не спит,
На моёй коже сидит,
Моё мяско варит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско варит.*

А она истопила печь-ту да и поставила суп. Старик прибежал:

– Старуха, старуха, медведь идёт! Чё бўом делать?

А старуха быстро сообразила:

– Ладно, старик, ты под шостóк туда залезай, – под шостóк, как у меня, дрова у меня там на́кланы, – а я, – го{вори}т, – залезу в печь за чугунку.

Хоть жарко, ну, стерпит, видно. Испугалась, дак не гóрё, что жарко. Вот.

– Медведь, – го{вори}т, – придёт дак, если бўот в печь лезти дак, я толкну чугунку-то.

Медведь пришёл, ходил, ходил. Пахнет вкусно супом. Давай в печь лезти. Не мог не старика, не старуху найти. Печь-ту открыл – старуха-та как толкнула чугунок-ту ногой! А суп-от, это, жирной дак, пролился медведю на лапы. Медведь заорал да на старика, старик заорал тошней того – жгёт ведь. Ну и {медведь} убежал в лес. Там всё зализал своё. Мóжот, ни дня, мóжот, две прошла. Старик опять дрова рубит, привёз дак, надо эдь их... раньше эдь чё, пилой пилили да топором кололи. Медведь идёт опять. А старик слышит опять:

*Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая.
По сёлам спят,
По деревням спят.
Одна бабушка не спит –
На моёй коже сидит,
Моё мяско варит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско варит.*

Старик услышал, прибежал в избу:
– Старуха, опять ведь медведь-то идёт. Чё б́ом делать?

Старуха быстро сообразила:

– Давай привяжом кадушку к матнице и залёзем в неё, и б́ом сидеть. Он нас всё ровно там не достанёт. Больше некуда деваться-то – найдёт.

Привезали быстро, да, видно, плохо привезали. Вот. И залезли оба туда, и сидят. Медведь ходил, ходил, ходил – нигде нечё не смог найти. Да, это... Видит кадушку-ту, достаёт да болтат маленько её. Там старик закашлял. Старуха тожо – заболталась кадушка-то – испугалась, тожо закашляла, испугалась. Ну и роскачались оне в этой кадушке-то. Качались, качались – и оборвалась кадушка-то да медведю на башку. Ладно. Медведь, это, испугался и убежал. Оне опеть спаслися. Больше-то не знаю, чё наврать вам. Остались живы. Медведь ушёл, больше не приходил.

24. ПРО ВОЛКА

Старик со старухой жили. У их было: мальчик, девочка, три овечки, два телёнка, с́вой конь вороной, ч́ичелка-чувы́челка, кобелёчик мяко́нькой. Ч́ичелка-чувы́челка – кошка. [Угу. Чичелка-чувычелка?] Да. Кобелёчик мяко́нькой. В лесу жили вóвсё. А это. Некого́ негде не было.

(Я вот ишо неда́внё помню, мы жили у нас в... старик со старухой в лесу жили долго-долго, ну, наверное, уж шас умерли. Вóвсё в лесу одне жили... Рассказывали тоже про их.)

Ну и вот, идёт волк:

*Увы-увы, волчок.
На горе старичок.*

*Старичок, старушка,
Парничок да девка,
Три овечки, два телёнка,
С́вой конь вороной...*

Ну, так. А... приходит, говорит старику:

– Отдай старуху!

– Почёму́ старуху? Нет, не отдам старуху. Вон – овечку.

Овечку выбросил.

– Иди!

Волк завалил на спину, ушёл. Ну, там сколько, ни дня, прошла, опять идёт:

*Увы-увы, волчок.
На горе старичок.
Старичок, старушка,
Парничок да девка,
Три овечки, два телёнка,
Чучелка-чувьчелка,
Кобелёчик мякенькой...*

Опять старуху просит.

– Да ты что привезалса ко старухе? Бери ишо овечку!

Опять овечку отдал. Он так у его стаскал овечку, потом чучелку-чувьчелку и жеребца вытаскал. Старик думал-думал: «Теперь парнишку, да девчонке несдобровать, да старухе. Чё делать?»

Поехал на базар. Накопил деньги сколь-то. Ну, продажу сколь-то накопил. А и купил ружьё. Ружьё купил, наворотел везде дыры. Это чтобы видно было, как волк идёт. И как волк-от идёт, песню-ту поёт, он толда давай стрелять. И всё-даки убил етого волка. Этого волка убил, и все оне остались живыё. А жеребца, и этех, чучелку-чувьчелку, три телёнка, две овечки – это всё вытаскал. А эте остались: старик со старухой да парнишко с девкой остались – внушки.

Если так-ту рассказывать, дак долго рассказывать. А тут понятно уж я вам рассказала, что он всех вытаскал. Сколь раз ходил.

25. ПРО ИВАНУШКУ

Про Иванушку рассказать ишо сказку? Жили-были сын да мать. А Иванушка всё рыбачил на реке. Вот. А мать дома ему пироги пекла да... из рыбы-то да шаньги напекёт. Вот. Он рыбачит, она уйдёт на реку:

– Ива-анушка, Ива-анушка! Припллови к бережку. Поешь шанежки-пирожки-и.

Он го{вори}т:

– Слышу-слышу мамонькин голосок.

Приедёт, она его накормит, напоит. Он рыбу вывалит – {мать} опять домой уйдёт.

А эта, Баба-яга, сидела в кустах и подслушивала. Один раз мать-та ушла, накормила. Она вышла:

– Ива-анушка, Ива-анушка! Припллови к бережку! Поешь шанежки-пирожки!

Он го{вори}т:

– Слышу-слышу – не маменькин голосок!

Не подошёл. Вот. Мать опять приходила. Она толда слушат, как мать говорит, что надо тонким голосом. Вот мать пришла, опять накормила, напоила, он рыбу вывалил, мать ушла. Баба-яга пришла немного погодя и кричит:

– Ива-анушка, Ива-анушка! Припллови к бережку, поешь шанежки-пирожки-и.

Вот Иванушка приплыл:

– Слышу, слышу мамонькин голосок!

Что опять тонким голосом кричит. Приехал к берегу-ту. Вот. А она вроде так жо снаредилася. Приехал, рыбу-ту стал вываливать-то – она его цап-царап и домой. Домой привела, истопила печь. И... А он сидит у ё, она его не отпускаёт. Печку истопила, го{вори}т:

– Ну-ко, Иванушка, садись, ето, я тебя в печку, поджарю, – говорит.

А Иванушка сел, ноги росшарáшил, руки росшарáшил. Она толкала-толкала – ничё не могла сделать. Тогда, это, говорит:

– Не так!

– Ну, если, – говорит, – не так, покажи, как садиться-то надо.

Вот. Она села на лопату, свернулась комком. Тода он её швыр в печь и закрыл. И там она изжарилася.

Вот и сказка вся.

26. ПРО ЗЕЛЁНУЮ ГОЛОВУ

Жили-были старик со старухой, и внучка была. Вот оне уехали в гости дня на́ три, а внучку оставили одну. Оставили внучку, она это всё управилась за скотиной, всё. А чё-то придумала:

– Кто в тёмном лесу, – поздно вечером вышла, – айдате ко мне ночёвать! Кто в тёмном лесу, айдате ко мне ночёвать!

А Зелёна голова за овином стоит:

– Я иду, иду, иду!

Вот она (внучка) испугалась, побежала, закрылась. Тогда, это, и залёгла, спряталась где-то на печку, в барахло завалилась.

Тогда Зелёна голова мостные двери грызла, грызла, грызла – прогрызла. К утру толда в избу двери грызла, грызла, грызла – прогрызла. И пошла девочку искать. Искала, искала, искала – нашла. Нашла девочку, а девочка живёт... (Мине как раньше отец рассказывал дак, я к ему жмусь, жмусь, жмусь, маленькая тожо была дак, боюсь! А тогда, это, Насте вон тожо рассказывала, она токо просит: «Роскажи про Зелёну голову».)

Вот. Тода эту девочку схватила и поташшыла. Ташшыла, ташшыла, а уже снег, пороша была. Но доташшыла до норы – большая-большая нора, и туда вниз. А там у ё комната. Там свету-ту мало, нету. Токо костерок какой-то горит. Сама села за стол зубы точить. А девочку за стол посадила. Девочка сидит, значит.

Старик приехали домой – девочки нету. Побежали в огород, след нашли. Старик взял топор и побежал. Бежал, бежал, бежал, бежал – всё-даки по следу нашёл эту нору. Раз – спустился туда, в нору-ту. А Баба-яга сидит, зубы точит, девочку ись. А девочка вся дрожит, сидит за столом. Вот старик соскочил в эту их, как бросил топор – так один глаз ей, Бабе-яге, выбил. Она, это, пока ксю... куксилась да чё да, он подскочил, второй раз схватил топор, как свистнул – второй глаз выбил. А толда уж добил Бабу-ягу. Тода девочку вынял. Вынял и понёс домой. Шёл, шёл, шёл домой. И, это, пришли домой. И стали тожо жить да поживать. Вот. Сказка малинька.

27. СКАЗКА ПРО ИВАНУШКУ И НЕВЕСТУ

Ну, слушайте, роскажу сказку. Длинную только. [Да, нам надо длинную.] Жили-были... Жил-был старичок, у его был внучок Ванюшка. Жили оне двоё. А отец с матерью не знаю, {г}де у его были. У старика старуха умерла.

Потом, ето, пошли оне метёлки рубить, на метёлки. А старик-от, как я жо, глухой был. Нарубили метёлки. Вот. Старик-от знал дорогу-ту домой-то. А Иванушко-то отошёл, отошёл, кри-

чал, кричал старика-та – не докричалса. Ушёл, да не по той дорожке-то. Пошёл да{ль}ше в лес, в лес, в лес – стоит избушка. А темнат уже. Зашёл вот в эту избушку:

– Избушка, избушка, к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась. Заходит – там ста-арой старик сидит:

– Чё, молодёц, пожаловал?

– Да вот, я заблудился, от дедушки отстал.

– Ну ладно, утро вечера мудренее.

– Меня, – го{вори}т, – пустишь ночёвать?

– Ложись спать. Напейся квасу, ложись спать.

Вот напился квасу Иванушка, лёг спать. Но-чёва́л. Утром старик говорит:

– Вставай.

– Ты, – го{вори}т, – мне расскажи, куда дорога-та, иди-то.

Старик говорит:

– Вот иди прямо по этой дорожке, влево не ходи, вправо не ходи. Иди прямо.

А Иванушка шёл, шёл, говорит:

– Почёму́ же он мне не велел по этой дорожке ходить? Нет, я зайду.

Ну, зайдётся... Этот, пошёл по другой дорожке, а прямо не пошёл. Шёл, шёл, видит: озеро. На озере девьки купаются. Платья все развалили. А прилетят – как летят – как, это, как сказать, утки, а розденутся – как девьки. Плаття на их хорошие всё. Вот Иванушка гледел, гледел на этих уток из реки, оне купались, купались, вылители и улители все домой. Иванушко воротился к этому старику.

– Чё, – го{вори}т, – ты мене не велел, дед, мне ходить по этой дороге? А я, – говорит, – такое чудо видел.

– Какое чудо видел ты?

– А вот, – говорит, – купались девьки, да такие нарядны, такие баские.

– Ну, ладно, иди снова по этой дорожке утром. Ночуй, – говорит. – Иди снова по этой дорожке и подглядывай. Как оне уйдут купаться, ты у одной девьки возьми пла́тьё и сложи в сумку, и не отдавай, иди ко мне.

Вот Иванушко сидел, сидел – девьки прилетели, плаття сняли, разбросали. И он у одной девки, значит, платье взял и в сумку положил, и дожидат, когда эте все улетят девьки. Девь-

ки-те все улетели – у одной плаття нету. Бегат, ишшэ́т, ишшэ́т, ишшэ́т. Иванушка туда вышел, говорит:

– Ты не ишшы, пла́тьё-то у меня в сумке.

Ну, всё-даки трусики-то на ей есь.

– Вот, – говорит, – я куда пойду, ты и за мной подёшь.

Она ревела, ревела, ревела, уговаривала – не в какую он не о́тдал. Он пошёл – она за нём, всё реве́т. Привёл он к старику к этому. Старик говорит:

– Ну вот, это бу́от твоя невеста. Дам, – говорит, – я тебе посох-дубинку и шляпу. Придётся, – говорит, – домой, а на усадьбу на свою эту дубинку постав, шляпу надень – и у тебя, – го{вори}т, – вы́растёт большой-большой дворец.

Ну, Иванушка послушал, невеста то́жо всё ревела, а он уж, оне стали её уговаривать:

– А ты, – говорит, – уж теперь не супо́рься, бу́ошь его женой.

Вот старик это всё ему дал, шляпу и дубинку. Пошли оне туда, направил он их толда домой, где, откуда оне пришли. А пришёл домой-ту – старик-от уж у́мёр. Но он на эту усадьбу поставил посох, шляпу надел – и такой дворец вырос. А вот. Тогда Иванушка стал, как это... главным дак, у его роботники бегают, слуги всё делают, он токо распоряжается. А эта, невеста, как у его бароня сидит. А дру́гую оде́жу-ту он ей купил, ето уж пла́тьё всё не отдаёт. В один прекрасный день (а у его створки-те раскрывались) {невеста говорит}:

– Иванушка, дай мне пла́тьё померять. Ты посмотришь, какая я красивая в платье.

А он не додумал, то́жо, Иванушка. Уговорила его. И он дал ей пла́тьё-то надеть. Она села на окошко-то:

– Посмотри, какая я красивая!

Створки-те открыла, говорит:

– Ишшы меня за тридевять земель.

И улетела. Чё, он ревел, ревел – опять пошёл к этому старику. Вот. Старик толда:

– Ведь я тебе говорил, что не давай пла́тьё, ты не послушался меня.

Он этот дворец оставил, всё слугам наказал работать, чё делать, и отправился к старику. Вот старик этот говорит ёмú:

– Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром стал старик рано-рано, громко-громко свистнул, крикнул – все звери собрались. Он спрашивает, хто, дескать, мо́жот за тридевять земель увезти этого Иванушка искать невесту. Звери не согласились нехто́. Он толда направил его дальше по этой дорожке. А там ишо у его брат жил, старше его.

– Он, – говорит, – больше знает, иди, – говорит, – к этому к старику, к брату.

Ну, и он пошёл. Шёл, шёл, шёл то́жо, до избушки дошёл. Зашёл – старик ста́рой-ста́рой сидит.

– Чё, мол, добрый молодец, это, пожаловал?

– Да вот у меня невеста улетела, велит искать за тридевять земель.

– Ну, ладно, утро вечера мудренее. Ложись спать, напейся квасу да. Утром видно бу́от.

Утро пришло. Этот старик рано-рано встал опять. Свистнул громко – все птицы прилетели. Птицам заведовал, видно. Орла нету. Ишо раз свистнул – орёл прилетел. Он говорит:

– Ты, орёл, вот мо́жешь Иванушку увезти за тридевять земель искать невесту?

Орёл говорит:

– Мо́жот, – говорит, – смогу.

Согласился. Вот Иванушку этого на орла он посадил, привезал, и оне полетели с орлом. Ну и питания имя́ дал на дорогу. Летели, летели,

летели – высокая-высокая гора. До полгоры забрались, орёл говорит:

– Давай отдохнём.

– Ну, давай.

Отдохнули, поспали.

– Ну, ладно, садись снова. Ишо пое́дём.

Вот. Ехали, ехали – на гору поднялись. На гору поднялись, а там ровнина-ровнина. Тогда орёл говорит:

– Ну, всё, Иванушка, я тебя довёз, теперь ишшы свою нивесту.

Вот тогда, это, Иванушка пошёл искать свою нивесту. Идёт по ровнине. Два чёрта дерутся. Он говорит:

– Черти, вы чё дерётесь?

– Отец с матерью умерли, имение нам не rozdелили.

– А эдь како именье-то?

– Шапку-невидимку.

Ауа, шапку-невидимку Иванушку, значит, на руку.

– Ладно, – говорит, – разбегайтесь в разные стороны, дайте мне шапку-ту, – го{вори}т, – невидимку. Хто, – го{вори}т, – доперёд до меня добежит, того и шапка бу́от.

Вот. Оне разбежались. Он эту шапку-ту надел – его не видно. Оне бежали, бежали, разбежались, и счас, наверно, бежат ишо, шапку-ту всё ишшут.

Тожно́ в этой шапке-то он пошёл искать девочок. А черти-те там уж... их он оставил. Шёл, шёл, видит, что поляна хорошая, луга. Эте девьки-те гуляют, все хараводом ходят. Наряднушшы́е. Он увидел свою-то нивесту и рядом стал, а они его-то не видят, а он видит. И, это, встал, возле её всё ходит, ходит. Оне отгулялись, отгулялись, и домой, по домам. И она в свою комнату отдельно то́жо. У их большой, го{вори}т, дом был, не одна девка-та была. Вот. Заходит в дом-то, в комнату-то, и он за ей. Она закрылась. Он говорит:

– Ну, всё, тепере ты от меня некуда не уйдёшь.

Нашёл всё-таки свою нивесту. Вот свою невесту нашёл. Ну, за стол оне сядут – он с имя садится, его ведь не видно. Токо стали замечать, что у девьки-то у той много убываёт:

– Чё, – го{воря}т, – у тебя так много убывает?

– Я, – го{вори}т, – не знаю, много ем, что ли?

Вот, а не замечают, он всё в шапке-невидимке-то ходит. А потом уж, когда он в комнату зашёл, шапку-ту невидимку снял.

– Всё, – го{вори}т, – теперь ты от меня не уйдёшь. Я, – го{вори}т, – тебя не оставляю.

Ну чё, она билась, билась – пришлось ей, это, идти с ём, туды домой обратно, во свой дворец. Тогда увёз иё домой. А уж как домой-ту увёз, я не знаю. Это не рассказывали мне, как оне попа-

ли домой-то, на чём. Ну, тогда уж она больше от его не убежала.

Стали оне жить-поживать, добра наживать. Я у их бывала, пиво пивала, по носу бежало, в рот не попало. Дали мне шлык – я под ворота швырк. Дали мне шапочку писану. Птичка летит, го{вори}т: «Чашечка писаная, чашечка писаная». Я думала «обдристаная», взяла да свистнула. На мне была юбка полосата. Птичка летит, го{вори}т: «Юбка полосата, юбка полосата». Мне слышится, глухая дак: «В юбке поросята, в юбке поросята». Опять снела, бросила. Синей кафтан ишо на мне был. А птичка летит и говорит: «Синь да хорош, синь да хорош». А мне слышится: «Скинь да положь, скинь да положь». Я свернула, положила под кокорку, и щас не знаю, под которой. Вот и всё.

28.

СКАЗКА ПРО МЕЛЕНКУ

Одну ишо расскажу. Про мёленку. Жили старик со старухой, у их ничё не было: две курочки были да петух. (Настя молодец. Подсказки-те подсказывают. Всё уж выучила, наверно.) Вот, это... Курочка с петушком всё с двум курочкам греблись, греблись, греблись и жёрново выгребли. А это, волшебные слова надо было знать. А... подобрали это жёрново, старик взял и говорит, а вроде мёленки было:

– Мёленка, мели!

Мёленка начела молоть, а ето, муку, а оне стряпают лепёшки, олашки стряпают из этой муки, едят – сытушшы стали. Узнал про это барин. Барин приезжает:

– Отдай, дедушко, жёрново.

– Нет, не отдам.

– Отдай!

– Нет, не отдам.

Билса, билса старик – барин отобрал жёрново, увёз. Петух узнал об этом. Вот. Полетел за этим, за барином. Барин ушёл домой, петух {взлетел} на ворота, говорит:

– Кукареку! Отдай, барин, жёрново. Кукареку! Отдай, барин, жёрново. Кукареку! Отдай, барин, жёрново!

Барину надоело слушать:

– Слуги, слуги, идите петуха поймайте, посадите в стаю, чтоб быки затоптали.

Посадили... Слуги поймали петуха, посадили в стаю, а петух залез на быка и, это, опять кричит:

– Барин, отдай жёрново! Барин, отдай жёрново!

Вот. А барин говорит:

– Слуги-слуги, да вы чё это не можете петуха уничтожить? Идите, посадите его в колодец.

А в колодце-то мало было воды-то. Бросили его туда, а, это, петух сел на воду и говорит:

– Ж...па, пей, ж...па, пей, ж...па, всю воду выпей. Ж...па, пей, ж...па, пей, всю воду выпей.

Ж...па всю воду выпила. Открыли колодец – он опять вылетел, опять залез на ворота, опять кричит:

– Кукаре́ку! Отдай, барин, жёрново. Кукаре́ку! Отдай, барин, жёрново.

Барину надоело опять слушать.

– Да слуги, что вы такие, не можете петуха уничтожить? Вот. Идите, истопите баню, затопите баню, и чтоб он там в дыму задох.

Затопили баню. Баня топится, петуха туды забросили. А он говорит:

– Ж...па, лей, ж...па, лей, всю воду вылей. Ж...па, лей, ж...па, лей, всю воду вылей.

Ж...па всю воду вылила, каменку залила. Петух опять {освободился}. Побежали слуги, хотели, это, петуха-то забрать, как вроде живого иле мёртвого закопать, – он опять вылетел, опять на ворота:

– Кукаре́ку, отдай, барин, жёрново! Кукаре́ку, отдай, барин, жёрново!

Барину опять надоело слушать:

– Да слуги, да это что такое? Не можете петуха... Идите заколите, изжарьте, я съем.

Побежали слуги, петуха закололи и отеребили, изжарили, барину поднесли. Барин всего петуха съел, захотел по-большому. Вышел в туалет. Петух опять орёт:

– Отдай, барин, жёрново!

Он го{вори}т:

– Слуги, слуги! Давайте берите скорее топор да рубите, – говорит, – голову-ту ему!

Он живой там осталса, сделалса. Слуги побежали. Один слуга как тяпнул да барину холку отрубил. А он успел, петух-от, голову отдёнул.

– Да это что такое за волшебной, – говорит, – петух? Чё с им делать? Ладно, давайте-давайте, слуги, убирайте его. Где это жёрново? И петуха увезите старику обратно.

Ничё не мог барин с петухом сделать. Увезли обратно к старику. Вот. Опять барин, это... старик говорит:

– Ну, мёленка, мели.

Мёленка мёлёт. Муку мёлёт, и оне пекут олашки, чё-то стряпают, едят. Остались все с этой мёленкой. А барину не досталось ничё.

29.

ПРО КОТИШКУ И ПАРНИШКУ

Жили-были старик со старухой. Опять старик со старухой. Было у их парнишко да котишко. Всё, только внучок был да котишко. Вот. А раньше мно-ого хлебушка пекли. Бабушка напекла хлеба и заставила парнишка да котишка в подпольё сносить хлебушки. Раньше в подпольё носили всё хлебушки, чтоб меньше сох. А помногу стряпали. Тогда эте... она легла отдыхать, испекла хлеб, а парниш-

ко да котишко-то носили хлеб в подпольё. И котор-от из них наклали на лесенки. Пришёл обед, бабушка пошла... старик пришёл с роботы, бабушка пошла по хлебушко и подкатилася на этех какушках. Вылезла. Парнишка лупила, лупила.

– Не я! Не я! Не я!

Кота лупила, лупила.

– Не я! Не я! Не я!

Не могла виноватого найти. Так отлупила обоих! А парнишко-то не осердился, а кот-от осердился, ушёл в лес. Вот. А парнишку жалко стало кота. А старик говорит:

– Старуха, – прошёл... неделя ли больше прошла – нету кота, – пеки блины да оладей, я щас пойду по кота.

Пришёл в лес, а старуха напекла это всё, в корзину сложила. Пошёл в лес. Вот. Под ёлку сложил всё, запрятался за елúшки. Сидел, сидел, сидел и задремал под ёлкой-то. А кот в это время слез, наелся и опять на ёлку. Старик прокараулил. Приходит домой.

– Ну чё, старик, принёс кота?

– Да я прокараулил его, он наелся да ушёл. Манил, манил – он не подходит.

Опять неделя прошла. Вот старуха толда говорит:

– Я щас сама пойду.

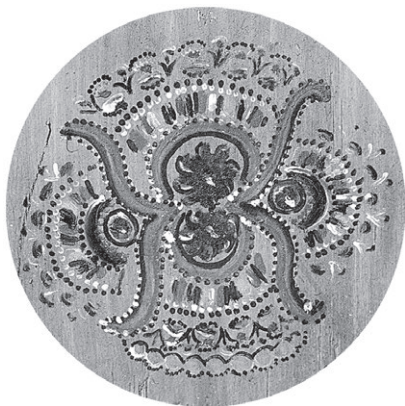
Пошла сама, опять блинов, оладей напекла, в корзинку сложила, молока налила. Опять на-

шла эту ёлку, старик-от рассказал. Всё составила под ёлочку, сама сидит караулит. Вот кот-то, это, будто что дрёмлёт, а однем-то глазом всё глядит. Вот. Кот сидел, сидел, спустился, стал ись, а старуха укараулила и цап-царап кота-то. Поймала всё-даки и в корзинку сразу посадила, и больше не отпустила. Старик не мог укараулить, а старуха укараулила.

А мальчик всё ревёт, что ему надо кота. (Вон как. Хотя у нас Люба вон ревёт об коте-то, то́жо потерялся кот дак. Она рёвушком ревёт, старуха, восемсят лет. Об коте так ревёт, так ревёт дак.) Тожно́, это, принёс домой, парнишко повеселел, стали оне с ём опять играть. А и старик со старухой успокоились, что кота принесли домой. Кот больше не убегал. И парнишко. Оне до того дожили, и старуху со стариком схоронили, кот да парнишко, и одне остались. Вот. Старик со старухой умерли.

Там у их был колодец. В колодце была шшука да елец. Моёй сказке конец.

СИВИНСКИЙ район

**пос. Северный
Коммунар**

30. ЛОШАДИНАЯ ГОЛОВА

Да, мама рассказывала нам. Мы маленькие были. Вот изба такая деревенская была, спали на полу. Я уже так начну. На полу спали, вот отец спал с этого края, мама – с этого. И мы, маленькие все, в середине. И уже в деревнях света нету, темно. Не то, что вот сейчас. И нам было это жутко страшно. Про Лошадиную голову такую сказку рассказывали.

Жили-были старик со старухой. И было у старика дочка, это как наподобие сказка «Морозко», и у старухи дочка. Вот. Не любила старуха старикову дочку и решила избавиться от неё.

– Вези да вези, старик, иё в лес! Пусть иё там волки съедят или ещё чё.

Старик отбивалса, отбивалса, ну всё-таки поехал, повёз её. Она ей наложила, ну, по-деревенски говорится – дресвú. Дресвú, вы не знаете, чё такоеё. Это баня по-чёрному, камни перегорают, и из неё получалса такой песок. И положила она им туда, так, дресвú и чё ищё. Забыла уже типерь.

– И пусть уже умрёт она там, это самое, с голоду.

И поехал мужик. Едет по лесу, горько плачет: жалко доченьку. Стоит вдруг изба в лесу в глухом. И заехали они в этот дом. Он иё оставил.

– Ну, – говорит, – через три дня выживешь дак... Выживешь, не выживешь, приеду, хоть косточки захороню.

И проходит три дня. В общем, так... На первый день... Допустим, дочку звали Маша. Ну, так назовём. Открывает мешок, и вдруг там вместо камней лежит хлеб и крупа. Она решила печку затопить и кашу сварить. Только села за стол – вдруг мышка побежала. Мышка пищит за столом и говорит:

– Кашка на ложку, кашку на ложку!

Маша добрая была, накормила мышку. Ну, пора спать ложиться, залазит на полати кверху, только начинает засыпать – вдруг гром загремел, изба затряслась. Выходит из голбца (гобец – это подвал), выходит страшная Лошадиная голова и лезет по лесенке кверху съести Машеньку. Услыхала мышка и давай бегать по дому. Бегают эта мышка по дому и говорит:

– Здесь я! Здесь я!

Лошадиная голова испуг... это само, услышала и давай бегать за этой мышкой, и пробежала до утра, до четырёх часов, пока петух не запел. Петух запел, а... и, в общем, пробежала и потерялась эта Лошадиная голова. Вдруг откуда ни возмись с потолка мишок золота свалился. Машенька собрала это золото и поставила в угол.

И так начался второй день, точно так же свари... печку затопила, кашу сварила. Только сести за стол – опять мышка бегают, Лошадиная голова за ней бегают. И пошёл уже третий день. Третий день пошёл, опять же Маша кашу сварила, опять эту мышку накормила. А Лошадиная голова уже лезет вот-вот съести Машу. И, это самое, мышка бегают, отвлеклась Лошадиная голова, за ней пробежала. И третий мешок золота свалился за три дня и три ночи.

Ладно. Что делать? Так, ребята, я уже запуталась. Вот, свалилось золото, собрала это золото Маша. И приезжает уже на третий день к вечеру отец, дедушка, похоронить свою доченьку. Приезжает – глазам своим не верит: Маша жива, здоровёхонькая, там и сундук парчи, и золото, и мешки золота. Он рад-радёшенек, погрузил Машу и повёз домой на лошадке.

Приезжает, а старуха-то от зло... как сказать, от жадности:

– Давай, вези мою скорей, старик, дочь!

Наложила ей там всякие сладости, хлеба белого, там пряников. Приезжает дочь, злая, ленивая была, ничё не хотела делать. А у неё вместо этого – пряников, хлеба – образовалась камни да дресва́ там, в общем, такое несъедобное. Мышка только... Маша сидит, ой, не Маша. Как уж её, дочь-то, назвать? О Господи... Сидит голодная, ей покушать нечё. Выбегает мышь, просит у неё:

– Кашку на ложку! Кашку на ложку!

А та:

– Уйди ты! Я ещё и сама голодная!

Вот. И приходит ночь, надо спать ложиться. Легла только, ну, дочь, на это, на полати залезла – вдруг гром загремел, изба затряслась. Лезет Лошадиная голова к ней, а та в жутком состоянии. И съела её {Лошадиная голова}!!!

Вот и сказке конец.

СУКСУНСКИЙ район

с. Советна

31.

ЛИЗА И РАЗБОЙНИКИ

Раньше эдь были купцы. Жил-был один купец. У его была дочь. Вот, скажи ты, забыла ведь, как её звали-то, ишо и не здумать... Ну, можно другоё имё придумать. Ну, пусть будет Мария. И вот оне, раньше вот ведь чё эдь, купцы дак, оне собираются то туда в поездку, то туда в поездку. А оне уж очень боуатые были. У их дом был двухэтажной: внизу у их жили, ну, слуги, аверху оне сами там жили.

И вот оне уехали. Лиза! Вспомнила, Лиза! Оне уехали, она осталася одна тамверху-ту, в своей комнате. А это дело всё было подкараулено: раз одна осталася, дак можно их ограбить. И приспособилися эту, листницу, на второй этаж, и зализают. Она услышала. А у их там, у ей сабля лежит, вешатся у койки-то, близко. Она услышала, что тут, у окон-то, кто-тоси бара́батся. Она схватила саблю-ту да к окошку. Руки-те, вот так-ту поймался {за подоконник}, она как дёрнула – и всё облетело. И он туда улетел. Зализат второй. Она и второму так жо. Ну, последни-ти уж не посмили. Обрезала... раз руки обрезала дак! Ну и последни-ти убежали.

Ну, и эта шпана, жулики решили всё-даки ету Лизу доканать. И вот, это... А оне чё, у них эдь то́жо всего полно, раз оне воруют дак, оне эдь то́жо богатыё. Оне выехали на базар, товар весь розложили и всё по дешёвой цене продают. А служанка одна сходила и говорит:

– Ох, Лизонька, сходи-ко на рынок-от. Там до того один красивой торгует.

А это самой-от у их главной-от, красивойшой да одет так.

– Поди-ко, там всё по дешёвой цене продают.

Ну, она пошла. Пришла, всё это розглядывают. А они ведь её знают, сказали, что вот она. Ну, он её туда заводит, за прилавок:

– Вот всё посмотри, всё погеди, вот погеди, как у нас. И... Я очень тобой интересуюсь. Говорят, ты уж очень боёвая.

Ну, она ему ничё не говорит, что... Ну, она поняла, наверно, то́жо, что это самые те! Ну, побыла она, нечё не купила, пришла домой.

А те чё придумали? Посватать-ца её. «Сватать-ца её приедем». Приехали её сватать-ца. Ну, рассказали, вот тут-то, тут-то я живу, вот такой-то боуатой. Вот так дом в лесу, на поляне. Всё рассказал, что вот такой-то дорогой мо́жешь ко мне придти. Ну, охота её всё-таки уманить.

Ну, ладно, она бо́й-ка была, решила: «Значит, я пойду». И он как рассказал, она всё так и пошла. Он рассказал:

– Вот идёшь ты тем-то лесом, там дорожка, по этой дорожке, там поляна попадёт, ишо поляна, и ишо лес, на третьей поляне уже наш дом. Там ты зайдёшь, можот, и нас не бў́дет, зайдёшь, заходи в этот, на второй этаж, и там кровать есь такая: то́лькё на её лёгёшь, она всю комнату вы́бегат и опить на то жо место вста́нёт, где была.

Ну, это ей всё стало интересно. Ну, и она пошла... Нашла этот дом, зашла в его, в этот дом. Ищет, так оглянулася: так всё красиво, всё боуато, ну, так живут хорошо. Ну, она, это, походила, походила и, верно, на эту кровать-ту легла. И верно: она всё вы́бегала и опить на то жо место встала. Значит, это оне, значит, это ихний дом.

Ну и потом ждёт их сидит, что где-то оне откуда-то должны приехать. А никого нету-ка вобшэ, дом так стоит. Ну, она ждёт. И слышит: оне едут, этот, такой гам, гром, ну чё, пьяные. И девуку везут оне, то́жо боуатую взяли, то́жо произдевать-ца. Ну, ладно. Она чё-то испугалась, взяла, под кровать залезла и сидит.

Оне её (другую девушку) привели, за стол посадили. Она (Лиза) то́лькё хотела выскочить, сказать, что эдь я невеста-та, зачем другу-ту привёл. Ну, думает: «Ишо перенесу, потерплю». И оне её (другую девушку) кормят. А она чем наест, раз она похишшэна. Оне её так-ту кормили, кормили с ножа и закололи. Та (Лиза) испугалась, конечно. А кольцо снимали, снимали – не могли снять. Совсем с пальцем отрубили ей, палец-от укатилса, и под кровать. Она (Лиза) кольцо-то цё-то сдё́рнула с пальца-то, на себя надела, опять лежит.

Ну, все перепились, все пьянёхоньки. Кого тутoka? А её (убитую девушку) цё-то сделали, в шкаф поставили. Ну, она красивая очень. Ну, она (Лиза) думала, думала: «Чё же мне? То ли... – Он спать лёг на эту кровать. – То ли мне его разбудить, то ли мне убежать?» Ну, он ей понравился уж очень. Ну, она его сколь-то потрясла – он не разбужа́тся. Она и думает: «Нет, наверно, я уйду домой». Она всё ёво́-то надела, весь обряд, и пошла. Ну, те, кто там караулили, некто́, раз сам куда-то пошёл, то внимания не обращают, чё и куда он. Ну, она прошла.

А потом он быстро пробудился. Его-то, чё он носит, его нет. Ну, он решил, что это она была. Он в погоню. Как сказано, как она побежит, это по этой дорожке, – в погоню. Она выскоцила из лесов-то, видит: мужик сено кладёт. Она и прибежала к ему и говорит:

– Пожалуйста, заложь меня, сейчас меня доганивают.

Ну, он её заложил в сено. Заложил – оне подбегают:

– Ты тут не видел?

– Нет, не видел.

Воз потыкали, потыкали, она внизу дак.

– Никого, – го{вори}т, – робята, у меня нет, – го{вори}т, – окромя сена у меня, хоть чё делайте, а никого нету.

Ну, вот он её привёз домой целую. Ну, оне всё ровно добиваются, что им надо её похитить. Всё-даки это не простая девка. Опять приехали к ним, он приехал как свататьця, по-настояшшэ-му. Ну, она попросила, чтобы комнату отдельную дали, один на один. А и там уже всё подготовили, то́жо это как милиция, как вроде того, что... всё-даки это всё неспроста делается. И он со своими приехал. Те сторожат, и други́ сторожат. А оне там сидят, судят. Она и рассказывает, что я у вас была.

– Я у вас была и видела, как вы эту девку закололи. Зацем вы её закололи?

И вот, вот этот... указала, что вот на етом персту вот кольцо вот у меня. Он то́лькё её хотел тут... – двери-те раскрылися, там уже все забраны, оне уж караулили, чё оне говорят. Ну и тут его скрутили, забрали, связали ёво́ и тех всех. Ну, он и говорит:

– Вы меня не троньте и не убивайте. Сколь у меня есть боуатства, я вам всё отдам, то́лькё нас с Лизой в живых оставьте, меня и её. А остальное всё возьмите...

Ну, ладно. Оне не соглашаются ни в какую! Его не розвязывают. Он и говорит:

– Вот давайте поедём к нам, ко мне, где я живу.

Ну, люди согласились, пошли, не то что ехать, а пошли, да шибко большой толпой пошли. Пошли, он и говорит:

– Если меня связанного поведи́те, значит, будут в вас стрелять. А если вы меня розвяжите, я пойду свободно, вас никто не пошевелит.

Ну, оне, это, розвезали руки ему, освободили всё. Идут, и он идёт, это, свободно. Заходит, а им наказывают:

– Вы никуда не уходите, я сетяс прикажу на столы собрать. И вы у нас пообеда... поиди́те, мы вас угостим.

Ну, люди то́жо... Она с им, она от ёво́ не отстаёт, с им забежала туда, и всё, и потом выскоцила, их помахала, что заходите все. Ну, оне все зашли. Всех угостили. И он, сколь у его этого боуатства есь, он всё отдал. И к им жить перешёл. И ихним зетем стал. И больше он не стал воровать.

Ну вот я у их была, мёд пила. По́ носу бежало, да в рот то́лькё не попало. Мне дали колпак, в подворотню-то как швы́рнули – я вылетела. А потом мне-ка дали синий халат, красные сапожки и шапку с пухом. Вот я иду с этой сказки-то, лётит ворона. Ой, как жо?.. «Красные сапожки! Красные сапожки!» – кричит. А я... слышалось: «Мне чирей на ножку». Ну, я взяла, сапоги-те уж сняла, пешком пошла. Иду дальше: «Синь да хорош! Синь да хорош!» Мне показалося: «Скинь да положи». Я скинула {халат}, положила. Потом дальше опять кричит: «Шапка с пухом! Шапка с пухом!» Мне почуялось: «Чирей в ухо». И шапку сбросила. Вот так и пришла безо всего. А нарядили. Всё.

32.

ИВАН-ДУРАК И ПОП

Раньше ведь всё Иван-дурак в работники наряжался да куда да. Это я, конечно, не слышала, поэтому. Где-то эдь близкими, подругими рассказываются. Ну, этот, Ивану-дураку, конеч-

но, работы нету. Кто его, дурака-та, возьмёт на работу-ту? А пошёл на рынок: «Можот, где-нибудь натака́юся». Идёт, идёт этот, батюшко, и говорит:

– Вот мне бы надо работника.

– Слушай, я ищущу работы. Ты меня не возмёшь?

Он говорит:

– Да к чё не возмущу-то? Возмущу.

Ну, ладно, Иван согласился, батюшка согласился, всё в порядке. Пришли к им. А он других-то работников брал дак, не кормил, а Иван это слышал, что он не кормит. Сили поись. Он (батюшка) и говорит:

– Давай, старуха, пообедам да и заодно́м уж и поужинам. Чё уж потом трестись-то? Отроби́мся да и спать.

Ну, Иван то́жо был с головой. Поили-поили, ну, час ужина, поужнали, он забрался на полати и лёжётся спать. Ну, батюшка говорит:

– Да ты что, Иван, надо э́д пороби́ть хоть.

– Ха, а после ужина в каждом доме спят.

И всё, завалился спать и не встаёт. Ну, батюшко думает: «Нет, так нельзя с им, это, видно, не простой человек, это, видно, это, такая штука».

– Ладно, Иван, ты се́дни погони овец пасти.

Угнал Иван овец пасти. А там е́дёт один боуатенький.

– Чьё это стадо пасётся?

Он говорит:

– Да я пасу, и стадо моё. Чё ты думаешь?

– А ты не продашь?

– Да к чё не продам, если хороши деньги дашь дак. Продам.

Ну, ладно, тот купил. А он о́вцу одну, там болотина была, завязи́л её, так это воткнул её и ушёл, домой пришёл.

– А где, Иван, овцы?

– А! Зашли вот в таку-то болотину, до единой все... вон одну то́лькё ви́дко малёнькё, до единой все погибли.

– Ак чё это, Иван, тебя никуда уж и нельзя послать и нечё робить нельзя?

А матушка ему шо́пчёт:

– Батюшко, батюшко, есь такая мельница, что он с этой мельницы живой не вы́йде́т.

– Так, матушка, ведь, верно, давай пошлём его на эту мельницу.

Иван собрался, поехал. Там цертей шибко много, на этой мельнице. Вода, и церти в воде в этой. Приехал Иван, засы́пал, в лаптях, ножку на ножку вот так, сидит, лёжёт, покачиватся. Прибежал цертёнок, остоновил мельницу. Он (Иван) соскочил:

– Хм. Какая-то гадина мельницу остоновила?

Опять лёг. Пустил, опять лёг. Мельница опять стала. Ну, он увидел, поймал этого цертёнка и говорит:

– Тебе что тут надо?

– А мы тут неколда́ некому́ не даём молотъ. И живым нехто́ не выходит.

Он г{ово}рит:

– Я выйду живым, да ишо и с богатством, – Иван-от, – и муку привёзу́ домой.

Тот бежать туда, рассказал всё этому, старшему цёрту: вот чё, вот чё. Он, говорит, это, по-мо́ему, в книжке должно быть, он и говорит:

– Спроси, сколь ему чё надо. Или побóрёмся мы с им. Да чё, если перего́нки, дак я перегоню. А если дра́тьца дак, я то́жо его перебью. Ну, попробоватъ надо. Ну, подём. Ладно.

А Иван уж, он всё знат. У ёво́ уж два зайца припашённые, он сидит.

– Ну-ко, давай побегим. Если я перегоню тебя, тебе хана.

Ну, он (Иван), говорит, гладит сидит:

– Ну, вот у меня младший братик, вы уж с им. Ну, если уж, дак я и сам побегу, если уж не получится дак.

Ну, чё с зайцами, где тамока? А второй-то у ёво сидит. Он опять гладит его.

– Устал, как ты устал, трудно ведь.

Ну, ладно. Смолот. Всё. Ну, и тут возни много, конечно, было. Приехал домой. Батюшка увидел Ивана.

– Всё ровно он нас перехитрит. Всё-даки мы этого работника взяли, нам от его не отбитьца.

А матушка и говорит:

– Так надо его куда-то ишо в такое место послать, чтобы он живым не оказался.

А батюшка и говорит:

– А нет, а лучше то сделаю. А убежим от его, золото всё заберём.

Напекли оне шанег тамока, пирогов и всего наклали, и золото-то положили. Чем-то жить-то надо. А Ваня опить подслушал всё, забрался тихонько в мешёчек, на себя пирожки накла, всё, и сидит. Они бежали-бежали.

– Ну, батюшка, батюшка, поедём.

Взвалил батюшка этот мешок:

– Ой, матушка, столь тяжело накла. Как ташшуть, я сам не знаю.

– Ну, батюшка, жить-то чем-то надо, ведь надо снова всё сделать. Сколь, сам знашь, надо.

Ну ладно, бежали, бежали, поставили мешок.

– Давай поедим.

Поили.

– А чё, я уж, – {Иван} го{вори}т, – опять тут.

Не знают, чё и делать, от него всё равно не отделаться. Пришли к какой-то реке, а гора крутая. А матушка придумала. Она всё больше придумывала.

– Батюшка, дак он уснёт, дак мы его туда спихнём, вот и отделаюсь от его.

А тот снова подслушивает. Спать легли. Оне уснули, батюшка и матушка уснули, а он матушку переложил на своё место, а сам на её место лёг.

– Ну, батюшка, пора.

Раскацели, матушку бросили. А он кричит:

– А я ведь тут!

Вот так оне не могли отделаться от его. А вот и всё.

33.

ШУТ ДА МАРИШКА

Жили-были шут да Маришка. Вот. И... Чё, эдь раньше батюшко был в церкви. И вот Маришка и говорит:

– Шут, сходи к батюшке, я хоть им шёрстки попреду.

А шут и говорит:

– Да ладно, Маришка, я схожу.

Пришёл к ему, а батюшко собирается по́даны собирать по деревне. Батюшка говорит ему... А шут всегда шутил. А батюшка и говорит:

– Шут, ты шути мне шутку.

– Ладно, ладно, батюшко, поезжай, ситяс я тебе шутю.

Батюшка то́лькё уехал – он прибежал, матушке... рассказывает матушке:

– Ты скорей собирай народ, дом роскатывай. Вам дают сем деревень, восьмёе село. Начто вам этот дом?

Ну, ладно, она сбегала, быстро всех собрала мужиков, дом роскатывают. Батюшко приехал домой. Едет и кричит, ёдет и кричит:

– Не тронь, не шевельте, не шевельте, не троньте!

А чё, уж оне последны бревна всё роскатали. Ну, ладно. Ну, батюшко шибко осердился:

– Ну, шут. Я тебе шутю эту шуточку, ну и шутю.

Ладно. Это... Пришёл к им, ну, шуту отомстить надо всё же – такое он дело делат. Пришёл. А шут Маришку заставил:

– Вари картошки скорее, сёдня, наверно, батюшко придёт.

Она варит картошку, чигунка кипит что молченьки. Батюшка заходит, она чигунку на порог поставила, и кипит. Ну, он заходит:

– Дак это у вас что такое? Это что такое?

– Да вот чигунка-самокипка. Всегда вот на пороге варим картошку, у нас всегда тут готовое.

– Шут, – уж забыл о том, – продай ты мне эту чигунку, у меня надо, сам же знашь эдь, дом мне надо рубить.

– Да ты чё, батюшко, да я... я как без её?

– Нет, продай!

– Нет, не продам! Я как без её стану?

Ну, а сам тоже с хитростью.

– Дак что же? Вот и отдашь дак... Да отдам, отдам!

Ну, ладно, принёс. Картошок наклали, поехали в лес. А зимой. Ладно, поставили картошки на пень: картошки сварятся. Мужики рубят. Рубили, рубили, пришли, а в чигунке всё так колём замёрзло.

Ну, батюшка снова рассердился на этого шута.

– Пойду, я его роспеку. Я ему сейчас дам, етому шуту.

Идёт. А он опять чё приготовил? Приготовил... Это раньше пузыри, кололи скотину, он туды налил крови и Маришке подвешал своей-то под пазуху.

Он (батюшка) заходит, он (шут) орёт на Маришку:

– Маришка, собирай на стол!

– Да ты чё, сицяс только что поили и снова на стол?

– Я сказал: собирай на стол!

– Не буду! – Вишь, оне там договорились всё. – Не буду!

Он раз ножом – Маришка пала, кров пошла. А у её плётка была, живулька он её звал. Раз плёткой-живулькёй – Маришка соскочила как ни в чём не бывало.

Батюшко глядел, глядел и говорит:

– У меня цясто попадьа так – не слушат меня. Ты, слушай, мне продай плётку-ту.

Тот и говорит:

– Да нет, я Маришку всегда вот так проуциваю. Она у меня соскакиват быстро.

– Нет, слушай, продай. Я свою старуху проучу. Она у меня шибко вредная.

Ну, он вертелся, вертелся. Чё делать? Ведь он её заколёт, старуху-ту свою-ту. Ну, продал. Ладно, пусь, дескать, наделат делов.

Пришёл домой, так же, как шут, заорал на неё:

– Давай собирай на стол!

– Дак ты чё, только что обедали. Ну ты чё, с ума сошёл?

Схватил нож, раз – пала. Хлестал-хлестал, хлестал-хлестал – ничё не мог сделать. Ой, ой, уходил свою старуху! Побежал к брату.

– А ну-ка ты попробуй, можот, я неправильно.

Ну, брат это же сделал. Ну, оне решили его... [Брат жену свою зарезал?] Да. Решили его проучить. И этот... опять идёт к ему батюшка.

А тот чё сделал? Поставил короб большушой, дёнёг тут насыпал, в короб, там полог постлал, раньше полога были. Постлал, и на лошаде... лошадь подставил задом, чтоб она оправляться-то могла. Тот забегат к ему в ограду. Уж такой злой, уж куда злой! Ну, на деньги-те он шибко уж жадной был. Поглядел:

– Это чё у тебя, шут?

– Хм. Да чё, да вот она дёньгими оправляются.
– Дак ты чё, всё дёньгими?!

– Дёньгими. Вот кормим таким, а деньги получают.

– Хм. Ну, шут, уж я на тебя очень злой. Ну, ты продай мне иё.

– Нет, а я как жить-то буду? У меня всегда деньги. Дак я как буду жить? Не-е-ет.

А тот одно своё:

– Продай.

Ну, настоял, продал. Привёл домой, так жо всё сделал. Хм! Дёнёг нет! {Думает:} «Ну, тожно мы ёвó уходим с этем братом». Пошли. Пошли, его посадили в мешок... Немножко перепутала, там ишо одно было. Можно пересказывать? [Можно.] Он наказал Маришке:

– Ты реви, а будьто я схоронён.

А и могилу сделали, и всё.

– Будьто я схоронён, а ты реви! Он придёт, ты реви, что ўмёр.

[Это когда было-то, после чего?] Это после лошади-то. Ладно, она сидит ревёт. Он пришёл.

– Где шут? Мы сетяс его в этот... в реку, прорубим проруб и ёвó туда спустим.

Она сидит ревёт:

– Дак ведь он ўмёр, мы его схоронили. Его эдь уж нету-ка.

– Давай веи на могилу. Хоть я на этой могиле, я так его потопчу тамока! Уж я шибко на ёвó злой!

Она повела. Он, говорит, топтался, топтался, ругался, ругался:

– Ой, я хоть седу, посижу. Ну, уж если бы он был живой...

А он чё, живой. У него там всё приспособлёно, он жига́ло приготовил, тот сел. [Жигало – что такое?] А жига́ло – это вот такая проволочка, ну, толстая. И он... Тот сел, он ему горячим-то ткнул – тот вспрыгнул, больше того рассердился.

– А, дак он живой, видимо, он живой всё-таки! На любую могилу сездь – ничё. А тут чё это? Меня едь ожгло́! – заорал. Ну, ладно. Пошёл домой. «Живой, дак придёт, мы всё ровно ёвó уходим».

Ну, ладно, пошли с братом. Пришли – он дома. Посадили его в мешок и повезли ёвó топить. Больше-ту куда его? Притащыли к берегу его. А, это, пролубь-то мала. Оне побежали, ишо на{д}о прорубать. А там один богатенький идёт. А он (шут) орёт из мешка-та:

– Судить-рядить не умию, а в судьи выбирают! Судить-рядить не умию, а в судьи выбирают!

А тот ёдёт и думат:

– А я судить-рядить умию. А уж лучше я это... Розвезал мешок, сел.

– Ак чё, – говорит, – как?

– Да вот сетяс в судьи-те тебя и выберут вместо меня.

Он его завезал в мешке, а сам на его-то лошадь сел. Он уехал. Те прибежали, раз, этого туда. А он выезжат:

– Тпр-р-р-р-р! – перед имя.

– Ты чё, ты откудова?

– А вот спустись-ко там, с-по реки-то кони.

Ну, этот, первой-от батюшка кинулся в воду. Второй-от, брат-от его-то, кинулся. Ну и сетяс там оне. Вот эта сказка вся. Обманул. Всё, обманул.

УИНСКИЙ район

с. Аспа

34. ЖИВАЛКО-БЫВАЛКО

Живáлко-бывáлко, на босу ногу топор на-
девáлко, топорíшшом подпоясывалса. Пошёл
с камня лыко драть. Вырубил палку липову, да
вырубил палку лыкову, да вырубил палку, с чё
лыко-то дерут. Аүа.

Вот дальше-то шёл, шёл да озеро нашёл. На
озере-то плавают утки. О, озеро-то на трёх утках
плават! Вот как! Ладно, ладно.

Вот он первой палкой бросил – не добросил,
второй-то палкой бросил – перебросил, треть-
ей-то палкой бросил – попал, да мимо. Озеро-то
схлópало да улетело, утки-те остались. Он их
сóбрал да пошёл.

Пришёл в деревню-ту. А там квашня́ жень-
шыну мисит. Уүү. Он сказал:

– Спорина́, квашня, тебе женьшыну мисить!

Уүү. Квашня́-то осердилась, да схватила печь,
да с печью-ту за им. Он побежал да через по-
рог-от... через поводóк-от, через гáсник-от, че-
рез поводок-от порог пóрвал.

А у него была жена-та плошкá, да пала
с шошкá, да изломалась. Да он её лыком сшил да
ишшо тридцеть три года жил.

Боле и не знаю. Больше не знаю, не знаю.

ЧАСТИНСКИЙ район

с. Ножовка

35. ВАСЬКА-ШУТ

Оне три брата были, три брата жили. Вот этот Васька-шут, значит, он, все шутил над имьям, над братьям. Чё-небудь да выдумат, чё-небудь да выдумат. Вот придумал, значит. Оне все его... вот чё-небудь он придумат, оне его возмут да набьют – он убежит. Пробегат – опять придёт, чё-небудь выдумат.

Он ушёл врозь от их жить, жанился тожо, с жаной жил. Пришёл к имьям да и говорит брату-ту:

– Вот я сёдни на базар ездил, возил жану свою в гробу. А гробы, гроба́, зная, продают тамока. Простой гроб только десять копеек, а если с покойником, так двадцать копеек.

– А как ты её повез, жену-ту?

– А я её убил и повёз, и всё.

– Нечё тебе не сказали?

– Нет, нечё мне нехто́ не сказал, никакого шуму не было.

Он убил жану да поехал, брат-от. А ему охота было, он плохо жил, Васька-та, ему охота было, после брата чтобы ему досталось чё-небудь да чтобы он получче жил.

Ну и вот, значит, одного брата, значит, так омманул, а другого брата иначе омманул. Етот брат, значит, послушалса его, убил жану и положил в гроб, иё повёз на базар. И там спрашивают:

– Зачем ты привёз сюда гроб?

– Продавать.

– Как продавать?

– А мне сказали, что вот простой-от гроб десять копеек, а с покойником-то двадцать дак, я вот покойника привёз, с покойником привёз.

Его допытали: как с покойником? Он всё рассказал. Ёвó посадили. И всё Ваське досталось ето добро-то, сколько у ёвó чё было.

К другому брату пришёл и говорит:

– Я вчера ходил на реку, вот видел на реке там чудо какоё делатся. И я то́жо так жо сделал.

А у брата-та были кони. Когда он (брат) покойника... бабу-то убил, посадили его, кони-то ему (Ваське) достались. Он на конях-то и подъехал к етому брату-ту. Вечером-то подъехал, брат-от не видит, каки кони-то с им. Он ему поверил.

– Да вот пришёл на реку, тамока вот чё делают. Вот завяжут на человека мешок...

ЧЕРДЫНСКИЙ район

**д. Большие Долды
д. Усть-Уролка**

д. Большие Долды

36.

МАРЬЯ МОРЕВНА

Царица сидит и поёт:

*Баю-баюшки-баю,
Ваню спать укладу.
Спи-ко, Ванюшка, расти
Да большой вырасти.
Награжу тебя женой
Марьёй Моревной.
Она за морём живёт,
Где-ка солнышко стаёт,
Она утренняя зарёй умывается,
Она травой шелковой утираётся.*

Он и вырос, и пошёл искать её, Марью Маревну. «Где, где Марья Моревна выросла? Меня мама, мать, ето, кацяла и всё мне завицяла Марью Маревну». И пошёл. Пошёл, идёт, идёт, идёт, зашёл, где Марья Маревна, дошёл до её. Она ему ницё не сказала. А он, Кошшэй-от, её брал, Марью-ту Маревну. А она ему ницё не сказала. А он на двенадцети замках был, на двенадцети ключах у её у отца-то запечатанный, этот Кощей Бессмертный. И она ему ницё не сказала, чтобы он её, ето, Иван не напоил его (Кощея Бессмертного). А она ушла, Марья-та Маревна, он (Кощей Бессмертный) и го{во}рит:

– Напой-ко миня водой, дак я бы соскоцил отсёдова.

Вот он (Иван Царевич) тожнё ему видро выпоил. Видро-то выпоил, и он (Кощей Бессмертный):

– Давай ишшо мне видро.

Он (Иван Царевич) другоё выпоил, он (Кощей Бессмертный) тожнё и прыгнул. И вот тожнё, ето, он (Кощей Бессмертный) повёз её, он его, это, поймал, увёз обратно.

Он (Иван Царевич) тожнё дошёл до Бабы-ягы. Баба-яга живёт, у ё двенадцеть кобылиц. И вот тожнё эте двенадцеть кобылиц... А...

– Спаси меня...

А у ёво змеинный царь был, птиций царь. И вот оне ему и говорят:

– Попроси у Бабы-яги кобылицу.

Ну, он кобылицу, ето, выпросил. А она (Баба-яга) и наказывает:

– Вы не давайтесь ему, вы убегайте от его, кто в леса, кто куды.

Она, оне будут эте, кони-те...

– А поцёму вы ему дадитесь?

– А мы как не даёмся, нас то птицы клюют, то змеи жалят, то мидвиди – нам и ходу нет. Вот мы и того...

Ну и пропас. Оне помогли ему. Вот тожно она (Баба-яга) дала кобылицу ему, он (Иван Царевич) поехал по иё. [По Марью-то Моревну?] Да. {По} Марью-ту Моревну опеть поехал. Он три раз издил. Его ишо на куски изрубили, Ивана-та царицыя спёрва. Спёрва, ето... а он потом, на-верно, кобылицу-то, ето, нет... это, на куски-те изрубили, его в воду... Нет, спёрва он поехал на лошеде. На лошеде-то поехал, он опеть его отобрал. А тожно отобрал он у его эту цыревну упеть. Обратно на куски-те и вот его толды и на лошеде-то изрубил он его. И вот достали воду живую и побрызгали, и он ожил. Это зятевь-те. Живой водой побрызгали – и ожил.

И потом опеть, упеть пошёл, опеть по её. Тожно его нету, Кошшэя-та Бессмертного, а он (Иван Царевич) пришёл. Она ино тожно, ета Марья Маревна, его спрятала. Она спрятала его, а он (Кощей Бессмертный) и пришёл, приехал и говорит:

– Фу-фу-фу, как русским духом цютко!

– А это-то, – она его стала ласкать, – а это-то, Иван Царевич, тот, Кошеюшко Бессмертный, потому что ты по Россее гулял, то и цютко.

Ну, ладно.

– А, Кошшэюшко Бессмертный, поцёму жо тебя зовут Кошшэй Бессмертный? Где у тебя смёртонька? Я бы поберегла, я бы иё обзолотила.

– Хá-ха-ха-хá, у бабы волосы долги, да ум короток. А моя смерть вон в голикé, в винике.

Она веник озолотила – он, ето, стал ходить, етот веник. Ладно. Вот он опеть:

– Хá-ха-ха-хá, волосы долги, да ум короток. Моя смерть в козле.

Она тожно упеть, это, его позолотила. Он покаживат. Он опеть сказал это:

– Волосы долги и ум короток. А моя смерть... Есь дуплè, в дупле есь утка, – тожно сказал ей, – а в дупле есь утка, а в утке яичко. Вот моя и смерть. Если яичко роспицькают, и толда мойей души уж не б́удёт.

Вот. Он (Иван Царевич) тожно и пошёл. Она тихонько его выпустила. И пошёл искать. Тожно и идёт, вот, а лёжит шшука на берегу. Шшука одва дышит. Она и говорит:

– Брось меня, Иван Царевич, в воду, я тебе пригожуся.

Он иё взял, в воду бросил, эту шшуку. И тожно упеть пошёл. Тожно утка-та вылетела из дупля-то, да прямо яичко-то в морё упало. Она тожно, шшука-та, ему в роту-ту и ташшыт. Вот он и взял это яичко и у шшуки из роту. И тожно идёт. Яицько-то захватит – оно попыхиват, это яицько. Тожно идёт, к дому-ту подошёл, а как пичкнул – он тожно и сказал, Кошшэй Бессмертный:

– Твое сцáстьё – моя смерть.

И умер, вот. Он давн́ул йчко-то – и он и умер. И тожно оне и уехали. [Свадьба была?] А хто знат, не знаю уж это ницё.

д. Усть-Уролка

37.
ЗАКАМЕННЫЙ ЛЕС

Раньше эдь говорили не так, что «Жили-были муж да жена», а «Жили-были мужик да баба». У их было двоё детей – два мальчика. Жена померла. Жил он, жил, жил, этот дядька, с дитьми. Тяжолó стало жить, и он их взял, посадил на сани, го{вори}т:

– Я вас повезу, ребята, в город, там вас покормят, есь город.

А он:

– Тамо идите...

Ребята, ну ишо маленьки были, оне не поняли, в чём дело, не догадались. Он их вёз, вёз, вёз, вёз, и в лес такой завёз, и в лесу оставил, и сказал, что там идите, бўдёт город, вас покормят. А они, значит... остались, шли, шли, он куда по направлению им показал, в сторону.

Постыгла их ночь. Стали оне спать, ночёвали. Утром, оне цё, маленьки, плацют, нигде нет, тёмной лес, всё ровно пошли. Шли, шли – вышли на поляну. Поляна большая, середí поляны домик стоит, избушка. В избушку, в избушку зашли – никого в избушке нет. Хлеб стоит, лёжит хлеба коврига. Оне поили хлеба и на полати забрались. А боятся. Слышат собак звук, лай собак к дому подходит, заходит в избу мушшына. Мальчики на полатах. Он уже у их поня, что хто-то есь. Спросил, что вы, каки, откуда.

– А нас...

Вот рассказали, что мамка померла, а тятя, мол, нас не мог прокормить и отвёз нас в лес и сказал, что где-то етто есь город, а вас в городе покормят, и, мол, мы шли, шли, вот и заблудились. Он говорит:

– Никакого этто города нет, вас отец обманул. Вот хотите, давайте у меня живите.

Пошли на охоту. Он охотник жил какой-то там. Пошли оне на охоту. Летит стадо жоровлей. Он и говорит одному:

– Вот, стреляй с левого боку первого жоровля. Жоровля убьёшь – ты бўошь коренной охотник. Не убьёшь, то нет.

Он стрелил, убил. Приходят домой. Птицы много, мяса много. Стали оне расти, справляться быстро.

На второй день так жо пошли. Второму опять сказал:

– Вот летит стадо лебедей, убей среднего, в середке прямо в лебедя, и бўдёшь ты коренной охотник.

Он стрелил, опять убил.

Жили оне двенадцеть лет у его. Потом он го{вори}т:

– Вот, ребята, я ведь старик этто живу, вам, молодым... чё вы этто со мной будете жить. Давайте я вам, вас направлю, и идите в город, там найдёте город.

Вынёс он им меч. Оне стали этим мечом лёгко играть, подымать. Значит, мол, вы сильные теперь, можете идти. Дал он им по собачке, по ружью и отправил. И этот меч дал, дал нож им. Что, вот, можот, вы где-нибудь расставаться будите, воткните этот нож в дерево на расстанях дорог. Ежели х тому месту вернётесь, увидите, ежеле эта сторона заржавела, то, значит, тот мёртвый, а если-де света, то живой. По етому вы узнаете друг друга, ежеле придётся вам вернуться к этому ножу.

Ну, оне пошли. Идут. Левица идёт с левятами. Один, старший, стал стрелять. Она кричит ему:

– Эй, не бей меня, не стреляй меня, я тибе дам двух левёнков.

У их стало по собачке и два этех зверёнка лёва. По левёнку взяли. Идут дальше. Так жо опять смотрят: идёт медвидица с медвижатыма. Младшой стал стриять, она опять:

– Не бей меня, не стрияй меня, я тибе дам медвижонков.

Так жо опять пару забрали. Сказка, сказка и есь эдь. Идут дальше. Идёт волчица с волчатами. Таким жо побытом опять оне взяли. Лисята, лиса с лисятами и заяц. Оне этех зверьков набрали и идут, на поводке ведут. И собачонок с ними бежит, собачка. Дошли до роздорóги, говорят:

– Ну чё, брат, давай росстанемся, попытаю судьбу, иди направо, я пойду налево.

Нож воткнули в дерево.

– Вот, ежели придётся побывать, то узнаю, жив, не жив. Ты будёшь в той стороне, другой в другой.

Ну, один ушёл туда, другой пошёл в другоё место. Идёт, смотрит: город. Учёл пёрво звон. Подходит ближе: город чёрным полотном обтянут, и в городе звон. Он зашёл, там с краю понабивалса к одной старушке ноцёвать. И спрашивает:

– Поцёму у вас, бабушка, сёдне в городе звон?

– Да вот у нас прилетал семиглавой змей, выедал всё по девушке. Потом стали жеребья метать, и сёдня жеребей выпал, царская доць идёт на съеданье. Семиглавой змей налетат.

– А где, это, у {е}во бует, ну, где он бует эту девушку ись?

– А во-от, – го{вори}т, – там, на горе, цясовенка. Вот в цясовенке он бует её ись.

Он взял набрал прóсы, навари́л каши, набрал масла, напоил этех зверей пьяных, накормил и пошёл туда. Пришёл, их запрятал, сам запря... нет, запрятал их, сам заходит. Она сидит, уже подготовлена, царская доць. У иё сем аршин лента

в косе алая. Вот она, он го{вори}т: зачем... Она го{во}рит ему:

– Зачем ты заходишь, дитина, сюда? Меня съес семиглавой змей. Чечас жо налетит, и ты погине́шь. Давай чичас жо убирайся отсюда.

Го{вори}т:

– Посмотрим, хто кого убьёт.

Колда-то прилетат змей и говорит:

– Аю, какой царь хоро́шой, одну голо́ву обещал, а послал две.

А Иван ему отвечаёт русский, мол:

– Ты одной подавишша.

Да, а тому не взлюбёлось.

– Да что драться, ле бороться, ле мириться будём? – змей го{во}рит Ивану.

А Иван го{вори}т:

– Мо́жом подраться.

Ну и вот змей поднялся с цясовенку высоты, пустил из себя жару, и загорела трава. И эте все у его (Ивана) звири выскочили, затушили всё. И оне стали друг с другом сражаться. И эте: лев, волк, медвидь, заяц, лиса – все, в обшом, и он... этого змея сбороли, убили.

А стариной дядька, был какой-то не так совсем он, видимо, послали:

– Иди, мол, спасёшь эту невесту, за тебя взамуж отдадим.

Он все это видел, под горой стоял, что происходило. Когда-то убили змея, он (Иван) их, это, росторзал голову, а языки подло... заложил под это, под плиту для памяти. И лёг отдохнуть. Она ему эту ленточку розрезала и всем гал{с}тусóчки навязала, ета дочь царя, звирёчкам. И он (Иван) устал и лёг отдохнуть. И го{во}рит лев-зверю, наказыват:

– Я, мол, в борьбе... я в борьбе драком утомилса, немножко сосну́. Хто будёт, ты меня буди.

Он только заснул, лев медвидю го{во}рит:

– Медведь, я очень в борьбе драком утомился, немножко отдохну. Кто бѹдет, ты меня буди.

Он даёт дальше волку так жо наказ, а волк даёт лисе, лиса – зайцу. Заяц дрёмал-дрёмал и заснул.

Этот дядька всё высмотрил, что змей убит, и чѹ, и заходит. Заходит – оне все спят. И он раз – по Ивану, отрубил голову Ивану. И девку забрал, те звири проспали:

– И скажи, что я тебя спас, есле скажешь, не я тебя спас, то я тебя сцяс убью.

Она приходит:

– Ну, значит, вот меня спас.

А Иван... Когда-то звери проснулись, пробудились – Иван мѹртовой. Давай все... Волк говорит, лев:

– Я медвидю наказывал...

Медвидь говорит:

– Я волку.

Волк – лисе, лиса – зайцу. Заяца все, виноват заяц стал, зайца давай все ругать, бить. Визжит он:

– Обождите, я сбегая по живой корень минут за двадцать.

Сбегал, живой корень принѹс. Ему (Ивану) там круг шеи обмотнули, корень в рот засунули. Сказка, дак сказка и есь. И он ожил. Ожил, ну, так россердилса на этот город и ушѹл. И ушѹл, где-то шаталса год цѹлой.

Когда-то... всё-даки охота узнать, цѹ получилось в городе. Идѹт – опять в городе звон, и красным полотном город обтянут. Он заходит к той жо старушке и спрашивает:

– Поцѹмѹ, бабушка, я у вас прошлый год был, у вас город был цѹрным полотном обтянут и звон в городе был. А нынче опить красным полотном город обтянут и опять звон.

– Прошлой, – го{вори}т, – год ты был, тогда на съедание шла царская дочь, а еѹ, – го{вори}т, – какой-то старинькой дядька спас, убил змея.

Сегодня у их свадьба, поетому в городе звон и красным полотном обтянут город.

Он (Иван) чичас пишот записку, посылат лису:

– Иди, лиса, отдай эту записку самѹй царевне.

Царевна подготовляются уже к свадьбе. Она (лиса) прокралась: так да сая, записочку отдала.

Потом {Иван} посылает лев:

– Иди, – го{вори}т, – неси вино, которо сам царь кѹшает.

Лев бежит – народ испугалса, хто куда по городу, что зверь бежит дѹкой. Он набежал. Там у царя стоят какие-то все слуги, все караулы. Он как взрывкал – оне все испугались, пали; он проскоцил. Проскоцил, вина в пась захватил цетверть, пришѹл. Ладно, вино есь.

Опить он (Иван):

– Давай тожно ты, медвидь, иди, доступай жаркоѹ, которо царь кѹшает.

Опять медвидь бежит. Хто ишо все боятса, того делались, роспрятались да чѹ. Медвидь приходит, жаркоѹ берѹт в пась, приносит опять етому, Ивану русскому.

Дальше что? Тожно зайца проводили. Вот забыла, зачем зайца-то проводили. Заец бежит – собаки за зайцом. Заец в магазин, в магазине приказчику под ноги. Собака за им. Он зайца-та не увидѹл, собаку увидѹл, по собаке хлесь аршином – заец проскоцил, убижал. Опять выполнил, что ему была... заданиѹ.

Лису-то он с запиской, с запиской посылал, а собачку послал, что ваш царь... ваш Иван находится здесь, в городе, ежели хотите повидаться, мол, вот пошлите за им лошадей ле там кого. Она приходит, записку процитала, к отцу, что, мол, вот, нашѹлса тот, которой меня спас. Етот, мол, меня так обманул вот.

Оне по его там съиздили, помыли в бане, одели. Сделали вѹчор, гулянку. Отгуляли. А

того росстриляли. Ну, там спор был, где, мол, ты как бил, чем бил, где у змёя языки. А он-то не знат. Вот Иван, значит, он, мол, докажи, вот ежели ты бил, дак где у его языки, у змёя. Ну, его там росстриляли, етого старенького дядьку, не за правду. С этим пожанились, и пожили оне недилёу.

А был закаменной лес. Кто за закаменной лес выйдёт, тот никогда не вернулса домой. Он засобиралса. Жена не стала отпущать.

– Саша (Иван), ты уже не вернёшша. Маленько побыл, давай уж не езд.

Он всё-даки не послушалса, сел на коня и поехал. Заехал в этот... там закаменной лес проехал и смотрит: какая-то белая молюня перед им кружится. Он за ей, он за ей. Потом она из виду скрылась. Родничёк бежит. Он... а много камней у родничка, и всё цветные. Он тожо тут огонёк росклат и уселса, сидит. Вдруг хто-ко на дереве:

– Ой, зебу́, ой, озябла.

Он посмотрел: сидит ведьма какая-то на этом дереве. Он и го{во}рит:

– Слезь, старая коржówka, согрийся.

– Нет, я твоих зверьков боюсь.

– Ницёво мои зверьки, звери не сделают.

– Нет, боюсь. На вот, этой веточкой всех их хлестни, дак я тогда слезу.

Он того хлеснёт, другого хлестнёт, третьёво хлеснёт – и все превратились в камешки, его звери. Она слезла, по ёму хлеснула – и он стал камешок. Снова так, всё, не вернулса.

Когда-то это брат-от, второй-от, к дереву-ту пришёл и смотрит: вот так половина-та ножа заржавела, а другая-та светлая. И думат: «Знацит, ежли бы уж мёртвой, знацит, вся половина заржавела. А то где-то, видимо, болеет сильно». И пошёл. Приходит. Идёт в город, по городу идёт – там уже все, что у царя вернулса зять. Зять вернулса!

Он точно такой жо, звери таки жо. И всё. А галстусов, галстукóв, галстуцков нету у его на шее. Ну, они, мójот, сносились, порвались. И зя... ето... Он заходит, его заводят. Она его приняла за мужа, он (царь) – за зятя. Он виду не подаёт. Он поня́л, в чём дело этот, что, видимо, мой етто где-то брат как-ко всё ровно. Ну и он пожил у её, вместо мужа она его приняла. Он нидильку пожил, го{вори}т:

– Я поеду за закаменной лес.

Всем стало, всем диво, что как это так, ты вернулса из этого. Он сел на коня и поехал. Там, токо он в лес заехал, така жо история. Опеть какая-то молюня белая появляются. А в ём, в этом лесу, никогда не светало. Он, когда... И она скрылась. Подъехал он к тому жо ручейку. Огонёк росклат, сидит, смотрит. Вдруг:

– Ой, зебу́, ой, озябла.

Он увидел её, го{вори}т.

– Слизь, старая коржówka, согрийся.

– Нет, я твоих зверьков боюсь. Вот на́, веточкой хлестни этех зверёчков, я тогда слезу.

– Ах ты, ведьма ты, зачем я своих зверьков буду свистать пруточком?!

Он взял её стрилил. Она захохотала:

– Ха-ха-ха. Какой нашёлса подлец, меня стрелять! Не такие стреляли, да меня не убили.

От её пуля отскоцила. Он, не долго думавши, от гимнастёрки оторвал медную пугвицу, заредил, её ранил. Она пала с дерева. И {он} го{во}рит:

– Где мой брат, где мой брат, где мой брат?

Она жо не знат. И ползёт – того хлеснёт, другого хлеснёт, третьёго хлеснёт. И столько народу на{в}ставало, уже превращёны были в камни! Уйма народу! Прямо это... А коды-ко и брат у ёво {в}стал. Там народ пошёл. В лесу россветало. Ведьму на костре сожгли.

Идут. А царь подумал, что на его как-то война, восстание идёт, войска собирает, суета

в городе. Ну, потом розобрались. Он там брата встретил. Сидят, разговаривают. И {брат Ивана} го{во}рит:

– Я ведь у тебя вот был, меня жена твоя приехала за тебя.

Розозлился брат ему, его убил. Потом сидит и думат: «Что жо это я наделал, он жо меня оживил, и я жо его опять убил».

Таким жо путём опять заяц сбегал, живой корень принёс – оживили. Пошли в город, приехали к царю. Муж тот коренной приехал, брат приехал. Ну, там, знацит, муж так и осталса где-то тут жить, владить стал сам, русский Иван, править. И етот, у его брат, слугой тут стал тожо каким-то, заместителем, стали жить. Вот вся сказка кончилась.

38. ПРО СВЕТАНУ

Жил. Ну, он всё-таки боуáтой был, не царь, конечно. Всё применяют: цари, цари. У его было три сына. Подошло время жениться им. Он и говорит:

– Давайте, сыновья, идите стриляйте. Куды ваши стрелы улетят, и тут ваши и невесты.

Один стрелил на боярский дом, другой – на княжеской. А третий стрелил, Иван жо опять, – и куда-то улетела стрела, неизвестно. Ну, {отец} говорит:

– Вот давай, идите, ишшыте невест.

Те, тот пошёл туда, другой – в друго, а третий, Иван, сел на лошедь и поехал. Не знат, где у его стрела улителя. Ехал день, ехал ночь, ехал там много времё. Доехал. В лесу избушка стоит. Заходит в избушку – старóй дед лёжит на пеще.

– Здравствуйте, старóй дед.

– Здорóво, молодой кучер.

– Нельзя ли, дед, у вас переночевать?

– Да можно. Куда жо вы, дитина, поташшылись?

– Да вот сначала напой, накорми, потом дальны висти распроси, я вам все поясню, дед.

Дед слазит, покормил.

– Ты мне тожнó расскажи, куда ты, дитина, поташшылся?

– Вот у нас отец такой-то, такой... – Ну, боярин ле хто ле всё-таки был. – И вот нам заставил

жаниться. Нас три сына. И вот угада! один сын на боярской дом, другой – на княжеский дом, а у меня вот стрела улителя в лес, и за нивестой я еду. Не знаю, где нивесту найти. Где стрела моя, там и моя нивеста.

– Ну ладно, – го{вори}т, – утро вечера мудренее, давай лежись спать, завтра что-то будет.

Когда-то ноцёва! , встаёт, и говорит {дед}:

– Давай ты идь ишо вот там, ишо б́удёт избушка. В этой избушке опять переночуёшь.

А {Иван} спрашивает:

– А тебя как, дедушко, зовут?

– А меня зовут Свет.

Ну, ладно. Приехал. Ехал, ехал опять день, ночь. Доехал до етой избушки. Приехал в избушку, таким жо путём лошедь к кольцу привязал, в избушку заскочил.

– Здорóво, старóй дед.

– Здравствуйте, молодой кучер. Куда жо вы, кучер, поехали, молодой дитина?

– Вот напой, накорми, дальны висти распроси, потом расскажу.

Напоил, накормил дед, спрашивает. Да вот, опять так жо пояснят, что вот отец нас заставил жениться, три сына, и стрелили стрелы. Куда

стрела падёт, тут и невеста. Вот у меня упала в лес, я не знаю, где насти невесту.

Ну ладно.

– Переноцьюёшь, дальше идь, там ишо буют избушка. В этой избушке переноцьюёшь, отдохнёшь, он тебе тожо там скажут.

– А тебя как, дедушко, зовут?

– Меня зовут Ла.

Ну ладно.

Так поспали опять. Поехал. Ехал, ехал, до избушки доезжат. Лошадь к кольцу привезал, в избушку заскакиват.

– Здравствуйте, старой дед.

– Здорóво, молодой кучер. Куда вы, кучер, поехали?

Так жо пояснят, что напой, накорми, дальни висти росспроси, тогда я вам росскажу.

Старик напоил, накормил.

– Я поехал искать невесту, у меня упала стрела в лес. И вот где-ко у меня невеста доложна быть здись.

Это уж он у третьего старицька.

Он го{во}рит:

– Хорошо. Давай, значит, утро вечера мудреняя.

Завтра утром встаёт и го{во}рит:

– Вот идь там, там буюдёт город. В городе ни одной души нету, все вымерли. И этот... В городе змей всего народа поел, остальных розогнал, хто куда. И ты там зайдёшь – стоит среди города башня. В этой башне стоит столб каменной. Ты этот столб росклади. Когда этот камень, этот столб буюшь росскладывать...

– А тебя как, дедушко, зовут?

– Меня зовут Ла (На). И ты это... нас всех вдруг скличь, старичков, и мы тебе помóжом.

Он:

– Свет-Ла-На, – всех двух (трех) старичков. И вышла девушка из столба. Ихняя дочь была заклáдëна в этот каменной столб. Ну, он тогда го{вори}т:

– Вот я, видимо, ты моя невеста, я тебя еду и розыскиват.

Сили на коня, поехали. До того старичка доехали, ночёвáли, попрошались. Он дал скатерть, ей подарок. Опять поехали, до другого доехали. Это был иё отец, около города ближе. До второго доехали. Это был иё дед. Опять ночёвáли. Он ей дал блюдцо и платок на подарок. До последнего доехали – он ей дал кольцо.

Ну и вот, когда-то приехали, те уже там давным-давно живут. Когда-то жили-жили, он приехал, отдохнул. {Отец говорит:}

– Ну, всё, зетёвья, давайте, то есть, сыновья, я вас буду изведать, какие вы, сношенек каких назоводили, набрали. Хто как состряпат, хто как что сготовит.

Средил вёчор, назвал гостей.

– Ну, давайте теперь, дёушки, сношеньки, чем вы меня подарите, чем порадуете моих гостей.

Одна вышла, рукой махнула – разлилося морё. Смотрили, любовались – по край моря. Посмотрели-посмотрели.

Другая сноха вышла, платком махнула – ихо... иё морё засыпало песком. Ну, песок стал, посмотрели.

Значит, оцередь до млáдшой доходит. Та пришла, платоком маханула – йхо морё песком засыпало всё, нет, их песок рознесло, разлилось морё, по морю пошли корабли, пароходы, всего, что хотишь, всякая птица. Ходят люди тут, смотрят, любуются. Потом на стол положила стакан, платком махнула, блюдцо, и махнула платком – очень стал стройный город, прямо что тут куда, с золотыма маковками и всякой. Ну, очень уж красíвой город. Опять россматривают. Она то вре́мё скатёрку накрыла, и тут всякие ес{т}вы, всякие закуски, всякие питья, что токо на свете было. И тут оне вот всё гуляли.

И значит, это оказалась – Светлана лучше всех. На етом и сказка кончилась.

39.

ДЕВУШКА, ВЕРЕТЕНО И ЧЁРТ

Бывальшынка. Вот заспорили. Одна девка говорит:

– Я побегу в пустую избу пресь.

А другая го{во}рит:

– Не сходить.

Она села и прядёт, эта девка. На голбце предёт, лучина свитит. У иё веретёшко пало. Веретёшко пало, она наклонилась по веретёшко – веретёшко схватил парень какой-ко там, бисёнок, вроде бы. Она го{вори}т:

– Отдай веретёшко!

Он го{вори}т:

– Не отдам веретёшко. Подёшь за меня взамуж, дак отдам веретно́, а не подёшь – нет.

Она го{вори}т:

– Пойду, отдай веретно́.

– А ну, давай, пойдём.

Она говорит:

– Нет, у меня нет пары хорошей под винец ехать.

Он пришёл, пару принёс, {чтоб} тожно пошла.

– Нет, у меня нет шали́ хорошей под винец ехать.

Принёс шаль.

– У меня нет шубы хорошей.

Принёс шубу.

– У меня нет там батинок хороших под винец ехать.

Принёс батинки.

– У меня нет бруслёта.

Принёс бруслёт.

– Пойдём теперь за меня взамуж.

– Нет. У меня нет кольца.

Винчаться-то надо кольцо. Он принёс ей кольцо.

– А теперь уже пойдём за меня взамуж!

– Нет, я не пойду. У меня ишо серьги на{д}о хорошие мне, чтоб золотые, дутые.

Он по серьги-те убижал, она назадь пятка́ми, назадь пятка́ми и убижала. Ну и вот это всё принесла. Когда-то вторая девка – завидно, что эта столько боуатства нанесла, так оделась – вторая девка приходит, таким же образом села пресь. Опять так же веретно упало, уже подхватил там его кой-то чертёнок. Говорит:

– Пойдёшь за меня взамуж – отдам веретно.

Она го{вори}т:

– Пойду. У меня нет, – сначала, – у меня нет шали́, нет шубы, нету тамока бруслета, нету кольца, нету у меня батинок, нет пары шёлковой.

Он ей всё вдруг принёс. Она одела – и он иё задавил.

40.

ОТДАЙ, ЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ

Старик-от... Ето уж, наверно, в книжках, дак ты знашь это. Где-ко старик-от был, рóбили, цё ли ак. А баба-та с брюхом осталася, принесла парня, он не знал. А у его борода такая выросла. Долго он роби́л, парень-от уж вырос бо́льшинькой.

Вот идёт домой. Идёт домой и пить захотел. Колодец. Нецем поцерпнуть в колодце воду. Он и упустил голову. Бороду-ту там... за бороду-ту и поймалса хто-ко, нецйстой половина дух. И говорит:

– Вот скажи мне... отдай мне, цё дома не знашь, дак отпушшу, а если не отдашь, пеняй на себя.

– Всё знаю, всё знаю, – он говорит, – я всё дома знаю.

– Ну, всё знашь дак, только то и скажи: «Цё не знаю, дак пусь твоё».

Вот и сказал:

– Ну, цё не знаю, дак пусь твоё бўдёт.

Тот отпустил. Он пришёл домой – у его уж бо́льшинькой паренёк бегат. Вот идо́л-от тот, который хваталса-та...

Он (сын) уж большой стал, жених уж. Он (не-чистый дух) и заходил к им, под окошком ходит: «Отдай... отдай». А жаль, это, бабе. Цё, нельзя, нецё нельзя миновать. О́тдали. Она состряпала ему (сыну) ша́нёжку, своим молоком помазала. Это всё сказка же. [Ну, хорошо.] Своим молоком помазала, вот оне и... Отправила:

– Иди, куды глаза глядят.

Он шёл, шёл, шёл, шёл, шёл – до избушки дошёл. Зашёл в избушку – сидит баба на грядке, до полу волосы.

– Ну, девка (парень), фу-фу, русским духом цю́тко. Сам на двор пришёл. Выходи из-за полатей, съем.

– Нет, тётушка, напой, накорми да дальни ви́сти роспроси, где был.

Она слезла... шшэй плеснула, пузом потресла, хлеба принесла.

– Куды ты поташшы́лса?

– Скажи мне, тётенька, как мне к дяде Идо-лишшу попась?

– Я нечё не знаю, давай иди к моей сестре. У меня ишо там сестра есь.

Вот он ушёл. Шёл, шёл, шёл – избушка стоит на курьих ножках.

– Избушка, пове... к лесу задко́м, ко мне пе-редко́м повернись.

Поверну́лась избушка к лесу задко́м, к ему передко́м. Он зашёл. Сидит баба, вся в заплатах, сидит на грядке.

– Фу, фу, русским духом цю́тко. Сам на двор пришёл. Выходи из-за полатей, съем.

– Нет, тётушка, не ешь, а спёрва напой, накорми да дальны ви́сти роспроси.

Она опять пёрнула, да за стол-от дёрнула, да пузом потресла, да хлеба принесла. Напоила, накормила.

– Скажи мне, как к дяде Идолишшу попась.

– Иди, я нечё не знаю, иди, у меня там третья сестра есь дак, вот к ей иди дак, она те{бе} ска́-жот, она знат.

Он опять пошёл. Шёл, шёл – опять избушка на курьих ножках.

– Избушка, повернись к леску́, к лесу задко́м, ко мне передко́м.

Избушка поверну́лась, и он зашёл. Сидит баба на грядке.

– Фу, фу, русским духом цю́тко. Сам на двор пришёл. Выходи из-за полатей, съем.

– Тётушка, не... напой, накорми да дальни ви́сти роспроси.

Ну, она опять пёрнула, за стол дёрнула, да бубном тресну́ла, шшэй плеснула, пузом потрясла, хлеба принесла, напоила, накормила.

– Куда, детина, поташшы́лся?

– А вот расскажи всё мне, как к дяде Идо-лишшу попась.

– Ну, хто тебя тамока {отправил}?

– Не знаю, проводили отець да мать.

– Иди вот к реке. Прилетят тридцетъ три голу́бици. И одна... Седут и станут девици. Ты у неё и пла́тьё украдь и не отдавай. Она бўдёт просить – ты не отдавай.

Вот он идёт. Прилетели голу́бици, сели на землю, сделались девици, поснимали пла́тья и в воду купаться. Он у её пла́тьё забрал. Все вышли

да, подхватили да, одились да улетели. Она одна осталась.

– Отдай мне плáтьё, отдай, а эдь мне стыдно перед тобой стоеть, отдай плáтьё.

А он и гов{о}рит:

– Скажи мне, как к дяде Идолишшу попась.

– Скажу, только отдай.

Он óтдал – она оделась да улителя. Он опять к ей (Бабе-яге) пошёл.

{Баба-яга спрашивает:}

– Ну чё?

– А чё, я украл у её плáтьё, дак она: «Отдай да отдай, я скажу тебе». А только оделась да улителя.

– Ну, иди сóдни опять.

Ну, он опять пошёл. Она опять на то же место, та, плáтьё-то по́ложила. Он опять у её... Прилетели девицы, а те птицы... а те птицы на землю, стали девицы. Розделись и ушли купаться. Он украл опять плáттё. Вот ко́ды опять все одились да улетели, а она опять стоит.

– Отдай ты мне плáтьё, отдай, – она всё {говорит}.

Он всё не отдаёт.

– Скажи, как мне к дяде Идолишшу попась, то́ды и скажу, отдам те{бе} плáтьё.

– Отдай, скажу!

А он óтдал – она оделась да улителя.

К той (Бабе-яге) пошёл.

– Да ты что! Последной раз, то я тебя сничтожу, ты его не найдёшь.

Так, он опять... Они опять прилетели на третий день. Он опять украл плáтьё и не отдаёт, и не отдаёт. Те одились да улетели. Не отдаёт, не отдаёт плáттё. И потом она говорит:

– Давай мне-ка вот руку, дёрж́и.

Дала ему руку:

– Дёрж́и меня за руку, я оденусь и скажу тебе.

Он дёржит её за руку. Она и то́ды сказала:

– Бежи... на́ ко́лобок, катни́ этот ко́лобок, он покати́тся. Ты всё за им иди, иди, иди, иди. Будёт как дом иле цё. Ты к воротцам к однем. Он (Идолище) прилетит, стýкнёт о воротця, ты тут и полáзь и скажи ему. Он спросит у тебя, зацем. Ты скажи, что я к тебе пришёл службу служить.

Вот. Науци́ла его. Он катну́л ко́лобок. И кати́тся ко́лобок. Он всё за им, всё за им. И в воротця стукну́л. Он тут и полез.

{Идолище говорит:}

– Зацем? А я убью.

– Нет, меня, дяденька, не бей, я эдь к тебе пришёл службу служить.

– Каку же тебе службу дать? Каку же тебе службу дать? А иди-ко вот через этот, через реку, сёднишной мос{т} постели, мос{т}, чтобы птички пели, столбы настав...

Вот он испужа́лся, пришёл и говорит той девке-то. Нет, он к девке пришёл.

– Как же это мне-ка всё сделать?

– Я-де пойду, я-де знаю как, ну, я-де тебе {помогу}. Напейся квасу, помолися Спасу. Утром {в}ста́нёшь и ходи, мо́лотоцьком ко́лоти по мо́сту. Я сделаю.

Вот. Потом он пришёл – верно, мос{т}, птички летают, это всё наделано... Пришёл, а пришёл Идо́л:

– А, хороша́ слуга, сдела́л мос{т}. Надо тебя женить.

Он опять к той девке пришёл, которая ему рассказала:

– Вот он (Идолище) меня ла́дит женить. Чё же это мне, как же я узнаю тебя?

Она и говорит:

– Он нас всех поставит, тридцать три голу́бицы-девицы. У меня вы́сунётся плато́чик из кормана, ты вот ту и бери.

Ушёл. {Идолище} вызвал его.

– Ну, котору возьми́шь?

Он всех погледел, что у кого из кормана из запона выставилса платоцик:

– Я вот эту беру.

– Ну, ладно.

...Он перемешал-перемешал их. Опять пришёл. Нет, назавтре он опять жо спросил, пришёл и ладит спрашивать, котору.

– Как жо я тебя узнаю?

Она и говорит:

– У меня на шшо́ку муха сѣдѣт. Ты выбери.

Вот он (Идолище) мешал их, мешал их, поставил. Поглядел, поглядел, где эта мушка, где-ка, где эта мошка. Кóло глаза.

– Вот эту беру.

– Ты не ету брал.

– Нет, ету.

На третей день опять. Нет, он уж то́ды сказал слугáм:

– Топите сóдни баню, а на запас наносíte гусей да лебедей.

А ей, девьке-то, их заставили идти вот в баню, молодых-то.

– Ну, сóдня с молодой бабой пойдѣшь в баню, – говорит {Идолище}.

Она опять... Он побежал:

– Вот-де цѣ, – он говорит.

– Ну, ладно, – она говорит.

Она знала, где гуси да лебеди у его. Она на-ташшыла гусей да лебедей всех. Закипела вода, уж, как это, кипит уж вода. Их уж тутока привели. Оне сбросали гусей да лебедей. Она махнула платоцьком – выпала стена, махнула – она опять {в}стала. И сама бежать, сами побѣжали. Побѣжали, побѣжали. Всѣ бежат, бежат, бежат. Пришли {слуги} ко́ды-ко – нету. И гусей-лебедей нету, поглядили: оне все сварѣны. Он (Идолище) погоню послал. Вот погоня поехала. Оне цюют, что уж погоня близко. Она и гов{о}рит:

– Сделайся старым стариком, а я церьквой.

Нет, он церьква, а я старым стариком буду. Вот погоня приехала, увидели, это: цесóвенка ка-ка-ко стоит, ста́рой старик молится.

Подошёл, подошёл и говорит:

– Не видали ли вы? Стара церковка, много ли годов-то?

– Вот сколько годов, – там много шибко, сказала это она.

– А не видали ли, это, мо́лодыё, вот новожёны прошли, нет, девька и парень молодые?

– Не-е-ет, я вот скоко там, – много годов сказала, я забыла годов, – а никого не видали.

Оне (участники погони) воротилися, прибежали. Всѣ.

{Идолище говорит:}

– Видели ле, нашли?

– Нет, не видели. Там цясóвенка стоит ма-линька, дак мы спросили, старик молится дак. Он никого не видал, не пробежали, нигде...

– Вот оне то и были. Оне, наверно, то и были. Давай...

Он (Идолище) знат, что девка-та умеёт. Те (участники погони) опять побежали, а, это, поехали. Ехали, ехали – нигде цесовенки в том мисте нет, нецѣ нет. Ехали, ехали.

Она опять говорит:

– Ты будь озером, я буду уткой.

Вот озеро. Подъехали к озеру. Утка плават, всё утка плават.

– Утка, ты утка, не видала ли, – сказка дак, – не видала ли етта, не пробежали ле парá молодых?

Она:

– Кыр, кыр, кыр, не видала, – эта утка спикала. – Я весь век етто на море да в озере.

Вот те опять уехали.

{Идолище говорит:}

– Ето оне и были, оне и были.

Оне (участники погони) опять поехали – никакого моря, никакого озера нету, нигде утки

нету. Опеть побежали. А уж близко дома, дом уж у этого, у парня-та. Опеть погоня уж настигат их. Оне опеть, опеть ле озером жо ле уткой ле чё ле сделались.

– А чё ни увидите, – он (Идолище) сказал, – то и... Вы идите, озеро-то-де высушите и утку убейте. Это оне и есь.

Оне (участники погони) ушли. А уж оно, óзёро-то, опеть далёко, около ихова дома, оне уж маленько до дому не добежали. Они (участники погони) увидели озеро – давай стрелеть утку. Она укúрнет в воду, укúрнет в воду, и укурну́ла и боле не {вынырнула}. А чё, не выпьёшь озеро-то.

Оне поехали, а она там... это, попыли утку-ту хватать-то, нет, хотели утку-ту поймать-то, она заплавала, будто на боку, убили быдьто. А оне некак её не убили. А попыл один, попыл один – она и взяла да его и утопила туто вусмёрть. Другой уехал и сказал:

– Вот как вот цё было.

Оне только убёжáли и до дома добёжáли. А больше уж не сдёржáть их. Вот оне стали жить да поживать.

На пиру-ту я была, пиво-мёд пи́ла, по усам бежало, а в рот не попадало. У, эти сказки большие! Это не бывало эдь, это сказка-та – ложь.

41. ПРО ЯГИЖНУ

...А вот у мужика баба умерла, он-де взял другую, Ягижну, другую бабу. А девка у их была. Вот она (мачеха) и гов{o}рит:

– Иди-ко, девка, стриги овецъ.

Она (девка) побежала к бабушке к задворёнке – к матере там, к матере-то матерé.

– Бабушка, ты бабушка, меня мати-то посылат овецъ стригци, а у ё овци-те – во́лки.

– А ты возьми ножонки-те да положь на окошко {и скажи}: «Стригитесь, овци, сами да шерстóчку-ту мне подайте».

Она так и сделала. Приташшыла. А она одумалась, Яга-та баба: «Во́лки-ти съедят». {Девка} приташшыла шерсть.

– Поди-ко, девка, дой коров.

Она опеть побежала {к бабушке к задворенке}:

– А мне мати-то велит коров доить, у ё коровы-те медвиди!

– А ты подóенку-ту постав, постав в двери-те и скажи: «Коровы, вы коровы, дойтеся сами да мо́лоцько-то мне подайте!»

Вот оне, это, подоились, ей мо́локо-то и по́дали. Она (мачеха) опеть {подумала:} «Ну, как уж не съели, не съели?» {Говорит:}

– Девка, поди-кося к моей сестре по бёрдо!

А эта тожо Ягая баба.

– Далёко она живёт?

– А вот бежи всё, – токо сказала, как далёко.

– Бабушка, ты бабушка, меня мати-то посылат к сестре по бёрдо, а у ё-то... а то́жо она Ягая баба.

– О-о-ой, деушка, ты деушка, бежи, да возьми гребень, да возьми ножницы, да возьми брус и пойди. Прибежишь, ё нету – ты скорый за крósны-ти садися да... Нет, баба-та тебе ска́жот: «Давай, садись, у мян ешо бёрдо-то не гото́вое – тки давай». Ты седь, а она уйдёт зубы точить на тебя, {чтоб} тебя сьись. Ты скорый ножница́ми-то отрежь, бёрдо-то выдерни да и убежи.

Вот девка так и сделала. Пришла {и сказала}:

– Меня мати-та посла́ла по бёрдо.

– У мня ешшо оно не доткано. Давай дотыкай-ко дак.

А сама ушла в лес зубы точить. Ну, там точит зубы. Девка скорий отрезала и побежала. Вот пришла Ягая баба – нету. Села в ступу:

– Ступи, ступа, семь вёрст! Ступи, ступа, семь вёрст!

Вот девку настигат. Она (девка) взяла бросила гребень. Ой, кой берёзник нарós! Старуха вышла под окно, поехала:

– Ступи, ступа, семь вёрст! Ступи, ступа, семь вёрст! Ступи, ступа, семь вёрст!

Сохватала топор, побежала, давай сикчи. И просёку просёкла, эту, бороздку. И {говорит}:

– Ступи, ступа, семь вёрст.

И идёт. Вот чё девка уж? Близко. Девка бросила брус. Вот та гора стеной стала, и нельзя этой полізти, ступе. Она ёкалась, ёкалась, ёкалась – всё, и не могла спелитьця. Так и девка убежала, до дома добежала. Ну и вот, прибежала, отдала бёрдо, а та (мачеха) и го{вори}т: «Как жо это она иё не съела? Как жо она иё не съела?» Вот так и уж больше и провожать её не стала. А девка-та, мол, большая выросла да... а взамуж ушла.

42. МОРОЗКО

Жили мужик да баба. Умерла мать, а девка осталась. Не любела мачеха девку – у-у-у. И говорит:

– Свези ты девку в лес, в избушку свези. Она там и застынёт. Нет, посади её на сугроб, она тут замёрзнет.

А чё, мужики... Вот сказка пример дак, вот мужики-ти – им не жаль, только лишь чтобы баба-та была другая. Уж с ей надо жить дак, с девкой. Я тебе песню сказывала, ты эту знашь, ты эдь слыхала. [Какую?] «Как во городе-то Митрофанове». [Знаю, про... на кладбище, да?] Да, да. Вот отец... [Дочку зарезал, да.] Ну, вот.

Вот и незанавидела, ну, никак эту баба опять девку и гов{о}рит:

– Свези иё в лес, и чтобы она там замёрзла.

Вот он и говорит:

– Пойдём со мной.

Она (дочь) и поехала. А он сам в лес иё завёз, завёз в лес и посадил на сугроб. Прибежал Морозко. Скацёт Морозко по ельницам, по березницам, по цястым боркам, по верётникам.

– Тепло ли, деушка?

– Тепло, Морозушко-батюшко.

Он ей бросил шубу.

Вот опять на другой день ле колды-ко по... вецёром ле, скацёт по ельницам, по березницам, по цястым боркам, по верётникам Морозко, прискакал к девке.

– Тепло ли, девушка?

– Тепло, тепло, Морозушко-батюшко.

Ну, он бросил ей валенки, шаль хорошу да цё да. Это всё сказка. Всё набросал ей, много.

Колды-ко, а та... а старуха, уж тожно уж две ночи прошло ле три, {говорит:}

– Давно уж замёрзла девка. Идъ по девку-ту, я буду блины пекци, поминки будут.

Вот пекёт блины. Собацка:

– Тяф, тяф, тяф!

А старик-от уж уехал да везёт девку-ту с имушэством. Пару да цё, он всё это, всё это долго – вот опять бросил, вот то бросил, друго, пято, десято набросал. Вот. А везёт девку с золотом, со всем, с каждым местом. А та пекёт блины. Собацка:

– Тяф-тяф-тяф! Старик дочь везёт, по́лно́й, по́лно́й короб де́нег несёт, везёт пару, и шубы, и цё, и всё везёт.

Она выскачит:

– Шшэпо́ты т{еб}е в а́д-от бы! Не э́дак на{д}о лаять-то: старик дочь везёт, кос{т}ки в мешо-
цке сту́тят да бре́цят.

Опять пекёт. Соба́чка опять:

– Тяф, тяф, тяф! Старик дочь везёт, шубы да шали везёт.

Выско́чила, сковородником шо́ркну́ла собаку:

– Не э́дак: кос{т}ки-де в мешо́чке сту́тят да бре́цят.

Вот до трёх раз всё выскакивала. Подъехал му-
жик, шкату́лку зо́лота принёс, шубы, девка в хо-
рошей {шубе}, в шале́ зашла, в валенках.

– Старик, вези мою-ту дочь, – у её то́жо до́чи бы́ла, – вези мою-ту дочь, пусь... на то
жо место посади.

А старик... повёз. Посади́л на то жо место. Вот
Морозко прискака́л. Ска́цёт Морозко по ельниц-
кам да по березни́цам, по ця́стым борка́м да по
верётникам.

– Те́плó ли, девушка?

– Шшэпо́ты т{еб}е в а́д-от бы. Те́плó! Я уж ско-
ро замёрзну́ вся, я уж замёрзла!

Он шшóкнóл плетью ей, убежа́л. Другой
раз опять ска́цёт Морозко по ельницкам, по
березни́цам, по ця́стым борка́м, по верёт-
никам.

– Те́плó ле, де́ушка?

Она уж кое-штё...

– Те́плó! Замерзаю́ уж я, не досажáй мне.

Морозко плетью шшэ́лканóл – пушшэ́ того мо-
роза нагна́л. Вот третьей раз к ей приеха́л, к дев-
ке-то, и ска́цёт:

– Теп́ло ли, де́ушка?

А де́ушка уж засты́ла, зако́ковéла.

{Старуха говорит стари́ку:}

– Ну, там те́ко не росте́рэй всё, подбери.

Это, думает, бо́уатство, девка-та цё́ (какое)
наве́зла та. Приеха́л старик – зако́ковéла девка
вся. Он иё положи́л и везёт. Она (старуха) блины
пекёт. Собака:

– Старик дочь везёт, кос{т}ки в мешо́чке
сту́тят да бре́цят.

Вы́бёжит {старуха}, её лягнёт:

– Не э́дак, сво́лоць, лай: старик, мо́л, дочь
везёт, а по́лну, мо́л, корету́ добра везёт.

А собака опять повизжит да:

– Старик дочь везёт, да кос{т}ки в мешо́ц-
ке сту́тят да бре́цят.

Вот привезли. Собака всё, а она всё её... со-
баку. Вот старик подъезжа́т, старуха выско́чила.
Та (до́чь) вся – у-у, – как ко́чень, замёрзла. Вот и
заревéла {старуха}, стари́ка давай ругать.

– Да́к ты сама́ мне застави́ла её отвезти. Я
хоть пошто́ бы отвёз?

– А я уж с тобой, с твоей девкой с бо́уатством
не буду́ жить. Нет да́к, а буди да́к, роздilige, мне
и ей, всё.

А девка говорит:

– Хватит всем, вон шкату́лка по́лна зо́лота.

Тут и сказка конци́лась.

43. НОРУШКА

«Баушка, скажи-ко нам сказку, баушка, ты
скажи-ко нам сказку!» Я и начну рассказывать.

Вот. Жили старик да старуха, а у их девка
была. Оне ушли куды-ко, и у их потух огонь,

у девки. Девка вышла на улицу, а увидела в лесу огонёк. Побежала – попала ей встричу лошадь белая и мужик белой.

- Куды, девка, побежала?
- В лесок по огонёк.
- Не ходи, тебя там норушка съес.
- Нехтó меня не съес.

Опять девка побежала. Бежала, бежала – а лошадь красная, и мужик красной.

- Куды, девка, побежала?
- В лесок по огонёк.
- Не ходи, там тебя норушка съес.
- Нехтó меня не съес.

Опять побежала. Бежала, бежала – попал навстричу мужик белой (чёрный) и лошадь белая (чёрная).

- Куды, девка, побежала?
- В лесок по огонёк.
- Не ходи, тебя там норушка съес.
- Нехтó меня не съес.

Побежала. Бежала, бежала, бежала – погледела: домик стоит. Вот у домика ограда, ворота. Зашла в ограду – из кадци в кадцю кров перелеватся. Зашла... Нет! Зашла в ограду – головы валéются чelовиччи. Зашла нá мост – из кадци в кадцю кров перелеватся. Зашла в избу, погледела на стол – бабьи титьки лёжáт. Погледела в стол – карандаши да грифели лёжáт. Погледела в залáвок – глаза чelовичьи лёжáт. Погледела в печь – норушка сидит. Нет, жарёночок жарится. Погледела в голбець – и норушка сидит.

– Чё да чё, девка, видела? Чё да чё, девка, видела?

– А видела, лошадь мне попала встрицю белая и мужик белой.

- Это у меня день.
- А тут бежала, бежала – лошадь красная, мужик красной.
- А это у меня огонь.
- А тут лошадь чёрная и мужик чёрной.
- Это у меня ночь.

– Прибежала, погледела – в ограде головы валéются.

- Это у меня куры ходят.
- Зашла нá мос – из кадци в кадцю кров перелеватся.

- То у меня пиво бёжít.
- Зашла в избу – бабьи титьки лёжáт.
- А то у меня пироги.
- Погледела в шостóк, да, погледела в шостóк – бабьи косы лёжáт.

Позабыла.

- А, это у меня снасти да верёвки.
- Погледела на спичку – ... висятся?
- Это у меня глаза.
- Погледела в залáвок – руки лёжáт с пальцами.

- Это у меня карандаши да грифели.
- Отперlá голбець – и, норушка, ты сидишь.
- А я не скажу, что это норушка сидит.
- Отперlá голбець – норушка сидит.
- Ах!

Оне вздрогнут! Я ишо Анькиным робятam сказывала, дак оне, только приду, нонче уж забыли жо: «Бабушка, ты скажи-ко про Норушку-ту! Бабушка, ты скажи-ко...» Опять...

ЧЕРНУШИНСКИЙ район

г. Чернушка

44.

РЕПКА И МЕДВЕДКО

Жили-были муж с женой. Ладно жили, складно. Всё у них было, но детей не было. Вот однажды бабка пошла в огород, принесла репку и бросила её в печку, чтобы она в печке распарилась. А сама взяла пряжу, села на лавку и пряжу предёт. Сидит и слышит: кто-то тоненьким голоском кричит:

– Открой! Мне здесь жарко!

Думает баба: «Кто же где кричит? Никого нет». В окно посмотрела, сенки открыла – тишина. Только села опять на пряжу – снова, громче крик:

– Да открой жо, бабушка! Мне здесь жарко!

Показалось, что голос слышится из печки. Подошла, заслонку открыла и видит: вот чудо! В печке сидит малинькая-прималинькая девочка. Обрадовалась бабушка, выбежала на двор, позвала деда. Пришёл дед, они вдвоём девочку вытащили из печки, умыли, в пелёночки завернули, на печку положили. И из етой малинькой девочки из крошечной стала расти не по дням, не по часам, а по минуточкам новинькая малинькая девочка. Да такая умная-разумная и похожая вся на репку. И имя ей такое дали – Репка. А хорошая девчонка растёт, умница. Подростать стала, в деревню стала выбегать, с подружками играть. А потом, когда подросла, в лес за ягодами пошла. Дед с бабой не нарадуются: хорошая, умница девочка, ну, пусть растёт.

И вот однажды она взяла лукошко и отправилась. Ходила, ходила, долго ходила по всем у́горам, по перелескам, все полянки обошла, где раньше ягоды собирала – негд́е не одной ягодки не нашла. Что такое? Вчера собирала – были ягоды, сегодня пришла – даже ягодника нет. Постояла, повертела головой туда-сюда.

С которой стороны земленичкой пахнет? Со стороны леса. Подошла к лесу, а по опушке лесной ягод – красным-красно, как красный цветочек, успевай только руками роботать. Ловко роботают у Репки ручки – собирает и собирает. И быстро насобираала пólноё лукошко. Домой пора идти. Но что такое? Посмотрела: дороги нет, как чёрт скрыл. Испугалась Репка, туда-сюда, в лес зайти боится и от лесу ототти не мóжет. А в лес как будто кто-то тянет её. Идёт тихо-ничко, хóчёт вернуться, вытти из леса – ноги не идут. В лес пойдёт – ноги сами бегут.

Шла, шла, видит: впереди просвет. А на полянке там стоит избушка, не на курьих ножках, а простая, деревянная. Испугалась Машенька (Репка), мóжет, это волшебна избушка. Кто там? Мóжет, там розбойники живут, а мóжет, Баба-яга – костяная нога? Неведомо кто. Но подошла она к избушке, стоит. А дверь приоткрыта. Стояла, посмотрела в щёлку, видит: лежит там на печи огромный бурый медведь, граблями спину себе чешет. Как увидала медведя, испугалась, закричала, убежать хотела. А медведь лежит на печи, не шевелится, а кричит громким голосом:

– А! Некуда ты теперь не убежишь, я давно тебя примечал, давно тебя сюда заманить хотел, да всё ты мне не попадалась, а теперь ты сама пришла. Заходи в дом и будь хозяйкой. Ты будешь дома сидеть, порядки наводить, а я буду в лес на охоту ходить да тебя кормить.

Плачет Машенька. Нет, не Машенька – Репка! И слова вымолвить не может, только ревёт да ревьёт. А медведь говорит:

– Не реви, слезами горю не поможешь, а легче тебе от этого не будет, только глазки заболят. Живи, да помалкивай, да со мной, с медведем, розговаривай.

Слез медведь с печи, принёс большие сани-ро́звальни. Срубил берёзку, о́чеп сделал, за-

цепил за потолок – и зы́бка готова. Залез в зыбку, одеяльцем закрылся, лежит и говорит:

– Вот теперь, Репка, ты меня качай. Ноги в покачушку, а руками меня розглаживай, мордочку у меня гладь и шёрстку на мне росчёсывай.

Ничёво не осталось Маше... Репочке, сидит она целый день. А медведь говорит:

– Хватит тебе в молчанки играть, ты лучше песенку спой.

Сидит она и говорит:

– Спи, медведь, спи, страшилище лесное.

Медведь послушал, говорит:

– Нет, это ты не то поёшь. Ты пой так, пой мне: «Спи, медведь, спи, мой милый друг, спи, единственный».

Не хочет Маш... а, Репка, так говорить, губы не поворачиваются, а медведь опять своё. Не могла отбиться и стала так приговаривать, как медведь сказал.

Вот и живут они. Медведь с утра встаёт и уходит по своим медвежьим делам, а она дома сидит, всё в окошко гледит, об отце-матери тоскует. Но убежать никак не может – на крепкие запоры закрывает её медведь. Ниделя прошла, и год прошёл, и два прошло. Вздумала Машенька (Репка) убежать от медведя. Посмотрела она, как он закрывает дом на запоры, и решила всё изломать. Только он ушёл, она принялась за своё дело, вырвалась и убежала. Целых два года она прожила у медведя.

Прибежала к отцу-матери – уж то-то было радости у родителей! Снова в доме чоловік появился. Она уж такая крепкая, сильная стала. И отцу с матерью во всём помогает. Живут они, живут, жили, жили – и вдруг Машенька (Репка) сыночка родила. И не простого, а медведко. Такой мальчик интересный, крепконький, сильный такой. И растёт тоже не по дням, по часам – по минуточкам. Родители радуются:

– Дочку Бог дал, а теперь ещё у нас и внучок есть.

А внучок такой забавный, моментом стал на улицу выбегать, с соседскими деревенскими ребятишками играть. Но в игры у него не получается. И звать его стали все просто Медведко. А имени ему не дали, просто Медведкой зовут. Захочёт за косу девочку дёрнуть – косы как не бывало. Возьмёт мальчишку за руку, хочёт поддержать – руки у мальчишки нет. А хочёт наперегонки – бежит-бежит и загонит, упадёт мальчонка на землю, и дух вон. Родители сердятся, ругаются. Раз сказали, два сказали, а потом собрались всей деревней и говорят:

– Хороший ты, дед, хороший у тебя и внук. Но убирай его, чтобы в нашей деревне у нас его больше не было. Куда хошь убирай, только наших детей пусть никто не обижает. Он переведёт у нас всех детей.

Услышал такие слова отец – загрустил, загоревал, плачет, обнимает внука. А внук говорит:

– Отчёво ты, отец, такой невесёлый?

– Вот то говорит народ.

А Медведко и говорит:

– Ну что ж, раз такое дело, неугожий я уродился – пойду я на все чотыре стороны, куда глаза глядят. Только скуй ты мне дубиночку в двадцать пять пудов.

Пошёл отец в кузницу, сковал дубинку. Сковал дубинку, подарил её Медведку. Он идёт, стукнет – земля дрожит. До-о-олго было слышно, в которую сторону Медведко ушёл, всё звуки раздавались. Отец думает: «Если какая беда, пойду искать своего внука в ту сторону, откуда звук раздаётся».

А Медведко шёл-шёл, до огромной реки дошёл. Река огромная, шириной в три версты, никак её не перейти. И видит: посредине реки стоит огромный богатырь. Ртом воду заполонил,

усом рыбу ловит, на языке варит да и кушает. Интересно стало Медведку, кричит:

– Эй ты, Усыня! Что делаешь? Гляди, ну и богатырь ты!

– Да нет, я не богатырь. Вот если бы был Медведко, вот это богатырь, вот он силен.

А Медведко говорит:

– Подём, Усыня, со мной. Вдвоём идти веселей.

Согласился Усыня. Идут дальше. Шли, шли, слышат: раздаётся стук да гром. Что такое? Посмотрел Медведко, видит: идёт богатырь ещё больше первого, с руки на руку гору перебрасывает.

– Ты что делаешь, Горыня?

– Как что? Вот, смотрите, гору несусь.

– Куда несёшь?

– Я в овраг её брошу, чтобы оврага не было.

– Ну и ты силен!

– Нет, я не силен. Вот если бы Медведко, он сильнее меня. Возьмите меня, братья, с собой.

– Пойдём. Втроём идти веселее.

Вот идут они втроём: Медведко, Усыня и Горыня. Шли, шли – день к вечеру подходит. Навстречу лес растёт. Лес растёт, а в лесу кто-то работает. Посмотрели внимательно, а он ещё сильнее их. Такой могучий человек. Поздоровались, поклонились:

– Ну, ты силен, Дубынюшка! А что ты делаешь?

– А вот, смотрите, который дубок мал, я его за вершинку тяну, чтобы он к солнцу скорее рос, торопился. А который велик, я его обратно в землю присаживаю, чтобы все были равные, одинаковые.

– Ну и ты силен!

– Как не силен? Вас трое, возьмите меня четвертого, силы у нас будут ещё больше.

Человеку отказать нельзя, собрались все четвером и идут. Шли долго ли, коротко ли,

скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дошли до лесочка. Видят: в лесу стоит избушка. Зашли. В избушке нет никого, а в доме всё прибрано, так аккуратно сделано.

– Ну, ребята, самая пора нам теперь отдохнуть.

Зашли в избушку и ночёвали. Ночь прошла благополучно. Всё тихо кругом, спокойно, только слышно, как в лесу птицы щебечут. Наутро проснулись, Медведко говорит:

– Ребята, нельзя всем вместе дома сидеть, надо хоть на охоту сходить.

Жребий бросили, кому дома остаться, кому в лес идти. Первый раз жребий выпал на Усыню. Трёё ушли в лес на охоту, а четвёртый, Усыня, дома остался. А около избушки загороженный хлевёц. А хлевёц полон чёрных овец. Братья ушли, а Усыня пошёл в хлевёц, поймал барана, зарезал, обработал, мясо готово, печку затопил. Печку затопил, мясо сварил, всё приготовил, настряпал, как надобно. Уморился, умаялся. Голову помыл, взял расчёску, сел под окошко, давай голову расчесывать. Вдруг откуда-ниоткуда стук да гром, потемнело кругом. Выходит маленький человек – Мужичок с ноготок, а борода с локоток – и страшным таким громким голосом кричит:

– Кто посмел в моём доме хозяйничать? Кто посмел у меня под окошком сидеть, моей расчёской голову расчесывать?

А Усыня говорит:

– Э, ты ещё мал, сначала подрости. Вот я возьму щей ложку да хлеба крошку, сразу тебя и заплесну.

А мужичок отвечает:

– Я мал, да удал.

Как вскочил на стол, потом на голову Усыне да как пестом его ударит по лбу так, что даже Усыня и свет потерял. Сидит и не видит, где день, а где ночь. Упал, лежит под лавкой. А старичка как

не бывало – след простыл. Лежит Усыня под лавкой, попала какая-то под руки ему старая тряпица, завезал голову – шевелиться не может. А Мужичок с ноготок, пока не убежал, со стола всё собрал, всё съел, как ничего не было на столе. А Усыня лежит и думает: «Вот так прожора. Столько было – нам бы всем не съесть, а он один всё съел».

И в это время приходят братья с охоты. Приходят, кое-что принесли, добычу свою. Рассказывают, а Усынюшка лежит под лавкой, вставать не хочет.

– Да ты что, Усыня, что с тобой случилось? Почём ты головушку обвезал?

– Да вот, дрова были жаркие. Затопил жарко печку, угорел – с угару и встать не могу.

А про Мужичка с ноготка ничего не рассказывает. Посидели, посидели братья, погоревали, и пришлось им ложиться спать натошак. Легли на голодное брюхо. Утром проснулись – давай снова жребий метать, кому дома сидеть, кому на охоту идти. На второй день очередь выпала на Горыню.

– Горынюшка, остовайся. Мы пойдём, а ты обед приготовь, чтобы всё было готово.

Только братья ушли, Горыня вышел на двор, зарезал большого барана, обед приготовил. Приготовил обед, как надобно, и решил на лавке полежать. Только лёг на лавку, не знаю, уснул, не уснул, задремал, не задремал, мóжот, так приснилось, – изба задрожала, кругом затемнело. И заходит в избушку опять мужичок – Мужичок с ноготок, а борода семь вёрст. Спрашивает:

– Кто тебя сюда звал? Кто тебе посмел барана резать? Вот здесь-то я теперь на готовом обеде попью-поем и отдохну.

А Горыня как закричит:

– Ах ты, нёзванный! Сам успеи вырасти, ты ведь ещё не вырос, а хочёшь распоредиться надо мной.

Осердилса Мужичок с ноготок, скок на стол, схватил железный пест и давай пестом его по голове выхаживать. До тех пор бил – у него и головушка опустилась. Лежит Горыня и не шевелится. И голову трепицей завезать свою не мѡжет, так его уработал Мужичок с ноготок. А сам в щелку провалился, в подпѡльѡ упал, ни́хто его больше тут и не видал. Пришли братья с охоты и видят: и этот лежит. Голова вся в синяках, избитая, глаза плохо смотрят.

– Да что с тобой случилось, Горынюшка?

– Да вот, дрова-то сырые, не горят, только пищат. Хотел я всё приготовить, да ничѡвѡ не успел. А от угару головушку поднять не могу.

Согласились братья, а первый-ту уж понял, какая у него болезнь. Но говорит:

– В следующий раз не это будет.

Легли опять спать натошак. Ночѡвѡли, а на третий день Медведко говорит:

– Сегодня я сам пойду, то есь останусь, сам буду проверять, какой «угар» к нам ходит. Братья ушли, а Медведко пошѡл в хлевѡц, поймал барана, зарезал его, давай готовить. Всѡ приготавил честь по чести, как надѡбно. Отдыхать не ложится, садить не садится – всѡ похаживает, всѡ поглядывает. Вдруг вся избушка ходуном заходила. Тресѡт его, дрожит всѡ. И входит опять такой третий мужичок – сам с ноготок, а усы десѡть вѡрст. Да как закричит на Медведку:

– Ах ты, Медведко! Зачем ты моего барана зарезал? Сейчас я тебя съѡм и тебя ростопчу.

А Медведко отвечает:

– Не зная броду, не лѡзь в воду. Сначала попробуем, кто кого.

Да как схватил мужичка за усы и давай его по избе таскать. Сначала тихонько таскал, потом скорость прибавил. Таскал-таскал, до тех пор таскал – вся сила у мужичка кончилась. Вытащил Медведко его на двор. Там стоит огром-

ный дубовый столб. Привезал он к столбу его, а чтобы крепко было, усы железным клином заклинил. А сам в избушку зашѡл. Сидит, братьев дожидается. На столе всѡ готово, как будто в ресторане приготовлено. Сидит, братья заходят, все довольны. Пѡпили, поели, наелись досыта. А братьям он говорит:

– Вот я ваш «угар» ко столбу привезал. Пойдѡмте, я вам покажу ваш «угар».

Вышли на двор, посмотрели, а там нет никого. А на столбе только усы болтаются, а чоловѡчка нет. Посмотрели внимательно, где столб – глубокая яма. Глубокая-глубокая. Он (Медведко) говорит:

– Вот я «угар»-то к столбу привязал, а хозяйина потерял. Теперь подѡм в лес, лыка надерѡм.

Надрали много лык, верѡвку сплели. Сделали верѡвку, Медведко говорит:

– Вот тепѡрь я пойду проверю и найду чоловѡка, который вам «угар» сделал.

А братьям говорит:

– Вы меня туда спускайте на этой длинной верѡвке, но далеко не уходите. Я всѡ там сделаю, что надѡбно, и вернусь. Вам скричу – вы меня тогда тените за верѡвку. И в путь дальше вместе отправимся.

Привезали они Медведка за верѡвку. Долго-долго спускали, всѡ темно и темно. Вдруг просвет показался. Видит Медведко: перед ним поляна, а на поляне стоит роскошный дворец белокаменный, крыша золотая. Зашѡл Медведко в теремок, а там, во дворце, сидят три девицы, три красавицы. Увидали они Медведко, соскочили с места, не пускают его далеко, у порожка держат:

– Не ходи, не ходи, добрый молодец. Вот мы попали сюда больше тридцати лет уже назад, а выйти отсюда никак не можем, потому что хозяйин здесь Мужичок с ноготок, усы десѡть вѡрст.

Если он выйдет, от тебя, добрый молодец, ничёво не останется.

А он спрашивает:

– А где твой хозяин? Где ваш хозяин?

– Да вот там, в дальнёй комнате.

Пошёл Медведко в дальнюю комнату. А там мужичок лежит на постели да охает. Схватил он этого чоловічка за ногу, так поднял да как ударил об пол – от него только {мокрое} место осталось, как не бывало. «А теперь, – думает Медведко, – надо идти обратно». А красавицы такие интересные, думает: «Я один теперь не пойду, что теперь оне одни тут сделают? Этот, Мужичок с ноготок, поил и кормил красавиц, а их теперь кто бўот кормить?» Подошли они к входу, где верёвка брошенная. Привезал он старшую сестру. Привезал и кричит:

– Тените, братья!

Потенули братья, а Медведко им кричит:

– Усыня, это твоя невеста!

Вытенули старшу сестру, верёвку обратно бросили. Иванушка (Медведко) привезал вторую сестру.

– Тените!

Вытенули братья вторую сестру. А Медведко опять кричит:

– А это, Горыня, твоя невеста.

Вытенули вторую, а теперь кричит, третью привезал сестру:

– А это, братья, моя невеста.

Уж больно она понравилась Медведку. Вытенули братья невесту – теперь надо тенуть Иванушку (Медведку). А для Дубынюшки нет невесты. Обиделся Дубынюшка, думает, как отомстить ему. Взял топор да с розмаху и перерубил верёвку надвое. Братья ушли с невестами, а Иванушка упал обратно. Те ушли домой свадьбу делать, а Иванушка осталса в подземелье.

Вот идёт, идёт Иванушка, час идёт и другой идёт – лес, не лес, маленький перелесочек, никто навстречу не идёт, не жилья, не живого существа. И вдруг слышит какой-то писк. Посмотрел внимательно, а на траве птічьё гнездо. А в птічьём гнезде сидят пять птенцов. А такие огромные, каждый птенец ростом с барана. «Ну, теперь, – думает Медведко, – я хоть одного птенца поймаю и съем. Я так проголодалса, силы нет идти больше и моченьки никакой». Подошёл к птенцам, погладил птенцов и одного хотел достать из гнезда. А птенцы все как закричали в один голос, кричат, пищат:

– Не трогай нас, добрый молодец! Прилетит наша матушка, бўот горько плакать, слёзы проливать. Нам иё жалко. Она и нас мójот бросить.

Пожалел Медведко птенцов, а тут, откуда ни возьмись, ветер подул, крылья захлопали. И летит мать этих птенцов – огромная птица, птица Мóгол. Подлетела и сразу кричит:

– Фу-фú, фу-фú! Русским духом пахнет! Сечас богатыря съем-проглочу, кóсточок не оставляю.

А птенцы в один голос кричат:

– Не трогай, матушка, этого чоловіка, он добрый! Он голоден был, идти не мог, а нас не съел, нас пожалел. И ты его не трогай.

Послушала птица Мóгол такие слова и говорит:

– А что тебе, добрый молодец, я должна сделать за то, что ты птенцов моих пожалел?

– А ты, птица Мóгол, далеко летаешь, вынеси меня из подземелья на Русскую землю.

А птица Мóгол говорит:

– Чтобы лететь на Русскую землю, дорога длинна, а я есь захочу и пить захочу. Иди ищи подземной склад Бабы-яги. У ней там еды видимо-невидимо. Приготовь сорок бóчок еды и сорок бóчок воды, тогда я тебя и увезу.

Пошёл Медведко, нашёл кладовую Бабы-яги, а припасов там видимо-невидимо. В первую очередь Иванушка сам подкрепился. Наел-ся, напился и выкатил из кладовой сорок бочек с мясом и сорок бочок с водой. Закатил всё птице Могол на спину – всё готово.

– Садись, Иванушка, теперь и ты.

Сел Иванушка, крепко держится. А птица летит, летит, крыльями машет. Головой повернулась. Как только повернулась к Иванушке, он бросат ей бочку с едой и бочку с водой. Съест птица, наберёт силы – ещё быстрее прежнего летит. Летит, и летит, и летит, сколько времени прошло, Медведко и сам не понял. А тут всё медленнее и медленнее. Повернулась птица Могол головой, а у Иванушки нет ничёво – ни мяса кусочка, и воды капельки нет. Но Медведко не растерялся. Достал из-за пояса острый ножик и отрезал у ног обе икры, и бросил птице Могол прямо в рот. Она проглотила их и на землю вынесла. Вынесла и говорит:

– Ну вот, Медведко, я теперь твою просьбу выполнила, обратно полечу.

Иванушка благодарит её, спасибо сказал, да голосом печальным. Обернулась птица Могол на него, и смотрит: что такое? Идёт человек и хромает.

– Почёму ты, Иванушка, хромлешь?

А он сказал, что я отрезал свои икры на ногах, поэтому и идти не могу.

Птица Могол сейчас выплонула изо рта обе икры, приложила их к Ивануш... медведкиным ногам – они приросли, как тут и были. И пошёл он вперёд как ни в чём не бывало – жив, здоров и невредим. Птица Могол улетела к своим птенцам. А Медведко идёт по лугам по Русской земле, узнаёт – места-то знакомые. {Думает:} «Значит, тут недалеко где-то и родители живут. Пойду теперь к родителям».

Идёт, идёт, видит: стадо коров ходит. А коров красавица пасёт. Подошёл он к девице и спрашивает:

– Почёму ты коров одна пасёшь?

Рассказала ему девица, как пришли братья Усыня и Горыня со своими нивестами, а царь им свадьбу справляет, свадьба будет.

– А меня хотели отдать за Дубынюшку. А я за Дубынюшку замуж не хочу, я своего Медведко дожду.

А он говорит:

– Не горюй, красавица. Не много тебе ходить осталось за стадом. Придёт к тебе и твой Медведко, только не плачь.

Сам ушёл в сторонку, сел отдохнул. А красавица всё ходит, ходит, коров караулит. Напоила их, накормила досыта, домой пора. Иванушка вышел из-за ку... Какой Иванушка? Медведко! И говорит:

– Ну, теперь, красавица, домой пойдём.

Пришли, где свадьбу готовят, и он говорит... Братья за столом сидят вместе с нивестами:

– Добрые люди, налейте мне хоть одну рюмочку винца.

Братья налили ему винца. Он выпил. Выпил – веселее стало Медведке, он осмелел. А третью налил и сам выпил. Выпил, осмелел и тогда свой суд учинил. И Усыню, и Горыню из этого царства вон прогнал, чтоб их тут во веки веков не было. А сам взял свою красавицу и пошёл к отцу с матерью. Долго ли, корóтко ли они шли – пришли. Пришёл он к своей избушке, а видит: там и Репка его дожидается, и бабушка с дедушкой дожидаются. Вот сколько было радости! Все радовались: и старые, и молодые. Живут-поживут они теперь всёй своей семьёй дружно-предружно, никто друг друга не обижает, а все живут дружно и счастливо. Тут и сказке конец.

45. МЕДНЫЙ ЛОБ

Сказка называется «Медный лоб». Жил-был царь. У царя радость – родился сын-первенец. Уж очень царь его дожидался. Вот родился сынок, бабушка-повитушка завернула его в пелёночки и унесла в баньку. Вымыла, выпарила, обратно завернула, царю принесла. Положила царю на руки и говорит:

– Хороший у тебя, царь-батюшка, сынок родился, и умён, и пригож будет, только смотри за ним в оба.

И отдала сына царю. А эти слова запали в душу царя. Почёму́ это смотреть за ним в оба?

Вот растёт сынок. Пока маленький, ходят за ним мамки да няньки, души не чают, день и ночь качают да лелеют. А он растёт да растёт, растёт да растёт. А как сынок на ножки встал, царь его от себя на минутку не отпускал. Сам на царский трон – и сыночка с ним, сам в гости – и сынок в гости, царь на охоту – и сын на охоту. Вот уж подростать стал, хорошо в седле держится. Куда ни пойдёт царь, его не оставит. И вот однажды пошли они, поехали на охоту за быстрыми оленями. Сынок впереди – охотники за ним. Охотников целая свора. Ехали они, ехали – и вдруг конь споткнулся и царевич выпал из седла. Выпал, закричал громким голосом, заплакал. А охотники и сам царь позади остались, не слышно, не видно их. И вдруг слышит царевич: кто-то таким ласковым голосом говорит:

– Не плачь, сынок, не плачь, царевич, сейчас отец подъедет, тебя на руки возьмёт.

Только услышал царевич такие слова – и вправду: приехал царь на коне, взял царевича на руки, уговорил его, плакать не стал царевич. Плакать не стал, а сам показывает пальцем в кусты. Царь понять не может, уехать хочет. А царевич

не пускает его уехать, тут заставляет быть. А потом царь смотрел, смотрел и в кустах-то услышал: что-то шевелится. Внимательней посмотрел, а там великан – огромный-огромный человек. Голый, сам бледный и лоб медный. Вот тогда царь и подумал: «Неплохо бы этого человека поймать, в клетку посадить, а за это денежки брать. Пусть все цари соседние и королевичи приезжают и денежки мне заплотят, кто хочет посмотреть этого человека – великана Медного лба». Захотел сразу разбогатеть. Приехал, посадили его, свезали верёвками, на цепь посадили. А потом клетку золотую приготовили, и сидит Медный лоб в золотой клетке. А царь уже по всем соседям вести известил, гонцов послал.

– Приезжайте смотреть на чудо-человека!

А у царей это скоро дело делается. Они сели на коней и поехали. Вот уже вокруг царского дворца чуть не целое войско собралось. Все хотят посмотреть на человека. А в это время сынок-царевич золотую стрелу из лука пускал. И однажды, он как пустил стрелу, и стрела попала прямо в клетку к медному человеку. Медный человек взял стрелочку в руки, сидит с руки на руку её перебрасывает. Подбежал царевич к клетке и говорит:

– Медный лоб, Медный лоб, отдай мне стрелочку, меня отец бранить будет.

А Медный лоб отвечает:

– Ты меня не пожалел, из-за тебя меня в клетку посадили. Вот если ты меня выпустишь отсюда, то я тебя пожалею, а если не выпустишь, я не скажу тебе...

Ладно, подумал-подумал царевич: долго ли клетку открыть? Нашёл ключ и открыл. Медный лоб и был таков, как не бывало. Убежал. А где

его искать? Никто не видел, в которую сторону он ушёл.

А соседние цари и царевичи уже тут как тут. Дожидаются, а царь их не пускает. Только хотел царь открыть клетку, подошёл, а там его уже нет. Розгневался царь, закричал, гром и молнии мечет, спрашивают у всех: у слуг и у охраны – не видал ли, кто клетку открыл. Никто не сознается, никто не видал. Вдруг выходит на крыльцо девка-чернавка, служанка, которая в скотной избе жила. Она подошла к царю и говорит:

– Царь-батюшка, не гневайся на меня, я тебе всю правду скажу. Это подошёл ваш сынок Иван-царевич, открыл клетку, и Медный лоб убежал. Убежал Медный лоб.

А тогда царь деву-чернавку отпустил, призывал к себе своего сынка и говорит:

– Вот, сынок, растил я тебя как сыночка, а ты меня на такой позор поставил. Я тебя за это накажу. Уходи ты из моего царства на веки вечные и забудь ты навеки отца с матерью. Чтоб не было больше тебя в нашем царстве-государстве. Иди, куда хочешь и как хочешь!

Погоревал, погоревал Иван-царевич, но царские слова – приказ есь приказ. Как был, в какой одежонке, так и отправился. Даже хлеба кусочек ему никто не дал.

Вот идёт царевич и час, и другой. И, может, неделю, и две прошло. Идёт царевич – никто навстречу не попадает, один-одинёшинёк. И голоден, и одежда на нём уже стала изнашиваться, и сапоги исхудились. Худо царевичу. Одно царство прошёл – никто его никуда не принимает. Второе царство пошёл – опять одинокий. Пришёл до третьего царства, постучался в ворота. Разрешил царь ему зайти, спрашивает:

– Кто ты таков? Откуда? И зачем ты идёшь? А царевич стал на работу проситься:

– Дайте работы, иначе я с голоду помру! Я ведь царский сын, а не простой.

Царь не верит, что он царский сын. Шёл-шёл, стоял-стоял, думал-думал. Царь говорит:

– Конечно, в царские палаты я не пущу, а иди-ко ты живи в скотную избу. Поживёшь там и бў-ошь у меня работать пастухом.

Как рад-радёшенек Иван-царевич, что из царевичей в пастухи. «Я хоть по улице похожу, свежим воздухом подышу и хлеба царского поем». Утром рано по росе вышел Иван-царевич, а царь приказал пасти ему ко́ней. Ходит Иван-царевич за конями целый день. Кони умные – едят и пьют, на водопой их сгонял, ко́ням пора отдыхать. Кто стоит просто на дерево навалился, а кто и лёг отдохнуть. А Иван-царевич подошёл и говорит:

– Ох, Медный лоб, Медный лоб, я ведь из-за тебя страдаю, из-за тебя я конюхом стал.

А сам гладит по гривам ко́ней да горькими слезами плачет. А слёзы на конские гривы падают. Постоял-постоял Иван-царевич, смотрит: день клонится к вечеру, надо коней домой гнать. Смотрит и глазам не верит: у всех коней гривы серебряные. Вот чудеса! Пригнал, а царь уж встречает пастуха. Встречает и сразу смекнул, что это пастух не простой, надо к нему присмотреться. Постоял он, постоял и говорит:

– Ладно, иди наешься-напейся, а утром снова бў-ошь скот пасти.

Проснулся Иван-царевич наутро, посмотрел на улицу, а там стоит огромное стадо коров. Пригнал, теперь стал уже не конюхом, а скотником. Пригнал. А коровушки мирные, мирно то́жо ходят, едят и пьют, все мычат да на Иванушку больше глядят. Остновились перелеском за солнышком отдохнуть. Лежат, все жвачку жуют. Что-то хотят Иванушке сказать, да не могут. Гладит их Иванушка по головам и по рогам. А в это время у коров рога становятся не простыми,

а золотыми. Пока он их розглаживал, все рога золóченные стали. «Ну, – думает Иванушка, – что-то мне теперь царь скажет? Мóжет, меня выгонит, а мóжет, похвалит». Приводит он стадо домой, а царь уже встречает. Царь руками розводит – вот пастух дак пастух! Тут надо приглануться. Пришёл он к Иванушке и говорит:

– Хорошо ты коровушек пас, а теперь твоя очередь свиной пасти.

«Ну, – думает Иванушка, – уж хуже того некуда». Свины визжат, хрюкают, в лужи ложатся, землю роют! Ну, куда деваться? Ходили они, ходили, набегались, умучался с ними Иванушка больше некуда. Ну, конечно, и отдохнуть легли. Лежат все в канавках, в лужах грязных, а на кого они и находят – посмотреть на них страшно. Пригнал домой, а дорогой заметил, что постепенно щетинка на них меняется. Не грязные стали щетинки, а засияли, как ясные солнышки. Все щетинки стали на них золотые. Загнал он свиней в хлев. Призвал царь Иванушку к себе и говорит:

– Вот, Иванушка, не поверил я, что ты царский сын, а ты и вправду не простой, а золотой. У меня есь дочь, я тебя на своей дочери женю. И будешь ты царским зятем.

Иванушка и доволен. И сказать ничёво царю не сказал. Тут же на глазах у всех свадьбу справили, и стали они жить – Иван-царевич и дочь-царевна. Иванушка доволен, а царевна не довольна. То на него – Иванушка не так делает, и другое не эдак. И розговаривать с ним не хочет, и на постель не стала с ним ложиться. Смекнул это дело Иванушка – что-то непорядок. А царевна призвала к себе верных слуг и приказала:

– Как только царь, царевич, уснёт, вы его свяжите верёвками и увезите далеко-далеко в дальние леса, чтобы на съедение волкам и медведям, чтоб мне его больше никогда не видеть!

А сама в угощение Иванушке сонного зелья подсыпала. Иванушка только подобедал – уснул богатырским сном, а слуги его схватили, в карету посадили и увезли. Долго ли они его везли, но в такой лес привезли – даже в небо смотреть кверху, и то не видно. Слуги уехали, а царевич остался спать. Долго-предолго спал. Проснулся и видит: «Что такое?» Кругом тёмный лес. Никакого дворца. Нет никакой живой души. Подумал-подумал Иван-царевич: «Что теперь? Теперь уж моя верная смерть пришла». Подумал так, а вслух говорит:

– Эх, Медный лоб, Медный лоб, я тебе добро сделал, из клетки тебя выпустил, а ты меня на верную погибель привёл.

Только сказал такие слова, а Медный лоб тут как тут.

– Я тебя, царевич, погубил, я тебя и спасу от неминуемой смерти. Вот иди сейчас в эту сторону. Держись только правой стороны! Смотри не забывайся, не заглядывайся! Увидишь: на опушке леса две яблоньки растут. Возьми с этих яблонек яблочко, сколько тебе надобно, а там сам догадайся. А я больше тебе ничем помочь не могу. Если ты сумеешь – жить будешь, а не сумеешь – сам на себя пеняй.

Медный лоб исчез, как его не бывало, а Иванушка идёт, идёт и идёт. Долго так шёл, шёл, есь захотел. И видит – на опушке яблонька. Подошёл он к яблоньке, набрал яблочко в карманы и съел. Съел яблочко, съел второе и чувствует: голова у него стала тяжёлая. Тяжело, но всё равно жить надобно. Пошёл к ручью, слышит – недалеко ручей журчит. Только наклонился к ручью, да так и ахнул. Видит в ключике, как в зеркале: на голове у него огромные оленьи рога выросли. Он думает: «Это, наверно, от яблочок». Смекнул, в чем дело, нарвал ещё яблочек и дальше пошёл. Идёт-идёт – снова проголодался. Опять

яблонька растёт. Сорвал яблочко со второй яблоньки, в другой карман положил. И съел. Сначала одно яблочко съел, только начал второе яблочко закусывать, чувствует – голове становится легче и легче. Пощупал свою голову, а никаких рогов на голове как не бывало. Ну, теперь Иван-царевич и думает: «А где же я этот царский дворец найду?» Шёл-шёл, до базара дошёл. Видит: на базаре торговки корзинками торгуют. Где-то деньги нашлись у него, купил корзинку, яблочки в корзинку сложил. Сложил, идёт и кричит:

– Покупайте, покупайте, яблочки наливные, золотые!

Услышала царевна и попросила, чтобы его во дворец пустили. Зашёл он во дворец. А в окно глядела девка-чернавка. Она увидела, что яблочки продают. Был у ней один грошик, который за работу ей царь заплатил. Она взяла грошик, подошла к Ивану-царевичу и просит:

– Продай мне, добрый молодец, хоть на грошик яблочек.

Дал он ей яблочко. Она его съела. Съела и почувствовала в себе что-то неладное. Побежала к своим подружкам-служанкам. А они так и ахнули: не девка-чернавка перед ним стоит, а девица-красавица – ни в сказке сказать, ни пером описать! Поняла девка-чернавка, что так изменилась она от этого яблочка. И дошла весть до царевны. Царевна тоже захотела стать красавицей. Сняла своё золотое кольцо с шеи, ожерелье, и посылает служанок:

– Отдайте это кольцо и заберите все яблочки, которые есть у этого продавца.

Прибежали они, забрали все яблочки и принесли царевне. Служанки просят угостить – уж так они хорошо пахнут, такие они приятные. А она ес да ес, никому не даёт. Все яблочки съела, одно осталось – больше не влезает. А чувствует – голова не ладно. Голова закружилась, поте-

желела. А как служанки смотрят на неё – улыбаются. Смеяться нельзя и кричать нельзя. А царевна посмотрела в зеркало и увидела себя с оленьими рогами. Давай кричать, одежду на себе рвать. Царь с царицей прибежали, не знают, в чём дело. Давай лекарей разных звать, знахарок. Прибежали все, заговоры читают, умывают, святой водичкой брызгают – ничёво не помогает! А рога растут да растут, ни сидеть, ни стоять не дают. Положили царевну на постель, а для рогов полку сделали. Рога на полке, а царевна на кровати лежит. Уж сколько знахарей приводили, никто понять не может. И вдруг видят: идёт какой-то человек. И он прикинулся знахарем:

– Я вылечу вашу дочку, если она за меня замуж пойдёт и прощения у меня попросит.

Царь и на это согласился, хотя отдавать за простого мужика, конечно, царю свою дочь никак не хотелось. Раз уж она с царевичем не стала жить, и с етим жить не будет. Ну, позвали его. Он пришёл, посмотрел со всех сторон и спрашивает у царевны:

– А не сделала ли ты что-то плохое, не обидела ли ты кого-то? Ведь это большой грех, тебе наказание за это сам Бог послал. А что бы ты сделала, царевна, если бы тебя кто вылечил от этой болезни?

Она говорит:

– Я бы в ноги ему упала, прощения попросила, расцеловала и верной бы женой ему стала. Только бы избавили меня от этой напасти.

Иван-царевич тогда достаёт первое яблочко, яблочко с первой яблоньки, и говорит:

– Вот съешь это яблочко.

Она съела, посмотрела на Ивана-царевича и сразу его узнала. В ноги ему упала, целовала, обнимала и родным мужем называла. И живут они теперь, поживают и горя не знают.

46.

ПРО ДОБРОГО МОЛОДЦА И ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

«Про доброго молодца и перо Жар-птицы». Жили-были муж да жена. И был у них единственный сынок Иванушка. И звали все – Иванушка Богатырь. Уж больно он был хорош и пригож, на все дела угоден. Но вот пришло время старику умирать. Он подозвал к себе Иванушку и говорит:

– Слушай, Иванушка: долго я жил на белом свете, много видал хорошего и плохого, но богатства никакого не нажил и в наследство оставить тебе у меня нечего. Есть у меня только один конь вороной. Любил я его больше всего на свете, ходил за ним день и ночь. А теперь оставляю его тебе и завещаю тебе любить его и ухаживать. Он тебе счастье и радость принесёт. А если ты не будёшь за ним ухаживать, горе тебе горькое, жизнь негожая.

Сказал такие слова, лёг на лавку – и дух вон. Похоронил сынок отца со всеми почестями, остался хозяйствовать один. Вот однажды ездил в дальние-предальние края, едет на своём вороном коне, дом уже близко. И вдруг неожиданно споткнулся его конь вороной, да так сильно – на коленки упал, а Иванушка Богатырь из седла вывалился. Поднялся и видит: перед ним лежит перо, да не простое. Взял Иванушка, отёр его рукавом – и стало вокруг светлее ясного солнышка. Это лежало перо Жар-птицы. А вещий конь-богатырь говорит:

– Иванушка, не тронь это перо, оно тебе не счастье принесёт.

Долго стоял, думал Иванушка: взять перо или коня послушать. А подумал: «Что у меня дома? Одна избушка, и та развалюшка. А я перо возьму, царю унесу, может быть, он что-нибудь мне за это и подарит. Хоть на хлеба кусок дас». Взял

перо, положил за пазуху, сел на коня. А конь пофыркал-пофыркал, головой помотал, гривой потрёс, но сказать больше ничего не сказал.

Приехал Иванушка домой, коня в стойло поставил, а сам к царю пошёл.

– Вот, царь-батюшка, я тебе подарочек принёс.

Взглянул царь на перо Жар-птицы – обрадовался, заинтересовался. Наградил его серебряной монеткой. Иванушка думает: «Хоть, куда шло, не шло, но на эту денежку я корма для лошади куплю». А царь как на него крикнет:

– Раз ты сумел достать перо Жар-птицы, то достань мне и самое Жар-птицу!

Оробел Иванушка, слова вымолвить не может. Подумал-подумал, постоял и говорит:

– Будь, царь-батюшка, по-вашему.

Поклонился низко и вернулся домой. Идёт, в дом не заходит, сразу на конюшню пошёл. А вещий конь говорит:

– Что ж ты, Иванушка, не весел? Что ты голову ниже плеч повесил?

Розговаривает Иван и говорит:

– Не послушался я тебя, мой конь, а теперь другую себе печаль нашёл.

– Что ещё за печаль?

– Велит царь-батюшка Жар-птицу достать. А где её взять, в каких концах искать, я и неведомо, не ведаю.

Подумал-подумал конь и говорит:

– Это ещё не служба, это службишка, служба будет впереди. Счас иди к царю и скажи, чтоб готовил царь-батюшка сорок кулей отборного пшена. Возьми это пшено, пусть он привезёт тебе на царские луга, а ты его разбросай по зелёному лугу.

Приказал... Пошёл Иванушка к царю, рассказал свою просьбу. А у царя, не задумываясь – раз-два и готово. Пошёл Иванушка разбрасывать, до самой поздней ночи ходил. Взял с собой лукошко, еле-еле силы хватило. Поздно вечером вернулся домой, а конь говорит:

– Ну вот, Иванушка, половину дела ты уже сделал. Садись, поедем.

Приехали обратно на луг, Иванушка за деревом встал. А вещий конь по лугу ходит, зелёную травку щиплет. Стоит час, второй стоит – тишина, нигде никого нет. Вдруг показалось: свет, как солнце всходит. Солнцу всходить ещё рано, времени полночь. А потом так осветило весь луг – светлее ясного солнышка! Сначала Иванушка оробел, а потом понял. Кричать хотел – язык отнялся, вымолвить слова не может. А вещий конь тут как тут. Только птица села на землю, начала зёрнышки клевать, а вещий конь как разогнался на полную прыть, прямо на Жар-птицу, и наступил ей на крыло. Птица бьётся, кричит, а Иванушка из-за дерева выскочил, подбежал, поймал Жар-птицу и в мешок посадил. Сел на коня, коня в конюшню, а Иванушка сам к царю отправился.

– Вот, царь-батюшка, выполнил я твою первую просьбу.

Отпустил Иван-царевич птицу, ходит она по царским палатам, любитесь царь. Долго любовался. Думал-думал и придумал:

– Раз ты сумел поймать Жар-птицу, сумеи теперь найти для меня и невесту. Но не простую, а заморскую, которая живёт за дальними-дальними морями и плавает на челноке заморском.

Задумался Иванушка, но ответить ничёво не ответил. А за Жар-птицу {царь} Иванушку наградил золотой монеткой. А Иванушка думает: «Вот теперь можно разделить вместе с конём: можно и коня накормить, и себе хлебушка ку-

пить». А идёт домой опять невесел. Конь заметил:

– Что же ты, Иванушка, не весел? Или опять задача какая?

– Это не задача, а служба. Как эту службу выполнить, я и душой не подумаю.

– Не горюй, это ещё не служба, а только службишка, служба бьёт впереди.

Подумал-подумал Иванушка, а где царевну найти, не знает.

– Садись на меня, поедем в дальние края.

Сел Иванушка, поехали. Долго-предолго ехали, может, день, может, неделю или месяц. Но вдруг слышит Иванушка: водой пахнет, свежестью потянуло. Видит: впереди синее море колышется. А по морю в челноке плывёт Василиса-Краса, длинная коса и такую ласковую песенку поёт, что у Иванушки сердце кровью залилось: «Вот красавица дак красавица!» А как её взять, не знает.

Вещий конь приказал Иванушке ещё дома попросить шёлковый шатёр, и выпивки, и закуски. И как только Иванушка увидел царевну, высоко на берегу роскинул шёлковый шатер, стол поставил, скатерть-самобранку постелил и всё расставил: и вина заморские, и кушанья самые вкусные. Сам сел, сидит и винком наливает. А ехала Василиса Прекрасная мимо и видит: «Сколько я лет здесь катаюсь на этой лодочке, а такого чуда не видывала». Стоит шатёр красный шёлковый, блестит, лучи от него во все стороны. А как туда прийти, кто такой шатёр поставил, никто не ведаёт.

Вышла из лодочки, пошла на бережок. Только зашла в терем, в шатёр, а Иванушка тут как тут. С поклоном встречает Василису Прекрасную, кланяется ей, вежливо за стол приглашает. Не видала такого Василиса Прекрасная, чтобы с ней так ласково обходились. Хотя она и царская

дочь, но такого уважения она не видала. На́лил Иванушка себе стопочку и ей стопочку. Но заранее в стопочке у него было приготовлено сонное средство. Только он подал ей стопочку, она её тихонечко-тихонечко и всю до дна выпила. Только стопочка опросталась, а царевна заснула крепким сном, непробудным.

Спит царевна, а Иванушка шатёр розобрал, все кушанья оставил, на коня и к царю пригнал. Увидел царь такое чудо, на радостях ходит, Иванушке уплатить за труды забыл, ничёво, никак не поблагодарил. А сам всё ходит и говорит:

– Ну, Иванушка, сослужил ты мне службу, а теперь у меня бѹдет свадьба великая.

А Василиса Прекрасная, недолго думая, говорит:

– Нет, царь-батюшка, так скоро не делается. Раз я твоя нивеста, мне нужно венча́льной платье. Вот достань мне венча́льной платье моё, кото́рое у меня на свадьбу приготовлено, тогда и свадебка у нас будет.

– А где твоё платье?

– А оно лежит на берегу моря, у берега моря, на самой... на самом дне, под большим камнем придавлено. Вот если достанешь это платье, привезёшь, тогда у нас с вами и свадебка будет.

Подумал-подумал царь, вызывает Иванушку и даёт ему приказ ехать на морской берег и достать для Василисы-Красы венчалное платье. А конь опять ему говорит:

– Ну вот видишь, Иванушка, это то́жо служба, но ещё не вся, у тебя ещё всё впереди. Подумать надо. Ну, садись на коня, и поедem.

Дорога теперь уж знакомая. Ехали-ехали – на берег приехали. Остановился конь. А Иванушка думает: «Да где же искать камень на морском дне, в которой стороне, у которого места?» Про

это ведь никто ему не сказал. А волны так и плещутся, так и заливают морской берег.

А конь вороной всё ходит и ходит по берегу. Вдруг видит: раки плывут. Забегал конь по берегу, скакал-скакал, видит: самый большой рак выползает. Выполз рак, конь на него и ступил, ему на клешню. Рак три раза свистнул – и выплыло из моря раков ведомо-неведомо. А Иванушка тогда говорит:

– Вот отпустит тебя мой конь вороной, если ты достанешь венча́льной платье, всё приданое со дна морского, которое находится под большим камнем.

А рак говорит:

– Это дело мы всё раньше знали. Дождись тут, приданое будет для тебя готово.

Все раки обратно упрятились в море, нет никого. Даже море не волнуется, на берег не плещется. «Ну, – думает Иванушка, – только их и видел. И не видать мне такого приданого». Вдруг видит: море снова заколыхалось, волны заплескались. Выползает большой рак и двинет перед собой кубышку, а в ней приданое. Поблагодарил Иванушка всех раков, взял кубышечку, сел на коня, к царю вернулся.

Вернулся к царю, развернули платье, невесту наредили. Только к венцу идти. А Иванушка спрашивает у царя:

– Раз такое дело, ты теперь, царь-батюшка, доволен? А я ещё не доволен. Разреши мне, царь, попроща... выполнить мою последнюю просьбу перед смертью.

А перед какой смертью? А царь приказал, чтобы Иванушка в кипящем котле искупался. Приказал слугам полный котёл воды налить, костры розвести. Костры розгорелись, вода закипела, а царь тогда и говорит:

– Вот теперь иди и попрощайся со своим любимым конём.

Подошёл Иванушка к коню, по гриве его погладил, по мордочке похлопал. А конь в то время ему говорит шёпотом:

– Не бойся, Иванушка, ты будешь ещё краше и добрее, а Василисушка тебе достанется.

«Как это? – думает Иванушка. – Как она мне попадёт?»

А конь тем временем стоит, на Иванушку всё фырчит:

– Ф-ф-ф, ф-ф-ф!

К котлам подошёл и на котлы зафуркал. Нафуркал, нафуркал, хвостом махнул. Иванушка понял, что пора в котёл прыгать. И прыг со всего

маху! А вода уж в котлах не кипящая, а холодная. И вылезает из котла не тот уже Иванушка, а красавец – не в сказке сказать, не пером описать. И одет он в царские одежды. Посмотрел, посмотрел царь на такое чудо и говорит:

– Я тоже хочу искупаться, потому что я уже стар, а Василиса-Краса молодая. Она может и не пойти за меня.

Приказал снова розжечь костры. Только вода закипела – царь подошёл и бултых! От царя осталось только кусок мяса. А Иванушка подошёл к Василисе-Красе. Свадьбу сыграли. Живут-поживают и нас с вами в гости дожидают.

47.

ВАНЬКА

Сказка называется «Ванька». Когда это было, давно ли, недавно ли, а в одной деревне жили-были муж да жена. И был у них один-единственный сын. И звали его Ванька. Хороший был сынок, отцу помощник. Отец в поле – и Ванька в поле. Отец в лес – и Ванька в лес, всё помогает. Уж больно парнишка был угодный. Только матери помогать было некому. Мать уж совсем стала старинькая. Вот она и говорит:

– Давай, отец, женим Ваньку. В доме помощница будет, и мне будет легче.

И начинают Ваньке своих деревенских невест предлагать. Много в деревне девок. Девки хорошие – круглолицые да румяные, да все работающие. А в деревне такая невеста и нужна. Вот предлагают одну невесту – всем невеста хороша, а он говорит:

– У ней коса тонкая.

Вторую предлагают – эта ещё лучше.

– А эта сама толстая.

Третья невеста наготове.

– А у этой под носом мокро.

Никакая невеста не подходит.

– Дак какую же тебе надобно?

– Сам не знаю, какую мне надобно, надо самому думать – не на кого надеяться.

Вот однажды случилась беда, и про невесту розговаривать стало некогда. Отец ходил на поля, единственный раз пошёл на поле один-розодин, без Ваньки. Пришёл на поле – поле гороховое. Смотрит отец: горох кто-то вытоптал. А кто, неведомо. Никаких следов вокруг нет. Все кругом гороховые поля, не одно не задето, а это побидили. Пришёл старик домой, чуть не плачет:

– Беда нам, старуха, пришла. Кто-то повадилса наш горох топтать. Вытопчёт горох – не из чего нам не горошницу сварить, не хлопанцы состряпать. Как будем зимовать?

А мать говорит:

– Эх ты! Ты стар, да не умён. Ведь надо только сходить ночью да покарать. И вора изловишь.

И правду так. Пришёл Ванька в избу, отец говорит:

– Собирайся, Ванька, пойдёшь сегодня гороховое полё караулить.

Иванко тут как тут. У него всё с собой готово. Шапку в охапку, снял со стены сыромятные ремни – и в поход. Пришёл на поле – солнце уже низенько, совсем вечереет. Присел Иванушка отдохнуть. Сел на мёжу под кустик и думает: «Хто же мог притти?» Вокруг никакого следочка нет, как будто с луны кто-то спустился. Сидит и думает. Солнышко садится. Оно такое красивое, тёплое. И сразу вспомнил про невесту: «Вот бы мне такую невесту, ясную, как солнышко». Сидел-сидел, смотрит на небо, а на небе звёздочки начели появляться. Смотрит на звёздочки – они так и подмигивают Иванке. Он говорит: «А вот бы мне такую невесту, чтоб у моей невесты были такие ясные глазки». Ветерок подул вечерний, такой ласковый, тёплый. «А вот бы жена у меня была такая ласковая и нежная, как этот вите-рок». Подумал, подумал Иванушка, взгленул на небо, а там месяц плывёт, как ладья: «Вот бы мне такую невесту, у которой в косе месяц был». И сидит, то ли он думает, то ли грёзит, то ли сон ему снится.

Вдруг слышит: хто-то чмокает: чмок-чмок. Привстал тихонечко Ванька, а смотрит: кто-то в горохе шевелится. Схватил свои сыромятные ремни и в ту сторону. Подбежал, петлю завезал и накинул на шею. Накинул и тянет. Кто-то вырывается, бежит, на месте стоять не хочет. А Иванушка крепко-накрепко держит – вырваться не может. Плохо стало виновнику, он уж еле-еле дышит. Понел Иванушка, что надо верёвочку ослабить, то ведь задушить может. Подошёл и видит: что такое за чудище? Голова человечья, на голове ушки высокие торчат, а глазки такие нежные, такие ласковые, как будто розговаривают с Иванушкой, но слов пока не слышно. Хвост длинный, крючком. Усы из травы вставленные, а из рук и из

ног ветки торчат. Вот Иванушка и подумал: «Один раз в жизни отец наугад сказал – повадился на горох леший какой-то. И вправду: это не зверь, не человек, а леший откуда-то взялся».

И тогда леший заговорил с Иванушкой человеческим голосом:

– Иванушка, отпусти меня! Я бы не пришёл к тебе на горох, но я больше всего на свете горох люблю! Не поем горох – у меня и силы никакой нет, я и погибнуть могу.

– Да что же ты, леший, делаешь? Ты бы не ходил воровать, а ты бы у людей попросил. Они бы тебе дали. Люди добрые, не откажут.

– Да нельзя мне на люди казаться. Видишь, я ведь какой страшный. Они увидят, испугаются и меня могут убить.

– Нет, они тебя не убьют, но ты больше горох не воруй.

– Я не буду.

– А что ты мне за это сделаешь, если я тебя отпущу?

А Иванушка подумал, подумал: что для него надо? Отец с матерью есть. «А вот невесты-то у меня ещё нет». Он и говорит:

– А у меня просьба к тебе. Ты достань мне невесту такую, чтобы была красивая, как ясное солнышко, чтоб глазки, как звёздочки, блистели, чтоб под косой месяц блистел, и была ласковая, и нежная, и добрая, как тёплый ветерок.

Постоял, постоял леший и говорит:

– Знаю я такую невесту! В ближнем царстве у царя есь дочь. Вот она как раз такая.

– А как же её розыскать?

А леший говорит:

– Это нетрудная работа. Вот ты сейчас иди в город к царю и узнай, какая у царя сейчас самая главная печаль-забота, что царю надобно.

– Ладно, сходить-то я схожу, всё узнаю, а как же я тебя, если отпущу, где розыскать тебя и где

найти? Ты ведь убежишь в лес – тебя и след простынет.

А леший говорит:

– А меня искать не надо. Приходи на опушку к лесу, там стоит большой пенёк. Возьми палку, стукни по пеньку три раза – я тут как тут.

Снял ремень с головы у лешего Иванушка и отпустил его. А леший ещё на прощанье схватил охапку гороху, хвостом помаhal Иванушке да и был таков, как сквозь землю провалился, как его и не бывало.

А дома Иванушка говорит:

– Не бў́т больше никто наш горох воровать.

А сам отправился в город. Пришёл в город, а народу в городе полным-то-полно. Толы ходят друг за другом. Прислушался, о чём народ говорит. А оказывается, на Русь-матушку идёт Идолище поганое о семи головах. Где лапой проползёт – яма, где туловище проволоочёт – целый ров. Ищет царь воеводу, кто бы мог сразиться. Если это Идолище поганое не уничтожить, он всю Русь-матушку нарушит. А царю не хóчется. И самому умирать не хóчется. Вот послушал, послушал Иванушка и домой воротился. Пришёл домой, воротился, с отцом, с матерью поговорил и собирается снова.

– Куда ты, Иванушка, собираешься?

– Пойду к царю. Хочу жениться. В город иду к царю, жениться хочу.

– А что, в деревне девок нет?

– Как нет? Это не мои.

И ушёл. А я... А-а, вот он как сказал:

– Девьки есь, а я хочу жениться на царевне.

Отец с матерью поохали, поохали, говорят:

– Вот так вырастили мы Ваньку! Не захотел жить с деревенской, хотел на царевне. А где царевну-ту взять? Да и какая царевна за него пойдёт?

Но Ваньке ничёво не сказали. А Иван ушёл. Ушёл, пришёл в лес, увидел пенёк, постучал три раза – а леший тут как тут.

– Что тебе надобно, Ванька?

– А вот что надобно.

– Это надо подумать.

Подумал, подумал и говорит:

– Вот зайди в эту избушку.

Только сказал: «Зайди в эту избушку», смотрит Ванька – никакого пенька нет, а стоит избушка, но не на курьих ножках, а обыкновенная изба. Ванька зашёл в избушку – в избе нет ничёво, только чоты́ре угла, да в углу стоит бочонок, и ковшичек берёстяный висит. Леший говорит:

– Вот если ты согласишься победить это Идолище, то сначала испробуй мою силушку. Возьми ковшичек берёстяный, нацеди в него моёво зелья, испей его.

Нацидил из бочонка Иванушка полный ковшичек, выпил весь и скрыкал. Обтёр свои губки, подбородок кулачком, а леший спрашивает:

– Ну, как? Чувствуешь ли ты, что сила в тебе добавилась?

Постоял Иванушка и говорит:

– Вот если бы мне дали сейчас палицу в пятьсот (пятьдесят) пудов, я бы её выше леса бросил.

– Молодец, Иванушка. Это хорошо, но ещё такой силы недостаточно с Идолищем бороться. Испей ещё один ковшичек.

Нацедил Иванушка и второй ковшичек, выпил его. Чувствует: кров по жилам побежала богатырская. А леший спрашивает:

– Ну как?

– А если бы сейчас мне дали палицу в сто пудов, я бы бросил её выше облака.

– Ну вот, Иванушка, и достаточно. Большого тебе не требуется.

И вышли они из избушки на опушку. Избушки как не бывало, и след простыл. Леший

свиистнул – стоит перед Иванушкой конь вороной. Второй раз свиистнул – упала палица стопудовая. Иванушка... Леший даёт Иванушке зеркальце.

– А это ещё зачем безделушка?

– Это не безделушка, а это твоя невеста, царская {дочь} Василиса-Краса, длинная коса.

Только хотел идти Иванушка, к коню подошёл, а леший говорит:

– А это ещё не всё, вот на тебе горсточку мха.

Дал ему мох. Иванушка посмотрел, понюхал, поблагодарил лешего, мох в карман положил, сел на коня да и был таков.

А Идолище поганое той порой уже к городу подбирается. Царь собира... собрал два войска. Одно конное, другое пешее. А кого поставить во главе войска, царь не знает. Никто не соглашается. А тем временем Иванушка подъехал, пошёл к царю и просится:

– Возьми меня, царь-батюшка, я тоже хочу защищать Русь могучую.

Царь согласился. А тем временем уже нашёлса воевода. Звали его Подскович. Царь говорит:

– Иди к этому воеводе, будешь у меня таким жо солдатом, как все.

А Иванушка стоит в деревенских лапóтках да в старом понíточке. А посмотрел на него воёвóда и думает: «Какой же из него бóют воин? Только пусь место занимает, взади войска плетётся». Согласен Иванушка.

Вот двинулись. Идут в поход – барабаны бьют, трубы гудят. А чудище тут как тут. Идёт, фырчít, дым из носа летит, из ушей пламя выскакивает. Растерялся Подскович, не знает, как, с которой стороны подойти к этому чудовищу. Поджилочки дрожат. Подошёл к конному... войску конному. Как чудище зарычит, как засвиистит – кони на землю упали, на коленках стоят, встать не могут. А Подскович больше всех напугался.

Другую команду дал – поставил впереди войско пешее. А только чудище как зарычит – пешие и конные пластом лежит... лежат. Один Иванушка на богатырском коне скачет. А воевода Подскович на берёзу залез. Держится крепко-накрепко, дышать не смеет, чтобы его с берёзы никто не стащил. А Иванушка на богатырском коне объехал верхом округ чудовища, вокруг, подъехал к хвосту да как скочил на его длинный хвост – тихонько-тихонько, и до голов добрался. Смотрит: движение у чудища уже не такое. Ударил с размаху один раз – нет головы, второй раз – и второй головы нет. И голова за головой покатились в разные стороны. Уже шесть голов не стало у чудовища. Одна только последняя торчит. Только осталась одна голова, а чудище и говорит чоловіческим голосом:

– Не бей меня! Я тебе, что хочешь, дам. И уйду, и больше к вам никогда не вернусь.

А Иванушка говорит:

– Ауа! Вот сейчас вспять, а потом опять?

И как ударил последний раз – и последней головы нет. Воевода Подскович на берёзе сидит, глазам своим не верит. Кони на ноги встают, и пешие в строй встают. А Иванушка в стороне стоит. Воевода слез, построил всех стройно и кричит:

– Это я один с Идолищем сражался! Это я его победил! Слава, слава воеводе Подсковичу!

Все солдаты кричат, повторяют его слова. Посмотрел тогда воевода Подскович на Иванушку и приказал ему на берёзу залезть и столько сидеть, пока смена не придёт. А сам сел на Иванушкиного коня да и в город поехал. Идут, опять барабаны бьют, музыка играет. Царь их с почётом встречает. А царь обещал, если кто победит это Идолище, отдать за него замуж свою любимую дочь-красавицу.

А Иванушка той порой, когда он ходил к Идолищу, Василиса вышла на крыльцо посмотреть,

что вокруг делается, а Иванушка зеркальце на дорожку бросил. Она заметила это зеркальце и подобрала его. А как только войско ушло, она посмотрела и понела, что это зеркальце не простое, а волшебное. И как бой шёл, она всё смотрела. Но не одна смотрела, а показала отцу с матерью и всем слугам, которые тут ещё при дворе остались. И они всё смотрели и видели, как сражение шло. А воевода Подскович приехал, хорохорится:

– Это я победил! Это моя невеста будет!

Царь приказал свадьбу готовить. Столы вынесли на царский двор, кушанья, запивку. Всё поставили, всё приготовили. Только невеста не названа, то есть жених не названный. И только воевода подъехал к царскому крыльцу, соскочил с коня, хотел его привязать за царское крыльцо, а под воеводой оказался не конь богатырский, а козёл душной. Да косматый, да страшный! Все так и ахнули, все слова вымолвить не могут. Вот так воевода! Вот так конь под воеводой! А царь тогда и говорит воеводе:

– Вот садись теперь на этого коня и привези того, кто на берёзе сидит.

Нечёво сказать воеводе Подсковичу. Сел он на вонючёва «коня», народ носы отворачивают, не хотят слушать такой запах, терпеть не могут. Все и нахохатывают:

– Вот так воевода, вот так воевода!

А козёл бежит, хвостом крутит, головой вертит, и так воеводе все косточки истрёс – не только сидеть, и лежать-то не может воевода. А козёл всё бежит да бежит, вперёд да вперёд. Подъехал к берёзе, ещё близко не подъехал, издали кричит:

– Слезай скорее, Иванушка! Тебе смена пришла.

Слез Иванушка с берёзы и спрашивает:

– А где мой конь вороной?

И только сказал такие слова, вместо козла стоит его богатырский конь. А воевода Подскович на берёзу сел, залез и сидит. А Иванушка говорит:

– Вот теперь ты сиди и смену жди.

Сел на коня Иванушка и поехал. Конь богатырский – раз-два и готово – уже на царском дворе. А там всё готово. А за столам пока ещё никого нет, а сидят только Ванькины отец с матерью. Они на свадьбу званы. Как только Ванька подъехал, умыли, одели Иванушку. Вывели Василису Прекрасную и за столы посадили. Тогда и весь народ за стол сел. Выпивают, заедают, молодых поздравляют.

Я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. А на дорогу мне дали пива корёц – тут и сказке конец.

48.

ЦАРЬ И СОЛДАТ

...Ладно, «Царь и солдат». В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. А чтобы царю было не опасно, у него всегда было приготовлено войско. Войско преогромное. И служить заставлял царь не много не мало – ровно двадцать пять лет. Уходили солдаты на

службу к царю молодыми добрыми молодцами, безусыми пареньками, а возвращались домой с бородами чуть не до пояса.

Вот однажды пришла очередь одному доброму молодцу. Провожать его собралась вся деревня. Сшили ему белую котомочку, в котомочку

сухарей приготовили да хлебушка каравай. Стар и млад вышли провожать, и малые ребяташки, а кто сам идти не может, их на руках несли. Вывели солдата за околицу, рукой помахали, а он отправился. С пригорка далеко-о-о видно – только белая котомочка на спине белеет.

Ушёл солдат, и двадцать пять лет пришлось служить верой и правдой царю родному. Домой не написал ни одной весточки, потому что неграмотен был, ни одной буквы не знал. Служил-служил, служба была разная – была и получше, была и похуже. Но с царём он встречался часто.

Много ли времени, двадцать пять лет прошло, срок отслужил и вернулся солдат в родное село. Пришёл царь, ой, солдат к деревне, а мальчишки-всезнайки тут как тут. Бегали по окраине, увидели, солдат домой идёт – не прошло и пяти минут, как вся деревня узнала: вернулся солдат домой восвояси. Вся деревня загудела, зашумела. Встречать надо по-настоящему. Провожали вместе и встречать положено вместе. Вернулся солдат в свою маленькую избушку. А где же всю деревню в избушку с одним оконцем поместишь? Притащили люди со всех сторон доски, кто тубаретки, кто чурки просто. Построили столы и скамейки и понесли, кто что может. Кто несёт бочонок с самогоном, кто кувшин с водкой, а кто бочонок с квасом, кто овсянку несёт. Целыми кадочками, на носилках несут. И собрались, конечно, всёй деревней, дома никто не остался. Пришли – розговоров, росспросов. А хозяйки несут кто ношу луку, кто хлеба горбушку, а у кого каравай целый. Полный стол поставили. Кто молока кринку, кто творогу чашку, а ложки свои принесли: на всех ложек у хозяина нету. И начались тут росспросы и рассказы. А больше всех интересуются этим делом старики: как же так, как же жить у царя? Не знают. Ну, все-таки рассказов – не прибрать, не прислу-

шать. Сидели, много ли времени прошло, никто не знает. Мόжот, час, мόжот, два, а вдруг подбегает к солдату мальчишка небольшой и спрашивает:

– Солдат, а солдат, а это правда, что ты двадцать пять у царя лет прослужил?

– Правда, правда. Как же не правда?

– А ты царя видел?

– Видел.

– А каков он собой, росскажи.

Солдат руками схлопал да и говорит:

– Да как же так? Ведь я двадцать пять лет служил, а не знаю, каков царь собой.

А парнишка с обидой на солдата:

– Это что-то не верится, что ты у царя служил.

– Нет, правда-правда.

А сам думает: «Нельзя ведь парнишко обманывать. Это самый хороший народ». Говорит:

– Ты, малец, подожди, а я поутру обратно к царю схожу. Схожу, россмотрю его как следует и тебе об этом всё росскажу. Завтра же приду.

Посидели ещё, посидели – отдыхать пора. По домам все разошлись. А солдат надел обратно свою солдатскую шинель и отправился к царю. Шёл-шёл, долго, конечно, шёл, немало времени до царя дотти надобно. Пришёл к царю, во дворец его стража не пускает. А он шум поднял, крик поднял. Услышал царь этот шум и спрашивает:

– Что за беда случилась?

Россказали. Россказали царю про солдата, что царя солдат хόчёт россмотреть. Пришёл он к царю, солдат, поклонился ему, говорит:

– Не вели, царь-батюшка меня казнить, слово вымолвить. Хочу я на тебя посмотреть, ведь я двадцать пять лет тебе верой и правдой служил, а тебя не видывал, не россмотрел, какой есь ты на вид.

Царь говорит:

– Раз такое дело, смотри, сколько надобно.

Подошёл солдат к царю, обошёл вокруг царского трона раз, второй, третий.

– Ну вот, царь-батюшка, я теперь насмотрелся. Теперь можно и в путь отправиться.

А царь говорит:

– Это хорошо, что ты рассмотрел меня и расскажешь всё. Это полезное дело. Только сослужи ты мне великую службу. Сходи ты, царь (солдат), ещё на тот свет и узнай, как на том свете мой родной батюшка живёт.

Вот типерь солдат загорюнился: «Как же так? Лучше бы не ходить да дома отдохнуть, не поминать бы про царя». Но царю отказать нельзя. Попрощался Иванушка с царём и подумал: «А царскую службу надо выполнить».

А какую службу? Царь передумал и говорит:

– А разгадай ты, царь, то есть солдат, вот такие загадки.

Первый вопрос задаёт царь солдату:

– А велика ли наша земля?

А солдат, не задумываясь, отвечает:

– Как не велика? Вот солнце всходит там, в одной стороне, а садится там, в другой стороне, стало быть, земля велика.

Понравилса ответ солдату, нет, ответ царю. Царь вторую загадку задаёт:

– А высока ли наша земля? Высоко ли небо?

Подумал, подумал солдат, ткнул пальцом в небо и говорит:

– Как не глубока (высока)? Вот ударит там, а слышно здесь, стало быть, высока.

А потом спрашивает:

– А глубока ли наша земля?

А солдат и говорит:

– Ну как, царь-батюшка, земля не глубока? Когда я в солдаты пошёл, умер мой покойный дедушка. Закопали его в землю. Вот уже тридцать лет прошло, а он оттуда всё еще не пришёл. Стало быть, долга дорога, глубока земля.

Понравились такие ответы царю. Похлопал он его по плечу и говорит:

– Раз ты у меня двадцать пять лет служил, все загадки розгадал, стало быть, ты человек с головой. Вот на тебе за работу, за службу по рублёвке за год. Двадцать пять лет, вот тебе двадцать пять рублёв.

Взял Иванушка деньги и отправился домой. А к царю уж... то есть на тот свет, уж больше царь его не посылал. Идёт Иванушка, доволен – такие деньги ему царь дал, теперь можно и построить избёнку, и купить коровёнку. А подходит только к деревне, а ребятишки опять тут как тут:

– Солдат пришёл! Солдат пришёл!

А со столов ещё не успели всё убрать. А кому не хватило, снова пошли, кто за сивухой, кто за выпивухой. Пили-ели, солдата хвалили. Вот и всё. [А он на тот свет-то не ходил?] Нет. Царь-ту уж пожалел его. [А ещё про солдата-то есть какие-то сказки?] Про солдата-то? Нет.

ЮРЛИНСКИЙ район

д. Мухоморка
д. Осинка
д. Елога
д. Носкова
д. Ефремова

д. Мухоморка

49. МОРОЗКО

Старик и старуха жили. У их было... У старухи-то была дочь, и у старика-то была дочь. И обе не... как неродные. Потом чё-то она, эта мачеха, эту падчерицу не залюбила. Говорит:

– Давай, старик, отправляй её, это, в лес. Пусть она там замёрзнёт, застынёт.

Ну и он решилса. Запрёг {лошадь}, решилса, увёз её в лес. В лес увёз, в лесу оста{в}ил. А у их собачка была. Она (старуха) спрашивают... Блины пекёт, спрашивают у собачки, бросит ей блин:

– Ты скажи, собачка, ну, живая, нет, мол, эта падчерица моя?

Она:

– Тяф-тяф! Живая.

А она ждала, чтобы умерла. На другой день опять её спрашивают:

– Живая, нет моя падчерица? Нет?

– Тяф-тяф! Живая.

Она опять не умерла.

А Морозко-то придёт к ней:

– Ну, чё, красна девица, замёрзла?

– Нет, не замёрзла.

А он её, раз она так с ним хорошо розговаривает, он ей принёс шубу, одел:

– Сиди, раз тепло.

Потом на другой день прибежал, опять ножкой топ-топ-топ, прибежал:

– Ну, чё, красна девица, замёрзла?

– Нет, не замёрзла.

Он ей принёс валенки, одел её всю. Вот.

А та спрашивают опять, эта мачеха-та, у собачки: живая, нет ета девочка.

– Живая, живая.

Потом на третий день опять прибежала (прибежал).

– Ну, чё, красна девица, не замёрзла?

– Нет, не замёрзла.

Он ей валенки принёс, всю её одел. Раз она с ним так ласково розговаривает, ну, и он её одел. Потом на четвёртой день прибежал и притащил ей сундучок, богатство. Чё уж там было, не знаю, не видела. Аүа. Вот.

Она опять спрашивает, мачеха-та, у собачки:

– Жива, нет, мол, моя падчерица?

– Живая-живая! У неё, мол, есь богатство, сундучок щас ещё ей Морозко подарил.

Ой, она, это, розлилася на её, давай её этим, сковородником, бить.

– Врёшь ты, неправда это! Замёрзла она, наверно!

Ну, а старичок... Старика провожат:

– Вези её домой, живую, мёртвую!

Он поехал. Приехал туда – на самом деле она живая, одетая, в шубе, в валенках, в шалё. Сундучок у ё, богатство. Ну и домой привёз. Открывают ворота, старуха-та ждёт его. «Счас привезёт, – думат, – правда, мёртвая». Нет, живая приехала. Ну, ладно. Не лыку, не стрóку потом ему:

– Давай, вези мою!

Раз она (падчерица) привезла боуатство, значит, ей (дочери) тожо боуатство дадут оне. Видимо, боуатство-то всем надо. Аүа, вот так, девочки.

Ну и он решил, раз везти, везти. Привёз туда и оставил на том месте, на пенёчке, где та сидела, перва девочка-та, и уехал.

Вот Морозко прибегает опять. Прыг-прыг на одной ножке, прыскал.

– Ну, как, красна девица, замёрзла?

– Конечно, замёрзла! – она на ёвó розолилася. – Вон как замёрзла!

Злится на него. Он мороз пушшэ ишо. «Раз злишша, я тебе ешшо мороз пушшэ». На другой день прибежал опять. Опять спрашивают:

– Ну, красна девица, замёрзла?

– Замёрзла! Отдай мне шубу! Отдай мне валенки!

Ли (гляди): «Той дал дак, – та думат, – можот, мне даст». Он ишо пушшэ мороз дал. Вот. На третий день прибежал, она тожнó уже умирает. Ну, он ешшо мороз пушшэ, и она умерла. Так и не шубы, не валенки, ей нечё не дал, и не сундучок, нечё не дал. Раз она с ём так розговариват неласково, ну и он на её рассердилса, почёмú так розговариват.

А старуха опять блины пекёт, спрашивает у собачки:

– Ну, чё, живая моя дочь?

– У твойей дочери косточки одни.

– Врёшь ты! Неправда ето!

И давай её тожо сковородником пушшэ хлестать. Ну тожнó старичка:

– Давай-давай, старичок, скорее едь, вези её домой.

Он приехал – точно, она уже мёртвая. Привёз домой, приезжает, ворота открыл, заезжат. Старуха выбегат. Чё? Дочь мёртвая. Не{ка}кóй сундучок не привёз и никакие не шубы, не валенки – ничё.

Раз она с ём так розговаривала, и так и Морозко её и заморозил. Винно, надо ласково розговаривать-то с ими-то. Аүа, ласково надо. Она раз строго так с ём заговорила, ну, умерла. Вот и косточки привезли. А вот тожнó конец-то... Дак вот, наверное, это всё и конец и есь.

50. ПЕРДУНОК

Жили-были старик... вот так начнём как быдто. Жили-были старик да старуха. У их никак не было детей. Оне решили: «Давай, старичок, мы с тобой попердим в ступу. Можот быть, это, у нас родится хоть Пердунок кой-ко-то».

И вот старик пердел, пердел, старуха пердела, пердела. Старик пердел, пердел, старуха пердела, пердела. И Пердунка выпердили. Мальчик родился у их, мальчик получился. И вот этот мальчик... он (старик) сделал са-аночки ему. Он вы-ырос, мальчик. Саночки сделал старичок. Как едь, на{д}о уважать, они старенькие, а у них такой маленький мальчик появился. Ой, как хорошо! Вот он катаатся у их, саночки сделал. На угорчике у их катаатся. Как у нас колды-ко Саша тут тожо катался. Всё Пердунок. Магазина не было. Вот он каталса, каталса. А тут Егібича жила. [Егибича?] Егібича. [Баба-яга?] Баба-яга это, но. Егибича вот называли-то, Баба-яга.

У них было три дочери, у Бабы-то-яги. [У Егибичи?] У Егибичи-то, ну. И вот она кáжной день блины пекла. [Ох, как ты же!] Но. И вот. А ездила в гости каждый день тóжо. Блины напекёт и сама в гости с дочерьми-то уезжаат. Он каталса, каталса – ись захотел. Ну едь на чистом воздухе каталса, тóжо ись-то охота. А знал, что она блины-то пекёт. Он придёт к ней, блины из печки достáнёт, у ё они нама́каны, в печке стоят. Принесёт сковородку на стол, блины съес, на сковородку насéрет. Сам идёт опеть, опеть кататся. Ну уж как скажу – «насерет»-то. [Интересно-интересно.] Намарат ле, накакат ле. [Намарат, да.] Намарат ле, накакат ле. Ну вот. Потом раз так сделал, другой. А Егібича приехала: «Где

блины?» Нету, блины съедены. В сковордке на-срано. Но. Оне сразу догадались: это Пердунок, наверно, так делает.

Потом он... Как? Она решила оста{в}ить дочь младшую.

– Мы уедем в гости, – опеть постряпала блиночки, опеть в печку поставила, – а ты оставайся, карауль его. Как придёт этот Пердунок, ты его имай.

А чё, у ё один глаз был, видно. [У Егибичи?] У девушки-то у той. [А, у девушки-то.] Видишь, как, почёмú-то забыла уж. Ну, он каталса, каталса – опеть ись захотел. Пришёл, она спит. Он и говорит:

– Глаз спит... – нет, наверно, тогда два есь, – глаз спит, другой уснёт, глаз спит, другой уснёт.

И говорил, говорил – она уснула. Он опеть блиночки достал, опять съел, и опять накакал, и опеть убежал. Аүа, а Егібича приехала домой, заругалася:

– Почёмú ты не укараулила, проспала?

Потом другую дочь оставила, среднюю.

– Вот завтра ты оставайся и обязательно ты его укарауль!

Ну, ладно. Он опять... она уехала, блины настряпала, опеть в печку поставила и уехала. А он опеть осталса кататься. Каталса, каталса – опеть ись захотел. Опеть пришёл, блиночки достал. Нет, она спит, дочь-та. Он пришёл, опеть:

– Глаз спит, другой уснёт. Глаз спит, другой уснёт.

Она опеть уснула, усыпил он её. Блиночки достал из печки, съел, опеть на сковородку {накакал} и убежал. Ну. Она приехала, опять заругалася:

– Почёмú не укараулила? Почёмú Пердунка не поймала?

– Ну, проспала, да и всё.

На следующий, на третей, день уж тожнó она оставила старшую дочь, старша должна всё ровно уж его поймать. Ну, пришёл... А у старшой-то дочери были три глаза-те. Аүа. Он каталса, каталса опять – ись захотел, пришёл. Глаз спит, она спит. Он:

– Глаз спит, другой уснёт. Глаз спит, другой уснёт.

А третий глаз, и, винно, не заметил, что у её есь три глаза-те. В печке достал сковородку, из печки, стал... съел, стал какать-то – она его поймала. [В ту пору.] Аүа, в ту пору-ту поймала и в голбчик посадила. Аүа, в голбчик посадила. Ну, ладно. А вот я забыла, как... Потом в печке жгать она его решила. [Уүү. На лопате, да?] В печке, в печке жгать... Аүа... Вот, обождите, ну-ко... Она приехала, Егібича-та, и говорит:

– На{д}о у Пердунка на косточках покататься, поваляться...

Ак вот, вот это я позабыла. То ле он их жгал... Нет, те спали, а эта, наверно, втора-та, вот, это, наверно, третья-та дочь-то, старша-та, оставила, его поймала, и печку-ту затопила, и хотела его сожгать. И она сказала... [Чтобы он в печку полезал?] «Полезь в печку».

– А как полезать-то? – говорит.

– А вот ложись на лопату, я, – говорит, – тебя брошу.

– А как?

Он лёг, руки так розделал, ноги розделал. А как ведь, смотри, не полизёт в печку-ту. [Как лечь-то, да?] Как лечь-то, но?

– Дақ ты руки-те, – го{во}рит, – сложь.

– Дақ я не умию. Ты научи меня.

А она легла, руки-ноги слóжила, съежилась – он токо, раз, её в печку-ту бросил да и сжёл. [Испёк?] Испёк её, сжёл и косточки у иё собрал и полóжил на полати. Дақ а чё? Сказка дақ, мо́-

жот, так она и есь, я вот, правда, чё-то как-то, мо́жот, она так и есь? [А вот что-то вспоминала, что она пришла и съела, видно, её испечённую-то, да?] Нет. [А думала, что Пердунка? Да?] Вот как: тожнó... а сам он в голбчик ушёл. А сам в голбец ушёл. А потом Егібича-та приехала домой-ту, и Пердунка-та нету, и дочери-то нету.

– Полезай, – говорит, – на полати...

И думала, что косточки-то на полатях лежат у Пердунка. И говорит:

– На{д}о покататься, на{д}о поваляться у Пердунка-та на косточках-та.

А он ёй там говорит:

– Покатайся, поваляйся у своей дочери на косточках-то.

Дақ вот тожнó чё-то ишо ись ли нету? [Не знаю.] Вот не знаю то́жо я. [Но главное, что он её обхитрил.] Обхитрил, но, но, аүа. Он дочь едь сожёл, а не его оне сожгали. [Вот какой он, Пердунок.] Вот, отчаянной, винно, он был парень-от, Пердунок-от. [Ой, это, наверно, хохотали у тебя ребята-то, да?] Да как нет? Рассказываешь – смеялся. Дақ вот... я вот забыла, то ли он их всех сжёл, трёх дочерей-то. Наверно, знаете, он трёх всех и сжёл. Наверное, перва-та его хотела, и он усыпил-то её дақ... Нет, он усыпил эдь двух-то, а эта, третья-та, наверно, его-то жгла-то. Она говорит:

– На{д}о покататься, поваляться у Пердунка на косточках-то.

А он:

– Поваляйся, покатайся...

А потом чё? Он встал да ушёл, наверно, опять к дедушке да бабушке. Больше чё, поди, куда он деватся? Наверно. А Егібича-та как... то́жо осталася дома жить одна, наверно. Ну, с этима, с дочерьми-то с младшими-та. Вот я нынче вот, вот забываю, забываю.

51. ПЕРДУНОК

Ну вот жили-были старичок да старушка. У них детей не было. И вот они решили: «Ну-ко мы полёзём в ступу, можот, пердунка выпердим».

Ой, девьки, вот кого вам надо, пердунка дак, вот в ступу пердите, дак, мо́жот, то́жо пердунка выпердите. Дитей надо дак.

Ну. Вот старуха пердела-пердела, старик... потом старик сел, пердел-пердел в ступу. А ступа-то, представляете, какая? [Ну, такая, деревянная, наверное, да? Высокая такая.] Ага. Деревянная, высока, и раньше толкли в ёй за́спу. [А это что такое?] Заспа-та? Ну вот ячмень, овёс на кашу, на суп, иле на кашу, иле как сказать. Раньше жо не продавали, в магазине не было, да ищё хоть было дак, купить-то на что? А свой ячмень, свой овёс потолкут, и получится зерно. Эта, скорлупа-та, слезет, а потом зёрнышко-то. Вот шти варили за́спенные. Назывались «шти за́спенные». Ну, овсяные шти, овсяные очень вкусные. Я вот помню, мама у нас делала дак, как хорошо. Ой, какие вкусные оне! Оне вкуснее, чем ячмённые. А чё ись-то было? Картошка одна, да и то на{д}о было её государству сдавать.

[Дак получилось у них?] Ну, оне выпердили пердунка-та. У их мальчик получилса, выпердили. И вот. А оне очень плохо жили. У их ись-то нечё было. А чё, и щас, мо{ж}от, всяко люди живут, а раньше едь, ой...

А тут жила Егібича. И она жила хорошо как. Ну, и она всё время ездила в гости. Вот. А у ё было три дочери. И она вот одну оставляла дома, а двух с собой забирала и уезжала в гости. И вот. А этот Пердунок, он катаатся, катаатся, катаатся и прибежит. И... А ись-то хочёт, а ись-то дома-то нечё, а у её-то, видно, были. Она блины стряпала. Блины... Прибежит, а оне

в печке были, блины-те. А она (дочь) лё́жит, ну, спит. Он:

– Один глаз спит, другой уснёт, один глаз спит, другой уснёт, один глаз спит, другой уснёт.

Она уснёт. Он опять прибежит, опить из печки блинчики выташшит, сковородку, на стол поставит, наестся и убежит. Вот опять катаатся, катаатся, катаатся на лодочке – сыт от мала. И вот. На другой день опять так жо. Она опять уезжаат, берёт, одну оставляат. Ну, сёдня она уехала – старшую оставила, потом она среднюю оставила, а младшую, старшую забрала и опять в гости уехала. Каждый день в гости ездила. И ищё блины стряпала. А он опять прибежит, катаатся, катаатся, прибежит, знат, что там блины есь. Она опять лежит, эта, дочерь еённая. Он:

– Один глаз спит, другой уснёт...

Опять.

– Один глаз спит, другой уснёт, один глаз спит, другой уснёт.

Она опять уснёт. Он опять сковородку выташшит, блинчики съес и убежит опять на угор, кататся на угоре.

И вот на третьей день третью оставила дочерь. Опять уехали. Потом... Она... Он опять прибежал, сковородку достал, блинчики съел и убежал. Она приехала, эта Егібича, – и блинчики съидины. А хто съел?

А потом, на четвёртой день, она сама осталася. Дочери уехали, она сама осталася. Почёму вы? Она догадываются, что кто-то блинчики-то их съедат, раз приедет, блинчиков нет дак. Ага. А хто съел? Не знаат. На четвёртой день сама осталася. И вот он опять катаался, катаался. У ней уехали дочерё-те в гости, она осталася одна и блинчики-те опять напекла, в печку поставила.

Он с угора прибежал, блинчики достал, поел и какать, захотел накакать на сковородку-то. Нет, верно, он пришёл и говорит:

– Один глаз спит, другой уснёт, один глаз спит, другой уснёт, один глаз спит, другой уснёт.

А у её было три глаза-те. Два-те уснули, а третьей смотрит. Третьей смотрит глаз. И он съел блинчики-те, стал какать-то, она его тут поймала. Вот и всё! Поймала, ну всё, попалса! Ауа. Потом она истопила печку жарко-жарко и его, говорит, сожгу. Сожгу. А он хитрый, видно, был. Вот-де Пердунук был да. Печку истопила:

– Давай ложись на лопату!

Вы лопату представляете? [Хлебную, да, деревянную.] Хлебную, деревянную, но. Он лёг, руки-ноги так распёлил. А где жо он в чёлó-то войдет так-то? Она говорит:

– Дак ты чё? Почёму так ложишша? Вот надо вот так ложиться-то – руки-ноги вместе держать.

Он раз, её толкнул в печку-то и сжёт. Вот и всё. Вот и косточки, косточки в печке остались.

А дак вот, знаете, {з}надь-то я вам неправильно рассказала. А тожнё едь оне... она приехала, ето-то он старуху-ту сожёт, дак он, наверно, дочерей-то у её сжигал. Видишь, она говорит:

– На{д}о покатаься, поваляься у Пердунка на косточках-то...

А он... а он сам, винно, ушёл в гóлбеч. Вот, знаете, забыла едь... Вот ишо едь. Ушёл, а она приехала и говорит:

– Надо покатаься, поваляься у Пердунка на косточках-то.

– Покатайся-де, поваляйся на дочериных-то косточках.

Вот дочерей-то, винно, сжёт едь... Вот, смотрите же, забыла. Ага... Вот он, наверно, их всех пережёт, вот как, наверно. Всех, наверно, дочерей тожнё. Егібичу-ту, наверно, последню тожо сжёт. Вот, наверно, мне кáжотся, так. Вот на самом деле, девьки, забыла. Вот какая тошшо-голова стала. Ууу. А потом он и домой убежал. [К дедушке с бабушкой?] Больше блины некому стряпать. К дедушке, бабушке. Больше блины некому стало стряпать.

Она... Вот ишо едь как, она его посадила в голбец, вот, наверно, это. Он и в голбчике сидел. Она ешшо спрашивала у во:

– Ну-ко, ты полный, нет стал, ядрёный, не ядрёный стал.

Ещё он ей показывал, это, это, помело выставил, что руки...

– Ну-ко покажи мне руку, рука у тебя ядрёная, не ядрёная? Тебя надо, мол, это, съись.

Вот так вроде ещё. Он помело... Помело, знаете вот, палка-та? [Ну.] Посмотрела – нет, тоненька рука ещё. Ууу. Вот ишо это, ишо, наверно, я пропустила. [Она его кормила, что ли, в голбце-то?] А винно, кормили его. Ну, потом кормили и держали в голбце. Винно, не отпускали. [Чтобы он потолще стал, да?] Он там и сидел. А потом... Вот чё я, девьки, забыла, правда. А тожнё, он, винно, вышел, когда уже... да вот всех пережёт, она, наверно, Егібичу-то посадила... Это чё такóе? Запуталась совсем.

52.

КАЛЁНЫЕ ЗУБЫ

А Калёны-те зубы – это... Вот тожо старик да старушка жили, у их девушка была. И оне уехали в гости, тожо в гости жо, её одну оставили:

– Ты одна-та не спи.

А, видно, {г}де-то оне жили-то, как... некого было позвать-то. А подружки-те у её были,

вот как в Елоге, вот так жо идти-то, и то́жо через кла́дбишшо. А́уа, ну и она дома управилася, скотинок своих угостила и пошла по де́вочок, по подру́жок своих. Идёт мимо кладбища, а Калёны-те зубы тут попали ей встречу:

– Куды, красна девица, направи́лась?

– Да вот хочу подру́жок позвать, мол, это, одной-то, мол, скучно спать-то.

– А ты, – говорит, – некуды́, никого не зови, а я приду, и мы с тобой, мол, тебе товариш буду.

Она:

– Не-ет! Мне такого товаришша не надо, Калёные зубы.

Ну, потом она и позвала де́вушок-то, оне пришли. Ну, а он уже пришёл наперёд и ушёл в подполье, там спрятался. У́уу. Оне пришли с девочками, поели и ушли спать на полати. Вот полати-те, ете полати, доски-те у нас нету. А́уа, представляете? [Да, да.] И вот, а он встал. Нет, он спросил:

– Сколько вы будете?

– Шесь девок, седьмая я.

А она его испугалася, оне шесть-то все легли на полати, а она легла в се́ленку, в муку. Вот, знаете, мука вот, такая деревянная се́ленка бывала раньше? Ну, нынче ак в тазике носим муку-то, а раньше-то... она большая такая. А тут у их две были грядки, ну как две вот, как вот эти наши. Её, се́ленку-то, туды и ложили. А она ушла, в се́ленку легла.

Потом вот встал, посмотрел, туды полез на полати, посмотрел, посчитал: шесь девок, седьмой нету. Шесь девок, седьмой нету. А оне сказали ей:

– Ты нас раньше буди, мы домой-то пойдём рано.

А он их чем-то прехрестил, какой-то етой, головёшкой ли, головёшкой, наверно. Головёшка остаётся с двух концов сожжённая. Прехрестил

их, и оне уснули, как вроде умерли, оммерли. Потом она ходила, утром встала, их будила-будила, будила-будила – они никак не встают. Уже как это, умерли. У́уу. Потом эту, винно, головёшку-то нашла, перечёртила – оне встали. Она... тожно́... И говорят:

– Мы к тебе больше не придём спать.

– А почё?

– Дак у нас, – говорят, – даже груди заболели, то что мы, винно, не дышали-то дак. У нас груди заболели, что больше мы к вам, к тебе спать не придём. Как хочёшь, одна спи.

Ну, а она тожно́ управилася, ну, оне все ушли домой, она управилась. Уж, видимо, вечер, чё, зимой день коротенький. Вре́мё вечер, она опить пошла их искать. Они опеть, он опеть, Калёны зубы, её встречают:

– Ты куды пошла?

– Я пошла за подружками.

– Не ходи за подружками, я приду к тебе, мол, с тобой ночью.

Она сказала:

– Нет, нет. Пойду позову всё равно.

Она звала-звала-звала их – оне не пошли, раз тако́е получилось с ними.

– Мы не пойдём к тебе. Как хочёшь, спи одна.

Ну и она, чё, пришлось идти всё равно. Пришла – он уже там опять сидит. Он тожно́ говорит ей:

– Давай ташшы мне ись.

А винно, суп-от был сварённой. Суп принесла. Три челпа́на хлеба принесла. Это он всё съел. А́уа. Всё съел. Время уже спать. Он ушёл на полати спать, её зовёт:

– Иди спать ко мне!

– Нет, не пойду!

Петушка будила-будила, ходила трясла-трясла, чтоб петушок-от спел, он, мол, убежит. Ей говорят: петушок споёт, и он уже отходит, уxo-

дит. Будила, го{вори}т, будила, и петушок никак не поёт.

– Чё долго-то, – говорит, – ты не идёшь ко мне?

– Да я вот кружечку мою, да чашечку мою, да ложечку мою, – ему отговариват.

Он опять её:

– Чё долго не идёшь ко мне спать?

– Да вот то я делаю, друго вот.

А сама петушка-то будит, чтобы он спел. И он не поёт. Чё, так и не могла дождать. Петушок не спел, пришлось идти. Потом ушла, легла. А он такой холодный-холодный. Она спрашивают:

д. Осинка

53.

Я МОЛОДЕЦ – С ТОГО СВЕТА ВЫХОДЕЦ

{Шёл солдат со службы}. Ночёвать впустила она его. Ты, можот, вспомнишь? [Шёл солдат со службы, попросился ночевать.] Зашёл ко старухе. Старуха его пустила. Так. Ну, напоила, накормила. Ну, ночёвал он.

– Бабушка, – го{во}рит, – нет ли у тебя аршин холста? Твой сын... Я, – говорит, – мо́лодец – с того света выходец. Твой сын {там} овец пасёт, весь, – говорит, – обносилса, я ему унесу етот холст.

Она отрезала ему холст, дала. А он у ё́ у́мёр, сын-от. Она дала ему (солдату) етот холс, вот он ушёл с холстом. Потом и: вот-вот – сказывают людям-то:

– Вот-вот, – говорит, – я отрезала холст, сыну послала, шёл, – говорит, – молодец, с того света выходец дак, с того света, значит. Это, там вроде сын овец пасёт, весь обносилса и просит, чтоб ты ему послала́ холст на штаны. Отрезала, послала́.

– Чё, почёму́ это у тебя руки-то такие холо́д-ниё?

– Три года землёй я лежал!

– Ну, чё у тебя ноги такие холо́дниё?

– Три года землёй я лежал!

– А чё у тебя в роту-ту огонь?

– Ам! Тебя съем!

[Съел?] Съел! Вот и всё. Вот и был, Калёные зубы были. А чёво́, калёные дак, он её хлоп-хлоп-хлоп – схлопал. Ну, а старичок, старушка приехали – всё, девочки нету у их, проездили. Калёные зубы съели девочку. Вот так вот, девочки. Не ходите, не зовите вечеровать с собой подружок своих, а то так жо Калёны зубы поймают. Ам! Съедят.

А он приехал, сын-от, нет, пришёл сын-от с армии-то у ё́ домой. Пришёл домой... Да уж забыла, давно ето, никому нечё не с кем не говоришь, живём от друг дружки, дорога в деревне нету дак, с кем, чё...

Сын-от домой пришёл.

– А ты, – говорит, – как ино домой пришёл?

А я, – говорит, – вот тебе холс посылала, ты получал его, нет?

– Ну, мама, – говорит, – какая ты глупая! Где же я, на том свете-то не был ведь. Я в армии служил.

Ладно. Жили-жили оне с матерью. Он говорит:

– Ну, ладно, мама, ты холс отдала, ну-ко, а я пойду, это, по свету, мо́жот, что-нибудь и я лучшейей найду чё-то где-то.

Идёт, едет на лошеде́, он, {з}нать-то, ехал. Так. Бароня стоит на крылечке, улыбается:

– Куда, – го{вори}т, – добрый молодец, поехал?

– Я, – говорит, – поехал, вот наша свинья замуж идёт.

Она тут мне (ему) улыбается, а свинью караулит.

– Наша свинья замуж-де идёт, вашу свинью в гости на свадьбу зовёт.

А свинья с поросятками.

– И когда, – говорит {барыня}, – свадьба?

– Да вот завтра. Давай погрузим свинью, ко свадьбе увезу я её к сестре. Наша-де свинья пестра, вашей свинье сестра, – вот какое он говорит. – Наша свинья замуж идёт, вашу свинью в гости зовёт.

Так. Подъехали, свинью погрузили, поросят погрузили. Он поехал со свиньёй. Ёдёт. Хозяин пришёл у барыни-то, спрашивает:

– Где свинья?

– Вот, вот приезжал молодой, сказал: ихняя-де свинья замуж идёт, нашу свинью в гости зовёт. Я отправила на свадьбу.

Он (хозяин) на лошадь сел и за тем поехал за мужиком, которой свинью увёз. А он услышал,

что топот лошадей, лошадь загнал в лес, сам сел у пенёчка, шапочку на пенёчик и сидит. Подъезжат тот, ну этот, мужик у барыни, и спрашивают:

– Что, не видели, это молодец не проезжал вот со свиньёй?

– Да, проехал, – говорит, – я видел.

– Куда?

– Вам не найти, не догнать его. Моя лошадь быстрее. Вы сядьте покараульте там. У меня шапку-ту не берите, у меня там сидит птица под этой шапкой. Не поднимайте шапку, пока я не подъеду! Да у меня, – говорит, – лошадь-то, наверно, хуже вашей-то будет, дайте мне свою. Я на вашей-то их быстрее догоню.

Взял у их лошадь и поехал. У его. Объехал, объехал, и ту лошадь со свиньёй увёл, евоновую лошадь. Тот сидел-сидел, посмотрел, шапку поднял – ничего нет. И остался гол как сокол. Вот и всё. Обманул солдат.

д. Елога

54. МЕДВЕДЬ

{Жили} старик да старуха. У их дрова кончились. Старик поехал по дрова. Дрова рубит, к нему медведко пришёл и ему не даёт рубить – лапу суёт ему, суёт. А дедушко говорит:

– Медведушко, берегись, медведушко, берегись, я у тебя лапу отрублю.

Он всё ровно суёт. И вот ему дедушко лапу, медведушке, отрубил, тут положил. А медведко заревел, убежал в лес. Лапу сделал деревянную.

А старик приехал домой, лапу привёз домой. Ошкурил шерсть, шерсть остригли. Старуха

шерсть предёт, мясо пекёт, на шкуре сидит. Вот ночь пришла, медведко идёт. Лапу деревянную сделал.

*Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая.
Все люди спят,
Одна старуха не спит,
На мой коже сидит,
Моя шерстку прядёт,
Мой мяско жорёт.
Отдай, старик, мне старуху!*

– Нет, не да-ам. (У меня один так го{вори}т: нет, не дам!) Бери лучше овечку.

Медвидь овечку на плечо закинул, в лес уташшил. Съел овечку – опять пришёл ко старухе, ко старику. Опять все люди спать легут, идёт опять. Поёт это жо:

*Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая.
Все люди спят,
Одна старуха не спит,
На моёй коже сидит,
Мою шерстку прядёт,
Моё мяско жорёт.
Отдай мне, старик, старуху!*

Он:

– Нет, не да-ам! Бери лучше у меня корову.

Медвидь корову увёл, на корову сел, за рога дёржится, корова ревёт, медведко только порявкиват идёт. Увёл корову, задавил, долго-долго ел. Съел – опять пошёл.

У дедушка нёчё больше давать. Последнего жеребця отдал. Жеребця увёл медведко, жеребця задавил. А больше чё делать-то? Нету больше никого. А медвидь всё ровно пришёл, что:

– Отдай, старик, старуху!

Старику делать нечего. Он вот двери закрыл, медведко двери у его сломал. Как в избу зашёл, а он западню открыл. Раньше западни-те были не тут, а западни такие были вот. Вот где Валя сидит, тут бы была западня, а там в голбеч ходить. Вот он (дед) открыл западню. Как медведко заходит, дедушко как его двинул в ету, в голбеч, и ружьём бух-бах только, убил. И больше медведка не стало.

А старик по дрова ходил пешком, потому что лошадь-то ведь медведко съел. Вот и вся сказка.

55. МОРОЗКО

Начинался: жили-были старик да старуха. Вот у их была дочерь. Старуха умерла, а дедушко женился, взял другую, а у иё то́жо была девочка, у той жены. Старуха не стала падчерицу любить и говорит старику:

– Старик, увези её в лес! Запреди лошадей, увези, посади её под ёлкой, и пусть она там застывает.

Вот старик запрёг лошадей, посадил свою дочерь, поплакал-поплакал и повёз. Посадил под ёлочку (а плóхонько одета была) и уехал. Вот к ей Морозко прибежал, кричит:

– Тепло ле, девица, живёшь, тепло ле, красная, живёшь?

– Тепло, дедушко, тепло-о! – она отвичат.

Ладно, убежал Морозко, ишшо мороз поддбавил, опять прибежал, подпрыгиват, поскакиват.

– Тепло ле, девица, тепло ли, красная?

– Тепло, дедушко, тепло!

Раз этой девице тепло, Морозко убежал, ей принёс шубу, тулуп, валенки, шаль большую, одел её и {сказал}:

– Посиживай, девочка, больше не мёрзни.

Тепло ей стало. Ладно, опять прибежал.

– Тепло ле, девица, тепло ле, красная?

– Ой, дедушко, спасибо, ой, тепло, ой, тепло!

Ладно, приехал на тройке, большу́шшой сундук ей привёз, во-от такой большу́шшой! Два: один сине́й, другой красной.

– Котóрой, де́вица, возьми́шь?

А птичка на ёлочке:

– Синь-синь, синь-синь.

Ну и она послушала птичку и сине́й взяла. И в синем сундуке столько боуатства много было, всякое боуатство.

День прошёл, два, неделя уж, дочки нету. Вот старуха и говорит:

– Запрягай, старик, лошадь да, пока волки не съили, дочь-то вези, хоть захороним, могилку будём знать.

Старик поехал, запрёт лошадку, поехал. А там такие коники у иё! Тройка лошадей, большущие сани с большущим сундуком. Он на этой тройке и поехал.

А старушка блины пекёт. А собачка под окошком лает:

– Тяф-тяф-тяф! Старухину (старикову) дочь везут со скотом, с животом, со богатством.

Она ей блин бросит:

– Да не так лай! Скажи: старикову дочь везут, косточки в лукошечке стучат да бренчат, под окошечко летят!

Собака всё ровно по-своёму лает. Она (старуха) её сковородником чуть не тычёт. Старик приехал. Старуха выбежала, ворота отпират. Думат щас старуха, что застыла. Господи! Она в шубе, в толупе сидит, так приодета. А сундук-от открыли, дак там видимо-невидимо сколько боуатства-та! Такая стала богатая невеста, женихи хорошие стали свататьця. Девка взамуж ушла.

Старухе это понравилось:

– Давай вези мою дочь тожо.

Старик запрёт лошадь. Старуха одела свою дочь. Шубу на её надела, валенки, шаль, рукавичи хорошие – шубенки. Старик посадил под ту жо ёлку дочь и сам уехал. А Морозко прибежал опять.

– Тепло ле, дёвица, живёшь, тепло ле, красная, живёшь?

– Иди, «тепло», не досажай, Морозко!

Раз оббежал, ишшо поддал морозу, опять прибежал:

– Тепло ли, дёвица, тепло ли, красная?

Она вобшэ заругалась ещё. Ушёл, убежал Морозко, приезжат с сундуками. Опеть:

– Кóторой возьмёшь сундук, красной ли сине́й?

А птичка опеть прыгат:

– Синь-синь, синь-синь.

– Иди, не указывай! Сама знаю, какой мене надо взять.

И красной взяла. Она не открыла нечё его. Старик приехал. Она тут пока сидела, застыла, после Морозка-та с сундуком-то. Старик приехал – кокóрка. Кокóрочку на сани, сундук полóжил и везёт.

А старуха опеть блины пекёт, дочь дожидат. Собачка лает:

– Тяф-тяф-тяф! Старухину дочь везут, косточки в лукошечке стучат да бренчат, под окошечко летят.

– Не так лай! На́ блин, да не так лай. Скажи: старухина дочь идёт со скотом, с животом, со богатством.

А собачка по-своёму лает всё ровно.

Приехал старик, старуха обрадовалась, выбежала. Старуха:

– Где дочь-то? Неживая? Застыла?

Ну, хоть сундук-от... Она жадная была. Ладно. Открыли сундук-от – там огонь в сундуке-то! Как выскочил огонь-от – и всё сгорело. А старик-от ушёл тожно́ к дочери. А старушка осталась на пепелишшэ. Вот и всё. Тут и сказке конец.

Я там была, мёд-пиво пила, по усам бежало, в рот не попало.

д. Носкова

56.

ВЕРШКИ И КОРЕШКИ

...с медведём... подружились оне. Вспахал, на полё посиял репу. Репу посеял на поле, выросла репа. А медведь его караулил сидел. Охранял, никого не пускал в эту полянку.

Репа большая-большая выросла... Сначала он рожь посеял. Посеял рожь. И чё? Рожь выросла, стали снимать урожай. И чё? Договор у их такой был, старик говорит:

– Мине, медведь, будут вершки, я себе вершки возьму, а тебе корешки.

– Ладно, – медведь согласился.

Он (мужик) урожай увёз, снял, а ему (медведю) солома осталась.

– Нет, такоё не пойдёт! – говорит. – На другой год ты меня, мужик, не одманёшь. Я щас...

На другой-от год репу посеял мужик-от. Репа выросла большая. Медведь говорит:

– Я больше не буду корешки брать! Буду брать вершки.

Мужик репу полну телегу нагрúзил:

– Ладно уж, я соглашусь, возьму корешки.

Репу нагрúзил, медведю вершки оставил. Он посмотрел, кусал-кусал:

– Опять ты меня одманул! Ну, ты больше в лес не приходи на поляну, я тебе дам за это! Одманул ты меня.

57.

СОЛДАТСКАЯ ПОМОЩЬ (КАК ЕМЕЛЯ КОРОВУ НА БАНЮ ВЗДЫМАЛ)

«Бабушка, ну-ко ты нам расскажи ишо нам вот эту сказку, как Емеля корову на баню {в}здымал».

Шёл солдат с фронта с рюкзаком. Зашёл в деревушку в одну. Видит: вся деревня корову на баню {в}здымают. Он гледел, гледел на их, подошёл:

– Здрасьте, добрые люди! Ну, чё вы тут делаете?

– Да вот на бане трава выросла, не знаю, как траву убрать. Давай корову вздымам, хоть поднимаю на баню. Пусть корова траву выест.

Он сходил, где-то там у их нашёл литовку. Взял, выкосил траву:

– Вот надо чё делать-то. А вы не знаете, чё с травой делать. Коров поднимают.

Корову поднимают. Выкосил траву.

– Ладно, сичас пойдёмте за стол, б́удём кушать.

Зашли. А он сидел... Ну, раз корову хто {в}здымал дак, оне вперёд зашли. А он сидит, так

жо вот, как мы, под окошком и ждёт, пока его позовут. Ждал-ждал-ждал – время уж полдень, вечер наступат, оне всё ешшо обедают. Заходит, глядит на их, как оне обедают. А оне: хлебнёт один ложкой – на полати бросит. Мине надо есь – я схожу по ложку на полати, хлебну – снова брошу, другой идёт. Так и целой день вся деревня. А скоро, думаете, наедятся оне одной ложкой? Он достал из рюкзака ложку, у его была, отдал им.

– Возмите, не ешьте вы одной ложкой.

Снова научил, чё как надо, а то оне вот так.

– И мы так и живём, одной ложкой едим.

Едят-едят, у их из чашки не убывает. Хлебнут одинова да бросят дак, вот так.

[А как она кончается? Как там приговаривают?] А чё оне приговаривают? [Вот и сказке конец?] Конец сказке. [А дальше чё?] Вот рыба елец, и сказке конец.

ПРО КОТОЧКА И ПЕТУХА

Петушок жил, и котóчик жил. Ну вот в деревне оне чё, жили оне тóжо, как мы вот живём со стариком, а петушок да котóчик жили вмисте. И вот оне... петушок дома сидел, а котóчик ходил на работу. Котóчик ушёл на работу, а петушку наказал:

– Ты из дому некудá не ходи, а то тебя лиса поймат.

– Нет, нет, – петушок отвечает. – Ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко-ко-ко! Никуды не пойду, никого не пушшу. Ко-ко-ко!

Ну вот, петушок... а котóчик ушёл обратно, со спокойной душой ушёл на работу. Топор за пояс и пошёл. А топор за пояс, ну, ремень, под ремень сунул и пошёл на работу. Ходит, там всё смышлёт, чё надо ему. А потом тожнó слышит: где-то кто-то кричит.

– Ой, не мой ле котóчик (петушок) это кричит? Мой.

Ой, услышыл. А тот кричит:

– Ко-о-отик-братик, отними меня! Несёт меня лиса за зыбúчи болотá, за высокие горы... Во тёмную нóру, за высокую гору несёт! Съес меня!

Котóчик токо топор за пояс, бегом бежать, догнал, и всё – отобрал котóчка (петушка). Пришёл домой, ему и наказал строго-настрого:

– Больше ты некудá не ходи! Если только ты ишо уйдёшь, я далёко-далёко на работу уйду и тебя не услышу и не отберу.

А тот покаялся:

– Но, но. Больше уж, ко-ко-ко, ко-ко-ко-ко, некудý не пойду, никого не пушшу и некудá не буду глядеть.

Вот. А лиса только услышала, что котóчик ушёл, – давай скорей бежа-ать. Прибежала:

– Там привезли бояра зерно, пшено рассыпали. Иди собирай, я тебя не задену!

– Нет, не обмáнёшь, лиса! Ты меня вчёрá напугала да сёдни ишо хóчешь, нет, не пойду.

– Ну, как хóчешь. Не пойдёшь, дак как хóчешь. А я уж больше сидить не буду под окошком караулить тебя.

И быдто как ушла. А сама в угол спряталась, сидит в уголке и говорит: «Ну, всё равно я тебя обману. А я сидить буду до тех пор, пока не вы́глянет он».

Ну, и сидит и сидит, сидит и сидит. А он думат, что лиса-та ушла, и опять тока выглядыват. С того места, с другого места, по полу ходил-ходил, надоело жо днём-то сидить-то одному-ту петушку. И стал в окошко, на окошко встал:

– Ку-ка-ре-ку-у-у!

Взрывкал, а лиса токо его цап-царап и поташшыла обратно! Ташшы́т опять, так ташшы́т – бегом бежит, хвостом вертít. Ох, вот чё делат, бежит! А он опеть кричит:

– Ко-о-отик-братик, отними меня! Несёт меня лиса во-в тёмные леса, во-в сырые болотá, за темную... за большую гору, за... в тёмную нору. Съес она меня, отними, братик, меня!

Коток учúл: где-то кричит петушок. Давай бежать, давай бежать! Бежал-бежал-бежал. Ну чё, прибежал тамока́. А собаки так лают, котóчик-от этот, петушок-от кричит:

– Ко-ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!

А коток бежит – токо земля дрожит, топор за поясом трешшы́т, бежит. Вот прибежал – она уже в норе, лиса, его уже в нору занесла. А он уже лежит на пласту́, коточи... это, петушочик, лежит на пласту́ и:

– А, а, а!

Так жалобно уже, только уже здышит токо, уже чё, она его ташшы́ла, дак едь измучила. А котóчик рассердился, прибежал, а у ё уж чугунка на печке стоит. Уже варить петушка хóчёт – жорать. Вот тожнó ладно. Это он отобрал, лису исцарапал:

– Сичас я тебя самоё, это, сварю! – петушок, это, котóчик говорит.

А собаки, она токо выскочить-то хóчёт из норы-то, а собаки-те её схватили да и разорвали. А петушок с этим пришёл... Петушочик с котóчком домой пришли. И живут сичас до сих пор.

А у их под окошком было озеро. А в озере-то шшука да елёць, кто слушал – молодець! А в озере-то-де шшука да рак, кто не слушал, тот дурак.

59.

ПРО КУЗНЕЦА И МОЛОДУЮ ЖЕНУ

Вот про кузнеца. Вот кузнец был. Кузнец, значит, молодой. Такой кузнец молодой, эх, какой слáвной, баской кузнец. Ух, куёт он там подковы и все-то, всё делает.

А один тут сосед, значит, у кузнеца женился. Он женился ведь, да? Женился, взял молодую, да жена-та така красивая, кудрявая, баская да работающая.

[Жена как-то по воду пошла, кузнец у ворот стоит. Она воду черпат, а он:

– Кха-кха.

Она ничё не поняла, воду начерпала, домой. Спрашиват у мужика своёва:

– Тамо кузнец, сосед, я воду черпаю, он давай кашлеть.

Мужик-от понял, чё к чему. Научил жену:

– Другой раз пойдёшь, он скашлят – ты тоже кашлей.

Так и сделали. Пошла по воду, мужик дома не был, кузнец увидел её и кашлят:

– Кха-кха.

Она ему то же самое:

– Кха-кха.

Он и понял, пошёл за ей]. И это, она и говорит:

– А чё пришёл ты, Гришенька? У меня эдь хозяина дома нету-ка.

– Ну и нету дак, и не надо! Мы с тобой посидим да поговорим.

Она, это, на стол собирает его угошшать. Брагу подаёт, на стол собирает, угошшат его.

– Угостися!

Вот то да сё да, там его заманиват, как подольше чтоб посидел. А этот (муж) ворачиватся:

– Да я забыл ишо вот там вот обед, пешшóрку-ту забыл, тамока́ забыл едь я с обедом-то. Давай жо мне. А ты чё тут делаешь?

– Да я так пришёл, – кузнец испугался, – а я так пришёл.

– А чё ты пришёл? Жена... нету дома, а чё, хозяин дома нету, а ты к жене к моей пришёл? Всё! Никуда ты не пойдёшь!

А дело-то под вечер было. Остановил этого кузнеца:

– Стой, дорогой. Никуды ты не пойдёшь. Есле хочёшь, чтобы в деревне никто про тебя ничё не знали, сецяс ты у меня будешь толкч́и зáспу. Зáспу толкч́и на шти. Шти надо хлебать.

А шти были, варили, толды ячмень был. Ячмень-от это, его надо толкч́и. Ступу. Принёс ступу, принёс мешок ячмень, кованый пест принёс. И сказал:

– Вот, толки. Вот тебе пест, вот тебе ступа и толки. Если ты не истолкёшь мешок этот ячмень, значит, я продам на всю деревню тебя, что ты к молодой жене у меня пришёл. А если истолкёшь, никому уж не скажу, так и быть, прошшу тебе.

Вот он толк, всю ночь толкёт. Вот толк, толк – уже светат.

– Ну, чё уж, отпусти, там с ведро уж осталось, дак больше я уж...

– Нет, толки всё до конца, до́говор дороже дёнёг. Я тебя не просил к моёй жене идти!

Чё, толкёт, тожнó уже день, свётло. Ушёл кузнец. Ушёл кузнец домой, а баба спрашивает:

– Ты где ино сёдни не ночёвал дома-то?

– Да чё вот, чё-то там к друзьям ушёл, да там запировал, да и вот попили да посидили, да я уснул да и проспал.

– Ну, как ино так ты проспал? Ну, ладно, проспал.

Хозяйка поверила. Поверила, посидили, поговорили, всё. Он опять снова на работу ушёл. А девка-та по воду идёт, а мужик-от её научил:

– А ты, где ну-ко, где он где, это, ты, где он-де бў́дет поглядывать, а ты-де закашляй, ну-ко чё-де он тебе отвитит?

Вот он, она пришла по воду. Раз черпнула – он не кашлят, второй раз пришла опять по воду – опять не кашлят он. Она взяла и закашляла:

– Кха-кха!

А это уже много время-то прошло, мо{ж}от, с неделя, мо{ж}от, и две прошло. Вот она закашлела, он и го{вори}т:

– Чё, – ну вот как сказать-то, а, ну, это, вы тут извините меня за выражение, – чё, б...ь, – говорит, – уже шти-те выхлебала, что ли?! Не обманешь-де больше!

А ну там можно не б...ь сказать-то, а можно сказать-то:

– Что, сатана, выхлебала?

Ле как, ну, иначе, может, чё-то там написать-то.

– Выхлебала? – говорит. – Не обманёшь-де больше!

Вот так на этим у их и дружба кончилась.

60.

ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Вот у тя детки будут, ты им расскажешь. Вот когда детки маленькие будут, ты им расскажешь. Всё, аҕа, начинать? [Давай, давай.]

Вот жили-были дедушко с бабушкой. У их, это, была внучка, ма-аленькая-ма-аленькая. Она всё говорила:

– Бабушка, надо курочку нам завести.

А бабушка и го{вори}т:

– Ну, чё стоит, заведём и курочку.

Вот завели курочку – курочка рябая. Ряба курочка бегат по избе, ходит:

– Ко-ко-ко́, ко-ко-ко́.

Ну, цё, она, эта девочка, интересётся этой курочкой. Бабушка уйдут на работу, девушка эта курочку накормит, напоит. Она всё это опять иё уважат всё, курочку. А потом тожнó, когда дедушко с бабушкой придут домой, курочка – раз, яичко снесла. Яичко снесла курочка и куда́хцёт. А наверно, это, она уж то, что снесла, дак ра́дуётся ведь, снесла что яичко. Дед пла́цёт, баба пла́цёт, куро́чка куда́хцёт, оне всё плацют отцего?

– Цё плаците?

А оно, яицько-то, пало да разбилося. Вот яицько-то пало да разбилося. Внуцька руками хлопат:

– Ой-ой-ой. Сломалоса яицько!

Она, куроцька, и говорит:

– Не плацьте, дед, не плаць, баба, не плаць, внуцинька. Я вам яицько снесу не простоё, а золотое снесу!

А под окном-то у их было озеро. А в озере-то было – шшука да елёць. Вот в озере-то велася шшука да елёць. И моёй сказке конец, а кто слушал, тот молодець!

Вот и сказке конец. [А чё, снесла она им золотое?] Золото-то... А нет, вот токо посулила. Посулила токо, да.

61. ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Вот жили-были старик со старушкой. У их детей не было. Дети не были, бездетные были. И вот оне говорят:

– Ну, что? Мы... где-то надо всё ровно нам ребешка какого-ко эдь!

Старушка:

– Я уже робить не могу, посуду помыть, в избе подмести!

Вот оне взяли Курочку Ребѹ. Кто-то им принёс, кака-та старушка принесла, говорит:

– Вот Курочка Ребѹ я вам дам.

Ну, оне Курочку Ребѹ взяли. А как оне уйдут с дому-ту, Курочка Ребѹ превращалася в девочку. Да, Курочка Ребѹ превращалась в девочку. Вот. Потом тожнó хозяйка домой придёт, эта старушка, с работы со старичком придут – у их в избе всё прибрáное, на столе уже ужин готовый. Оне своим глазам не верят:

– Как ето?

Курочка на окошечке сидит, их дожидат:

– Ко-ко-ко-ко-ко-ко-ко́, ко-ко-ко-ко-ко-ко-ко́! – радуется им, старикам.

Ну и ладно. Старуха и спрашивает у курочки:

– Ну, как ты, чё смогла сделать-то это? Как ты всё делала?

А она отвечает:

– Ко-ко-ко-ко-ко́, ко-ко-ко-ко-ко́!

Назавтре опять идут – опять. И вот думает старуха: «Дай-ко я подкараулю, подкараулю это, узнаю, как она чё». И вот она её подкараулила. В шшэлочку глядит, а эта вышла середь полу – фурк токо сделала! И это, пёрышки все отпали, так, шкуркой как всё. И она в девочку, такую красавицу превратилася, девочку.

– Вот эдь у нас какая радость-та дома-та! – старику сказывают.

А эта девочка тожнó говорит:

– А как-де...

Она (девочка) у её (старушки) стала спрашивать:

– А почёмѹ ты, это, бабушка, в шшэлочку глидела? Зачем в шшэлочку глидишь? Мне вон как сѣдни плохо-де было. Я, – говорит, – ведь заболела. И болеть буду, мóжет... ишшо будешь глядеть. Ты понорови маленько, больше не глиди. Я сама превращшусь потом, когда мене срок изойдёт. Я-де заколдованная, когда мене срок пройдёт, и я это...

А их научили кто-то, старуху-ту:

– Ты-де её поцалуй!

Она её поцаловала, старуха-та, старик поцаловал – и девочка превратилася сразу, из курочки-то в девочку превратилася. И до сих пор оне живут. И всё старушку слушают. Интересная?

ЮСЬВИНСКИЙ район

пос. Пажва
пос. Елизавето-Пажва

Пос. Пажва

62. ПРО РАЗБОЙНИКОВ

Тóжо вот как про разбойников... [Давай-те-давайте.] Вот были тóжо, жили дед да бабка. У них один сынок тóжо был. Значит, как Иванушко, всё раньше Иванушкам-дурачками-те звали. Ну, он был вроде и ўмной. Он подросток, а оне в деревне жили. Вот и говорят баушка с деушком:

– Надо его...

Нет, не Иван ведь он был, погоди-ко, как жо его звали? Я почто его забыла, как его звали. Ой... Значит, отдать надо его куда-то какому-ту учить к ремеслу. Значит, ехать надо в город, куды-то хоть или на завод ли где-то. Ну, бабка им наготовила, наделала это, всё напекла, бельё ему дала. Дедко повёл его. Значит, идут. А тóжо лесочком шли ишо. Попалися разбойники двóе встречу. А едь на них не написано ничё, что оне разбойники. Оне (разбойники) спрашивают:

– Ну, дедушко, дедуля, куда ты повёл сыночка своёва, такого хорóшого, молодого, красивого?

– Да вот надо, – го{вори}т, – какому-то ремеслу ёвó подучить.

– А какому жо ты думаешь? Ты отдай-ко нам его, мы тебе его выучим не к одному ишо ремеслу, да ишо и к хорóшому какому-небудь.

Ну, старик óтдал его, вернулса домой. А оне были разбойники, где-то жили в лесу. Были оне два брата, да у них была сестра Наташа, значит. Вот приходит ночь, значит, оне будят его:

– Вставай!

А он-то:

– А чё, куды? Тепере ишо ночь дак, я не выспалса.

– Вставай, вставай, на работу надо. Обязательно надо сийчас, а то нам прогул поставят.

Вот пошли там к одному боуатому дядьке. Такому уже... Ну, оне уже, зна... ну, высмотрели раньше, какой, {г}де он живёт, боуатой, значит. Там оне в этот, в чулан, окошко достали да ему заставили лезти. Вот забыла, как его звали. Как-то едь по имени назвали, ну, Иван.

– Значит, полезай давай да выбрасывай, выбрасывай там.

Он-то выбрасывал, выбрасывал, коё-чё надо, значит. И оне уж:

– Давай, хватит, вылезай.

А там у него был толуп такой собачий, тёплой, большой, хорошой. Он собира... Ванюшка-то етот толуп-от берёт как себе бы, значит. Оне и говорят:

– Тут жо за самой хорошой вищью, только пошёл первой раз, да и уж тебе первый вещь.

Он го{вори}т:

– А как жо, вы едь не лазили, я ведь лазил.

– А кто рамку доставал? Я.

– Я щас пойду спрошу у хозяина, он пускай скажот.

Оне его тожо:

– Да ты чё, с ума сходишь, что ли?

– А оне, эти, напьются, боуаты-те, со сна-то шибко говорят.

– Ну, иди.

– А вы подслушивайте.

Он ушёл там-то, где этот боуач спал, в спальне. Зашёл он туда, да тихонько его задеват, да и говорит:

– А барин, а барин, я во сне видел, к нам воры полезли да у те{б}я толуп-от... Кому он доложон – хто полазил доставал, тому, или хто только рамку достал да на улице стоял, собирал? Значит.

– Да уйди ты, дурак.

Вот. Он опять:

– А, барин, ну да, барин, да скажи – кто?

– Ну да как же не тому, конечно, хто лазил, хто доставал, бросал, тому и толуп.

Оне выслушали, пришлось ему отдать. Отдали толуп. Опять там, на следующие дни, ходили, значит. А Наташа – девушка у них хорошая была, сестра это. Она этого паренька полюбила да. Вобще-то ей уж тут с братовьями-те надоело жить-то. Она и говорит:

– Давай, – го{вори}т, – мы, – го{вори}т, – с тобой поженимся да удём, – го{вори}т, – к вам в деревню, к твоим родителям жить-то.

Ну он согласилса, значит, как идти уже этим, к родителям, чтоб больше тут не работать. Ну, братовьям сказали. А братовья сперва как были против, а потом согласилися да и сказали... А у них была свинья, значит, оне сви́нью растили. А братовья-те и говорят:

– А вот, – го{вори}т, – вы женитесь, уедете, мы вам в придано отдаём свинью. А если вы, – говорит, – это, а мы, – го{вори}т, – если придём в эту ночь, вы её спрятайте. Если мы её не найдём, дак, значит, Наташенька твоя бўдёт. А если найдём, украдём, вы вобратно оба к нам придите.

Ну эте согласилися, значит. Тожно вечер приходит, Наташа говорит своему Иванушку:

– Куда жо мы свинью-ту девам?

А у их была мельница. Оне взяли, это, на свинью надели, э, ну, баушкино там на её одели, одежду как, да и насыпали зёрнышки-те, она, это, ходит там кругом жёрнова-та собирает. А оне, это, розбойники-те, пришли ноччу-ту да и говорят:

– Вон у нас сватья-то сёдни, видно, нас караулит, мёлёт, не спитца старой сватье.

А тожно, а у их Наташа-та тожо со сна-та говорила. Ходили, искали-искали, свинью не нашли. Тожно брат-от и говорит:

– Я пойду спрошу у Наташи.

Тихонько иё трясёт:

– Наташа, а где наша свинья?

– Я забыла, куды мы её спрятали.

63.

ПРО ИВАНА-ДУРАКА

У них был сыночек, один. Но он маленько был недоразвитый как. Иванушком звали. Ну и вот. Он-то подрос уже маленько, значит, ходил уж, в школу начал ходить, учился. А тожнó мать его повела в церьков. Он в церьков сходил, и ему пондравилось. А на следующей день праздник подошёл, матере некогда идти стало, значит.

– Ты, Иванушко, иди-ко в церьков сѣдни сходи хоть, сѣдни воскресеньё.

Он пошёл в воскресеньё в церьков, значит, и видит: мужчина пашот на полях. А он и говорит... Ну, мать-та как у него была религиозная дак, ну он так жо малинько как, но всё-таки, видно, он маленько был не совсем жо. Он и говорит ему, мужчине-то:

– Дай тебе Бог торіцу да метліцу, а не хлеб чтоб уродился. Сѣдне воскресеньё, надо в церькви Боуу молиться, а ты пашошь.

А тот осердился да его плёткой нахлестал. Он вернулся домой. Идёт, матерé говорит, что, значит...

– Чё ты, – го{вори}т, – ревьёшь?

– А вот там дядька пахал, я ему вот чё сказал.

– Да дура-а-ак! Да ты бы сказал: «Дай тебе Бог носить, да не выносить, возить, да не вывозить!»

– Ой, дак я, мамка, пойду и сечас скажу.

Пошёл, нёсút опять покойника как раз, он тожнó им и говорит:

– Дай вам Бог носить, да не выносить, возить, да не вывозить.

Его опять тут настукали. Тожнó пришёл опять домой, ревьёт. Мать опять спрашивают с отцом. Он и говорит:

– А вот ты как сказала, мамка, я так и сказал.

– Да дурак ты, дурак, да ты бы взял да поплясал, да песенки попел, дак тебе бы хоть канфетки дали да хоть бы пива налили ли чё ли. Чё, у них и вино с собой.

– Ой, мамка, мне беда охота! Я пойду, ну.

Побежал это – опять горит, гумно горит. Бежали, это, все, залезают с ведрыма. И он-то побёжал, давай плясать, песни петь. Оне думают, люди-те, что он поджёт, значит.

– Что ты это, дурак, тут горит, надо залевать, чтобы... А ты чё это дѣлаёшь?

Опять ему тут попало, этому парнишку. Пришёл домой. Опять матерé гово... Значит, мать спрашивает, он и говорит: дак вот чё. А он... Она и говорит:

– Да ты бы взял ведро, хоть у кого-то попросил да залевал бы воду-ту, носил да.

– Ой, мамка, я возьму ведро из дому, пойду залевать, помогу.

Побёжал с ведром залевать – дядька опять свинью палит. Раньше палили их, ну, нынче этими всё... Он опять пришёл да с ведром-то, с водой-то, да у него залил. Он опять его настукал. Он, значит, опять идёт домой, ревьёт. Пришёл домой, мать опять спрашивает. Она и говорит:

– Да дурак ты, дурак, да ты бы сказал ему: «Тебе дай Бог этим кусочком-то розговитьця в Христов день».

Вот.

– Ой, мамка, я пойду скажу.

Вот.

– Ну, ступай, так и скажи.

Пошёл – дядька сидит на кокóрках. [На чём?] Ну, опровлѣетьця чем, по-большому, покакать. Сидит, он... [Как? «Укокоркать»?] А? [Укокоркать?] На кокóрке, ну, на кокóрочках сидит. [На

корточках.] Да. Значит, сидит, выкладывает. А он (Иван) и говорит:

– Дай тебе Бог этим кусочком-то розговить-ця в Христов день.

Тот опять его налópал. Он опять домой приходит, опять ревёт. Мать и говорит:

– Да дура-а-ак ты, дура-а-ак. Да бы шёл да плю-унул только на его-о. Не на его хоть, а прошёл маленько да и плюнул.

– Пойду, мамка, я пойду плюну.

– Ну, ступай.

Пошёл, значит. А служат молебен, вышли, молебены раньше служили где-то на полях.

Он прибежал. Пошли уже ко кресту, батюшко крест дёржит. Значит, все идут. Он тóжо подошёл, ему на крест-от плюнул. Тот (батюшка) опять его крестом-то стукнул. Он тожнó пришёл, опять ревёт, ишо ревёт. Вот. Мать-та и го{вори}т:

– Да дурак ты, да ты бы перекрестилса да поцолова-ал.

– Ой, мамка, я пойду поцелую.

Пошёл – лошадка стоит, кобылка, да писает, хвост оттенула. Он и взял да перекрестилса, поцоловал – она как легнёт его. Тут его насмерть и убило.

Пос. Елизавето-Пожва

64. ПРО КОЗУ

Россказывали так: «Как дед козу колол». Вот. Привезал её за верёвку, эту козу, начал ей горло резать. Резал-резал-резал – не мог отрезать-то. Она верёвку порвала да убежала, да в зайкинину избушку, в лес убежала, в зайкину избушку.

Зайка пришёл – его коза не пустила. Он пошёл. Ему сначала попала лиса. [Чё он ей сказал?]

– Лиса, пойдём. В зайкину избушку зверь полез, подём выгоним!

– Подём.

Пошли.

– Вылезай, зверь, из этого, из зайкиной избушки!

Коза:

– Я – коза-ребеза́, полбока́ лúплено, за́ три гроша куплено. Топы́-топы́ ногами, заколю тибя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету!

Убежала, лиса убежала. Опеть зайнька сидит, пла́чét. Идёт... идёт волк:

– О чём, зайнька, пла́чёшь?

– Да вот, неслыханно-невиданно, на зайкину избушку зверь полез.

– Подём, выгоним!

– Кто, кто там в зайкиной избушке?

– Я – коза, лубяны́ глаза, полбока́ лúплено, за́ три гроша куплено. Топы́-топы́ ногами, заколю тибя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету!

Ушли. Попал медведь встричу.

– О чём, зайнька, пла́чёшь?

– Да вот, неслыханно-невиданно, в зайкину избушку зверь полез.

– Подём, выгоним!

– Кто, кто в зайкиной избушке?

– Я – коза, лубяны́ глаза, полбока́ лúплено, за́ три гроша куплено. Топы́-топы́ ногами, заколю тибя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету!

Ушли. Опеть зайнька сидит, пла́чѣт. Идѣт петух, на ногах в красных сапогах, несѣт, на плечах несѣт ко́су.

– О чём, зайнька, пла́чѣшь?

– Да в зайкину избушку зверь полез. Лиса гнала-гнала – не выгнала. Волк гнал – не выгнал, медвидь гнал – не выгнал.

– А я, зайнька, щас выгоню.

– Да где жо нам, петушок, выгнать с тобой?

– Подѣм, выгоним.

– Кто, кто в зайкиной избушке?

– Я – коза, лубяны́ глаза, полбока́ луплено, за́ три гроша куплено. Топы́-топы́ ногами, заколю тибя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету!

А петух го{вори}т:

– Я... – забыла едь, вот щас помнила и забыла, – я, – го{вори}т, – иду в сапо... я, – го{вори}т, – иду на ногах в красных сапогах, несу-несу косу, тебе голову снесу! Слезай, коза, с пѣчи!

Коза убежала.

КОММЕНТАРИИ

БАРДЫМСКИЙ РАЙОН

Деревня Асюл. Исполнитель – П. П. Петухова, 1920 г. р.

Записано в 1997 г. Собиранье – М. В. Крысова. Экспедиция фольклорно-этнографической студии «Песельная артель» Пермского государственного университета (рук.: В. В. Жук, И. А. Подюков, А. В. Черных).

1. ВОЛК – ЛИПОВАЯ НОГА

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 234.

Сказка относится к широко распространенному типу СУС 161А* «Медведь на липовой ноге». Первая русская публикация приведена в сборнике К. Авдеевой «Русские сказки для детей» (Авдеева 1860, № 5). Первый пермский вариант опубликован в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 57). Сказка записана в Осинском уезде (в настоящее время Осинский район Пермского края). В сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 80) приведен вариант сказки, записанный П. А. Вологдиным и напечатанный в 1863 г. в «Пермских губернских ведомостях» (ПГВ 1863, с. 206). Опубликовано несколько пермских вариантов. Один из них – сказка «Про мужика и медведя», записанная в д. Неволино Еловского района от А. С. Черных (Подюков 2000, с. 7). Два варианта текста были записаны от Е. Н. Трясциной (Сказки Е. Н. Трясциной 2020, с. 39–41). В книге «Русские народные сказки Пермского края» опубликованы варианты, записанные от В. К. Собяниной из д. Потоскуево (РНСПК 2004, комментарии, с. 234–235), от А. П. Токаревой из с. Токари Очерского района (РНСПК 2004, № 22, см. данный сборник № 23) и от А. И. Овчинниковой из д. Елога Юрлинского района (РНСПК 2004, комментарии, с. 235, см. данный сборник № 54). Еще два текста опубликованы в данном сборнике: от А. И. Петровой из д. Оралово

Красновишерского района (см. данный сборник № 7) и от И. С. Боброва из с. Бым (см. данный сборник № 11). Существует также несколько архивных записей из д. Неволино Еловского района, д. Бычина Красновишерского района, д. Чумна Чайковского района, г. Перми. Уральскими текстами можно считать сказки из сборника А. Г. Татаринцева «Русский фольклор Удмуртии» (Татаринцев 1977, № 4, 5, с. 53–54).

В большинстве вариантов этой сказки действует медведь, однако в тексте П. П. Петуховой жертвой старика становится волк. Причина подобной замены персонажей не совсем ясна, хотя, возможно, она связана с тем, что действие происходит зимой и жертва старика, по замыслу сказочницы, должна заснуть у костра, спасаясь от холода. В народной картине мира существуют устойчивые представления о поведении животных, обусловленном их физиологией, но в то же время и функциями, которые приписываются зверю в традиции. Медведь зимой спит. К настоящему времени в народном мировоззрении сформировался образ «добрého» мишки, спящего зимой и помогающего маленьким зверюшкам летом. Образ хозяина леса, тотемного животного, награждающего и карающего людей, постепенно исчезает, в то время как голодный волк в зимнем лесу – довольно устойчивый элемент народной картины мира.

Сказочница не использовала присущую этому сюжетному типу песенную вставку. Скорее всего, она не помнит текст полностью, поэтому попыталась пересказать его, сочетая косвенную и прямую речь.

Отметим, что сказочница выбрала трагический финал сказки, хотя русской традиции известен и счастливый для стариков исход конфликта.

Деревня Асюл. Исполнитель – Лукерья Михайловна Петухова, 1921 г. р.

Записано в 1997 г. Собираетель – М. В. Крысова. Экспедиция фольклорно-этнографической студии «Песельная артель» Пермского государственного университета (рук.: В. В. Жук, И. А. Подюков, А. В. Черных).

2. МАРКО СЫРОВОГАТЫЙ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. № 81. С. 170–173.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 461 «Марко Богатый». В указателе зафиксировано тридцать восемь русских вариантов сказки. Первая публикация встречается в сборнике «Три сказки и одна побасенка, пересказанная Михаилом Максимовичем» (Максимович 1845, № 1, с. 5–22). Оба текста из сборника Д. К. Зеленина записаны в Екатеринбургском уезде, то есть на территории современной Свердловской области (Зеленин Пермь 1914, № 45 и 64). Уральским текстом является и публикация в сборнике «Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала» (Бараг 1974, № 1, с. 197–200). Среди ранее печатавшихся пермских текстов следует отметить публикацию И. В. Зырянова (Зырянов 1981, № 7).

Сюжет широко распространен. Считается, что он связан с ассирийским клинописным текстом о путешествии Гильгамеша в подземный мир (устаревшее название «Путешествие Издубара

к предкам»). Сближение ассирийского текста с русской сказкой крайне приблизительное, поскольку в клинописном источнике нет многих значимых для русской традиции эпизодов. Эпизод о предсказании Господом судьбы сыну бедняка восходит к древнерусскому сборнику кратких житий, поучений и назидательных рассказов «Прологу». В нем приведен рассказ об игумене и Христе, пришедшем к нему в образе нищего¹.

Сказочница очень интересно решает проблему узнавания предсказания. Обычно Марко Богатый останавливается на ночлег в чужом доме и узнает, что его богатство достанется сыну бедняков, реже он разрешает нищему остановиться в хлеву, сарае, на конюшне, и кто-нибудь из слуг слышит разговор Христа с ангелами и передает его хозяину. В нашем случае создается развернутое повествование о том, как жена Марко Мартиха понесла нищему, которого она пустила в нежилую часть дома спать на кулях из мочала, суп и кусок рыбного пирога и услышала диалог голубей и Господа. В первый раз Господь сообщает, что благословит младенца тем, «чѐ буду пить, ись», а во второй раз, когда хозяйка приходит убрать посуду, говорит, что благословит его именем хозяина дома. Когда жена передает Марко услышанное предсказание, он собирается выгнать нищего, но того уже нет в доме. Чтобы подчеркнуть, что Мартихе не привиделось, сказочница добавляет мелкую деталь: от нищего осталось «только местечко знатко».

Нельзя не отметить некоторого книжного влияния на текст сказки. Так, когда бочку с заключенным в ней ребенком ветер выбросил на берег, мальчик «поднатужилса, – и дёнышко-то выпало». Это замечание заставляет предполагать, что сказочница знала «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина и слышала строки:

*Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» – молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.*

Лукерья Михайловна очень любит наполнять сказочное пространство мелкими деталями, не влияющими на развитие сюжета. Так, сказочница сообщает о супе и рыбном пироге, которым кормили таинственного нищего, о том, что у Марко Богатого был завод, на котором гнали деготь, о том, что в бочку положили подушку и конфеты², о том, что, выйдя из бочки, мальчик бегал и собирал цветы, и т. д.

Исполнительница талантливо изображает избавление юноши от смерти. В первый раз ее предвращает чудо в образе старичка «с бадѳжочкой»: он дует на бумажку, и меняется записанный

¹ См. Буслаев 1861, с. 444.

² Возможно, на данную деталь повлиял фильм «Сказка о царе Салтане» (1966, реж. А. Птушко), где один из мастеров, делающих бочку для царицы и царевича, кладет туда краюху хлеба.

на ней текст. Во второй раз смерть зятя предотвращает теща, которая советует ему остаться дома.

Судя по обилию подобных деталей, сказочница склонна к импровизации. Она точно передает сюжетную схему, но, видимо, из-за возраста или из-за того, что давно не рассказывала текст, несколько сбивается в своем повествовании, поэтому появляются излишние повторы и объяснения. Однако причиной их могут быть вопросы собирателя, которому казалось, что сказочница забывает сюжет.

КАРАГАЙСКИЙ РАЙОН

**Деревня Перино. Исполнитель – Евдокия Николаевна Новикова, 1912 г. р.
Записано в 1981 г. Собиратель – И. А. Подюков.**

3. ЦАРСКАЯ ДОЧЬ

Первая публикация: Пермские сказки. Современный фольклор Прикамья / сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2000. С. 17–20.

Сказка относится к широко распространенному сюжетному типу СУС 301 «Три подземных царства». Русских вариантов известно сто сорок четыре. Считается, что старейшим зафиксированным сюжетом является текст о пастухе, которого товарищи бросили в подземном мире. Этот сюжет появляется в «Повествованиях», автором которых был древнегреческий писатель-мифограф Конон. Аналогичные тексты зафиксированы в индийской, тибетской и монголо-ойратской традиции, в сборниках «Двадцать пять рассказов Веталы», «Игры Веталы с человеком» и «Волшебный мертвец». Известны и индо-иранские параллели: ближе всего к рассматриваемому сюжетному типу оказывается «Шах-наме» Фирдоуси³.

На русскую устную традицию большое влияние оказала лубочная сказка⁴. Первой русской публикацией, относящейся к указанному сюжетному типу, является «Сказка о золотой горе, или Чудные приключения Идана, восточного царевича», анонимно вышедшая в 1782 г.⁵ Подробнее о лубочных изданиях сказок данного сюжетного типа написано у К. Е. Кореповой и А. С. Лызловой⁶. Первой пермской публикацией данного сюжетного типа следует считать запись А. Н. Зырянова, опубликованную в Пермском сборнике (Пермский сборник 1860, Кн. II. Отд. 2. С. 168–171). В данном сборнике к сюжетному типу СУС 301 относится № 8. Уральские варианты сказки

³ См. Топоров 1995, с. 142–200.

⁴ См. Корепова 2012.

⁵ Лекарство от задумчивости 2019, с. 19–38.

⁶ Корепова 1991, с. 5–12; Лызлова 2019, с. 26–44.

опубликованы в изданиях: Зеленин Пермь 1914, № 22, 43, 59; Уральский фольклор 1949, № 7 (Русские народные сказки Урала, 1959, с. 189–193); Померанцева 1957, № 14, 17; Бараг 1975, № 9.

Вариант, записанный от Е. Н. Новиковой, интересен целым рядом деталей. Так, похищение царевны предсказано, и она находится под неусыпной охраной «нянечек-мамушек». Необычны и имена героев: Утро, Полдень и Вечер. Обычно братьев зовут Зорька, Вечорка и Полуночка. Однако и такая форма имен встречается в русских вариантах (см. примечание к варианту № 140 из сборника А. Н. Афанасьева: «Было у нее три сына: Вечер, Полночь и Заря» – Афанасьев 1985, с. 483). Своеобразны описание противника героя («сам аршин, а борода две сажени, несёт на голове стог сено и большой чан воды») и вариант спасения Вечера, брошенного братьями («...у змеёв-то была музыка хорошая. Он музыкой наериват сиди-и-ит... К ему налетели биси», за «музыку» спасающие героя). Нетипично для сюжета появление зверя-медведя, которого дает герою аршинной мужик в обмен на свою свободу. Подобные персонажи и предметы характерны, скорее, для сказок, подвергшихся литературной обработке, но даже если сказочница позаимствовала текст из книги, вряд ли можно говорить о простом пересказе. В данном случае сказочница-книжница легко импровизировала на основе книжных текстов, соединяя в одном повествовании различные источники.

4. ИВАН-КОРОЛЕВИЧ И ЛЕШИЙ

Первая публикация: Пермские сказки. Современный фольклор Прикамья / сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2000. С. 23–28.

Сказка соответствует сюжетному типу СУС 502 «Медный лоб». Это один из наиболее распространенных сюжетных типов в русской сказочной традиции. В СУС зафиксировано тридцать пять вариантов. Существует еще один, не учтенный указателем, текст (Матвеева 1979, № 15). Пермских вариантов не зафиксировано. Уральские варианты опубликованы в изданиях: Померанцева 1957, № 19; Бараг 1975, № 13, 18.

Традиционно данный сюжет связывают с мифом о пленении Силена царем Мидасом, которому пленник открывает знания о будущем. Однако в этом мифе Силен, хоть и приводится в путях к царю, не является его пленником. Царь фригийцев устраивает праздник и богатый пир в честь Силена, а затем возвращает его Дионису. Скорее всего, данный сюжет связан с мифом о Соломоне и Асматее. Соломон заманивает демона в ловушку, держит пленным в саду, приковав его цепью с именем Бога, и только чрезмерное любопытство царя помогает демону освободиться. Сюжет об освобождении чудесного пленника из темницы и его помощи изгнанному царевичу встречается в книге Дж. Ф. Страпаролы (Страпарола 1978, V – 1), где единственный сын короля Сицилии Гверино выпускает из отцовской темницы дикого человека. В этом тексте присутствуют такие узнаваемые для данной сюжетной схемы мотивы, как стрела царевича, которой завладел дикий человек и за возвращение которой он просит юношу открыть клетку; похищение у матери ключей от темницы; бегство королевича из дома; злой умысел слуг и подвиги героя, которые он совершает с помощью

дикого человека (хотя среди эпизодов нет битвы со змеем или вражеским войском). В русской традиции на этот сюжет оказала влияние лубочная литература.

Видимо, сказочница давно не рассказывала эту сказку. Она несколько раз сбивалась и забывала последовательность эпизодов. Вариант Е. Н. Новиковой необычайно близок к варианту из сборника А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 123).

Текст из сборника А. Н. Афанасьева

Увидел он раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами.

– Стой, старик! Откуда ты?

– Родом из такой-то деревни, батюшка, а ныне служу у мужика-лешего.

– А как вы зверей ловите?

– Да леший-мужик наставит лёсы, зверь глуп – и попадёт.

– Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам; укажи мне: где лёсы ставите?

Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего-мужика поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои лёсы поделал.

Текст сказки Е. Н. Новиковой

...идёт мужик, несёт лисичь да куничь, разных зверьков. Царь его спрашивает:

– Мужик, да где же ты столько зверей наловил?

– Да в лесу.

– Да кто тебе разрешил зверей ловить в моим?

– Да леший, – говорит.

– А чё, ты его знаешь?

– Знаю, – говорит. – Я, – говорит, – не только его знаю, я жилишко его знаю, – говорит, – даже.

Ну, царь, не будь плохой, говорит:

– Давай иди ко мне погостить, к царю.

Он живо – чё, от царя как отопрёшша? – к царю пошёл гостить. Царь его привёл, отдал на кухню етем, ну, стряпкам, оне... и сказал:

– Этого целовека пойте, кормите, что его душа желат, то и... тем и кормите.

Вот. А сам, не будь плохой, в то время собрал войско. Войско собрал, пошёл... топеря собралось войско видимо-невидимо. Пошли в лес. И этого мужика забрали, которой у во гостил:

– Давай указывай нам путь, куда идти.

Ну он чё, подчинятьца едь надо, царю дак. Он пошёл. Пошли лесом цепью, чтоб от дружка несколько уж не отходя, не пропустить чтобы ёво. Ну и пришли. Пришли, он вылетел и в руки имя попал, лешой ето. Оне тожнё его привезли,

Вот сидит мужик-леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по саду; идёт мимо столба, а мужик-леший кричит ему:

– Королевское дитя! Выпусти меня; я тебе сам пригожусь.

– Да как же я тебя выпущу?

– А пойди к своей матери и скажи ей: матушка моя любезная, поищи у меня вшей в головке. Да головку-то положи к ней на колени; она станет у тебя в голове искать, а ты улучи минуту, вытащи ключ у ней из кармана, да меня и выпусти.

Королевич так и сделал; вытащил ключ из кармана у матери, прибежал в сад, сделал себе стрелку, положил на тугой лук и пустил её далеко-далеко, а сам кричит, чтоб мамки и няньки ловили стрелу. Мамки и няньки разбежались, в это время королевич отпёр железный столб и высвободил мужика-лешего.

Взгоревался король: что ему с сыном делать? Казнить нельзя; присудили: отпустить его на все на четыре стороны, на все ветры полуденные, на все выюги зимние, на все вихри осенние; дали ему котомку и одного дядьку.

привели к царю, бросили в подвал. В подвал бросили.

Тожно царь и мужик стали зверей ловить. Оне ловили зверей так хорошо, научился он этот, мужик-то.

А это, двери из подвала были в сад, где лешой сидит. Вот. А в саду гулял Иван-королевиц, сын их. Вот. А Лешой в шшылочку поглядывает, говорит:

– Иван-королевич, подойди суда.

Он подошёл:

– Чего тебе нужно?

Дак говорит:

– Выпусти меня на свободу.

– Ну как жо я тебя выпущу, ведь замок тяжёлой, ключи у матушки, тяжёлым замком закрыт, – говорит, – и ключи у матушки.

– А ты, – говорит, – иди, приласкайся к матушке, она для тебя всё одас. А только, – говорит, – меня выпусти. Я тебе пригожусь.

«...» Ну, ладно, он пришёл домой, закричал строго:

– Убирай с глаз моих, чтобы тебя здись не было!

И всё. Ну, чё, царица говорит:

– Ладно, толда я его отправлю уже куда-не-набудь.

Там ёму надавала деньги, одежду хорошую надавала, ну, всё, что положоно ему с собой.

– А что, – говорит, – он некуда не бывал.

Она взяла дала ему слугу с собой, прислугу. Вот оне пошли, Иван-королевич пошёл с дядькой в путь-дорогу.

Говорит королевич дядьке:

– Ступай за водою!

– Нейду! – отвечает дядька.

Пошли дальше, шли-шли – опять колодезь.

– Ступай, принеси воды! Мне пить хочется, – просит дядьку королевский сын в другой раз.

– Нейду! – говорит дядька.

Вот ещё шли-шли – попадается третий колодезь, дядька опять нейдёт, и пошёл за водою сам королевич. Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкою и говорит:

– Не выпущу! Будь ты слугой, а я – королевичем.

Нечего делать, королевич согласился и дал ему в том расписку своей кровью; потом поменялись они платьями и отправились дальше.

Взяли королевича на кухню, заставляют его дрова носить, кастрюли чистить. Немного прошло времени – выучился королевич готовить кушанье лучше царских поваров. Узнал про то государь, полюбил его и стал дарить золотом. Поварам показалось обидно, и стали они искать случая, как бы извести его.

Вот один раз сделал королевич пирог и поставил в печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирог. Сел царь обедать; подают пирог, царь только было за нож взялся, как бежит главный повар:

– Ваше величество! Не извольте кушать.

И насказал на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалел своей любимой собаки, отрезал кусок пирога и бросил наземь;

Вот оне пошли, Иван-королевич пошёл с дядькой в путь-дорогу. Шли оне, шли, долго или корóтко, Иван-королевич захотел пить и говорит:

– Дядька, ну-ко иди за водой, я пить захотел.

А дядька говорит:

– А что, ты пить захотел, а я тебе за водой пойду? Айда сам за водой!

Он ему подчинеться не стал. Ну, пошёл Иван-королевич за водой...

– Давай с себя одежду снимай, что у тебя есть с собой, цисто всё мне отдавай. А я тебе с себя одежду отдам, а ты мне.

Ну и чё, жизнь дороже всего, он его добыл оттуль. Иван-королевич взял снял одежду с себя, надел дядька. Он дядькину одежду надел. Пошли вперёд.

– Да прислугу отправим на кухню.

Вот. Опеть на кухню отправили прислугу, а тот, быдто Иван-королевич, гостит. А это дядька. Вот. А у етого царя была дочь. Вот... ну, ето... Ишо до этого не дошла... Ну, этот Иван-королевич на кухне жил и так научился обеда готовить – лучше старшего повара. Вот, ему (старшему повару) обидно:

– Я столько годов работаю, меня царь не фалит и деньгами не дарит, а как-то вот такого... вот уж деньгами стал дарить.

Иван-королевич замесил тесто для пирога, а этот старший, значит, подлóжил отраву. Вот. Отраву подлóжил. Он пирог состряпал, живо испёк, царю поднёс:

– Давай, царь-батюшка, кушай.

собака съела да тут же издохла. Призвал государь королевича, закричал на него грозным голосом:

– Как ты смел с отравой пирог изготовить, сейчас велю тебя казнить лютою казнию!

– Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше величество! – отвечает королевич. – Видно, поварам в обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня под ответ подвели.

Царь его помиловал, велел конюхом быть.

Токо поднёс, и опить – там надо чё-нибудь делать – скорей убежал. Приходит старший повар, говорит:

– Царь-государь! Не вели казнить, вели слово молвить.

– Говори, не бойся.

– Твой любимый, – говорит, – поварёнок хочёт тебя отравить.

– Как это – отравить?

– Да, отравить хочёт.

Он взял, царь, от пирога конець оторвал, бросил собаке. Собака съела – тут жо сдохла. Вот. Он тожно:

– А ну-ко, ведите мне этого, – говорит, – поварёнка.

Привели.

– Ты что, – го{вори}т, – ты меня хочёшь отравить? Смотри, – говорит, – чё наделал, ты меня отравить хотел. А собака вот съела и издохла туто жо.

Он говорит:

– Нет, царь-батюшка, ето, можот быть, злые люди так подводят, а я не хочу тебя отравить. Это злые люди.

– Ну, ладно, – он говорит. – Убрать его с кухни! С кухни убрать его, его убрать конюхом.

Повёл королевич коней на водопой, а на встречу ему мужик-леший:

– Здорово, королевский сын! Пойдём ко мне в гости.

– Боюсь, кони разбегутся.

– Ничего, пойдём!

Изба тут же очутилась. У лешего-мужика три дочери; спрашивает он старшую:

– А что ты присудишь королевскому сыну за то, что из железного столба выпустил?

Дочь говорит:

Выпустил. Кони улили к лесу. Он взял уздецьки и пошёл к лесу по коней. Видит: на опушке лесу стоит лешой, кричит что молченьки:

– Иван-королевич, зайди ко мне ненадолго, я тебя угошшу, за что ты миня на свободу выпустил.

А он говорит:

– Нет! Боюсь, кони разбегутся.

Он говорит:

– Да нет, не разбегутся, соберём.

– Дам ему скатерть-самобранку.

Вышел королевич от лешего-мужика с подарком, смотрит – кони все налицо; развернул скатерть – чего хочешь, того просишь: и питьё и еда!

Ну и он решил к ёму́ зайти, раз соберём коней. Зашёл к ему – дом большушшой, хорошей у его. Три дочерí. Он дочерé-от первой сказал:

– Ну-ко, дочь, угости Иван-королевича, за что он меня на свободу выпустил.

Она... поди, не на{д}о соврать... Она ему подала вино. Поди, смешиваю малинько...

– Чё ты, старшая дочь, – говорит, – подарíшь Ивану-королевичу за то, что он меня на свободу выпустил?

– Я ему подарю палку-самобойку. Если ему обида какая б́удёт дак, палка-самобойка отживёт всё.

Ну, ладно. Второй дочерé:

– А ты чем, ето, подарíшь?

– А я ему подарю скатёр-самобранку. Где бы он не был, и ска{ж}от: «Угости меня, скатёр-самобранка», – перед ём все кушанья окажутся, – говорит.

Вот тожно.

– Третья дочь, а ты чем снабдишь Иван-королевича, за что он меня на свободу выпустил?

– А я ему дам перстень золотой. Он б́удёт хоть в темнице, а от перстенья б́удёт свет как, ну, как [Солнца?] – не могу даже сказать... – как от электричества.

Вот. Ну ладно, погостил. С той поры Ивану-королевичу шибко хорошо жилося. И он зачал... токо погуливат, а, ето, выпустит лошадей, дочери лешого соберут их, вычистят, и соберут домой, и напоят-накормят, и всё. А он токо погуливат толды.

Эти сравнения можно продолжать.

Безусловно, подобные совпадения нельзя объяснить только следованием сказочников единой сюжетной схеме. Скорее всего, Е. Н. Новикова была знакома с текстом из сборника А. Н. Афанасьева и старалась воспроизводить именно прочитанный или услышанный текст. Однако нельзя не отметить, что это не простой пересказ книжного текста. Исполнительница вставляет в сказку новые

детали, создавая особый сказочный мир. Так, мужик, которого встречает царь, «несёт лисичь да куничь, разных зверьков», леший «в шшылочку поглядыват» на царевича, заботливая царица дает сыну в дорогу «деньги, одежду хорошую...» и т. д. Появляются в сказке чудесные предметы, такие как палка-самобойка, скатерть-самобранка и чудесный перстень, дающий свет. Леший свистит так, что «со всех деревьёв лис{т} посыпался», и т. д.

Село Воскресенск. Исполнитель неизвестен.
Записано в 1976 г. Собиратель – И. А. Подюков.

5. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЦАРСКАЯ ДОЧЬ

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к редкому для русской традиции сюжетному типу СУС 313J «Ведьма и Солнцева сестра». В русской традиции известен единственный вариант, записанный в Tobольской губернии от Гавриила Кушникова в 1890-е гг. (Смирнов 2017, № 324). Данный текст практически идентичен тексту из сборника А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 93), который записан на Украине. Вероятно, в их основе лежит один, скорее всего, лубочный, источник. Неизвестно, как данный сюжет попал в репертуар пермского сказочника. Возможно, он имеет книжное происхождение. Текст весьма схематичен и лишен целого ряда деталей, имеющих в сборниках Смирнова и Афанасьева.

КИШЕРТСКИЙ РАЙОН

Село Осинцево. Исполнитель – Ираида Егоровна Щербакова, 1928 г. р.
Записано в 2007 г. Собиратель – С. В. Хоробрых. Экспедиция Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых» (рук. – С. В. Хоробрых).

6. КОТОНАЙ ИВАНОВИЧ, ЗАИНЬКА КОСОШАРЫЙ, ЛИСА ПАТРАКИЕВНА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Первая публикация: Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района. Материалы и исследования / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Березники: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2008. С. 297–298.

Сказка представляет собой своеобразное соединение различных мотивов сказок о животных. Исполнительница явно начинала рассказывать сказку СУС 103 «Кот и дикие животные», но не очень хорошо помнила сюжет, видимо, потому, что не часто рассказывала сказки. Будучи талантливой рассказчицей, Ираида Егоровна весьма виртуозно соединяет мотивы разных сказок в единый текст. Начинается сказка в соответствии с сюжетным типом СУС 103. Хозяин выгоняет старого кота, который не ловит мышей. Сказочница создает очень живую картинку мышиноного хозяйничанья, возникшего в доме попа из-за старости кота: «Сидит поп, пьёт чай за столом – мыши около его

так и бегают». В соответствии с сюжетной схемой кота выгоняют из дома. Однако дальше действие отклоняется от указанного сюжета. Кот встречает зайца, лису, волка и медведя. Животные объединяются и начинают жить вместе в лесной избушке, что, скорее, характерно для сюжетного типа СУС 283В* «Терем мухи». Сказочница явно стремится создать сказку со счастливым финалом, поэтому медведь уходит из избушки, а не разрушает ее, остальные звери остаются, и волк начинает заботиться об их пропитании. Сказочница создает очень яркие образы. Так, кот, бредущий по лесу, «всё помьяргиват: “Мяу, мяу”. Ему же скучно, ну и вот, обидно, что он его выбросил за окно». Путешествие животных по лесу сопровождается своеобразным звуковым пейзажем: «...идут по густой чащѣ. Чашшá в лесу похрупывает». В тексте Ираиды Егоровны появляются не свойственные сказкам о животных вещи. Так, герои находят в лесу не маленькую избушку, а избушку на курьих ножках, типичную для волшебных сказок. К сожалению, неизвестно, откуда Ираида Егоровна узнала эту сказку и есть ли в ее репертуаре другие сказочные тексты.

Сюжетный тип СУС 103 широко распространен в русской сказочной традиции. В указателе отмечено тридцать русских вариантов данной сказки. Однако, в отличие от большинства русских текстов, в варианте сказки, рассказанной Ираидой Егоровной, полностью отсутствует социальная составляющая, которая характерна для сказок данного типа.

Первая русская публикация данного сюжетного типа приведена в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 40–44, 46). Уральские варианты текста опубликованы: Померанцева 1957, № 7; Русские народные сказки Урала 1959, с. 150–151.

Первое литературное упоминание данного сюжета встречается в поэме XII в. «Изенгримус», где простак волк Изенгрим попадает в различные переделки, чаще всего подстроженные лисом Рейнардом.

КРАСНОВИШЕРСКИЙ РАЙОН

Деревня Оралово. Исполнитель – Агния Ивановна Петрова, 1935 г. р.

Записано в 2020 г. Собираетель – С. В. Хоробрых. Экспедиция Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых» (рук. – С. В. Хоробрых).

7. МЕДВЕДЬ – ДЕРЕВЯННАЯ НОГА

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к широко распространенному типу СУС 161А* «Медведь на липовой ноге». Комментарии к данному сюжетному типу см. № 1 данного сборника.

Этот сказочный текст довольно интересен. Начинается он весьма традиционно: старик на охоте ранит медведя и отрезает у него ногу. Вечером медведь приходит за своей ногой. Однако сказка развивается не по привычной схеме, более того, она теряет свою «готичность» и вместо страшной истории превращается в дидактический рассказ о том, что нужно быть смелым в любой

ситуации. Скорее всего, сказочница рассказывала эту сказку совсем маленьким детям и, чтобы не пугать их, изменила сюжетную схему. Агния Ивановна наполняет текст деталями. Так, старик отрезал у медведя ногу, потому что «медведя он всего не унесёт, потом придёт с лошастью и увезёт его», старики съели медвежью ногу потому, что были голодны, а костей не осталось потому, что собака «тожо ись хóчёт». Необычно и построение сказки. Исполнительница заменяет повествование диалогом между стариком и медведем. В этом варианте отсутствует и традиционная для данного сюжета песенка.

8. СКАЗКА О ЖЕНИТЬБЕ ТРЁХ СЫНОВЕЙ

Ранее текст не публиковался.

Сказка представляет собой контаминацию нескольких сюжетных типов: СУС 707 «Чудесные дети», СУС 301 «Три подземных царства» (комментарий к данному сюжетному типу см. № 3 данного сборника), СУС 329 «Алена Премудрая». Сказочница создает свой текст на основе хорошо известных мотивов целого ряда сказок. Исполнительница сообщает, что сказку она знает от бабушки. Вероятно, Агния Ивановна не воспроизводила текст довольно долго: она забывает сюжеты загадок, которые загадывает царевна медного царства, и путается, называя существ, в которых превратилась царевна серебряного царства, когда решила спрятаться от героя. Вряд ли бабушка исполнительницы рассказывала сказку именно так, как пытается передать ее сказочница. Скорее всего, исполнительница собирает текст из известных ей от бабушки мотивов разных сказок. Соединение это, хотя и логично, совершенно не соответствует традиционным сказочным схемам. Сказка носит ярко выраженный дидактический характер: «доброму человеку всегда кто-то помóжет», «сыновья наши пошли по правильному пути, так что можно их отпускать». Безусловными находками сказочницы можно считать такие детали и образы, как мышонок, сидящий на крылечке, блюдец с маковым зернышком, в которое превратилась царевна серебряного царства. Сказка отличается психологизмом. Герой, потрясенный красотой царевны, «даже онемел, слово сказать ей не мóжет, ни поздороваться, ни поклониться, ничего». Очень эмоциональны и романтичны диалоги героев. Так, младший брат, разговаривая с царевной золотого царства, говорит, что если он полюбит девушку, то «за неё жизнь готов буду отдать. Что она захочет, то я ей буду, значит, помогать жить, помогать всё делать». Можно предположить, что эта сказка в значительной степени является личным творчеством сказочницы.

9. СКАЗКА О СУЧКЕ И СТАРИКЕ СО СТАРУХОЙ

Ранее текст не публиковался.

Текст начинается фрагментом сказки сюжетного типа СУС 1681А «Дурак боится собственной тени». Русских вариантов сказки насчитывается двадцать один. Первая публикация приведена: Старая погудка на новый лад 1795, ч. I, 5, с. 17–31. Пермские варианты опубликованы в изданиях: Смирнов 2017, № 275; Русские народные сказки Урала 1959, с. 137–138; Серебренников 1964, № 28; Сказки Е. Н. Трясиной 2020, № 38.

Основной сказочный текст представляет собой контаминацию двух сюжетных типов: СУС 700 «Мальчик с пальчик» и СУС 327F «Мальчик и ведьма». Русских вариантов СУС 700 – двадцать; СУС 327F – пятьдесят три. Пермские варианты СУС 700: Серебренников 1964, № 110; СУС 327F: Зеленин Пермь 1914, № 86; Серебренников 1964, № 8; Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 19. Уральский вариант: Кругляшова 1967, № 8.

Контаминация двух сюжетных типов довольно произвольная, хотя и логичная, но сказочные тексты вполне могли существовать и самостоятельно.

Первое литературное упоминание о Мальчике-с-пальчике относится к XVI в. Оно встречается в английском стихотворении «Tumbe his Life and Death». В 1621 г. в Лондоне была издана брошюра «The History of Tom Thumbe». Данный сюжет связан с легендами о Короле Артуре. Мерлин, попав в дом бездетных крестьян, совершает колдовство. Женщина рождает маленького мальчика, феи и эльфы оказывают ему покровительство, и он становится любимым рыцарем Короля Артура.

Мотив чудесного рождения из чурки в большинстве вариантов довольно компактен: старик приносит домой чурбак, старуха его пеленает и кладет на печь. В данном случае рассказ о появлении мальчика необычайно развернут: старик приносит в дом сучок, форма которого довольно подробно описана: «Ну, сучок такой, что как малыш. И ручки есть, и ножки – веточки. И головка, – го{вори}т, – такая, шишечкой на голове».

Сказочница подчеркивает значимые для нее вещи: тоску бездетных стариков, ужас от предложения купца, которому мальчик не очень и нужен: «Тот, кода отъехали далеко от деревни, вернуться он не захотел больше и махнул рукой». Она довольно подробно рассказывает о том, что делает Сучок в доме стариков, и отмечает, что именно помощь по дому стала причиной похищения мальчика ведьмой.

В отличие от большинства вариантов, в которых ведьма имитирует голос матери ребенка, в этом тексте Сучок не справляется с управлением лодкой, и та выносит его к избушке ведьмы. Действие, происходящее в доме противницы героя, очень динамично. Здесь практически нет описаний, а сюжет мы узнаем из диалогов. Ведьма не собиралась есть ребенка, ей нужен был помощник по дому. Однако концовка сюжета типичная. Герой хитростью заманивает ведьму в печь, где она и сгорает. Обычно сказочники просто сообщают слушателям о том, что герой вернулся к родителям. Но в данном случае исполнительнице интересны подробности, и она сообщает, что герой нашел весла от лодки и на ней вернулся к родителям.

Село Верх-Язьва. Исполнитель – Т. И. Кичигина, 1917 г. р.

Записано в 1997 г. Собиратель – С. В. Хоробрых. Экспедиция Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых» (рук. – С. В. Хоробрых).

10. СКАЗКА ПРО СЕМЬ АГАФОНОВ

Первая публикация: Пермские сказки. Современный фольклор Прикамья / сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2000. С. 59.

Текст представляет собой ряд анекдотов о глупых людях: СУС 1242А «Хозяин помогает лошади», СУС 1275 «Глупцы оставляют сани оглоблями туда, куда едут», СУС 1287 «Не могут сосчитаться» и т. п. Некоторые сюжеты зафиксированы в пермской традиции: Серебренников 1928, № 4, с. 127. Известны и уральские сюжеты, опубликованные в издании: Бараг 1974, № 44.

КУНГУРСКИЙ РАЙОН

Село Бым. Исполнитель – Иван Семенович Бобров, 1965 г. р.

Записано в 2019 г. Собиратели: С. Ю. Королёва, М. А. Брюханова. Экспедиция филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

11. СКРИПИ, НОГА ЛИПОВАЯ

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к широко распространенному типу СУС 161А* «Медведь на липовой ноге». О сюжете см. комментарий к сказке П. П. Петуховой (данный сборник, № 1).

Иван Семенович вспоминает сказку, которую он знает от матери. Своим домашним он ее не рассказывает, о чем свидетельствует замечание присутствующих: «Нет, и он нам не рассказывал никогда».

В Пермском крае сюжетный тип СУС 161А* является одним из наиболее распространенных, и в ряде случаев сказочники соединяют его с другими сюжетными типами или вставляют эпизоды, которые объясняют, почему дед отрубил лапу медведю. Так, например, В. К. Собянина из д. Потоскуево начинает свой вариант сказки с того, что дед сеет репу на бане, а медведь ее ворует. Старик ставит на зверя капкан, и тот перерубает медведю лапу (РНСПК 2004, с. 234–235). В варианте, рассказанном Иваном Семеновичем, соединены два сюжета: «Медведь на липовой ноге» и «Дележ урожая» (СУС 1030), последний он не может вспомнить.

Иван Семенович наполняет сказку деталями: дом стариков крайний, у них не было ружья, окошко в избе открыто и т. д. Он также дает характеристики персонажам: например, медведь был злопамятный. Интересны и замечания сказочника о жизни: «...если вы грамотные люди, вы знаете, что на Руси у нас не было такого: ни картошки, ничё раньше не было».

Все сказочники, рассказывающие эту сказку, стараются объяснить, почему старик отрубил медведю лапу. Причины могут быть разные: неосторожность старика, голод; медведь может спать, драться с мужиком. У Ивана Семеновича причина травмы медведя особая: он ворует репу, и старик, который сторожит свое поле, отрубает ему лапу брошенным топором.

Крайне интересен финал сказки. Поскольку традиция предполагает два варианта ее окончания, сказочник может выбрать счастливый или несчастливый финал. Иван Семенович выбирает благополучное для стариков завершение истории. В отличие от большинства вариантов, где действия героев пугают зверя, у исполнителя появляется целый эпизод об уничтожении медведя: старики открывают подпол, медведь туда проваливается, дед и баба собирают односельчан, убивают медведя и съедают его.

Иван Семенович мог бы прекрасно рассказывать сказки, но, вероятно, у него нет в этом необходимости. Сказку, которую он знает от матери, исполнитель рассказал только по просьбе собирателей.

ОРДИНСКИЙ РАЙОН

Село Шарынино. Исполнитель – Любовь Яковлевна Мелкозёрова, 1910 г. р., родом из деревни Колоба Уинского района.

Записано в 1997 г. Собиратели: А. В. Черных, Е. С. Преженцева. Экспедиция Пермского государственного университета и Пермского областного краеведческого музея 1997 г. в Ординский район (рук. – А. В. Черных).

Исполнительница является знатоком не только былинных текстов, но и мифологических рассказов. По словам Любви Яковлевны, хорошее знание «старинной» жизни связано с тем, что жила она в небольшой деревне (26 дворов), в детстве много слышала рассказов и сказок от матери и тетки: «Много рассказывали. Мама рассказывает, а мы не спим, уши розвесим, не спим, много же рассказывали...» Таким образом, местное происхождение текстов не вызывает сомнения.

12. ПРО СТЕПАНА-ЦАРЕВИЧА

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. № 61–66.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 300А «Бой на Калиновом мосту». Русских сюжетов известно тридцать. Первая публикация в издании: Тихонравов 1861, III, с. 8–15. Пермский вариант представлен: Зеленин Пермь 1914, № 9. Уральский вариант опубликован в издании: Бараг 1975, № 9.

В сказке отсутствует традиционный для данного сюжетного типа мотив чудесного рождения братьев-богатырей. Само повествование довольно сумбурно. Сказочница явно сбивается на богатырскую сказку об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Исполнительница не смогла вспомнить сюжет полностью, но воспроизвела эпизод о свисте побежденного Соловья по приказу богатыря перед княжеским теремом.

Вероятно, сказочница давно не рассказывала сказок, хотя некогда знала их хорошо. Любовь Яковлевна точно передает последовательность эпизодов, однако путает имена героев и некоторые их действия. Так, в большинстве вариантов жены змеев превращаются в разные предметы, а у сказочницы они все принимают образ «койки под яблонью». Из повествования исполнительницы не ясно, как герой узнал о мщении жен противников за мужей. В традиционном же варианте текста герой превращается в kota или птицу, переходит или перелетает мост и подслушивает разговор змеих.

Сказочница довольно схематично передает сюжет, однако прекрасно помнит формулу хвастовства противника:

*Хто этот мос мостил,
Меня за реку пустил?
Ехать бы мне, переехать бы мне,
Нет со мной поединшычка,
Да нет со мной супротивничка.
Есь Степан-царевичь,
Да он в колыбеле качается.*

Подобные тексты весьма типичны для сюжетного типа СУС 300А. Нельзя не отметить и довольно редкий для русской сказочной традиции мотив создания поля боя: «...дунь по реке, чтобы река помидневела, бережки поджарились!». В большинстве вариантов, где он все-таки есть, змей-противник обычно создает ледяной мост или медный ток.

13. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА (ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА)

Сказка относится к широко распространенному в русской традиции сюжетному типу сказок на былинный сюжет СУС – 650С* «Илья Муромец». Русских текстов опубликовано пятьдесят. Первая публикация: Повествователь 1787, с. 3–25. Пермский вариант представлен в издании: Зеленин Пермь 1914, № 16. Других пермских или уральских текстов в указателе сюжетов не отмечено. Однако еще один текст, записанный в деревне Мутиха Красновишерского района Пермского края от Тамары Егоровны Филиппович, 1921 г. р., уроженки деревни Акчим, был опубликован: РНСПК 2004, № 63.

Обычно сказки об Илье Муромце представляют собой объединение нескольких сюжетов былинного эпоса. Текст Любви Яковлевны не исключение. Сказочница явно хотела рассказать не только об исцелении Ильи, но и о его битве с Соловьем-разбойником. Именно поэтому в сказке появляется город Чернигов. Однако хорошо помнила Любовь Яковлевна только сюжет об исцелении Ильи. В нем действуют и страннички, и чудесная вода, которая исцеляет героя. Интересен сказочный мотив прибавления и убавления силы, типичный для сказок. Использовала Любовь Яковлевна и мотив первого применения силы Ильи, который встречается как в былинах, так и в богатырских сказках: герой помогает родителям в корчевке леса. Сохраняется в сказке даже мотив благословения героя. Однако сюжет боя с Соловьем сказочницей практически забыт и передается отрывочно.

14. ПРО СВЕТОГОРА (СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ)

Соответствия в СУС нет.

Текст представляет собой крайне схематичный пересказ былины о Святогоре. Обычно в богатырских сказках этот сюжет включается в повествование, связанное с Ильей Муромцем. Текст Любви Яковлевны, хотя и записан как самостоятельный, явно вписан в повествование об Илье Муромце. Исполнительница помнит лишь отдельные фрагменты текста.

15. ПРО СОРОЧИНСКУЮ ЗМЕЮ (ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ)

Соответствия в СУС нет.

Героических сказок о Добрыне известно не много. О бое Добрыни и змеи зафиксировано всего четыре текста, три из которых объединяют несколько сюжетов: 1. Добрыня и Змея + Добрыня

и Настасья Микулична + Добрыня и Алеша (Коргуев 1939, № 40). 2. Добрыня и Маринка + Добрыня и Змея + Добрыня и Алеша (Былины Печоры, № 75). 3. Женидьба Добрыни + Добрыня и Алеша (Королькова 1969, с. 33–43). Единственная запись сказки, построенной на сюжете былины о бое Добрыни на Пачай-реке, включена в сборник А. М. Астаховой (Астахова 1938, приложение I, № 3). Таким образом, текст, записанный от Любви Яковлевны, является пятой опубликованной сказкой о Добрыне и вторым текстом, построенным на сюжете былины о Добрыне и Змее.

Былина о бое Добрыни со змеем – русская версия мирового змееборческого сюжета. Это первый и главный подвиг Добрыни. Былина возникла в период формирования русского государства. Былина о Добрыне записана в большом количестве вариантов (107 записей), но только запись в сборнике Кирши Данилова «Добрыня купался – змеем унес» может относиться к уральским территориям.

В сказке Любви Яковлевны отсутствует такой важный для былинного текста персонаж, как мать Добрыни, которая запрещает ему ездить в Сорочинские горы и купаться в Почай-реке. В повествовании исполнительницы о матери героя напоминает только сплетенная ею плеточка из семи шелков.

Иначе, чем в былинах, реализуется и диалог змеи и богатыря. И в сказке, и в былинах змее предсказана смерть от руки Добрыни, и Любовь Яковлевна сохранила данный эпизод: «...неправду, – го{вори}т, – тебе, Добрынюшка Никитиць, светые отци написали на светых воротах, что Добрынюшка Микитиць дóлжон, – го{вори}т, – меня победить». И в былине, и в сказке змея объясняет эту «неправду» тем, что она может убить беззащитного богатыря. Однако в былине герой возражает: «...накого сглотить да будто мертвого» (Гильфердинг III, № 289), тем самым предлагая змее выбрать равный бой. В сказке Любви Яковлевны ответ героя даже не подразумевает боя, змея не сможет насладиться своей победой над богатырем, поскольку все скажут, «что Добрынюшка Никитиць в Поцый-реке купался да, это, утонул». Интересно и продолжение диалога в сказке. Добрыня заставляет змею отвернуться и использует это как своеобразный маневр, чтобы победить ее.

Концовку текста, которая, видимо, должна соответствовать сюжетному типу СУС – 974* «Добрыня Никитич», сказочница забыла.

16. ПРО АЛЁШЕНЬКУ ПОПОВИЧА (ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЁША ПОПОВИЧ)

Текст относится к сюжетному типу СУС – 974* «Добрыня Никитич». Русских вариантов насчитывается четыре. Два из них принадлежат выдающимся сказочникам М. М. Коргуеву (Коргуев 1939, № 40) и А. Н. Корольковой (Королькова 1969, с. 33–43).

Исполнительница не смогла вспомнить этот текст, когда рассказывала сказку «Про сорочинскую змею». В данном случае Любовь Яковлевна, хоть и схематично, вспомнила о бое Добрыни с богатыркой, женидьбе на ней, отъезде героя и его наказе. Затем она довольно подробно рассказала о происках Алеши Поповича, сопротивлении жены Добрыни и приказе князя о свадьбе.

Основной конфликт былины заключается в нарушении Алешей Поповичем запрета жениться на жене крестового брата. В тексте «Про сорочинскую змею» сказочница упоминает о крестовом

братстве: «А етот, Олёшенька Поповиць, опеть у их не везло ведь: “Ты, – го{вори}т, – мне крестово́й брат. Ведь, – ето Добрынюшка го{вори}т, – мы в одной воде крешшо́ны...”»

Наиболее подробно исполнительница рассказывает о возвращении Добрыни, его узнавании по родимому пятну и о его присутствии на свадьбе. Данная часть повествования наиболее точно соответствует тексту былины.

17. ПРО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (СТАВР ГОДИНОВИЧ)

Текст относится к сюжетному типу СУС 888 «Жена вызволяет мужа». В русской традиции существуют сказки о женщине в мужском платье, которая спасает мужа или отца⁷.

Однако помимо немногочисленных собственно сказочных текстов в русском репертуаре представлены тексты, возникшие под влиянием былины о Ставре (см., например, Потявин 1960, № 5). К ним относится и сказка Любви Яковлевны.

Текст интересен тем, что в нем сохраняются фрагменты тонического стиха былинного типа. Можно предположить, что сказочница слышала былинку в живом исполнении, но и влияние книги исключать нельзя.

В былинных текстах одной из примет того, что ханский посол – женщина, являются дырочки в ушах от сережек. В варианте Любви Яковлевны Василиса Тимофеевна забывает вынуть сережки из ушей. Но никто и не подозревает героиню в том, что она переодетая в мужчину женщина. Сережки появляются только в конце повествования, когда герои встречаются как поединщики.

Текст довольно схематично передает сюжет былины, но исполнительница сохраняет имена героев и основную коллизию: хвастовство женой и переодевание женщины в мужское платье.

ОСИНСКИЙ РАЙОН

Деревня Нижнее Залесное. Исполнитель – Прасковья Григорьевна Нефедова, 1913 г. р.

Записано в 1989 г. Собиратели: И. А. Подюков и студенты Пермского педагогического института.

18. ЛАПОТОК И НИЩАЯ

Первая публикация: Пермские сказки. Современный фольклор Прикамья / сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2000. С. 49–52.

Сказка относится к сюжету СУС 170 «За скалочку – гусочку». Вместо лисы, персонажа, более характерного для данного сюжетного типа, в сказке действует старушка.

Первый русский вариант опубликован: Старая погудка на новый лад 1795, ч. III, с. 41–47. Помимо отмеченных в указателе текстов, существует несколько пермских вариантов, как архивных, так и опубликованных; подробнее об этом см. Сказки Е. Н. Трясциной 2020, комментарий к № 13.

⁷ Добровольская 2008, с. 143–144.

Текст Прасковьи Григорьевны представляет собой контаминацию с сюжетным типом СУС 158 «Звери в саях у лисы (старушки)», что характерно для русских сказочных традиций Поволжья и Приуралья, а также для татарских и башкирских сказок. Аналогичный текст: Сказки Е. Н. Трясиной 2020, № 13.

Присутствует в данном варианте и типичная для данного сюжетного типа песенная вставка.

А

Тпру - шки, бы - щок по до - ро - жке те - щёт,
са - ни не на - ши, хо - мут не свой. По - ну - жай, не стой.

В

Тпру - шки, бы - щок по до - ро - жке те - щёт,
са - ни не на - ши, хо - мут не свой. По - ну - жай, не стой.

19. ИВАНУШКА И БАБА-ЯГА

Ранее текст не публиковался.

Сказка представляет собой сюжетный тип СУС 327С «Мальчик и ведьма». Подробнее о сюжетном типе см. № 9. Однако текст Прасковьи Григорьевны отличается от традиционного. У героя есть несколько братьев, которые не берут его с собой на ярмарку. Он отправляется туда в одиночестве. Иванушка, заблудившись в лесу, попадает в избушку Бабы-яги и ведет себя не как герой-ребенок, а как герой-искатель: он просится на ночлег. Только утром Яга решает его изжарить в печи. Здесь действие совпадает с традиционной сюжетной схемой. Однако после избавления от Яги герой совершает поступки, не характерные для традиционной сюжетной схемы. Он забирает из избушки богатства и отправляется на базар за покупками. К сожалению, исполнительница плохо помнит текст, и финальная часть сказки почти не сохранилась, за исключением некоторых формул.

20. АННА СНЕЖУРКА

Первая публикация: Пермские сказки. Современный фольклор Прикамья / сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2000. С. 39–41.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 780 «Чудесная дудочка». Русских вариантов в указателе отмечено тридцать пять. Однако существуют и не попавшие в указатель публикации. Так, к пермским текстам помимо сказки, записанной П. А. Вологдиным (ПГВ 1863, № 39), текстов из сборников Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 76, 103), В. Н. Серебренникова (Серебренников 1964, № 12), А. Н. Спешилова (Спешилов 1962, с. 5–7), относятся записи из еще двух сборников: Подюков 2000, с. 42–43 и Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 29.

В русской традиции данный сюжетный тип часто объединяется с другим сюжетным типом СУС 703* «Снегурочка», в котором бездетные старики лепят девочку из снега. В сказке Прасковьи Григорьевны этот мотив отсутствует. Однако в прозвище героини – Снегурка – содержится указание на появление девочки из снега.

Традиционна для данного сюжетного типа и песенная вставка. Когда персонажи играют на дудочке, выросшей на могиле героини, то вместо обычных звуков из нее слышится песенка, рассказывающая о трагических событиях, произошедших с девочкой.

Дя - де - нья, по - ти - хо - нью, свет род - ной, по - ма - ле - нью.

Две ме - ня се - стри - сы у - би - ли, дуб - под дуб схо - ро - ни - ли,

я - год - ки ро - zde - ли - ли, кру - же - щкю из - ло - ма - ли.

На мо - ей - то мо - гил - ке вы - рос - ла та - во - лот - ка.

Шли - про - шли два бур - ла - ка, сре - за - ли та - во - лот - ку,

сде - ла - ли по ду - да - рцу...

Обычно, услышав песенку, родители героини отправляются в лес, раскапывают могилу, достают девочку и она оживает. Реже дудочку разламывают и оттуда появляется девочка. В сказке Прасковьи Григорьевны несколько иная концовка. Старуха кладет дудочку на печь, та высыхает, и из нее появляется девочка.

ОЧЁРСКИЙ РАЙОН

Село Токари. Исполнитель – Александра Егоровна Токарева, 1924 г. р.

Записано в 2003 г. Собиратель – А. В. Черных. Этнографическая экспедиция Пермского государственного университета.

21. СКАЗКА ПРО КОТА

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 231–233.

Сказка представляет собой широко распространенную контаминацию сюжетных типов СУС 20А «Звери в яме», СУС 21 «Пожирание собственных внутренностей» и СУС 248А* «Лиса и дрозд».

Первая русская публикация: Старая погудка на новый лад 1795, ч. III, с. 41–47. Пермский вариант – Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 13. Уральские варианты известны по разным публикациям: Померанцева 1957, № 8; Русские народные сказки Урала 1959, с. 152–154; Барг 1974, № 28.

Сказка Александры Егоровны в целом совпадает с традиционной сюжетной схемой, однако ряд деталей позволяет говорить об индивидуальном мастерстве сказочницы. Традиционно сюжет начинается с бегства какого-либо животного из дома. Начало сказки Александры Егоровны очень необычно. Хозяйка Дуня запрягла в сани своего огромного кота и «поехала по миру кусочки собирать», то есть нищенствовать. По дороге к Дуне присоединяются разные животные, затем кот перепрыгивает яму и убегает, а Дуня и другие звери проваливаются в нее. Аналогичный прием использует и выдающаяся пермская сказочница Е. Н. Трясцина. В ее варианте сказки животных собирает свинья, и только она затем легко преодолевает яму – все остальные животные не могут справиться с этим испытанием.

Непонятны мотивы действий ястреба. Обычно в сказках этого типа действует дрозд или соловей. Лиса угрожает съесть его птенцов. В данном случае никаких угроз нет и вместо небольшой птицы лисе из ямы помогает выбраться птица хищная. Однако дальнейшие действия ястреба в этом случае неясны.

Александра Егоровна прекрасная сказочница, рассказывающая легко и свободно. Ее исполнительская манера отличается большим вниманием к деталям. Сказочница стремится объяснить слушателям то, что, с ее точки зрения, им непонятно: например, что такое молотьба или как именно дети носили родителям еду в поле.

22. СКАЗКА ПРО ЗАЙЦА И ЛИСУ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 38–39.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 43 «Лубяная и ледяная хатка». Первая русская публикация: Старая погудка на новый лад 1795, ч. II, № 10, с. 29–34. Пермский вариант в издании: Зеленин Пермь 1914, № 88.

В варианте, рассказанном Александрой Егоровной, присутствуют мотивы из других сюжетных типов, прежде всего из СУС 15 «Лиса-повитуха» (вытапливание сала) и СУС 130 «Зимовье (ночлег) животных».

Сказка Александры Егоровны изобилует диалогами. Лиса проникает в избушку зайца хитростью. Сначала она просится переночевать на пороге, потом на голбчике, потом на печи. В большинстве вариантов лиса просто выгоняет зайца из избы. Александра Егоровна придумывает оригинальную мотивировку для изгнания зайца из собственного дома. Она использует мотив сказки «Лиса-повитуха». В сюжете СУС 15 лиса, проникнув в избу медведя, хитростью добирается до емкости с медом или маслом и съедает ценный для хозяина продукт. Когда ее обвиняют в воровстве, лиса предлагает проверить истинность обвинения: лечь на печь или на солнце и посмотреть, у кого на теле выступит съеденный продукт. Во время проверки медведь засыпает, лиса мажет его живот медом или маслом, которое выступило у нее на животе, и доказывает таким образом свою «невиновность». В сказке о лубяной и ледяной избушке этот мотив используется для описания изгнания зайца из его собственного дома.

Другой находкой Александры Егоровны является мотив изгнания лисы. В большинстве вариантов ее выгоняет петух или кот. В данном случае в сказке участвуют несколько животных: кот, петух и баран. Этот мотив характерен для сюжета СУС 130, где несколько домашних животных выгоняют волка, медведя или разбойников из лесной избушки. Исполнительница органично встраивает его в основное сказочное повествование. Петух кричит: «Вырву репку, в лоб да в лоб!», кот «мяукает, мявкает», баран «рогами-то буд да буд». Александра Егоровна активно использует формулы для создания звуковой картины изгнания лисы-захватчицы.

23. ПРО МЕДВЕДЯ ЛИПОВЫЕ НОГИ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 41–43.

Сказка относится к широко распространенному в русской сказочной традиции сюжету СУС 161A* «Медведь на липовой ноге». Подробнее см. комментарий к тексту № 1 данного сборника.

Вариант, рассказанный Александрой Егоровной, отличается некоторыми оригинальными сюжетными ходами. Так, медведь появляется в доме стариков дважды, и дважды они спасаются от зверя. Повествуя, сказочница проявляет большой интерес к деталям. Она отмечает, что события произошли осенью, что старик поехал в лес за дровами и нашел валежину, что он обрубал с нее сучки и отрубил медведю лапу, что медведь был под валежиной и старик его не видел. Рассказывает исполнительница и о том, чем были заняты старики, когда медведь пришел к их дому.

Сказочница пытается передать чувства героев, их страх перед медведем. Александра Егоровна рассказывает, что старуха решила спрятаться в печи, и отмечает: «Хоть жарко, ну терпит, видно. Испугалась, дак не горё, что жарко». Объясняет она и причину тех или иных событий: медведь полез в печку, потому что оттуда вкусно пахло; суп был жирный, и он пролился медведю на лапы; кадушку к матице привязали плохо, и она оборвалась и упала на медведя. Такое обилие деталей создает очень живую картину событий.

Традиционная для данного сюжетного типа песенка у Александры Егоровны несколько изменена. Исполнительница не очень точно помнит слова, что приводит к незначительному нарушению ритма этого фрагмента. Сказочница произносит текст речитативом.

Александра Егоровна выбирает счастливый финал сказки, хотя в русской сказочной традиции известна и трагическая ее концовка.

Исполнительница несколько обесценивает и сам сказочный текст, и свое мастерство сказочницы, замечая: «Больше-то не знаю, чё наврать вам».

24. ПРО ВОЛКА

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 163 «Пение волка». Первые русские публикации представлены в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 49, 50). Пермские варианты: Д. К. Зеленин Пермь 1914, № 78; Серебренников 1964, № 5; Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 12.

Начало сюжета довольно традиционное. Волк требует у старика имеющихся у него животных. Однако Александра Егоровна создает напряжение в повествовании. Волк сразу требует отдать ему старуху, и старик вынужден откупаться от хищника. Концовка сказки довольно необычна: когда все животные волком съедены и нависает угроза над людьми, старик отправляется на базар, покупает ружье и убивает волка. В большинстве вариантов волк требует коня, который бьет его копытами и затем убивает, а из волка выходят все съеденные им животные. В данном случае такого не происходит, в живых остаются только люди.

Александра Егоровна не смогла исполнить песенку волка, хотя несколько строчек произнесла речитативом. Ряд персонажей, которых волк должен был назвать в песенке, она упомянула отдельно.

Из комментариев исполнительницы к этому тексту видно, что она понимает принцип создания сказочного текста, может легко свернуть и развернуть повествование: «Если так-ту рассказывать, дак долго рассказывать. А тут понятно уж я вам рассказала, что он всех вытаскал. Сколь раз ходил».

25. ПРО ИВАНУШКУ

Ранее текст не публиковался.

Сказка соответствует сюжетному типу СУС 327F «Мальчик и ведьма». Подробнее о данном сюжете см. комментарий к тексту № 19 данного сборника.

Безусловно, интересным является момент изменения Бабой-ягой голоса. Сказочница, выступая за этого персонажа, сначала говорит низким голосом, а затем обычным. Сказка соответствует указанной сюжетной схеме, хотя ее окончание несколько схематично.

26. ПРО ЗЕЛЁНУЮ ГОЛОВУ

Ранее текст не публиковался.

Сказка не имеет прямых аналогий с конкретным сюжетным типом, но в ней есть мотивы, связанные с сюжетными типами СУС 327С «Мальчик и ведьма», СУС 61В «Кот, петух и лиса» и СУС 480 «Мачеха и падчерица». Призыв девочки «Хто в тёмном лесу, <...> айдате ко мне ночёвать! Хто в тёмном лесу, айдате ко мне ночёвать!» характерен для сказок о падчерице, оставленной в лесу. Описание попытки Зеленой головы съесть девочку близко к соответствующим фрагментам сказок о мальчике и ведьме, а действия деда, спасающего внуку, идентичны действиям кота, спасающего от лисы петушка.

Скорее всего, данный текст является творчеством самой Александры Егоровны. Будучи хорошим импровизатором и прекрасно зная сказочную традицию, она создала свою сказку. Очень интересен образ Зеленой головы. Как самостоятельный герой Голова довольно часто появляется в сказках, где происходит взаимодействие девушки с мифологическими персонажами. Однако по мере развития повествования Зеленая голова заменяется сказочницей на привычную Бабу-ягу.

27. СКАЗКА ПРО ИВАНУШКУ И НЕВЕСТУ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 83–86.

Эта сказка в репертуаре русской сказочницы вызывает немало вопросов. Александра Егоровна разрабатывает мотив, характерный для сказок типа СУС 313 или СУС 400 – «герой крадет рубашку/платье у девушек-уточек». Однако в этих сказках одежда героини не спрятана после свадьбы, она после эпизода обручения вообще не фигурирует в тексте. Даже в тех сюжетных типах, где героиня улетает в облике птицы после нарушения героем какого-то запрета, она не использует для превращения свою чудесную рубашку или платье. Сказка Александры Егоровны существенно больше похожа на мотив Д361.1 «Swan Maiden» / «Лебединая дева», но в русской традиции этот мотив не фиксировался. Можно предположить, что сказочница узнала сюжет из книги. В 1980-е гг. среди читателей была популярна книга славянских сказок (Девушка-лебедь 1981), включавшая сербскую сказку с одноименным названием. Однако в той сказке действует царский сын, девушка-лебедь получает рубашку от свекрови, искать ее надо на хрустальной горе и т. д. Возможно, существовали и другие варианты, более близкие к тексту Александры Егоровны.

Сказочница в свойственной ей манере наполняет свой текст деталями. Герой отправляется в лес «метёлки рубить», дедушка Иванушки «глухой был», «девьки-те гуляют, все хараводом ходят», старичок, провожая героя на поиски невесты, не только дает ему чудесного помощника орла, но и «питания имя дал на дорогу». Сказочница очень любит объяснять события. Так, герой находит озеро, где купаются девушки, потому что, идя домой, задумывается о запрете: «Почёму же он мне не велел по этой дорожке ходить?»

После того как девушка-лебедь улетает от героя, сюжет начинает развиваться в рамках сюжетного типа СУС 400 «Муж ищет похищенную жену». В него включен дополнительный сюжетный тип СУС 518 «Обманутые черти».

В сказке Александры Егоровны необычайно богатый предметный мир. Помимо чудесного платья тут есть и чудесная дубинка со шляпой, из которых возникает чудесный дворец, и шапка-невидимка, отобранная у чертей.

Александра Егоровна использовала в этой сказке финальную формулу, но, к сожалению, она не смогла полностью воспроизвести ритмизованную прозу, свойственную этому тексту.

28. СКАЗКА ПРО МЕЛЕНКУ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 129–130.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 715А «Петух и жерновцы». Первая русская публикация в сборнике Ивана Ваненко «Русские народные сказки и побаски» (Ваненко 1849, Кн. II. № 1). Пермский вариант представлен в сборнике: Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 30. Уральский вариант опубликован в книге «Дореволюционный фольклор на Урале» (Бирюков 1936, с. 226–228). Сказочница точно следует сюжетной схеме. Она чувствует себя достаточно уверенно, не испытывает стеснения перед слушателями, хорошо знает сюжетную схему и не считает нужным обходить наиболее сатирически заостренные моменты, присущие данному сказочному сюжету, что обычно делают женщины-сказочницы.

29. ПРО КОТИШКУ И ПАРНИШКУ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 58–59.

Прямого соответствия данного сюжета в СУС нет. Этот текст можно рассматривать как индивидуальное творчество сказочницы. Рассказывая, Александра Егоровна апеллирует к знакомым ей жизненным ситуациям. Так, мальчик плачет о коте, так же как «Вон как. Хотя у нас Люба вон ревёт об коте-то, тожо потерялся кот дак. Она рёвушком ревёт, старуха, восьмисят лет. Об коте так ревёт, так ревёт дак». Используются в этом тексте и традиционные фольклорные элементы. Так, завершается текст традиционной для сказки финальной формулой: «В колодце была шшука да елец. Моёй сказке конец».

СИВИНСКИЙ РАЙОН

Поселок Северный Коммунар. Исполнитель – Мария Терентьевна Пурик, 1945 г. р., родом из деревни Коточиги Верещагинского района.

Записано в 2019 г. Собиратели: С. Ю. Королёва, И. И. Русинова. Экспедиция филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

30. ЛОШАДИНАЯ ГОЛОВА

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 480 «Мачеха и падчерица». Первая публикация текста в издании: Авдеева 1860, № 7. Пермский вариант: Зеленин Пермь 1914, № 77. Уральские варианты: Кругляшова 1967, № 3, 4. См. вариант сюжетного типа – текст № 26 данного сборника.

Сказочница пересказывает сказку, услышанную в детстве. Она понимает, что известный ей сюжет близок к кинофильму «Морозко» (реж. А. Роу, 1964). И судя по началу рассказа, исполнительница хотела рассказать сказку с опорой на фильм, но собиратели не дали ей этого сделать.

В варианте Марии Терентьевны есть довольно редкий для русской традиции мотив превращения в еду камней и песка, положенных мачехой в сумку падчерицы⁸. Этот чудесный мотив сказочница запомнила, и, хотя не смогла рассказать полностью, передала основные его моменты.

В сказке сочетаются несколько подгрупп данного сюжетного типа. Кормление мышки кашей и ее последующая помощь в спасении девушки от Лошадиной головы ближе к подгруппе, где основным испытанием для героини является игра с медведем в жмурки. А такой персонаж, как Лошадиная голова, и эпизод получения падчерицей мешков с золотом ближе к подгруппе, где падчерицу испытывают в лесной избушке. Лошадиная голова – хозяйка лесной избушки – восходит к персонажам, связанным с царством мертвых, похоронным и инициальным обрядам.

Литературная история данного сюжетного типа традиционно связывается с «Gesta Romanorum» (Римские деяния 1980) Петра Берхориуса (конец XIII – начало XIV в.). В этом произведении представлены два сюжета, которые используют мотив, встречающийся в европейских сюжетах о мачехе и падчерице (№ 109 и 251). В тексте № 251 героиня подвергается испытанию, прежде чем выйти замуж за сына императора Гонория. Ее испытание заключается в выборе одного из трех ларцов. Точно такой же выбор в ряде европейских сказок о мачехе и падчерице совершает девушка в избушке мифологического персонажа. В тексте № 109 представлена аналогичная ситуация, только героем сказки является жадный ремесленник, а вместо ларцов фигурируют три колоба.

Еще одним литературным источником, связанным с сюжетом о мачехе и падчерице, принято считать «Пентамерон» Джамбатиста Базиле. Произведение включает новеллу «Две лепешки» (Базиле 2018, IV–7). Первая часть новеллы соответствует той подгруппе сюжетов о мачехе и падчерице, где добрую девушку награждают способностью смеяться розами и плакать жемчужинами. У Базиле дар Марциеллы заключается в следующем: «...когда ты дышишь, пусть из твоих уст выходят розы и жас-

⁸ Подробнее об этом см.: Добровольская 2019, с. 370–372.

мины, а когда расчесываешь волосы, пусть из волос падают жемчуга и гранаты, а там, где ногой земли коснешься, пусть вырастают лилии и фиалки» (Базиле 2018, с. 419). Во второй забаве пятого дня сюжет соответствует той подгруппе сказок о мачехе и падчерице, которая известна преимущественно по сказке Божены Немцовой «Двенадцать месяцев». Отметим только, что у Базиле вместо падчерицы с месяцами встречается бедный юноша Лизе.

СУКСУНСКИЙ РАЙОН

Село Советна. Исполнитель – Мария Васильевна Мосеева, 1920 г. р.

Записано в 1993 г. Собиратели: Е. С. Преженцева, С. В. Кучевасов.

Экспедиция фольклорно-этнографической студии «Песельная артель» Пермского государственного университета (рук. – В. В. Жук).

31. ЛИЗА И РАЗБОЙНИКИ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 173–176.

Сказка представляет собой контаминацию двух сюжетных типов – СУС 956В «Девушка и разбойники» и СУС 955 «Жених-разбойник». Текст 955 типа зафиксирован только в Удмуртии (Татаринцев 1977, № 3, с. 51–53). Вариант 956В типа зафиксирован в сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 71) и в сборнике И. А. Подюкова (Подюков 2000, с. 47).

Сюжет о девушке и разбойнике широко распространен в большинстве европейских традиций. Самым известным европейским вариантом является сказка братьев Гримм (Гримм 2020, № 40).

В русской традиции данный сюжет хорошо известен благодаря балладе А. С. Пушкина «Жених». Н. Ф. Сумцов в работе «А. С. Пушкин. Исследования» сравнил стихотворение поэта с двадцатью вариантами известных ему текстов и сделал вывод, что баллада полностью отражает сюжет русской сказки⁹. Однако другие исследователи (А. Мартынов, А. И. Незеленов) считали влияние фольклорной сказки на текст Пушкина невозможным. А. М. Кукулевич и Л. М. Лотман в статье «Из творческой истории баллады Пушкина “Жених”» окончательно доказали, что именно «Сказка из сборника бр. Гримм „Der Räuberbräutigam“... легла в основу сюжета “Жениха”, содержит в себе все мотивы пушкинской баллады, в отличие от русских народных сказок, из которых каждая в отдельности всей совокупности этих мотивов не содержит»¹⁰. Об этом же писал и М. К. Азадовский¹¹. Но следует подчеркнуть, что Пушкин мог быть знаком и с русскими народными вариантами сказки, поскольку этот сюжет довольно популярен в русской традиции (955 – 21 русский вариант; 956В –

⁹ Сумцов 1900.

¹⁰ Кукулевич, Лотман 1941, с. 82.

¹¹ Азадовский 1936, с. 134–163.

27 вариантов, отмеченных в указателе; двумя текстами, не отмеченными в указателе, являются вариант из сборника И. А. Подюкова (Подюков 2000, с. 47) и данный текст.

Мария Васильевна довольно точно следует сюжетной схеме, однако иногда она забывает или путает события и персонажей. Очень интересно, что для сказочницы важно «правильное» имя героини, хотя оно нечасто упоминается в тексте. Исполнительница старается вспомнить имя, которое привыкла использовать в данном сюжете. В сказке Марии Васильевны несколько спутан конец. В большинстве вариантов разбойника арестовывают, судят и казнят. В тексте исполнительницы он не только остается жив, но и женится на Лизе.

32. ИВАН-ДУРАК И ПОП

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 187–189.

Текст представляет собой контаминацию нескольких сюжетных типов: СУС 1004 «Свиньи в болоте утопились», СУС 1072 «Состязание в беге», СУС 1132 «Бегство от работника», СУС 1120 «Хозяйка сброшена в воду вместо работника». Обычно существует рамочное обрамление данных сюжетов – СУС 1000 «Уговор не сердиться». Хозяин нанимает работника с условием, что не будет на него сердиться, в противном случае работник даст хозяину три щелчка в лоб. У Марии Васильевны отсутствует данный мотив и наем работника не обставлен никакими условиями. Сказочница знакома со сказкой А. С. Пушкина «О попе и работнике его Балде», но, видимо, литературное произведение не оказало на ее вариант сказки никакого влияния. Именно этим объясняется схематизм рассказа о действиях Ивана на мельнице. Его борьба с чертями практически никак не описана сказочницей. И даже мотив состязания в беге передан очень кратко. Намного подробнее разработаны мотивы, отсутствующие в сказке Пушкина: прежде всего СУС 1132 «Бегство от работника».

33. ШУТ ДА МАРИШКА

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 180–183.

Текст относится к анекдотам о хитрых и ловких людях СУС 1539 «Шут».

Первая русская публикация в издании: Старая погудка на новый лад 1795, ч. II, № 15, с. 24–32. Пермские варианты: Афанасьев 1985, с. 397; Зеленин Пермь 1914, № 21. В русской традиции указателем зафиксировано пятьдесят пять вариантов.

Литературная версия: Страпарола 1978, I–3. В этой сказке священник Скарпачифико купил мула, но трое молодцов обманом завладели животным. В свою очередь священник трижды обманул обидчиков. Сначала он продал им «чудесную» козу, затем оживляющую волюнку и наконец утопил их в реке.

Вариант Марии Васильевны соответствует этой сюжетной схеме. Сказочница иногда выпускает небольшие фрагменты и добавляет персонажей (брата священника), не являющихся необходимыми для развития действия. В ряде вариантов Шут обманывает своих братьев. Возможно, сказочница

слышала и такой вариант, поэтому в ее тексте появляется обманутый брат. Но еще один образ несколько тормозит действие, лишает его динамичности. Сказочница чувствует это и избавляется от данного персонажа.

УИНСКИЙ РАЙОН

Село Аспа. Исполнитель – Евдокия Филипповна Петухова, 1925 г. р.

Записано в 2009 г. Собиратели: А. В. Черных, Н. А. Шостина. Экспедиция ПРОО «Камва» 2009 г. в Уинский район Пермского края.

34. ЖИВАЛКО-БЫВАЛКО

Первая публикация: Антология традиционного фольклора народов Прикамья / ПРОО «Камва», сост. и вступ. ст. А. В. Черных. Пермь: Типография «Зебра», 2013. С. 311.

Текст относится к жанру небылицы. Это разновидность сказочного жанра, в котором «действительность выворочена наизнанку»¹². Относится к сюжетному типу СУС –1930D* «Подпоясался топором». В русской традиции зафиксировано четырнадцать вариантов данного сюжетного типа. Пермский вариант: Смирнов 2017, № 296. Данный текст был записан в Шадринском уезде, в с. Ивашиевское в 1859 г.

Можно говорить о частичном включении в текст элементов сюжетного типа СУС –1895D* «Со-жженная половина озера». В записанной небылице мотива горящего озера, присущего СУС –1895D*, нет, но есть типичная для этого жанра перевернутая реальность: озеро улетело, а утки остались.

Текст интересен междометиями, которыми Евдокия Филипповна маркирует значимые для нее места сюжета.

ЧАСТИНСКИЙ РАЙОН

Село Ножовка. Исполнитель – Е. А. Устинова, 1902 г. р.

Записано в 1980 г. Собиратель – И. А. Подюков.

35. ВАСЬКА-ШУТ

Ранее текст не публиковался.

Текст относится к анекдотам о хитрых и ловких людях СУС 1539 «Шут». Подробнее об этом сюжетном типе см. комментарий к тексту № 33 данного сборника.

В отличие от текста М. В. Мосеевой «Шут да Маришка», «Васька-шут» представляет собой фрагментарную запись. Сказочница сохранила в ней основные ходы, свойственные данному сюжетному типу. Однако если в большинстве вариантов герой обманывает, не имея тайного умысла, то в этом

¹² Пропп 2000, с. 288.

варианте ситуация иная. Причина лжи Васьки: «...и ему охота было, после брата чтобы ему досталочь чё-нибудь да чтобы он получче жил». Обман героя жесток: брат убивает жену, его сажают в тюрьму, а герой завладевает его конями. Смерть второго брата, хотя и не описывается сказочницей, но подразумевается. Из повествования понятно, что герой завяжет его в мешок и бросит в реку, сказав, будто именно там можно найти коней.

ЧЕРДЫНСКИЙ РАЙОН

Деревня Большие Долды. Исполнитель неизвестен.

Записано в 1980 г. Собиранье – И. А. Подюков.

36. МАРЬЯ МОРЕВНА

Ранее текст не публиковался.

Сказка представляет собой контаминацию сюжетных типов СС 400, «Муж ищет исчезнувшую жену», СС 302, «Смерть Кощея в яйце», СС 302, «Смерть Кощея от коня», СС 552А «Животные-зятья» и СС 554 «Благодарные животные». Всемирно известный сюжет о поисках исчезнувшей жены в большинстве традиций сочетается с другими сюжетными типами, и пермский вариант в данном случае не исключение.

Текст не был рассказан полностью, однако многие значимые фрагменты в памяти исполнителя сохранились. Необычайно интересен эпизод с пением матери, которая предсказывает сыну, что, когда он вырастет, женится на Марье Моревне. Такие песни-обещания встречаются в ряде сюжетных типов, причем обещание могут дать не только юноше, но и девушке. Так, например, в ряде сказок СС 425А «Амур и Психея» родители или старший брат, укачивая героиню, предвещают ей в мужья чудесного персонажа (см. Сказки Пудожского края 1982, № 21; Сказки Заонежья 1986, № 59)¹³.

В большинстве известных вариантов Марья Моревна относится к героиням-богатыркам. Герой побеждает ее в бою, женится на ней, и молодые начинают жить в доме жены. Именно там, в подвале, и находит герой прикованного Кощея, который был пленен Марьей Моревной. Герой помогает противнику своей жены, напоив его водой, и тот похищает женщину. В данном варианте Кощей заключен «на двенадцати замках был, на двенадцати ключах», которые он, видимо, не может разомкнуть без невольной помощи царевича.

Герой отправляется на поиски похищенной жены, и из повествования видно, что сказочнице известен мотив добывания чудесного коня. Герой отправляется за ним к Бабе-яге, у которой должен три дня пасти двенадцать кобылиц. В чудесной пастыбе ему обычно помогают благодарные животные, спасенные им во время пути. Но в данном случае царевичу помогают животные-зятья: «...змеиный цяр (зять) был, птичий цяр». Отличие записанного текста от традиционного и в том, что в нем нет эпизода, с которого обычно начинается сказка о чудесных зятьях, как нет и рассказа о сестрах героя, ставших женами змеиного и птичьего царей.

¹³ Добровольская 2017, с. 139–150.

Получение коня от Яги в данном варианте не приводит к закономерному увозу героини из дома Кощея и его смерти от копыт скакуна. Сказочница сообщает, что герой несколько раз пытался увезти Марью Моревну, но Кощей его догонял, возвращал женщину и убивал героя. Только помощь зятьев, приносивших живую воду, возвращала Ивана к жизни.

Довольно подробно исполнительница излагает эпизод, связанный с выпытыванием Марьей Моревной места, где спрятана смерть Кощея. Она сохраняет всю формульность, присущую этому эпизоду, и его диалогичность. Получив необходимую информацию, герой отправляется за яйцом со смертью Кощея. В большинстве вариантов во время этого путешествия герой помогает нескольким животным, но в данном случае сказочница помнит только о щуке. Да и само добывание яйца со смертью Кощея не имеет традиционной развернутой цепочки: посередине моря остров – на острове дуб – на дубе сундук – в сундуке медведь – в медведе заяц – в зайце утка – в утке яйцо – в яйце смерть Кощея. В записанном варианте цепочка существенно короче («Есть дуплё, в дупле есь утка... а в утке яйчко. Вот моя и сьмерть»), и герою нужен только один помощник, которым и оказывается щука.

Исполнительница явно рассказывала сказку очень давно. Этим объясняется разрушение сюжетной схемы, контаминация традиционных и нетрадиционных сюжетных типов, нарушение последовательности эпизодов или их полное исчезновение из текста. В то же время очевидно, что раньше сказочница рассказывала этот текст (и, скорее всего, не только его) подробно и последовательно, о чем свидетельствуют и стихотворное обещание матери героя, и богатая формульность, и сохранность имени персонажей. Без ответа остается вопрос об источнике сказки в репертуаре исполнительницы. Она могла узнать текст не от родственников или односельчан, а из какой-нибудь детской книги, поскольку «Марья Моревна» была одной из популярных народных сказок и многократно издавалась. В книжных текстах сказочный канон соблюдается крайне жестко и последовательно. Если сказочница узнала текст из книги, то именно этим может объясняться сохраненная памятью исполнительницы формульность, имена персонажей и т. д.

Деревня Усть-Уролка. Исполнитель – Александра Фокеевна Сторожева, 1913 г. р.

Записано в 1980 г. Собиратель – Т. С. Макашина. Экспедиция в Чердынский район Института этнографии АН СССР. Пермский краеведческий музей. НВ 5060/13.

37. ЗАКАМЕННЫЙ ЛЕС

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 86–92.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 303 «Два брата». Сюжетный тип входит в ядро русской сказочной традиции. Согласно указателю опубликовано пятьдесят вариантов данного сюжетного типа. Уральских вариантов зафиксировано два: Бирюков 1936, с. 328–349 и Бирюков 1953, с. 146–149. Тексты записаны В. П. Бирюковым, и оба весьма условно могут быть отнесены к рассматриваемому сюжетному типу.

История сюжета о двух братьях традиционно связывается с древнеегипетским текстом «Повесть о двух братьях», однако сходство египетского текста со сказочным сюжетом прослеживается

в основном на уровне деталей и отдельных мотивов. Так, в египетской повести действуют два брата, Анупу и Бата, которые в результате навета жены Анупу оказываются разделенными озером, кишущим крокодилами. Бата сообщает брату, что тот узнает о его смерти, когда увидит, как пиво без внешнего влияния плеснется через край. Однажды Анупу видит этот знак, точно так же, как один из братьев в русских вариантах видит заржавевший нож или платок, с которого сочится кровь. Еще одним общим для двух сюжетов мотивом является восхождение героев на царский трон.

Существенно ближе к сюжету русской сказки Базиле 2018, I – 7. Чьенцо бежит из страны, поскольку ранил королевского сына. Во время своих странствий он побеждает дракона и освобождает Менеккеле, дочь короля Пьерде Синно. Герой женится на девушке и спустя некоторое время видит в соседнем доме красавицу. Чьенцо отправляется к ней, и та его заколдовывает, лишая способности двигаться. Его брат-близнец Мео отправляется на поиски, попадает во дворец короля Пьерде Синно, где его все принимают за Чьенцо. Он также видит красавицу в окне напротив, отправляется к ней и побеждает ее ловкостью и хитростью. Мео оживляет брата, рассказывает ему о недоразумении во дворце, и тот в порыве ревности отрубает герою голову. Когда правда открывается, Чьенцо оживляет брата с помощью волшебного корня.

Текст Александры Фокеевны представляет собой необычайно развернутый и интересный вариант. Традиционно варианты подобного сюжетного типа начинаются с чудесного рождения братьев-близнецов. В данном случае ситуация иная. Сказочница использовала мотив детей, оставленных в лесу. Обычно в этом случае речь идет о младенцах, отобранных у матери и подобранных стариком-отшельником. В записанном варианте мальчики уже большие, они сами приходят в дом старика-охотника, едят его хлеб и прячутся, что более характерно для сказок о невинно гонимых девушках или сестрах, разыскивающих пропавших братьев. Охотник передает мальчикам свое мастерство и только после того, как они вырастают, отпускает их. Напоследок он одаривает братьев чудесным ножом, который в случае опасности, угрожающей одному из них, должен предупредить второго.

Очень интересен эпизод с поручениями животным, которые раздает герой после своего оживления. Кроме лисы и собачки, остальные животные не нужны для дальнейшего развития сюжета, но с точки зрения сказочницы, все они должны быть задействованы в восстановлении справедливости.

Исполнительница прекрасно передала диалог между героем и ведьмой, которая, сидя на ветке дерева, жалуется, что она замерзла. Герой предлагает ведьме спуститься к костру погреться, но она утверждает, что боится животных-помощников, и предлагает герою стукнуть их прутиком. На записанную сказку могло оказать влияние какое-нибудь детское издание сказок братьев Гримм. Именно у них в сказке сюжетного типа СУС 303 появляются разноцветные камушки, в которые ведьма превращает людей и животных, отрубание головы младшему брату из ревности и его оживление с помощью чудесного корня. Александра Фокеевна в процессе записи текста ссылается на книги сказок. К сожалению, собиратели не уточнили, откуда ей известно, что в книгах изложены сюжеты рассказываемых ею сказок.

Несмотря на возможность такого влияния, текст Александры Фокеевны не является простым пересказом литературной сказки. Она прекрасно владеет традицией и легко импровизирует, наполняя свою сказку множеством деталей. У нее город обтянут черным полотном, когда царевну отдают змею, и красным полотном, когда готовится свадьба; у царской дочери в косе алая лента длиною в семь аршин, из которой она делает галстуки всем «звирёчкам». Нельзя не отметить указание исполнительницы на отсутствие у второго брата галстука во время его появления во дворце: «галстуцков нету у его на шее». В тексте Александры Фокеевны появляются необычные для данного сюжетного типа элементы: змей поджигает траву, а звери Ивана ее тушат; звери друг другу передают приказ сторожить спящего хозяина и т. д.

38. ПРО СВЕТАНУ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 92–95.

Сказка представляет собой сильно измененный вариант сюжетного типа СУС 402 «Царевна-лягушка». Сказочница использует два мотива из данного сюжетного типа: поиск невест с помощью стрел и испытание невест на балу. В тексте отсутствуют такие значимые эпизоды, как нахождение невесты-лягушки, сжигание лягушачьей кожи, исчезновение невесты и ее дальнейшие поиски.

Как и в традиционных вариантах сюжета, царь велит своим сыновьям стрелять из лука и искать свою невесту там, где упадет стрела. У старших братьев стрелы падают на боярский и княжеский дворы, а у Ивана стрела улетает в неизвестном направлении. Старшие братья получают невест сразу, а герой отправляется на поиски суженой.

Дальше сказка развивается совсем не так, как принято в традиционных вариантах. То, что имя Светлана в данной сказке появляется не случайно, не вызывает сомнения. В России до 1918 г. довольно часто издавался лубочный текст «Сказка о Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне», являвшийся литературной версией сюжетного типа СУС 402¹⁴.

Вариант Александры Фокеевны далек от лубочного текста, однако отдельные детали позволяют говорить о том, что человек, от которого сказочница узнала этот текст, скорее всего, был знаком с книжной версией сказки.

Мотив испытания снох также подан иначе, чем в традиционных вариантах. В сказке Александры Фокеевны все три девушки обладают необыкновенными способностями, но Светлана наиболее могущественная из трех волшебниц.

Записанный текст очень интересен именно нетипичными для сказочной традиции мотивами: тремя старичками, девушкой, заточенной в каменный столб, опустевшим из-за змея городом, загадочными именами старичков и т. д. Исполнительница, используя все эти детали, создает текст, сохранивший основные элементы сказочного канона: формульность, троичность и т. д.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Лызлова 2017, с. 189–201.

39. ДЕВУШКА, ВЕРЕТЕНО И ЧЁРТ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 212–213.

Сказка относится к сюжетному типу СУС – 480С** «Мачеха и падчерица». Первая русская публикация в издании: Чудинский 1864, № 13. В указателе отмечены шесть русских вариантов. Два опубликованы в материалах, записанных от русских в Прибалтике (Белоусов 1976, № 206; Митропольская 1975, № 49). Еще три текста хранятся в Архиве Эстонского литературного музея в Тарту (ERA, Vene 15, 308/12 (4); ERA, Vene 15, 134/6 (3), ERA, Vene 8, 210/1 (126)).

В большинстве известных вариантов девушка оказывается ночью в бане или другом опасном месте по воле мачехи. В сказке же Александры Фокеевны девушка приходит в пустую избу из-за спора с подругой. Действие развивается согласно сюжетной схеме, и в финале героиня получает богатство. Завистливая подруга, как и дочка мачехи в других вариантах, выдает черту все требования сразу. Он тут же их выполняет и убивает девушку. Отметим также, что в большинстве вариантов девушку спасает крик петуха, а в сказке Александры Фокеевны героиня убегает «назад пятками», то есть так, чтобы черт не смог понять, что она покинула избу.

Исполнитель – Варвара Михайловна Сторожева, 1902 г. р.

Записано в 1980 г. Собиратель – Т. С. Макашина. Экспедиция в Чердынский район Института этнографии АН СССР. Пермский краеведческий музей. НВ 5060/13.

40. ОТДАЙ, ЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к широко распространенному сюжетному типу СУС 313А «Чудесное бегство». Для этого сказочного типа характерен не только мотив запродажи ребенка нечистой силе, но и мотив чудесного бегства с превращениями героев. Этот мотив в западноевропейской литературе одной из первых использовала М.-К. ле Жюмель де Барнвиль в сказке «Апельсиновое дерево и пчела» из сборника «Сказки фей» (Мадам д'Онуа 2015, II-4). В русской литературе данный сюжет зафиксирован в конспективной записи А. С. Пушкина, которую он сделал от няни (Пушкин, Прил. 1, № 2), и стихотворной сказке В. А. Жуковского «Сказка о царе Берендее, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери» (Жуковский 1940, II, с. 271–289). В. А. Жуковский пользовался при написании сказки конспективной записью А. С. Пушкина, но помимо этого, на его текст оказала влияние сказка братьев Гримм «Милый Роланд», которую он сам перевел и опубликовал в 1826 г. в журнале «Детский собеседник» под названием «Милый Роланд и девица ясный цвет».

Первой русской публикацией считается конспективная запись Пушкина (Пушкин, Прил. 1, № 2). Насчитывается несколько пермских вариантов сказки. В сборнике Д. К. Зеленина опубликовано четыре текста (Зеленин Пермь 1914, № 12, 24, 55, 72), один текст – в сборнике А. М. Смирнова (Смирнов 2017, № 281), один – в сборнике В. Н. Серебренникова (Серебренников 1964, № 7). Два варианта и указание на третий неопубликованный текст приведены в сборнике «Рус-

ские народные сказки Пермского края» (РНСПК 2004, Примечания к № 35, с. 240–246). Еще один текст принадлежит Е. Н. Трясциной (Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 16). В записанном от Е. Н. Трясциной тексте присутствует дополнительный сюжетный тип СУС 313С «Забытая невеста», что характерно для сказок о юноше, запроданном Морскому царю. Уральские тексты см.: Бирюков 1936, с. 238–243; Бирюков 1953, с. 146–149; Блинова 1937, № 3; Уральский фольклор 1949, № 9; Померанцева 1957, № 13, 16; Кругляшова 1967, № 12; Бараг 1969, № 6; Бараг 1975, № 26, 29. Но у Варвары Михайловны данного сюжетного типа нет.

Вариант Варвары Михайловны соответствует сюжетной схеме, однако в нем есть целый ряд особенностей. Отправляясь к «дяде Идолишшу», герой попадает в избушку старухи. Сказочница не называет ее Бабой-ягой, но это именно она, на что указывает и облик героини («сидит баба на грядке, дó полу волосы», «пёрнула, да за стол-от дёрнула, да пузом потресла, да хлеба принесла. Напоила, накормила»), и ее избушка на курьих ножках, и ее манера разговора с героем. В большинстве русских вариантов фигурирует только Баба-яга. В тексте Варвары Михайловны герой посещает трех старух, и только последняя из сестер отправляет его к реке, куда прилетают тридцать три голубицы. Утраивает сказочница и мотив похищения платья, причем два первых раза героиня обманывается юношу и не помогает ему. В большинстве вариантов героиня обещает стать женой героя, но в данном тексте этого обещания нет. Среди трудных задач выбор невесты обычно оказывается третьей задачей, но в сказке Варвары Михайловны героиня сначала выполняет одну трудную задачу – строит мост, затем трижды объясняет, как правильно выбрать невесту, а затем избавляется от гусей да лебедей, функция которых не очень ясна, но, судя по всему, они представляют серьезную угрозу. Скорее всего, гуси-лебеди попали в записанный текст из другой сказки, и их появление просто выступает маркером опасности, знаком принадлежности к иному миру.

Индивидуальностью отмечена и разработка мотива бегства – обычно герои просто убегают, но в данном случае бегство сопряжено с колдовством: от взмаха платка выпадает, а потом встает на место стена, через разлом в которой герои и покидают царство Идолища. Сказочница забывает, во что третий раз превращаются герои, и повторяет превращение в утку и озеро, однако если в первом случае утка разговаривает с преследователями, то во втором обманывает их, притворяясь убитой, и при этом еще и топит одного из преследователей.

41. ПРО ЯГИЖНУ

Ранее текст не публиковался.

Текст относится к сюжетному типу СУС 428 «Девушка на службе у ведьмы». Первая русская публикация приведена в сборнике: Старая погудка на новый лад 1795, ч. II, № 3. Сюжет не принадлежит к ядру русской сказочной традиции, более того, из отмеченных в указателе десяти вариантов четыре отнесены к этому типу с определенными оговорками.

В большинстве известных вариантов действует сноха, которая, оказавшись в доме мужа, подвергается нападкам свекрови. Мать мужа – ведьма, пытающаяся известить молодую женщину. Сначала она задает ей трудные задачи, имитирующие традиционную женскую работу (постричь овец,

подоить коров). Эти действия опасны, поскольку коровами и овцами являются дикие животные – медведи и волки, которые должны съесть девушку. Когда свекрови не удается известить невестку, она отправляет ту к своей родственнице, более могущественной ведьме. Причина отправки – требование принести иголку или бердо. В большинстве вариантов девушке помогает ее муж, который знает, как выполнить трудные задачи матери.

В рассматриваемой сказке ситуация несколько иная. Сказочница вводит в текст не свойственных данному сюжетному типу персонажей: мачеху и падчерицу. Соответственно помощником героини не может быть муж, поскольку этого персонажа нет в повествовании – девушке, как и в сказках о мачехе и падчерице, помогает бабушка-задворенка. Отсутствует в этом варианте и мотив доброжелательного отношения падчерицы к различным предметам и животным, которые должны помочь ей бежать от Яги. Причина тому следующая: вариант текста Варвары Михайловны представляет собой контаминацию сюжетного типа СУС 428 с сюжетным типом СУС 313Н* «Бегство с помощью бросания чудесных предметов». В репертуаре исполнительницы есть сказка «Отдай, чего не знаешь», в ряде вариантов которой используется именно этот мотив. Но сказочница выбрала для своего текста о юноше, который обещан Идолищу, другой вариант мотива бегства – превращение героев. В сказках о бегстве снохи обычно используется мотив помощи предметов и животных, к которым молодая женщина отнеслась с добротой и лаской. Однако Варвара Михайловна и здесь выбирает другой мотив: бросание чудесных предметов. Причина замены мотивов в том, что все сказки исполнительницы отличаются динамизмом, а использование помощи других персонажей безусловно затянуло бы действие.

В отличие от других вариантов, в этой сказке героиня не выполняет трудных задач Яги. Она просто обрезает нитку ножницами и забирает бердо. Во время побега необходимо быстро принимать решения – бросание предметов и их превращение в преграду полностью соответствует этому условию. Стремлением к динамичности объясняется и отсутствие традиционной троичности в создании преград перед преследователем: девушка бросает только гребень и брус, из которых появляются лес и гора соответственно.

Нельзя не отметить и виртуозное использование сказочницей формул. Это формулы-обращения к волкам и медведям сделать требуемое самостоятельно («Стригитесь, овцы, сами да шерсточку-ту мне подайте»; «Коровы, вы коровы, дойтеся сами да молоцько-то мне подайте!»), к бабушке-задворенке («Бабушка, ты бабушка») и к ступе («Ступи, ступа, семь вёрст! Ступи, ступа, семь вёрст!»). Если обращение к животным достаточно традиционно для данного сюжета, то формула, побуждающая ступу к движению, оригинальна.

42. МОРОЗКО

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 252–253.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 480 «Мачеха и падчерица». См. комментарии к тексту № 30 данного сборника.

Вариант Варвары Михайловны полностью соответствует сюжетной схеме. Текст интересен формулой появления Морозко, его диалогами с падчерицей и мачехиной дочерью. Отметим, что Морозко не дает девушке сундуков с богатством, а скидывает ей различные вещи в процессе разговора, что свойственно, скорее, сюжетному типу СУС – 480С**. Согласно этому типу сюжета девушка, ведя диалог с нечистым, получает от него по одной разные вещи.

Особый интерес представляют размышления сказочницы. Она объясняет, почему отец девушки не пытался защитить родную дочь. В доказательство того, что мужчин не волнуют дети умерших жен, она упоминает песню «Как на кладбище Митрофановском» / «Как во городе-то Митрофанове». Для исполнительницы поступок отца – злодейство, которое она осуждает. Сказочницу интересует психология героев. Варвара Михайловна описывает переживания мачехи из-за смерти дочери и показывает бескорыстие падчерицы, которая делится своим богатством с обидчицей.

43. НОРУШКА

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 217–218.

Сказка является не отмеченной в указателе версией сюжетного типа СУС 480В*, в которой падчерицу посылают за огнем к Бабе-яге. В случае СУС 480В* сказка оканчивается для девушки благополучно. Она выполняет трудные задачи Яги и возвращается домой с огнем. Такому развитию сюжета соответствует текст из сборника А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 104).

Однако в записанном тексте сюжет развивается иначе. Девушка по собственной воле (в доме погас огонь) отправляется за огнем. Данный текст в русской традиции не единичен. Так, в сказке, записанной в 1850-х гг. в Соликамском уезде Пермской губернии (Смирнов 2017, № 294), «старуха нечаянно погасила огонь, тогда дочь ее пошла за огнем в соседнюю деревню». Все встреченные героиней персонажи отговаривали ее от этого, предупреждая: «Хам съест тебя». Попав в дом этого персонажа, героиня рассказывает ему, что она видела по дороге. Герой в ответ объясняет, чем являются эти вещи для него, и потом съедает девушку. Аналогичный текст записан и в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии (Смирнов 2017, № 151). К этой же версии относится и текст Варвары Михайловны.

Сказочница понимает, что «Норушка» – это страшная сказка, что в ней важен момент неожиданности, который следует подчеркнуть во время исполнения: «Отперла голбец – норушка сидит. Ах! Оне вздрогнут!»

ЧЕРНУШИНСКИЙ РАЙОН

Город Чернушка. Исполнитель – Нина Андреевна Чечихина, 1924 г. р., родом из деревни Курмакаш Уинского района.

Записано в 2006 г. Собиратели: А. В. Черных, Д. И. Вайман.

Нина Андреевна Чечихина крайне интересный тип сказочницы. Все ее творчество ориентировано на книжную традицию. Исполнительница, безусловно, знает фольклорные сказки, которые слышала от своей бабушки, но явно отдает предпочтение литературным вариантам, преимущественно текстам из популярных переложений сборника А. Н. Афанасьева. Ее сказки – не простые пересказы прочитанного, а авторские импровизации на тему прочитанных книг.

Вот что пишут о Нине Андреевне те, кто записывал ее сказки: «Родилась Н. А. Чечихина 12 января 1924 года в крестьянской семье в деревне Курмакаш Уинского района Пермской области. Всего было восемь детей. После того как отец окончил курсы обучения на ветврача и счетовода, переехали в Аспу, а затем в Чернушку. В 1935 году отец умер, на руках у матери осталось трое. Жили всегда в труде да в заботах. В 1939 году Нина Андреевна окончила семь классов школы № 1 и поступила в Сарапульское педучилище. Какое счастье! Но началась война – и всё изменилось. Педучилище заняли под военный завод, общежитие – под жильё для студентов лётного училища. Заниматься стали в начальной школе в третью смену. Днём подрабатывали на военном заводе. Ставили концерты в госпиталях и помогали медсёстрам, писали письма от раненых. По окончании училища в 1942 году девушка получила направление на работу в Удмуртию. А в 1944 году вернулась в Чернушку, в родную школу. Очень нравилась школа, педколлектив, дети. В 1946 году вышла замуж. Два года после этого работала в Капкане, девять лет в Емаш-Павлово, затем в Богатовке. Нина Андреевна с любовью вспоминает годы учительской деятельности: уроки, экскурсии, походы, концерты, коллективный труд... С мужем Александром Андреевичем воспитали девятерых детей. Отметили девять свадеб и свою – золотую. Как отзывается о ней дочь Шадрина Татьяна Александровна, “она замечательная мама, бабушка, труженица, хозяйка. Сейчас ей 82 года. Живёт одна и до сих пор не может сидеть без дела. Сама и дрова принесёт, и печь истопит, и огород посадит, пирогов и шанег настряпает”. И ещё дочь подчёркивает, что все 15 внуков обожают бабушку. Для каждого она находит ласковые слова. И все очень любят бабушкины сказки, а знает она их очень много. Нелёгкая судьба, извечный труд, бесконечные переживания, заботы... И любовь к сказкам... Откуда такая страсть? Сама Нина Андреевна объясняет это тем, что у неё была чудесная бабушка Бахарева Прасковья Васильевна (дату рождения не помнит, умерла в 1932 году), которая постоянно рассказывала внукам сказки на ночь. И эти волшебные истории навсегда запали в душу восприимчивой, чувствительной, доброй девочки, которая пронесла их по жизни и щедро раздаёт людям до сих пор. С детства она жадно вслушивалась в них всюду: в минуты краткого отдыха на сенокосе, в какой-либо дальней поездке, на вечерках... Никогда она и не думала, что её сказками заинтересуются и будут записывать...»¹⁵.

Нина Андреевна создает тексты, понятные нашим современникам. Ее интересует психология героев, в сказках много пейзажных зарисовок и бытовых описаний. Сказочница легко и свободно импровизирует. Ее сказкам присущи оригинальные контаминации сюжетных типов, неожиданные детали и образы.

¹⁵ Сказки от бабушки Нины 2006, с. 68–69.

44. РЕПКА И МЕДВЕДКО

Ранее текст не публиковался.

Сказка представляет собой контаминацию нескольких сюжетных типов: СУС 311 «Медведь и три сестры», СУС 650А «Иван медвежье ушко» и СУС 301 «Три подземных царства». Первая часть текста является развернутой предысторией чудесного рождения богатыря. Вторая часть сказки соответствует сюжетному типу СУС 301 о богатыре в подземном царстве.

Данный текст необычайно близок к сказке из сборника А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 141). Скорее всего, именно она и легла в основу сказки Нины Андреевны Чечихиной. Сравним начало обоих текстов:

А. Н. Афанасьев

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой; детей у них не было. Говорит раз старик: «Старуха, поди купи репку – за обедом съедем». Старуха пошла, купила две репки; одну кое-как изгрызли, а другую в печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного слышат – что-то в печи кричит: «Бабушка, откутай; тут жарко!» Старуха открыла заслонку, а в печи лежит живая девочка. «Что там такое?» – спрашивает старик. «Ах, старик! Господь дал нам девочку». И старик и старуха крепко обрадовались и назвали эту девочку Репкою.

Вот Репка росла, росла и выросла большая.

Глядь – стоит в лесу избушка, вошли в избушку, а там на столбе медведь сидит.

Н. А. Чечихина

Жили-были муж с женой. Ладно жили, складно. Всё у них было, но детей не было. Вот однажды бабка пошла в огород, принесла репку и бросила её в печку, чтобы она в печке распарилась. А сама взяла пряжу, села на лавку и пряжу предёт. Сидит и слышит: кто-то тоненьким голоском кричит:

– Открой! Мне здесь жарко!

Думает баба: «Кто же где кричит? Никого нет». В окно посмотрела, сенки открыла – тишина. Только села опять на пряжу – снова, погромче крик:

– Да открой жо, бабушка! Мне здесь жарко!

Показалось, что голос слышится из печки. Подошла, заслонку открыла и видит: вот чудо! В печке сидит малинькая-прималинькая девочка.

Подростать стала, в деревню стала выбегать, с подружками играть. А потом, когда подросла, в лес за ягодками пошла. Дед с бабой не нарадуются: хорошая, умница девочка, ну, пусть растёт.

А на полянке там стоит избушка... Стояла, посмотрела в щёлку, видит: лежит там на печи огромный бурый медведь, граблями спину себе

Медведь отпустил девок домой, а Репку у себя оставил; притащил сани, прицепил к толку, лег в эти сани и заставил себя качать. Репка стала качать, стала приговаривать: «Бай-бай, старый хрен!» – «Не так! – говорит медведь. – Сказывай: бай-бай, милый друг!» Нечего делать, стала качать да приговаривать: «Бай-бай, милый друг!»

Раз медведь пошел на добычу, а ее в избушке оставил и заклал дверь дубовыми пнями. Репка давай выдираться, силилась-силилась, кое-как выдралась и убежала домой. Старик со старухой обрадовались, что она нашлась: живут они месяц, другой и третий; а на четвертый Репка родила сына – половина человечья, половина медвежья; окрестили его и дали имя Ивашко-Медведко.

чесет. Как увидала медведя, испугалась, закричала, убежать хотела. А медведь лежит на печи, не шевелится, а кричит громким голосом.

Слез медведь с печи, принёс большие сани-ро́звальни. Срубил берёзку, о́чеп сделал, зацепил за потолок – и зыбка готова. Залез в зыбку, одеяльцем закрылся, лежит и говорит:

– Вот теперь, Репка, ты меня качай. Ноги в покачушку, а руками меня розглаживай, мордочку у меня гладь и шерстку на мне росчёсывай.

Вот и живут они. Медведь с утра встаёт и уходит по своим медвежьим делам, а она дома сидит, всё в окошко глядит, об отце-матери тоскует. Но убежать никак не может – на крепкие запоры закрывает её медведь. Ниделя прошла, и год прошёл, и два прошло. Вздумала Машенька (Репка) убежать от медведя. Посмотрела она, как он закрывает дом на запоры, и решила всё изломать. Только он ушёл, она принялась за своё дело, вырвалась и убежала. Целых два года она прожила у медведя. Прибежала к отцу-матери – уж то-то было радости у родителей! Живут они, живут, жили, жили – и вдруг Машенька (Репка) сыночка роди́ла. И не простого, а Медведко.

Такие же совпадения прослеживаются по всему тексту. Однако сказка Нины Андреевны не является простым пересказом афанасьевского текста. Сказочница создает свой вариант, наполняя его деталями, отсутствующими в сказке из сборника А. Н. Афанасьева. Исполнительница уделяет большое внимание эмоциям персонажей. Так, бабушка, открывая печку, откуда слышится голос, не просто радуется долгожданному ребенку, а выбегает во двор, зовет деда, они вдвоем вынимают девочку из печки, «умыли, в пелёночки завернули, на печку положили». Сказочница подробно рассказывает, как девочка росла, как она играла с подружками и как радовались старики, что у них «хорошая, умница девочка» растёт.

Отличие двух текстов и в том, что в сказке из сборника А. Н. Афанасьева девочка попадает в лес вместе с подружками, позвавшими ее за ягодами, а в варианте Нины Андреевны Репка сама уходит

за ягодами. Сказочница создает совершенно не типичную для фольклорного текста психологическую зарисовку, цель которой – вызвать у слушателей ощущение сгущающейся вокруг девочки опасности: «И вот однажды она взяла лукошко и отправилась. Ходила, ходила, долго ходила по всем угóрам, по перелескам, все полянки обошла, где раньше ягоды собирала – негде не одной ягодки не нашла. Что такое? Вчера собирала – были ягодки, сегодня пришла – даже ягодника нет. Постояла, повертела головой туда-сюда. С которой стороны земленичкой пахнет? Со стороны леса. Подошла к лесу, а по опушке лесной ягод – красным-красно, как красный цветочек, успевай только руками роботать. Ловко роботают у Репки ручки – собирает и собирает. И быстро насобирала по́лноё лукошко. Домой пора идти. Но что такое? Посмотрела: дороги нет, как чёрт скрыл. Испугалась Репка, туда-сюда, в лес зайти боится и от лесу ототти не мо́жот. А в лес как будто кто-то тянет её. Идёт тихоничко, хóчёт вернуться, вытти из леса – ноги не идут. В лес пойдёт – ноги сами бегут».

Попав в избушку медведя, Репка оказывается его пленницей. Она боится зверя и хочет вернуться домой. Но медведь не отпускает девушку. Чрезвычайно интересен мотив качания медведя в санях, имитирующих колыбель. Мотив качания имеет глубокие мифологические корни. Он несет в себе брачную семантику, которая наиболее ярко проявляется в качельных (рельных) песнях пасхального или троцкого циклов. В рассматриваемой сказке медведь не просто просит Репку качать его; он требует от героини: «...руками меня розглаживай, мордочку у меня гладь и шёрстку на мне расчёсывай». Кроме того, он просит, чтобы девушка пела ему песенку «Спи, медведь, спи, мой милый друг, спи, единственный».

Сказочница нигде не говорит о сожительстве Репки с медведем, но и требования медведя его качать, и дальнейшие события сказки указывают именно на такой поворот событий. Соительство женщины с медведем – довольно популярный мотив в восточнославянском фольклоре. Он зафиксирован в сказках и текстах мифологической прозы. Наиболее подробно этот мотив рассмотрен в книге Г. Афанасьевой-Медведевой¹⁶. Интимные отношения женщины и медведя отразились и в «медвежьей комедии»¹⁷, а также в святочном ряженье, где только человек, одетый медведем, имел право изображать половые посягательства на присутствующих женщин.

Героиня убегает от медведя. Поскольку мотив соительства с медведем в данной части текста подробно не описан, а слушатели узнают о нем только после рождения героя, то на этом этапе развития сюжета сказка могла бы закончиться. Данная часть текста соответствует, хотя и с оговорками, сюжетному типу СУС 311, в котором девочка заблудилась в лесу, попала в избушку медведя и, обхитрив его, вернулась домой. Первая русская публикация именно такой версии сюжетного типа была представлена в 1860 г. в сборнике К. Авдеевой (Авдеева 1860, № 3). Сказки данного сюжетного типа в русской традиции преимущественно рассчитаны на детей, поэтому, когда они функционируют как самостоятельный сюжетный тип, в них действует девочка (ребенок) и, естественно, отсутствует

¹⁶ Афанасьева-Медведева 2018.

¹⁷ Некрылова 1984₁, с. 186–195; Некрылова 1984₂, с. 35–53.

мотив сожительства с медведем. Маленькая девочка обманывает недалекого медведя и благополучно возвращается домой.

В сказке Нины Андреевны сюжет о девочке в избушке медведя является преамбулой к сюжету СУС 301 «Три подземных царства». В большинстве известных вариантов рассказ о рождении сына медведя является вступительным эпизодом к сказкам о богатырях. Однако у Нины Андреевны рассказ о чудесном рождении героя представляет собой развернутый текст, соответствующий сюжетному типу СУС 650А «Иван медвежье ушко». Сюжет относится к ядру русской сказочной традиции. В указателе зафиксировано сорок два русских варианта. Первая публикация – в книге: Старая погудка на новый лад 1795, ч. I, № 10, с. 37–47). Пермские варианты: Пермский сборник 1860, Кн. II, отд. 2, № 7, с. 168–171; Зеленин Пермь 1914, № 43. Уральские варианты: Афанасьев 1984, № 152; Померанцева 1957, № 15; Барг 1975, № 23.

Сказочница свободно использует два варианта мотива чудесного рождения: рождение из плода – для девочки Репки, и рождение от животного – для ее сына Медведко.

Сюжет о сыне медведя популярен у многих народов¹⁸. В поэме «Беовульф» не раскрывается медвежье происхождение героя, но его имя («пчелиный волк», т. е. медведь) и огромная сила указывают на связь с медведем. Дж. Р. Р. Толкин отмечает, что, помимо имени, на это указывают его неотесанность, непомерный аппетит, сила и отказ использовать оружие против Грендель¹⁹. Еще одним героем медвежьего происхождения является Бёдвар Бьярки (имя которого значит «воинственный медвежонок»), герой саги о Скьёлдунге. В этом тексте герой даже оборачивается в медведя.

Нина Андреевна рассказывает о детстве и взрослении героя, полностью соблюдая сюжетную схему. Однако сказочница добавляет ряд деталей, являющихся ее самостоятельным творчеством. Так, односельчане объясняют деду, что Медведко должен покинуть деревню, потому что «наших детей пусть никто не обижает». Традиционный мотив изготовления оружия приобретает у сказочницы оригинальные черты. Герой уходит из деревни и стучит дубинкой по земле. От этого стука дрожит земля, и слышен звук, по которому дед Медведко определяет, в какую сторону ушел его внук.

Далее сказка развивается согласно сюжетному типу СУС 301 «Три подземных царства» (см. комментарии к тексту № 3 данного сборника).

Текст Нины Андреевны соответствует сюжетной схеме. Однако вместо трех подземных дворцов в ее сказке всего один: «дворец белокаменный, крыша золотая». Именно там и находит герой трех девиц.

Сказочница объясняет мотив измены названных братьев: Дубынюшке не хватило невесты, и он обиделся, «взял топор да с розмаху и перерубил верёвку надвое».

Интересен и мотив спасения героя из подземного мира птицей Могол. В большинстве вариантов, где присутствует этот мотив, герой спасает птенцов от непогоды, кормит их, согревает их мать. В благодарность птица Могол выносит героя из подземного мира. Реже причиной помощи герою

¹⁸ См. *Сын Медведя* 2017. А также *Thompson 1955–1958, B635.1.*

¹⁹ *Tolkien 1983.*

становится спасение птенцов от змеи, но в русских текстах появление этой сюжетной ситуации обусловлено, скорее, книжным или иноязычным влиянием. В тексте Нины Андреевны герой пожалел птенцов и, будучи голодным, не стал их есть. В традиционных вариантах сказки герой для полета обычно заготавливает пищу, которую берет во дворцах, в другом варианте сказки он находит стадо коров и т. д. Нина Андреевна рассказывает, что герой идет за запасами на «подзёмной склад Бабы-яги», которая ни до, ни после этого не упоминалась.

Концовка сказки передана несколько схематично. Однако и тут сказочница добавляет интересные детали, такие как, например, угощение героя водкой на свадьбе названных братьев.

45. МЕДНЫЙ ЛОБ

Первая публикация: Сказки от бабушки Нины. Чернушка, 2006. С. 30–35.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 502 «Медный лоб» (см. комментарии к тексту № 4 данного сборника).

В сказке Нины Андреевны необычно вступление. В большинстве вариантов Медный лоб попадает в плен к царю во время охоты, реже его ловят подданные государя во время рубки леса или других работ. В данном случае сюжетная ситуация иная. Сказка начинается с оригинального эпизода, связанного с рождением царевича и наказом повивальной бабки следить за ребенком. Именно соблюдение этого наказа приводит к тому, что герой оказывается в лесу вместе с отцом. Мальчик падает с лошади, и его утешает таинственный голос. Царевич привлекает внимание свиты к тому, что в кустах кто-то есть, и царь пленяет Медного лба.

Нельзя не отметить комментарий Нины Андреевны, в котором она объясняет причину пленения: царь хочет посадить дикого человека в клетку, чтобы «денежки брать».

Оригинальна и причина освобождения героя. Обычно в клетку или темницу попадает какая-то вещь царевича, чаще всего стрела или мячик. Чтобы получить вещь обратно, необходимо освободить пленника. В варианте Нины Андреевны присутствует стрела, попавшая в клетку, но причина освобождения героя иная. Медный лоб стыдит царевича за то, что тот выдал его присутствие в лесу. Царевич освобождает пленника, и Медный лоб убегает. Правду царю открывает девка-чернавка, после чего царевича изгоняют. Чтобы показать трагичность ситуации, сказочница замечает, что «даже хлеба кусочек ему никто не дал» и что юношу не пускали ни в первое, ни во второе царство. Царевичу удалось попасть только в третье царство, где он начал пасти коней. В большинстве вариантов герой встречается с Медным лбом, который начинает ему помогать. В варианте Нины Андреевны такой встречи не происходит, но из повествования понятно, что Медный лоб помогает царевичу: гривы у коней становятся серебряными, а рога коров и щетинки у свиней – золотыми.

В традиционных вариантах сказки происходит бой героя со змеем, в котором ему помогает Медный лоб, и затем следует женитьба на царевне. Нина Андреевна выбирает другой тип повествования. Увидев изменившихся животных, царь женит героя на своей дочери. Далее сказка развивается в соответствии с сюжетным типом СУС 566 «Рога» (первая русская публикация: Старая погудка на новый лад 1795, ч. III, № 8, с. 35–48). Этот текст популярен и в пермской (Зеленин Пермь

1914, № 3, 23, 99; Смирнов 2017, № 287), и в уральской (Русские народные сказки Урала 1959, с. 165–168; Кругляшова 1967, № 18; Бараг 1969, № 4; Бараг 1974, № 2, с. 12–13, № 15, с. 40–44; Бараг 1975, № 24) традициях.

Литературные параллели к данному сюжету присутствуют в «Золотом осле» Апулея и в своде раннебуддийских священных текстов «Трипитака». Более точные параллели выявляются в латинском сборнике «Gesta Romanorum» и в немецкой народной книге «Фортунат», повествующей о том, как у Андолозия и его возлюбленной отрастают длинные рога после того, как они отведали волшебных яблок.

В тексте Нины Андреевны Медный лоб помогает герою крайне мало. После того как царевна приказывает отвезти и бросить царевича в лесу, Медный лоб лишь объясняет, куда ему идти, и указывает на яблони, даже не сказав, что они чудесные. Сказочница создает развернутые картины чудесных превращений героя, девки-чернавки и царевны; глубоким психологизмом проникнута сцена избавления героини от рогов.

46. ПРО ДОБРОГО МОЛОДЦА И ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Ранее текст не публиковался.

Сказка принадлежит к сюжетному типу СУС 531 «Конек-Горбунок». Первая русская публикация в издании: Тимофеев 1787, с. 63–69. Пермский вариант: Зеленин Пермь 1914, № 10.

Сюжет о чудесном коне широко распространен в европейской традиции. Наиболее ранней литературной версией этого сюжетного типа является сказка из сборника Дж. Страпаролы «Приятные ночи» (Страпарола 1978, ночь III, сказка 2). В ней сын короля Дальфрено Ливоретто обладает чудесным конем, с помощью которого добывает для султана Беллизандру дочь короля Дамаска Аттаранте. Традиционно к этому же типу относится сказка из сборника Дж. Базиле (Базиле 2018, третий день, забава седьмая), но она в значительной степени соответствует сюжетному типу СУС 328 «Мальчик похищает у нечистого сокровища».

В 1834 г. была опубликована сказка «Конек-Горбунок» П. П. Ершова. Она оказала серьезное влияние на фольклорную традицию, и к настоящему времени зафиксировано немало текстов, имеющих в основе сказку Ершова. Однако вариант Нины Андреевны не связан со стихотворной сказкой. В его основе лежит текст из сборника А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1984, № 169). Сказка, как и другие тексты исполнительницы, не является прямым пересказом афанасьевского текста, но многие эпизоды заимствованы сказочницей из книжной версии. Сравним, например, фрагмент, в котором конь заставил главного рака помочь герою:

А. Н. Афанасьев

Н. А. Чечихина

Богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползет, и наступил ему

А конь вороной всё ходит и ходит по берегу. Вдруг видит: раки плывут. Забегал конь по

на шейку своим тяжелым копытом. Взмолился морской рак:

– Не губи меня, оставь мне жизнь! Что тебе нужно, все сделаю.

Отвечал ему конь:

– Посреди синего моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на все синее море. Тотчас море всколыхнулось, и сползли со всех сторон на берег раки большие и малые – тьма-тьмушая! Старший рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

берегу, скакал-скакал, видит: самый большой рак выползает. Выполз рак, конь на него и ступил ему на клешню. Рак три раза свистнул – и выплыло из моря раков ведомо-неведомо. А Иванушка тогда говорит:

– Вот отпустит тебя мой конь вороной, если ты достанешь венчальное платье, всё приданое со дна морского, которое находится под большим камнем.

А рак говорит:

– Это дело мы всё раньше знали. Дожидайся тут, приданое будет для тебя готово.

Все раки обратно упятились в море, нет никого. Даже море не волнуется, на берег не плещется. «Ну, – думает Иванушка, – только их и видел. И не видать мне такого приданого». Вдруг видит: море снова заколыхалось, волны заплескались. Выползает большой рак и двинет перед собой кубышку, а в ней приданое. Поблагодарил Иванушка всех раков, взял кубышечку, сел на коня, к царю вернулся.

Аналогичное сходство наблюдается и в других эпизодах: добывания Жар-птицы и Василисы Прекрасной, купания в кипятке и т. д. Еще раз отметим, что Нина Андреевна не пересказывает прочитанное или услышанное. Она создает на основе книжных текстов свои варианты сказок, и этот текст не является исключением. Сказочница наполняет его множеством деталей. Так, чудесного коня герой получает от умирающего отца. Когда герой находит перо Жар-птицы, конь спотыкается, падает на колени, а Иванушка выпадает из седла. Сказка наполнена не свойственными фольклорному тексту описаниями. Наиболее показательны в этом отношении эпизоды ловли Жар-птицы и поиска Василисы Прекрасной. Обилие деталей предметного мира является характерной особенностью исполнительского стиля сказочницы.

47. ВАНЬКА

Первая публикация: Сказки от бабушки Нины. Чернушка, 2006. С. 25–30.

В основе сказки лежит текст из книги В. Воробьева «Сказки по мотивам русского фольклора» (Воробьев 1973, с. 81–92). Сказка Нины Андреевны близка к авторской версии, но исполнительница наполняет ее множеством деталей, отсутствующих у писателя. Сказочница хорошо знает фольклорную традицию, однако ее симпатии явно принадлежат авторским сказкам. Она создает

свою «литературную» версию текста, в которую включает множество деталей, пейзажей, психологических подробностей. Эти элементы не свойственны фольклорной сказке, но совершенно естественны в сказке авторской. Жаль, что в нашем распоряжении нет повторных записей сказок Нины Андреевны и мы лишены возможности проанализировать процесс ее творчества, степень импровизационного начала.

48. ЦАРЬ И СОЛДАТ

Ранее текст не публиковался.

Сказка принадлежит к сюжетному типу СУС 922 «Беззаботный монастырь». В большинстве вариантов вопросы царя адресованы игумену монастыря, но отвечает на них подставное лицо – мужик, солдат, пастух и т. д. В некоторых вариантах вопросы задаются именно солдату, который отслужил двадцать пять лет, а царя не видел. Герою не верят, что он служил, и поэтому солдат возвращается во дворец, где и отвечает царю на вопросы. Наиболее подробно данный сюжет описан в монографии В. Андерсона²⁰.

История сюжета восходит к сочинению Ибн Абдель-Хакима, арабского автора IX века, и толмудическому рассказу о споре рабби Ишуа Бен-Хананья с афинскими мудрецами. В Европе этот сюжет был необычайно популярен. Известны баллада Г. Бюхнера «Император и аббат» и английская баллада «Король Джон и епископ», которая многократно издавалась в формате бродсайдов²¹.

Вероятно, на вариант сказки Нины Андреевны повлиял текст из сборника А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 326). Однако сказочница не просто заимствовала сюжет о солдате, который отвечает царю. Она расширила эпизод возвращения героя домой после двадцати пяти лет службы. Сказочница создает картину встречи служивого всеми односельчанами, подробно описывает, как ставят столы, какую еду приносят и т. д. Лишь после этого вводится в повествование диалог героя с мальчишкой, обеспечивающий дальнейшее развитие сюжета. Скорее всего, сказочница хотела использовать другой сюжетный тип, СУС 465С «Поручение на тот свет», но по какой-то причине передумала прямо в процессе рассказа.

ЮРЛИНСКИЙ РАЙОН

Деревня Мухоморка. Исполнитель – Татьяна Петровна Никитина, 1939 г. р.

Записано в 2016 г. Собиратели: С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, Е. М. Четина, М. А. Брюханова. Экспедиция филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

²⁰ Андерсон 1916.

²¹ Вид графики, сходный с русскими лубочными листами; представляет собой картинку с подписью.

49. МОРОЗКО

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 480 «Мачеха и падчерица». Подробнее о сюжете см. комментарии к тексту № 30, а также варианты сюжетного типа см. № 26 и 42 данного сборника.

Вариант сказки Татьяны Петровны довольно оригинален. Мачеха, заставив мужа отвезти падчерицу в лес, ведет диалог с собачкой, спрашивая ее о состоянии девушки. В большинстве вариантов сказки мачеха отправляет старика за умершей, с ее точки зрения, падчерицей, однако отец везет девушку домой живую и одаренную Морозко. В этот момент в сюжете появляется собачка, которая сообщает, что падчерица жива. Однако в сказке Татьяны Петровны собачка говорит о девушке, когда та еще находится в лесу.

Интересны и многократные появления Морозко. В большинстве вариантов он приходит единожды, но постепенно приближается к девушке, спрашивая о ее состоянии. В варианте Татьяны Петровны он приходит в течение нескольких дней, постепенно одаривая девушку различными вещами и сундучком с богатством. Несколько дней приходит Морозко и к дочке мачехи. Он усиливает мороз, и наконец грубиянка замерзает.

Сказка Татьяны Петровны наполнена множеством деталей. Так, мачеха сначала кормит собачку блинами, а когда в очередной раз получает неприятный ей ответ, бьет животное сковородником. Замечательно описаны появления Морозко: «ножкой топ-топ-топ, прибежал» или «прыг-прыг на одной ножке, прискакал». Подробно перечисляются дары Морозко девушке. Завершается текст дидактическим пассажем о том, как надо общаться с персонажами типа Морозко.

Деревня Мухоморка. Исполнитель – Татьяна Петровна Никитина, 1939 г. р.

Записано в 2006 г. Собирает – И. А. Подюков

50. ПЕРДУНОК

Первая публикация: Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. С. 257–258.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 327F «Мальчик и ведьма». Подробнее об этом сюжете см. комментарии к текстам № 9, 19, 25, 26.

Чудесное рождение обычно связано с мифологически нагруженными предметами (яйцом, рыбой, горохом и т. д.). Ребенок может быть рожден от ветра, воды, взгляда и т. п. Его могут выстругать из дерева или вылепить из снега. Он может появиться из отрубленной конечности²². В данном случае способ рождения иной: «Пердунка выпердели». Он, безусловно, необычный и довольно редкий для сказочной традиции, но не уникальный. Аналогичный вариант чудесного рождения был зафиксирован от К. П. Зеленовой из поселка Механизаторов Муромского района

²² Подробнее об этом см.: Пропп 1976, с. 205–240; Добровольская 2009, с. 60–66.

Владимирской области²³. Текст Клавдии Петровны относится к другому сюжетному типу – СУС 700 «Мальчик с пальчик», однако для него характерен мотив чудесного рождения: в тексте К. П. Зеленовой старики также «выпердили себе Пердунка».

В традиционной культуре газообразование, а также экскременты, навоз и мусор наделены определенной сакральной семантикой, связанной как с нечистотой, так и с богатством (наступить в коровью лепешку – к богатству; быть испачканным птичьим пометом – к деньгам; видеть во сне экскременты – к достатку и т. д.). Мифологические персонажи часто одаривают людей золотом, которое потом превращается в мусор, или, наоборот, мусором, превращающимся в деньги. Ходячий покойник приносит угощение, которое превращается в овечий помет; леший угощает заблудившихся детей конфетами, оказывающимися навозом, и т. п. Если мусор и навоз обладают амбивалентной семантикой и связаны как с богатством, так и с нечистотой, то кал и связанные с ним действия не имеют семантики плодородия или богатства и обладают только статусом нечистоты. В этом качестве они активно применяются в магии. Если использование кала для создания человека встречается прежде всего в этиологических текстах²⁴, то возникновение человека из газов не упоминается. Однако понятно, что столь необычное появление на свет героя связано с представлением о газообразовании как выделении некой сущности. Старики не могут родить ребенка естественным путем и прибегают к более экзотическому способу. Надо обратить внимание и на то, что зарождение Пердунка происходит в ступе. Ступа и пест в фольклоре соотносятся с мужскими и женскими половыми органами, в ряде традиций выражение «толочь в ступе» выступает как метафора полового акта.

В результате описанных действий появляется мальчик, которого называли Пердунок. Действие развивается в соответствии с сюжетной схемой СУС 327F, однако в варианте Татьяны Петровны появляется ряд особенностей. В большинстве вариантов сказки герой катается на лодочке и удит рыбу. В данном случае герой катается на санках. Баба-яга не утаскивает мальчика, подманив его измененным голосом. Напротив, герой сам прибегает в ее дом и ворует приготовленные блины.

В варианте Татьяны Петровны присутствует мотив усыпления дочерей Яги. У девушек есть особенности внешности: один, два или три глаза. Песенка героя усыпляет одноглазую и двуглазую героиню, а трехглазая ловит героя, так как третий глаз не уснул. Подобный мотив характерен для сказок СУС 511 «Чудесная королева», в которых такой же песенкой героиня усыпляет дочерей мачехи.

В дальнейшем сказка развивается в соответствии с сюжетной схемой. Дочери Яги хотят изжарить Пердунка, но он хитростью заманивает их на лопату и жарит. Соответственно, Баба-яга съедает своих дочерей.

К сожалению, исполнительница в момент записи нечетко помнила концовку сказки. Она не смогла рассказать ни о том, как герой заманивал дочерей Яги на лопату, ни о том, как он сам спасся от Яги. Татьяна Петровна понимала, что упускает какие-то фрагменты текста, пыталась их вспомнить, но ей это не удалось.

²³ Подробнее об этой исполнительнице см.: Добровольская 2016; Добровольская 2008, с. 149–161.

²⁴ Подробнее об этом см. Кабакова 2019, с. 26–31.

Деревня Мухоморка. Исполнитель – Татьяна Петровна Никитина, 1939 г. р.
Записано в 2016 г. Собиратели: С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, Е. М. Четина, М. А. Брюханова.
Экспедиция филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

51. ПЕРДУНОК

Ранее текст не публиковался.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 327F «Мальчик и ведьма». Подробнее об этом сюжете см. комментарии к текстам № 9, 19, 25, 26 и 50.

На момент записи сказочница явно давно не рассказывала сказку. Этим объясняются сбивчивость повествования, попытка вспомнить пропущенные эпизоды и т. п. Сказочница путается, рассказывая о том, чем занимался ребенок перед тем, как попасть в дом Бабы-яги: герой то катается на лодочке, то бежит кататься «на угор». Катание ребенка на лодке типично для данного сюжетного типа, однако из текста, записанного в 2006 г. И. А. Подюковым (см. № 50 данного сборника), становится ясно, что в сказке Татьяны Петровны встречается мотив катания с угора на санках. Упоминание лодочки, скорее всего, связано с тем, что Татьяна Петровна знала и канонический вариант сюжета о мальчике-рыбаке и ведьме.

Исчезает в тексте такая колоритная деталь, как замена съеденных блинов экскрементами, которая присутствовала в более раннем варианте сказки. В записи 2006 г. такая подмена осуществлялась после каждого посещения, а в данном тексте о ней вскользь упоминается лишь в эпизоде четвертого посещения Пердунком дома Яги.

В позднем варианте сказки более подробно рассказывается об обмане Яги, об имитации Пердунком непонимания требований лечь на хлебную лопату.

Появляется в данном варианте и мотив проверки «жирности» героя, который отсутствовал в тексте, записанном в 2006 г. Обычно подобные проверки осуществляются в сказках сюжетного типа СУС 327А «Брат и сестра у ведьмы», но иногда этот мотив появляется и в сюжетном типе СУС 327F.

К концу повествования сказочница окончательно запуталась в последовательности эпизодов и практически не смогла завершить текст. Судя по репликам, в предыдущем случае она рассказывала сказку детям, возможно, внукам, но с тех пор прошло много лет, и сказочница забыла сюжетную схему и многие детали текста.

52. КАЛЁНЫЕ ЗУБЫ

Ранее текст не публиковался.

Точного соответствия в СУС нет. Отчасти сказка близка сюжетному типу СУС –480С** и СУС 480В*, то есть сказкам о мачехе и падчерице, в которых героиня сталкивается с мифологическим персонажем, представляющим для девушки определенную угрозу (см. комментарий к тексту № 43).

Сказка не является индивидуальным творчеством Татьяны Петровны, по крайней мере, существует еще один вариант данного сюжета. Он записан в Череповецком районе Вологодской

области в д. Кривец от С. В. Зеленцовой²⁵. В отличие от варианта Т. П. Никитиной сказка С. В. Зеленцовой заканчивается благополучно, девушка выскакивает из дома и спасается от Каленых зубов в красной рубахе.

Сказка Татьяны Петровны полна таинственных и страшных деталей. Так, девушка идет звать подруг через кладбище, Каленые зубы обводит спящих подруг героини таинственной головешкой, и они засыпают беспробудным сном. Сказочница оставляет героиню один на один с Калеными зубами и создает картину безысходного трагизма: понимая, что она имеет дело с нечистой силой, девушка пытается разбудить петушка, но тот не поет, и Каленые зубы остаются в доме; девушка пытается тянуть время, ссылаясь на различные домашние дела, но и это не помогает. Наивысшее напряжение возникает тогда, когда героиня задает Каленым зубам вопросы. Необычен и финал сказки. По логике повествования сказка должна закончиться словами Каленых зубов: «Ам! Тебя съем»; сказочница подтверждает, что девочку съели, что родители вернулись, но уже не застали дочь в живых. Однако исполнительница назидательно замечает, что не нужно звать по вечерам подружек, поскольку так можно привлечь нечистую силу.

Деревня Осинка. Исполнитель – Ксения Григорьевна Сакулина, 1927 г. р.
Записано в 2003 г. Собиратели: А. В. Черных, С. В. Хоробрых.

53. Я МОЛОДЕЦ – С ТОГО СВЕТА ВЫХОДЕЦ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. № 96.

Сказка представляет собой контаминацию сюжетных типов СУС 1540 «С того света выходец», СУС 1540А* «Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости» и СУС 1528 «Сокол под шляпой». Контаминация традиционная, первая публикация в сборнике: Афанасьев 1985, № 391. Однако сюжетный тип СУС 1540А* зафиксирован и как самостоятельный. Первая публикация в издании: Друковцов 1779, № 20. Пермские варианты в сборниках: Зеленин Пермь 1914, № 26, 31; Смирнов 2017, № 271; Серебренников 1964, № 23. Уральские варианты: Уральский современник 1941, № 4, с. 125–126; Русские народные сказки Урала 1959, с. 42–44.

Сюжет активно привлекался европейской литературой Средних веков и Нового времени. Известны обработки данного сюжета Гансом Саксом, использовавшим его и в комедиях, и в фастнахтшпилях²⁶. Встречается этот сюжет и в польской интермедии «Wdowiec z usarzem niebieskim» («Вдовец и небесный гусар»).

Ксения Григорьевна не очень точно помнит, кто из персонажей совершает те или иные действия, поэтому сначала появляется один солдат, который обманывает старуху, а потом второй, являющийся сыном старухи, обманывает остальных.

²⁵ Каду́йские сказки 2020, с. 46–47.

²⁶ Масленичные действия.

Деревня Елога. Исполнитель – Анна Ивановна Овчинникова, 1927 г. р.
Записано в 2003 г. Собиранье – А. В. Черных.

54. МЕДВЕДЬ

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 234–235.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 161А*. О сюжетном типе подробнее см. комментарии к тексту № 1.

Текст отличается рядом особенностей, не свойственных сюжетной схеме. Медведь приходит не за тем, чтобы уничтожить человека, нанесшего ему урон, а затем, чтобы съесть старуху, которая прячет медвежью шерсть, печет медвежье мясо и сидит на медвежьей шкуре. Хотя песня медведя соответствует песням из других вариантов данного сюжетного типа, она поется персонажем не для того, чтобы заявить о своем присутствии и напугать людей, а для того, чтобы получить от старика его жену. В этом случае человек откупается от зверя, давая ему вместо старухи сначала овечку, потом корову, а потом коня. Данная схема соответствует сюжетному типу СУС 163 «Пение волка».

Неожиданна и концовка сказки. У сюжетного типа СУС 161А* может быть как счастливый для людей финал, так и печальный, но спасение стариков связано обычно с некой случайностью: обрывом корзины, пролитым кипящим супом и т. п. Старики никогда не защищаются. В сказке Анны Ивановны старик, трижды откупившись от медведя, заманивает зверя в ловушку и убивает его.

55. МОРОЗКО

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. С. 116–119.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 480 «Мачеха и падчерица». Подробнее см. комментарии к тексту № 30 данного сборника, а также варианты № 26, 30, 42, 49.

Сказка соответствует сюжетной схеме, но характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, это эпизоды получения совета от птицы и выбора одного из двух сундуков. Мотив выбора присутствует в ряде вариантов данного сюжетного типа. Наиболее характерен он для русской сказочной традиции Карелии. Чудесный советчик обычно помогает девушке в ответ на какой-то ее добрый поступок. В данном случае помощь птички бескорыстна. Надо отметить, что чаще выбор осуществляется между большим и малым сундучком или более дорогим (золотым, изукрашенным драгоценными камнями и т. д.) и более скромным (медным, деревянным и т. д.), хотя выбор по цвету тоже возможен.

Вторым, довольно редким, моментом является сжигание дома огнем из сундучка. Такой вариант развития событий характерен преимущественно для сказок севернорусской традиции, в других регионах он встречается существенно реже. Обычно мачеха сгорает в огне, но в сказке Анны Ивановны она остается живой. Сказочница наказывает злую женщину одиночеством: падчерица выходит замуж, а старик переезжает к ней в дом.

Деревня Носкова. Исполнитель – Мария Константиновна Найданова, 1933 г. р.
Записано в 2002 г. Собиратель – И. А. Подюков.

56. ВЕРШКИ И КОРЕШКИ

Ранее текст не публиковался.

Сказка принадлежит к сюжетному типу СУС 1030 «Дележ урожая». Первая русская публикация в сборнике: Афанасьев 1984, № 23–25. Пермский вариант в издании: Зеленин Пермь 1914, № 80.

Наиболее ранний литературный сюжет зафиксирован в 1335 г. в книге дон Хуана Мануэля «Книга примеров графа Луканора и Патронио» (Мануэль 1961).

Сказка рассказана довольно схематично, но основные элементы сюжетной схемы учтены. Иногда сказочница сбивается, но быстро вспоминает сюжет. Можно предположить, что на сказку Марии Константиновны оказал влияние мультфильм 1974 г. «Вершки и корешки» (реж. Л. Носырев), который был необычайно популярен. На это влияние указывает прежде всего угроза медведя, слова которой полностью совпадают с текстом мультфильма.

57. СОЛДАТСКАЯ ПОМОЩЬ

Первая публикация: Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX – XX в. Материалы и исследования. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 2003. С. 329.

Текст относится к анекдоту сюжетного типа СУС 1210 «Тащат корову на крышу». Первая публикация в сборнике: Афанасьев 1985, № 405. Пермский вариант: Зеленин Пермь 1914, № 26. Уральские варианты: Русские народные сказки Урала 1959, с. 127–128; Бараг 1974, № 44, с. 86–87. Второй эпизод наиболее близок к сюжетному типу СУС 1263 «Едят кашу с молоком».

Старейшая литературная обработка сюжета о людях, затаскивающих корову на крышу, встречается в книге В. Березайского (Березайский 1798). Текст относится к анекдотам о пошехонцах. Исполнительница довольно уверенно рассказывает первый эпизод и несколько путается во втором. Она не может завершить текст, явно смущается оттого, что не может вспомнить финальную формулу.

Деревня Ефремова. Исполнитель – Анна Ивановна Суворова, 1932 г. р.
Записано в 2002 г. Собиратель – И. А. Подюков.

58. ПРО КОТОЧКА И ПЕТУХА

Первая публикация: Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX – XX в. Материалы и исследования. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 2003. С. 325–327.

Сказка относится к широко распространенному в русской сказочной традиции сюжетному типу СУС 61В «Кот, петух и лиса». В указателе зафиксировано сорок девять русских вариантов. Первая публикация этого сюжета состоялась в сборнике: Старая погудка на новый лад 1795, ч. II, № 5).

Пермские варианты в изданиях: ПГВ 1863, № 41, с. 211, № 42, с. 214–215, перепечатка Зеленин Пермь 1914, № 83–84; Спешилов 1962, с. 30; Подюков 2000, с. 9; РНСПК 2004, № 19 и Комментарии, с. 233–234; Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 9. Имеется архивная запись ГАПО/ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 209. Л. 3²⁷. Уральская публикация в издании: Померанцева 1957, № 6.

Сказка довольно точно соответствует сюжетной схеме, однако исполнительница не использует песенные вставки, которые очень устойчивы в других вариантах. Анна Ивановна включает в свой текст некоторые ритмические фрагменты типа: «Несёт меня лиса за зыбучи болотá...», но в большинстве случаев обходится без них.

Сказочница наполняет текст специфическими деталями: котик носит за поясом топор, лиса прячется за угол дома, чтобы обмануть петушка, петушка надоедает одному сидеть дома. Принесла петушка к себе в нору, лиса ставит на печку чугунок и т. д. Возможно, что на предметный мир сказки повлияли иллюстрации из детских книжек, где хозяйственный кот всегда изображается с топором за поясом, а лиса имеет в своей норе множество чугунков.

59. ПРО КУЗНЕЦА И МОЛОДУЮ ЖЕНУ

Первая публикация: Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX – XX в. Материалы и исследования. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 2003. С. 331–332.

Текст относится к анекдотам о верных женах. Прямого соответствия в СУС нет.

60. ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Первая публикация: Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX – XX в. Материалы и исследования. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 2003. С. 327–328.

Сказка относится к сюжетному типу СУС –402А*** «Девушка-уточка». Сюжет крайне редко встречается в русской и в целом в восточноевропейской традиции. Русских вариантов зафиксировано два: Карнаухова 1934, № 100; Соколова 1970, с. 30–31. Таким образом, текст Анны Ивановны можно было бы считать третьим русским вариантом данного сюжетного типа. Однако, скорее всего, в основе сказки лежит текст А. Толстого «Кривая уточка», а не неизвестный устный источник. Сказка в значительной степени является творчеством самой Анны Ивановны, поскольку исполнительница взяла только мотив превращения девушки в уточку и создала вокруг него свой текст, в котором главными эпизодами становятся превращение птицы в девушку и действия стариков. В традиционных вариантах старики сжигают перышки девушки. Она ничего не говорит старику и старухе, но просит дать ей кудель и прялку, садится на крыльце, прядет и каждую пролетающую стаю уток и

²⁷ Русские народные сказки, записанные неустановленным автором.

гусей просит скинуть ей перышки. Когда перьев оказывается достаточно, героиня превращается в уточку и улетает. В сказке Анны Ивановны этого мотива нет. Более того, героиня стремится стать человеком, и старики ей в этом помогают.

61. ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Ранее текст не публиковался.

Текст относится к сюжетному типу СУС 2022В «Разбитое яичко». Он распространен преимущественно у восточных, западных и южных славян, балтов, румын и турок, хотя единичные варианты встречаются у всех народов Европы и Азии. Первая русская публикация в сборнике: Афанасьев 1984, № 70, 71. Пермские варианты в издании: Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 41, 41.1.

Сказка о Курочке Рябе широко известна в обработке К. Д. Ушинского, который использовал только один фрагмент текста, завершающийся счастливым финалом. Текст Анны Ивановны является весьма своеобразным вариантом сказки. В нем появляется внучка, по чьей просьбе заводят курочку. Девочка ухаживает за птицей, и в благодарность курочка сносит яичко, которое неожиданно разбивается. Старики и внучка переживают; курочка, утешая их, обещает снести золотое яичко. Однако никакого развития сюжета не происходит. Таким образом, сказка представляет собой усеченный фрагмент текста, а сказочница сворачивает даже относительно счастливый финал, известный преимущественно в обработке К. Д. Ушинского. После финальной формулы исполнительница добавляет, что золотое яичко курочка только посулила старикам.

ЮСЬВИНСКИЙ РАЙОН

Поселок Пожва. Исполнитель – Лидия Тихоновна Беянина, 1941 г. р.
Записано в 2003 г. Собиратель – С. В. Хоробрых.

62. ПРО РАЗБОЙНИКОВ

Первая публикация: Юсьва – лебединая река. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре жителей Юсьвинского района / И. А. Подюков, А. М. Белавин, С. В. Хоробрых, Н. В. Паде-рина, Е. Н. Баяндина, Е. А. Васильева. Усолье: [б. и.], 2015. С. 301–304.

Текст относится к анекдотам и представляет собой традиционную контаминацию сюжетных типов СУС 1525Е «Воры и их ученик» и СУС 1525К* «Кому должна достаться шуба». Первая публикация в издании: Левшин 1780, Ч. II, с. 3–24. В отличие от широко распространенного сюжетного типа СУС 1525А «Ловкий вор», известного во всех мировых фольклорных традициях, сюжеты типов СУС 1525Е и СУС 1525К* встречаются существенно реже. Отдельные детали и эпизоды этих сюжетных типов обнаруживаются в книге аль-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов» (Масуди 2002, с. 449–451), а также в итальянских новеллах XV в. и более поздней книге Дж. Страпаролы «Приятные ночи» (Страпарола 1978, I-2). Пермский вариант опубликован в издании: Смирнов 2017, № 284.

Исполнительница явно давно не воспроизводила текст, о чем свидетельствует небольшая сбивчивость изложения. Он интересен уточняющими деталями: старики жили в деревне; чтобы отдать сына в ученье, нужно ехать в город; собирая сына, старуха приготовила еду и «бельё ему дала». Интересны замечания рассказчицы, что парня хотели устроить на завод, что разбойники, поднимая героя ночью, грозят ему: «...нам прогул поставят» и т. п.

63. ПРО ИВАНА-ДУРАКА

Первая публикация: Юсьва – лебединая река. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре жителей Юсьвинского района / И. А. Подюков, А. М. Белавин, С. В. Хоробрых, Н. В. Паде-рина, Е. Н. Баяндина, Е. А. Васильева. Усолье: [б. и.], 2015. С. 300–301.

Текст относится к анекдотам сюжетного типа СУС 1696 «Набитый дурак». Первая публикация в издании: Русские сказки в ранних записях 1971, № 8. Стихотворный текст данного сюжетного типа см.: Кирша Данилов 1977, № 59.

Сюжет известен по восточным источникам. Он представлен в сборнике раннебуддийских текстов «Трипитака» («Три короба»), памятнике средневековой арабской и персидской литературы «Тысяча и одна ночь», китайском сборнике «Цза бао цзан цзин» (Сутра «Сокровищница разных драгоценностей»).

Исполнительница следует сюжетной схеме, сохраняя в своем варианте множество эпизодов, которые связаны с неправильным поведением дурака. В большинстве вариантов дурак за свои неуместные слова бывает бит. В данном же тексте последний эпизод завершается смертью героя.

Лидия Тихоновна пытается объяснить собирателям то, что, с ее точки зрения, они не поймут: герой «маленько был недоразвитый», но ходил в школу и церковь; на полях служили молебны и т. д. Очевидно, рассказчица пропустила эпизод свадьбы. После того как герой сталкивается с похоронной процессией, мать дает ему совет: «Ты бы взял да поплясал, да песенки попел, дак тебе бы хоть конфетки дали...», что нарушает логику сюжета. Следующий эпизод также связан с несчастьем (горит гумно), а структура сказки подразумевает чередование радостных и печальных эпизодов.

**Поселок Елизавето-Пожва. Исполнитель – П. Ф. Деменева, 1929 г. р.
Записано в 2003 г. Собиратель – С. В. Хоробрых.**

64. ПРО КОЗУ

Первая публикация в издании: Юсьва – лебединая река. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре жителей Юсьвинского района / И. А. Подюков, А. М. Белавин, С. В. Хоробрых, Н. В. Падерина, Е. Н. Баяндина, Е. А. Васильева. Усолье: [б. и.], 2015. С. 304–305.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 212 «Коза лупленная». Первые публикации этого сюжетного типа в издании: Афанасьев 1985, № 14, 62. Пермские варианты представлены в сборниках:

ПГВ 1863, № 40; Зеленин Пермь 1914, № 79; Спешиллов 1962, с. 15; Подюков 2000, с. 13; Сказки Е. Н. Трясциной 2020, № 14. Архивные записи: с. Половодово Соликамского р-на, с. Бигичи Чердынского р-на (ФА ПГУ); с. Цыдва Чердынского района, от Н. Г. Лыбиной, 1903 г. р. (ФА ПГУ 151). Уральский вариант в книге: Бараг 1975, № 24.

Сказочница практически не воспроизводит первую часть сказки, в которой коза обманывает старика и заставляет его наказывать родных за то, что они плохо ее пасли. В записанном варианте в начале повествования старик решает зарезать козу, а та убегает в лес. Вторая часть разработана подробно. Сказочница сохраняет присущую сюжетному типу формульность («Я – коза-ребеза́, полбока́ луплено, за́ три гроша куплено. Топы́-топы́ ногами, заколю тибя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету!») и диалоги. Рассказчица немного забыла реплики петуха, но слова, которые она помнит, свидетельствуют о том, что и этот персонаж говорил характерной для данного сюжетного типа ритмизованной прозой.

СПИСОК СЮЖЕТНЫХ ТИПОВ

СУС 15 «Лиса-повитуха» – № 22 (+ 43, 130)
СУС 20А «Звери в яме» – № 21 (+ 21, 248А*)
СУС 21 «Пожирание собственных внутренностей» – № 21 (+ 20А, 248А*)
СУС 43 «Лубяная и ледяная хатка» – № 22 (+ 15, 130)
СУС 61В «Кот, петух и лиса» – № 26 (+ 327С, 480), № 58
СУС 103 «Кот и дикие животные» – № 6 (+ 283В*)
СУС 130 «Зимовье животных» – № 22 (+ 43, 15)
СУС 158 «Звери в санях у лисы» – № 18 (+ 170)
СУС 161А* «Медведь на липовой ноге» – № 1, 7, 11 (+ 1030), № 23, 54
СУС 163 «Пение волка» – № 24
СУС 170 «За скалочку – гусочку» – № 18 (+ 158)
СУС 212 «Коза лупленная» – № 64
СУС 248А* «Лиса и дрозд» – № 21 (+ 20А, 21)
СУС 283В* «Терем мухи» – № 6 (+ 103)
СУС 300А «Бой на Калиновом мосту» – № 12
СУС 301 «Три подземных царства» – № 3, 8 (+ 707, 329), № 44 (+ 311, 650А)
СУС 302₁ «Смерть Кощея в яйце» – № 36 (+ 4001, 3022, 552А, 554)

СУС 302₂ «Смерть Кощея от коня» – № 36 (+ 4001, 3021, 552А, 554)
СУС 303 «Два брата» – № 37
СУС 311 «Медведь и три сестры» – № 44 (+ 650А, 301)
СУС 313 А, В, С «Чудесное бегство» – № 27 (+ 400), № 40
СУС 313J «Ведьма и Солнцева сестра» – № 5
СУС 313Н* «Бегство с бросанием чудесных предметов» – № 41 (+ 428)
СУС 327 С, F «Мальчик и ведьма» – № 9 (+ 1681А, 700), № 19, 25, 26 (+ 61В, 480), № 50, 51
СУС 329 «Алена Премудрая» – № 8 (+ 301, 707)
СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую жену» – № 27 (+ 313 А, В, С)
СУС 400₁ «Муж ищет исчезнувшую жену» – № 36 (+ 3021, 3022, 552А, 554)
СУС 402 «Царевна-лягушка» – № 38
СУС –402А*** «Девушка-уточка» – № 60
СУС 428 «Девушка на службе у ведьмы» – № 41 (+ 313Н*)
СУС 461 «Марко Богатый» – № 2
СУС 480 «Мачеха и падчерица» – № 26 (+ 327С, 61В), № 30, 42, 49

СУС 480В* «Мачеха и падчерица» – № 43, 52 (+ –480С**)
СУС –480С** «Мачеха и падчерица» – № 39, 52 (+ 480В*)
СУС 502 «Медный лоб» – № 4, 45 (+ 566)
СУС 531 «Конек-горбунок» – № 46
СУС 552А «Животные-зятья» – № 36 (+ 4001, 3021, 3022, 554)
СУС 554 «Благодарные животные» – № 36 (+ 4001, 3021, 3022, 552А)
СУС 566 «Рога» – № 45 (+ 502)
СУС 650А «Иван медвежье ушко» – № 44 (+ 311, 301)
СУС – 650С* «Илья Муромец» – № 13
СУС 700 «Мальчик с пальчик» – № 9 (+ 1681А, 327F)
СУС 703* «Снегурочка» – № 20 (+ 780)
СУС 707 «Чудесные дети» – № 8 (+ 301, 329)
СУС 715А «Петух и жерновцы» – № 28
СУС 780 «Чудесная дудочка» – № 20 (+ 703*)
СУС 888 «Жена вызволяет мужа» – № 17
СУС 922 «Беззаботный монастырь» – № 48
СУС 955 «Жених-разбойник» – № 31 (+ 956В)
СУС 956В «Девушка и разбойники» – № 31 (+ 955)
СУС – 974* «Добрыня Никитич» – № 16
СУС 1004 «Свиньи в болоте утопились» – № 32 (+ 1072, 1132, 1120)
СУС 1030 «Дележ урожая» – № 11 (+ 161А*), № 56
СУС 1072 «Состязание в беге» – № 32 (+ 1004, 1132, 1120)

СУС 1120 «Хозяйка сброшена в воду вместо работника» – № 32 (+ 1004, 1072, 1132)
СУС 1132 «Бегство от работника» – № 32 (+ 1004, 1072, 1120)
СУС 1210 «Ташат корову на крышу» – № 57 (+ 1263)
СУС 1242А «Хозяин помогает лошади» – № 10 (+ 1275, 1287)
СУС 1263 «Едят кашу с молоком» – № 57 (+ 1210)
СУС 1275 «Глупцы оставляют сани оглоблями туда, куда едут» – № 10 (+ 1242А, 1287)
СУС 1287 «Не могут сосчитаться» – № 10 (+ 1242А, 1275)
СУС 1525Е «Воры и их ученик» – № 62 (+ 1525К*)
СУС 1525К* «Кому должна достаться шуба» – № 62 (+ 1525Е)
СУС 1528 «Сокол под шляпой» – № 53 (+ 1540, 1540А*)
СУС 1539 «Шут» – № 33, 35
СУС 1540 «С того света выходец» – № 53 (+ 1540А*, 1528)
СУС 1540А* «Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости» – № 53 (+ 1540, 1528)
СУС 1681А «Дурак боится собственной тени» – № 9 (+ 700, 327F)
СУС 1696 «Набитый дурак» – № 63
СУС –1895D* «Сожженная половина озера» – № 34 (+ –1930D*)
СУС –1930D* «Подпоясался топором» – № 34 (+ –1895D*)
СУС 2022В «Разбитое яичко» – № 61

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Gesta Romanorum / Римские деяния 1980 – Римские деяния // Средневековые латинские новеллы XIII в. / Пер., статья и комм. С. В. Поляковой. Л.: б/и, 1980. С. 5–286. («Литературные памятники».)

Thompson 1955–1958 – *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: 6 vols. Copenhagen-Bloomington, 1955–1958.

Tolkien 1983 – *J. R. R. Tolkien.* The Monsters and the Critics, and Other Essays / Ed. Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin, 1983. – 239 p.

Авдеева 1860 – *Авдеева К.* Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой, изданные К. Авдеевой. СПб.: Изд-во О. М. Вольф, 1860. – 36 с.

Азадовский 1936 – *Азадовский М. К.* Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 134–163.

Андерсон 1916 – *Андерсон В.* Император и аббат. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1916. – 520 с.

Антология 2013 – Антология традиционного фольклора народов Прикамья / Сост. и вступ. ст. А. В. Черных. Пермь: Типография «Зебра», 2013. – 352 с.

Астахова 1938 – Былины Севера; Мезень и Печора. Т. 1 / А. М. Астахова; записи, вступ. статья «Былинное творчество сев. Крестьян» и комментарий А. М. Астаховой. М.; СПб.: АН СССР, 1938. – 683 с. (Материалы рукописного хранилища фольклорной комиссии... / Акад. наук СССР, Фольклор. комиссия при Ин-те этнографии. Под ред. М. К. Азадовского.)

Афанасьев 1984 – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. Т. 1. М.: Наука, 1984. – 511 с. («Литературные памятники».)

Афанасьев 1985 – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. А. Г. Бараг, Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. Т. 2–3. М.: Наука, 1985. [2] – 464 с., [3] – 495 с. («Литературные памятники»).

Афанасьева-Медведева 2018 – *Афанасьева-Медведева Г. В.* Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири. Министерство культуры и архивов Иркутской области, ГБУК «Региональный центр русского языка, фольклора и этнографии», Научно-исследовательская лаборатория по изучению традиционной культуры Восточной Сибири Иркутского государственного университета, Общественная организация «Моя земля». Иркутск, 2018. – 688 с.

Базиле 2018 – *Базиле Дж.* Сказка сказок, или Забава для малых ребят / Пер. с неап. Петра Епифанова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. – 552 с.

Бараг 1969 – Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960–1966 гг. / Подбор текстов, ред., вступит. статья и примеч. А. Г. Барага. Уфа: Башкнигоиздат, 1969. – 191 с.

Бараг 1974 – Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала / Отв. ред. А. Г. Бараг. Вып. 1. Уфа: б/и, 1974. – 286 с.

Бараг 1975 – Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке / Под ред. и с коммент. А. Г. Барага. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1975. – 175 с.

Белоусов 1976 – Песни и сказки русского населения Эстонии // Фольклор русского населения Прибалтики / Авт.-сост. А. Ф. Белоусов и др. М.: Наука, 1976. С. 184–241.

Березайский 1798 – Анекдоты древних пошехонцев. Сочинение Василия Березайского. СПб.: Тип. Гос. Мед. Коллегии, 1798. – XII + 220 с.

Бирюков 1936 – Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск: б/и, 1936. – 364 с.

Бирюков 1953 – *Бирюков В. П.* Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1953. – 292 с.

Блинова 1937 – Сказы, песни, частушки / Под ред. Е. М. Блиновой. Челябинск: Челябингиз, 1937. – 282 с.

Буслаев 1861 – *Буслаев Ф. [И.]*. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. – 643 с.

Былины Печоры – Былины Печоры и Зимне-го Берега: (Новые записи) / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородин-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 606 с.: ил., нот. (Памятники рус. фольклора / Гл. ред. А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Б. Н. Путилов.)

Ваненко 1849 – *Ваненко И.* Народные русские сказки и побасенки, для детей меньшего возраста. Кн. II. М.: Д. Трегубов, 1849. – 227 с.

Воробьев 1973 – Воробьев В. И. Сказки по мотивам русского фольклора. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1973. – 134 с.

Гильфердинг III – Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. III. Вып. 1. 2-е изд. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1900. – VIII, 562 с.

Гримм 2020 – *Гримм Якоб, Гримм Вильгельм*. Детские и домашние сказки: В 2-х кн. Кн. 1 / Изд. подгот. К. М. Азадовский, Р. Ю. Данилевский, Е. Е. Дмитриева. М.: Ладомир; Наука, 2020. – 872 с. («Литературные памятники».)

Девушка-лебедь 1981 – *Девушка-лебедь / Славянские сказки в пересказе С. Маршака, К. Паустовского, Н. Гессе и З. Задунайской, Н. Подольской, Н. Шерешевской, Т. Вирта, Л. Яхнина. Художник Ф. Лемкуль. М.: Детская литература, 1981. – 125 с.*

Добровольская 2008₁ – *Добровольская В. Е.* Мотив «сокрытия девушки своего пола» в славянском фольклоре // *Зборник на резимеа. Т. 2. Скопје, 2008. С. 143–144.*

Добровольская 2008₂ – *Добровольская В. Е.* Клавдия Павловна Зеленова: исполнитель и комментатор фольклора // *Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2008. С. 149–161.*

Добровольская 2009 – *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: ГРЦРФ, 2009. – 224 с.

Добровольская 2016 – *Добровольская В. Е.* Фольклорное наследие Клавдии Павловны Зеленовой из поселка Механизаторов Муромского района Владимирской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/objects/2841/folklornoe-nasledie-klavdii-pavlovny-zelenovoi-iz-poselka-mekhanizatorov-muromskogo-raiona-vladimirskoi-oblasti> (дата обращения: 2.12.2020).

Добровольская 2017 – *Добровольская В. Е.* Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской

сказочной традиции // *Традиционная культура. 2017. № 3. С. 139–150.*

Добровольская 2019 – *Добровольская В. Е.* Русские сказки сюжетного типа СУС 480 («Мачеха и падчерица») в репертуаре сказочников Русского Севера // *Рябининские чтения – 2019. Петрозаводск, 2019. С. 370–372.*

Друковцов 1779 – *Сава ночная птица: Повествующая руския сказки, из былей составленные, господином статским советником, и Вольнаго Санктпетербургскаго экономического общества членом, Сергием Васильевичем Друковцовым. – 1-м тиснением. СПб.: [Тип. Воен. коллегии], 1779. – [4], 58 с.*

Жуковский 1940 – *Жуковский В. А.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1940. Т. II. С. 271–289. (Библиотека поэта.)

Зеленин Пермь 1914 – *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1914. LIII. – 656 с. (Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XLI.)

Зырянов 1981 – *Зырянов И. В.* Старикова тайна: Сказки Прикамья в записи [и с предисл.] И. В. Зырянова. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1981. – 223 с.

Кабакова 2019 – *Кабакова Г. И.* От сказки к сказке. М.: Редкая птица, 2019.

Кадуйские сказки 2020 – *Кадуйские сказки для детей. Сказки, легенды, былички и небылицы, записанные в Кадуйском районе и его окрестностях, 2-я редакция / Авт.-сост. А. Ф. Каданцев // Историко-краеведческий журнал «Светец». 2020. № 6. С. 5–95.*

Карнаухова 1934 – *Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и коммент.*

И. В. Карнауховой; предисл. Ю. М. Соколова. М.; Л.: Academia, 1934. – 446 с.

Кирша Данилов 1977 – Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е дополн. изд. М.: Наука, 1977. – 488 с. («Литературные памятники».)

Коргуев 1939 – Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / Ред. А. Н. Нечаева. Л.: Советский писатель, 1939. – 253 с.

Корепова 1991 – *Корепова К. Е.* Лубочные сказки о трех подземных царствах и их влияние на устную традицию // Фольклор народов РСФСР. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1991. С. 5–12.

Корепова 2012 – *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. М.: Форум, 2012. – 464 с.

Королькова 1969 – Русские народные сказки. Рассказаны А. Н. Корольковой / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; записи Э. В. Померанцевой [и др.]; отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1969. – 406 с.

Кругляшова 1967 – Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горно-заводском поселке Висим) / Сост., авт. вступ. статьи и примеч. В. П. Кругляшова. Свердловск: б/и, 1967. – 302 с.

Кукулевич, Лотман 1941 – *Кукулевич А. М., Лотман Л. М.* Из творческой истории баллады Пушкина «Жених» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 72–91.

Левшин 1780 – *Левшин В. А.* Руския сказки, содержащая древнейшия повествования о славных богатырях, сказки народныя, и прочия оставшиеся чрез пересказывание в памяти

приключения. Ч. 2. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780. – 255 с.

Лекарство от задумчивости 2019 – Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII века. Иваново: Роща, 2019. – 496 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 5.)

Лызлова 2017 – *Лызлова А. С.* «Сказка о Светлане Прекрасной» из репертуара И. Ф. Ковалева (д. Шадрино Нижегородской области) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги. М.: ГРЦРФ, 2017. С. 189–201.

Лызлова 2019 – *Лызлова А. С.* Сказки о трех царствах (медном, серебряном и золотом) в лубочной литературе и фольклорной традиции // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 26–44.

Мадам д’Онуа 2015 – Д’Онуа Мари Катрин. Кабинет фей / М. А. Гистер (Летарова). М.: Ладомир; Наука, 2015. – 1000 с. («Литературные памятники».)

Максимович 1845 – Три сказки и одна побасенка, пересказанная Михаилом Максимовичем. Киев: б/и, 1845. – 48 с.

Мануэль 1961 – *Мануэль Хуан.* Граф Луанор. М.; Л.: Художественная литература, 1961. – 208 с.

Масуди 2002 – Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / Сост., пер. с араб., прим., комм. и указатели Д. В. Микульского. М.: Наталис, 2002. – 800 с. (Серия: Восточная коллекция.)

Матвеева 1979 – *Матвеева Р. П.* Русские народные сказки Сибири о богатырях. – Новосибирск: Наука, 1979. – 303 с.

Митропольская 1975 – *Митропольская Н. К.* Русский фольклор в Литве. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского гос. университета им. В. Капсукаса, 1975. – 431 с.

Некрылова 1984₁ – *Некрылова А. Ф.* Медвежья комедия: Некоторые проблемы и аспекты изучения // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. научн. тр. / Под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. С. 186–195.

Некрылова 1984₂ – Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища, конец XVIII – начало XX века [Текст] / А. Ф. Некрылова. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1984. – 189 с.

ПГВ 1863 – Пермские губернские ведомости. 1863. № 4.

Пермский сборник 1860 – Пермский сборник. 1859. Кн. I. Отд. 2; 1860. Кн. II. Отд. 2.

Песни и сказы долины камней 2008 – Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района: Матер. и исследования. Березники: Типография купца Тарасова, 2008. – 380 с.

Повествователь 1787 – Повествователь русских сказок. М.: б/и, 1787.

Подюков 2000 – Пермские сказки: Современный фольклор Прикамья / Собрал и составил И. Подюков. Пермь: ПРИПИТ, 2000. – 70 с.

Померанцева 1957 – Русское народное творчество в Башкирии / Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. – 327 с.

Потявин 1960 – *Потявин В. М.* Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области. Выпуск первый / Сост. В. Потявин. Горький: б/и, 1960. – 377 с.

Пропп 1976 – *Пропп В. Я.* Мотив чудесного рождения // Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 205–240.

Пропп 2000 – *Пропп В. Я.* Русская сказка / Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. – 416 с. (Собрание трудов В. Я. Проппа.)

Пушкин, Прил. 1 – *Пушкин А. С.* Приложение I. Записи сказок // Полное собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1936. С. 483–489.

Русские народные сказки Пермского края 2004 (РНСПК 2004) – Русские народные сказки Пермского края / Сост. А. В. Черных. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2004. – 280 с.

Русские народные сказки Урала 1959 – Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштум. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1959. – 230 с.

Русские сказки в ранних записях 1971 – Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова; отв. ред. Э. В. Померанцев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 288 с.

Серебренников 1928 – *Серебренников В. Н.* Из записей фольклориста // Пермский краеведческий сборник. Вып. IV. Пермь, 1928. С. 123–131.

Серебренников 1964 – Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья.

Собр. В. Н. Серебренников. Сост. и вступит. статья Т. И. Вершинина. Ред., послесл. и примеч. Г. И. Бомштейн. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1964. – 360 с.

Сказки Е. Н. Трясциной 2020 – Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / Авторский коллектив: Добровольская В. Е, Мехнецова Г. Н., Русинова И. И., Сивков О. С., Суханова М. Е., Черных А. В. (отв. ред.). СПб.: Маматов, 2020. – 192 с.

Сказки Заонежья 1986 – Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина; науч. ред. А. Ф. Некрылова. Петрозаводск: Карелия, 1986. – 295 с. (Памятники фольклора Карелии)

Сказки от бабушки Нины 2006 – Сказки от бабушки Нины. Записали Т. А. Гостюхина и К. Миншахова. Чернушка: РИЦ «Парус», 2006. – 73 с.

Сказки Пудожского края 1982 – Русские народные сказки Пудожского края / Сост. и авт. вступ. ст. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. – 367 с.

Смирнов 2017 – Великорусские сказки: сборник А. М. Смирнова: в 2 кн. Т. 2. Иваново: Роцца, 2017. – 528 с. (Полное собрание русских сказок. Т. 9 Кн. 2.)

Соколова 1970 – Сказки земли Рязанской / Подгот. текстов, вступит. статья, коммент. В. К. Соколовой. Рязань: б/и, 1970. – 127 с.

Спешилов 1962 – *Спешилов А. Н.* Сказки Прикамья / Собрал и обработал А. Спешилов. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1962. – 92 с.

Старая погудка на новый лад 1795/2016 – Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Русская сказка в изданиях конца XVIII века. Иваново: Роцца,

2016. – 393 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 8.)

Страпарола 1978 – *Страпарола да Караваджо Дж.* Приятные ночи / Изд. подг. А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова; отв. А. Д. Михайлов. М.: Наука, 1978. – 448 с. («Литературные памятники».)

Сумцов 1900 – *Сумцов Н. Ф.* А. С. Пушкин. Исследования. Харьков: Типо-лит. «Печ. Дело», кн. К. Н. Гагарина, 1900. – 350 с.

Сын Медведя 2017 – Сказки народов Евразии. Сын медведя. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – 199 с.

Татаринцев 1977 – Русский фольклор Удмуртии. Песни, сказки, частушки / Сост., вступ. ст. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1977. – 223 с.

Тимофеев 1787 – Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок / Собр. и изд. Петром Тимофеевым. М.: Тип. Пономарева, 1787. – 335 с.

Тихонравов 1861 – Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. I–V. Т. III. М.: Тип. Грачева и К°, 1861. – 363 с.

Топоров 1995 – *Топоров В. Н.* Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301 А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» – «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспектива) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М.: Индрик, 1995. С. 142–200.

Трипитака – Трипитака [Электронный ресурс]. URL: <https://www.torchinov.com/матери->

алы/первоисточники/трипитака-палийский-канон/ (дата обращения: 2.12.2020).

Тысяча и одна ночь 1959 – Книга тысячи и одной ночи: В 8 т. / Пер. с араб. М. А. Салье; предисл. М. Горького; под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.: Гослитиздат, 1959. – 1685 с.

Уральский современник 1941 – Уральский современник. Литературный альманах. Свердловск, 1941.

Уральский фольклор 1949 – Уральский фольклор / Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1949. – 234 с.

Фольклор Урала 1976 – Фольклор Урала. Вып. 1: Народная проза. Свердловск: [УрГУ], 1976. – 100 с.

Чудинский 1864 – *Чудинский Е. А.* Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М.: Тип. Грачева и К°, 1864. – 143 с.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНОЙ, ПРОСТОРЕЧНОЙ И УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ

Арши́н – старая русская мера длины, равная 0,71 метра.

Бадóжечка, *ласк.* – палка.

Бара́баться – цепляться, хвататься за что-либо руками.

Ба́роня – барыня.

Баско́й – красивый.

Ба́тюшко – батюшка.

Беда́ – очень.

Бе́рдо – гребень, являющийся одной из основных частей ткацкого станка.

Би́ться – сопротивляться.

Бласлови́ть – благословить.

Богáчество – богатство.

Боево́й – смелый, энергичный, бойкий (о человеке).

Боло́тина – сырое, топкое место.

Болта́ть – раскачивать.

Болты́х, *междомет. глаг.* – ударить, стукнуть.

Боро́к – сосновый лес; бор.

Бочка́рь – человек, изготавливающий бочки.

Бруслёт – браслет.

Бряча́ть – стучать, брякать.

Буд, *междомет. глаг.* – бодать.

Бу́дкать – бодать.

Бух-бах, *междомет. глаг.* – застрелить.

Бы́дто, бы́дьто – будто.

(Быть) на пята́х – догонять.

В кула́чики би́ться – драться на кулаках.

Ве́домо-невéдомо – видимо-невидимо.

Верéтник – лес на возвышенности.

Веретно́ – веретено.

Ве́ршный – старший (о детях).

Ве́ситься – висеть.

Ве́сти извести́ть – оповестить.

Вечеровáть – ночевать.

Ве́шаться – висеть.

Вещь, *м. р.* – вещь.

Вза́муж – замуж.

Взлюбѣ́ться – понравиться.

Взря́вкать – рывкнуть.

Вѣ́дко – видно.

Винко́ – вино.

Вкосѣ́х боро́ться – борясь, стараться повалить противника, свалить на землю.

Вкруг – вокруг.

Вора́чиваться – возвращаться.

Воровскі́ – украдкой, тайком.

Вороже́ц – тот, кто ворожит, гадает.

Всё одно́ – всё равно.

Вту́пор – в то время, тогда.

Вусме́рть – насмерть.

Вѣ́бегать – обежать.

Вѣ́везти – увезти.

Вывора́живать – ворожить, гадать.

Выеда́ть – съедать.

Вѣ́есть – съесть без остатка.

Вѣ́нять – достать, извлечь.

Вѣ́пасть – появиться.

Выпиву́ха – выпивка.

Выре́зывать – вырезать.

Вѣ́смотреть – подсмотреть.

Вѣ́сушить – осушить.

Вѣ́таскать – унести, забрать.

Вытяга́ть – вытягивать.

Выха́живать – избивать, колотить.

Га́лстус – галстук.

Га́лгусо́чек, *ласк.* – галстучек.

Га́сник – пояс, верёвочка.

Го́лбец – подполье.

Го́лбчик, *ласк.* – 1) деревянный помост, настил сбоку русской печи; 2) деревянная пристройка к печи, являющаяся лежанкой и закрывающая вход в подполье.

Го́лик – веник.

Го́лова́ – о человеке.

Голося́нку дотяну́ть – долго, протяжно прокричать, провыть.

Голося́нку тяну́ть – долго, протяжно кричать, выть.

Голя́шка – нога.

Горо́шница – гороховый суп.

Гресті́сь – разгребать землю.

Гробни́ца – крышка гроба.

Гря́дка – 1) полка в избе; 2) полка, укрепленная вдоль стены против печи.

Гумно́ – площадка для молотьбы сжатого хлеба, ток.

Давну́ть – сдавить, сжать.

Дари́ть – одаривать.

Дви́нуть – двигать.

Дво́ю – дважды.

Де́нышко, *ласк.* – дно ёмкости, днище.

Держа́ть – содержать, кормить.

Ди́во – удивительно.

Дню не днева́ть, часу́ не часова́ть – сделать, осуществить что-либо незамедлительно; не медлить.

Добы́ть – вынуть, достать.

Догáнивать – догонять.

Доду́мать – догадаться.

Дожида́ть – дожидаться, поджидать.

Докана́ть – убить.

До́ложон – должен.

Доперё́д – вперёд, раньше, сперва.

Допыта́ть – спросить.

Досажа́ть – досаждать.

Доступа́ть – доставать, стараться раздобыть.

Доту́ль – до тех пор.

До́черь, до́чи – дочь.

Драк – драка.

Дресва́ – здесь: крупный песок, в который превращаются перегоревшие камни банной печи.

Дровёнки, *ласк.* – дровни.

Дро́вни – открытые сани для перевозки дров, других грузов.

Дуда́рец – дудочка.

Дуплё́, дупля́ – дупло.

Душа́ не терпи́т – кому-либо не терпится.

Душу́щий – имеющий сильный запах.

Еди́но – сразу, с первого раза.

Еённый, *притяж. мест.* – принадлежащий ей, её.

Ёжли – если.

Ёкаться – пытаться, стараться.

Еле́ц – небольшая речная рыба.

Елу́шка – ель.

Ёства – еда, пища.

Ётто – здесь.

Жар – огонь, пламя.

Жарёночек, *ласк.* – то, что жарится.

Жгать – жечь.

Жёребей – жребий.

Жёрново – ручная мельница.

Живо́т – скот.

Жига́ло – раскалённый железный прут, используемый для прожигания отверстий.

Жора́вль – журавль.

Жора́ть – жадно есть.

Заболта́ться – начать раскачиваться.

Завали́ть – взвалить.

Завеча́ть – обещать, предсказывать.

Завязи́ть – утопить.

Загоре́ть – загореться.

Загорю́ниться – пригорюниться, горевать.

Задво́ренка – старушка, живущая в одиноко стоящей избушке, обычно добрая колдунья, содействующая герою сказок в достижении его целей.

Задóхнуть – задохнуться.

Задь – задний проход.

Закла́сть – поместив куда-либо, закрыть, заложить.

Закли́нить – прибить что-либо железным клином.

Заковове́ть – заледенеть.

Зала́вок – расположенный около печи низкий кухонный шкафчик на лавке, предназначенный для посуды, кухонных принадлежностей.

Зале́зина – железина.

Зале́зный – железный.

Зало́жить – закрыть.

Заложить – положить.

Заогоро́женный – огороженный.

Западня́ – крышка подполья.

Запеча́танный – закрытый.

Запи́вка – выпивка, спиртные напитки.

Запирова́ть – начать пьянствовать.

Запла́вать – начать плавать.

Заплесну́ть – плеснув на кого-либо водой, убить его.

Заполони́ть – наполнить, заполнить.

Запо́н – фартук.

Запо́нчик, *ласк.* – запон.

Запря́тать – спрятать.

Запрячи́ – запрячь.

Засло́нка – железный, обычно полукруглой формы лист с ручкой, закрывающий входное отверстие русской печи.

За́спа – ячменная крупа.

За́спенный – сваренный из ячменя.

Затемне́ть – стемнеть.

Заусну́ть – уснуть.

Зафу́ркать – начать фыркать.

Захвата́ть – сдавить, сжать.

Захорони́ть – похоронить.

Зача́ть – начать.

Защелка́ть – начать разбиваться с треском, хрустом.

Зглуши́ть – задушить, отравить дымом.

Зде́ся – здесь.

Здыма́ть – поднимать.

Здыша́ть – едва дышать.

Зипу́н – крестьянская одежда: кафтан из грубого толстого сукна, обычно без ворота.

Зна́тко – заметно, видно.

Зы́бка – подвесная колыбель.

Зыбу́чий – топкий, зыбкий.

Зябти́ – зябнуть, мёрзнуть.

Издóхнуть – умереть.

Изла́дить – изготовить.

Излома́ть – сломать.

Има́ть – ловить.

Име́нье – имущество, собственность.

И́но – потом.

Испужа́ться – испугаться.

Исхуди́ться – прохудиться.

И́хий, ихний, ихний, ихов, притяж. мест. – принадлежащий им; их.

И́хо, притяж. мест. – принадлежащее им; их.

Ка́жное ме́сто – всё что угодно.

Ка́жный – каждый.

Ка́кушки – кал.

Ка́менка – банная печь, сложенная из камней.

Камешо́к – камешек.

Карау́шка – сторожка, караулка.

Катну́ть – покатить.

Квашня́ – посуда для замешивания теста.

Кобы́лица – кобылица.

Коври́га – каравай хлеба.

Кой – какой, который.

Кокóрка – 1) корень дерева, коряга;
2) что-либо заледевшее.

Кóкорки – карачки.

Кокóрочка – ласк. к **кокорка** 2).

Колда́, колды́ – когда.

Кóло – около.

Колóм замёрзнуть – заледедеть.

Коренной́ – 1) настоящий; 2) являющийся мастером в каком-либо деле.

Коре́ц – ковш.

Кóроб – лубяное или берестяное изделие для хранения, переноски чего-либо.

Коти́шко, ласк. – кот, котик.

Кото́к, ласк. – кот.

Кото́мка – сумка, носимая за плечами.

Кото́мочка, ласк. – котомка.

Кóчень – что-либо заледевшее.

Кресто́вый брат – мальчик (мужчина), которого крестили в одной воде с другим мальчиком (мужчиной).

Кро́сны – ткацкий стан.

Круг – вокруг.

Кубы́шечка, ласк. – кубышка.

Кубы́шка – глиняный сосуд.

Куда-ненабу́дь – куда-нибудь.

Куды́ – куда.

Ку́кситься – тереть глаза.

Кулева́нить – изготавливать кули из мочала.

Кулёчек, ласк. – куль.

Кулёк, куль – большой мешок из рогожи.

Кусо́чки собира́ть – побираться.

Ку́шать – пить.

Кыр, кыр, кыр, междомет., звукоподр. – о характерных звуках, издаваемых уткой.

Ла́дить – 1) делать, готовить, изготавливать;
2) собираться сделать, хотеть сделать.

Ла́дно – хорошо, дружно.

Ла́потки, ласк. – лапти.

Левёнок – львёнок.

Леви́ца – лвица.

Лежа́ть на пласту́ – быть не в состоянии подняться на ноги.

Лектри́чество – электричество.

Лог – широкий и длинный овраг.

Лубяной́ – изготовленный из луба.

Лужёчки – луга.

Лупи́ть – здесь: снимать шкуру.

Лутóшка – палка, обычно липовая.

Маломáльный – невзрачный, незавидный, плохонький.

Ма́монькин – принадлежащий матери.

Ма́ти – мать.

Ма́тница – потолочная балка; матица.

Медве́дко – медведка, медведь.

Медведу́шко, ласк. – медведushка.

Мéленка – ручная мельница.

Мета́ть жеребья́ – бросать жребий.

Меша́ть – перемешивать, переставлять местами.

Мешё́чек, ласк. – мешочек.

Молонья́ – молния.

Мост – сени.

Мостной – относящийся к мосту – сениям.

Мочало – вымоченная лубяная часть молодой липы, разделённая на узкие полоски, идущие на изготовление рогожи, кулей.

Мыбранка – зонтичное растение с сильным запахом, предположительно болиголов пятнистый.

Мявкать – мяукать.

Мятлица – сорное травянистое растение мятлик.

На кокóрочках – на карачках.

Набежать – прибежать.

Наврать – рассказать.

Навставать – встать во множестве.

Навязать – привязать, завязать.

Наесть – поест.

Назавтре – на следующий день.

Назадь пяткáми – задом наперёд.

Наклáсть – испражниться.

Налететь – прилететь.

Налóпать – избить, поколотить.

Намаканый – смазанный чем-либо.

Намарать – испражниться.

Напускаться – нападать, идти войной.

Нарастí – вырасти.

Наряжаться – заниматься на работу.

Насесть – сесть во множестве.

Насмешиться – посмеяться.

Насрать – испражниться.

Натакаться – найти, наткнуться.

Нать-то – наверное.

Находить – походить.

Нахохатывать – громко хохотать.

Начто – зачем.

Наяривать – осуществлять быстрое, энергичное действие.

Не будь плохой – о том, кто ловок, сообразителен.

Не так совсём, не совсём – о глупом, несообразительном, умственно отсталом человеке.

Незанавидеть – начать ненавидеть.

Некогда – никогда.

Некорыстненький, ласк. – невзрачный, завидный.

Неписанный – неопиcуемый.

Неродний – неродной.

Неспрóста – не просто так.

Неугожий – неугодный кому-либо.

Ни лыку, ни стрóку (не давать) – покоя (не давать).

Никуды – никуда.

Ниоткуля – откуда-то, откуда ни возьмись.

Нищенёк – нищий человек.

Новожёны – молодожёны.

Нóнче – нынче, сейчас.

Обзолотить, озолотить – погладить, приласкать.

Обмотнуть – обмотать.

Обнаслёжиться – обосноваться, остаться где-либо жить.

Обноситься – износить всю одежду.

Оболокаться – надевать верхнюю одежду, одеваться.

Оболо́чься – надеть верхнюю одежду, одеться.

Обробе́ть – оробеть.

Обря́д – одежда.

Обу́тки – обувь.

Ови́н – строение для сушки снопов перед молотьбой.

Овся́нка – овсяное пиво.

Огло́бля – в упряжи: одна из двух жердей, укреплённых на передней оси повозки и соединяющихся с дугой.

Одва́ – едва.

Оде́жа – одежда.

Оди́н-разоди́н – один-одинёшенек.

Оду́маться – подумать.

Оже́чь – обжечь.

Окро́мя – кроме.

Окру́г – вокруг.

Ола́шка – оладья.

Оправля́ться – отправлять естественную надобность; испражняться.

Опрове́дать – навестить.

Опроста́ться – стать пустым.

Осерди́ться – рассердиться.

Оснима́ть – снять шкуру с убитого зверя.

Отби́ться – избавиться.

Отвори́ть – открыть.

Отгова́ривать – отвечать.

Отгуля́ться – нагуляться.

Отереби́ть – выдернуть (шерсть, перья).

Отжи́ть – отомстить.

Отку́да-ниотку́да – откуда-то, откуда ни возьмись.

Отро́биться – кончить работать.

Отсе́дова – отсюда.

Отсе́чи – отсечь.

Отту́ль, отту́ля – оттуда.

Оту́жнать – поужинать.

Охо́тничать – охотиться.

О́чеп – гибкая жердь, на которую вешают колыбель.

Па́ра и пара́ – комплект женской одежды, состоящий из юбки и рубашки, блузки.

Парничо́к – паренёк, мальчик.

Парни́шечко – парнишка.

Парни́шко – парнишка.

Пасть – упасть.

Па́ужна – еда, пища.

Пекчи́ – печь.

Пе́рво – сначала, сперва.

Перебива́ть – побеждать в борьбе, битве.

Переби́ть – 1) победить в драке; 2) убить во множестве.

Перего́нки – бег наперегонки.

Переже́чь – сжечь всё, всех.

Перемеша́ть – переставить местами.

Перечерти́ть – провести черту крест-накрест по чему-либо, над чем-либо.

Печу́рка – углубление в стене печи для хранения и просушки мелких вещей.

Пешо́рка – заплечная корзина из лыка или бересты.

Пирóвание – пир, застолье.

Пи́санный – красивый, с узорами, разноцветный.

Пи́чкнуть – сдавить, сжать.

Пло́хонько, *ласк.* – плохо.

Плошкá, *кр. прил. ж. р.* – плохá.

По́быт – способ, порядок.

Поводо́к, *ласк.* – верёвочка.

Поворотíть – перевернуть.

Поги́нуть – погибнуть.

По́дань – деньги, собираемые с прихожан в церковную казну.

Подари́ть – одарить.

Подготовля́ться – готовиться.

Поддобáвить – добавить.

Подóенка – подойница.

Подта́скивать – приносить добычу.

Поеди́нщик, *ласк.* – противник, враг, неприятель.

Поёсть – съесть.

Позолоти́ть – погладить, приласкать.

Покачу́шка – верёвка, за которую качают подвесную колыбель.

Пола́зить – заходить куда-либо.

Полезáть – залезать куда-либо.

Полéзти – 1) подняться, залезть куда-либо; 2) зайти куда-либо.

Поли́ – погляди.

Пóлог – большое полотнище из грубой ткани.

Получше́й – получше.

Пóлый – открытый.

Помéдневеть – потемнеть.

Помо́га – помощь, подмога.

Помя́ргивать – мяукать время от времени.

Понабивáться – понапрашиваться.

Пондра́виться – понравиться.

Пони́точек, *ласк.* – верхняя одежда наподобие кафтана, обычно из полушерстяной ткани домашнего изготовления.

Понужа́ть – погонять, понукать (тягловый скот).

Попы́хивать – пульсировать, биться.

Порóбить – поработать.

Поря́вживать – рывкать время от времени.

Поряди́ть – нанять на работу.

Поси́живать – сидеть.

Пособи́ть – помочь.

Пособля́ть – помогать.

Пости́чь – настичь.

Посу́лить – пообещать.

Потащи́ть – украсть.

Потеря́ться – исчезнуть.

Поу́жнать – поужинать.

Похотéться – захотеть.

Пóчать – начать.

Почё – почему.

Почерпну́ть – зачерпнуть.

Пошевели́ть – тронуть, обидеть, наказать.

Прибра́ть – произвести уход за скотом.

Пригляну́ться – приглядеться.

Принести́ – родить.

Принорово́ться – приспособиться.

Прислу́га – слуга.

Приста́вить – отдать в пользование.

Приста́виться – притвориться.

Приступи́ться – подойти.

Приуменьши́ться – уменьшиться в количестве.

Провожа́ть – выпроваживать, выживать.

Прода́жа – товары для продажи.

Прода́ть – ославить.

Прожо́ра – обжора.

Про́лубь – прорубь.

Пропáсть – умереть.

Прóса, ж. р. – просо.

Просчита́ть – сосчитать.

Проу́чивать – наказывать.

Пря́ха – прялка.

Пучи́на – живот.

Разбужа́ться – просыпаться.

Ра́мка – (оконная) рама.

Ребешо́к – ребёнок.

Рёвушком реве́ть – очень сильно реветь.

Робить – работать.

Ро́звальни – низкие и широкие сани с расходящимся по бокам облучком.

Роздо́рога – перекрёсток, разветвление дорог.

Роскла́дывать – разбирать на составные части.

Роскла́сть – 1) развести (огонь); 2) разобрать на составные части.

Роспе́лить – раздвинуть, развести в разные стороны.

Росперéть – распять.

Роспи́чькать – раздавить.

Роспрятáться – поспрятаться.

Россме́хну́ться – рассмеяться.

Росста́ни, росста́нь – перекрёсток, разветвление дорог.

Росшара́шить – раздвинуть, развести в разные стороны.

Ря́бий – рябой.

С брjúхом – о беременной женщине.

Сажéнь – старая русская мера длины, равная трём аршинам (2,13 метра).

Самобóйка – та, которая сама бьет.

Самоки́пка – та, которая сама варит, без огня.

Сборо́ть – побороть, победить.

Сбросáть – побросать.

Свезти́ – увезти.

Свет потеря́ть – перестать видеть свет.

Све́тло – светло.

Свистáть – хлестать.

Сви́стнуть – выбросить, вышвырнуть.

Свя́зочек, ласк. – что-либо, увязанное в мягкий материал; узел.

Сёднишний – построенный за сегодня, то есть за один день.

Сéкчи – сечь.

Сéленка – деревянная или железная посуда, чаще в виде корыта, в которую сеяли муку.

Сéнки – сени.

Середí, середь – среди, посреди, посредине.

Середний – средний.

Сиву́ха – плохо очищенная водка.

Силе́ц – борец.

Сило́м – насильно.

Синю́шка – синица.

Скатё́р – скатерть.

Ска́шлять – кашлянуть.

Скла́дно – хорошо, дружно.

Скла́икать – позвать.

Скок, *междомет. глаг.* – прыгнуть, вскочить куда-либо.

Сколь – сколько.

Скоря́ – скорей.

Ско́тная изба́ – утеплённое помещение для кормления скота.

Скра́ю – сначала.

Скрича́ть – громко позвать, крикнуть.

Скря́кать – издать отрывистый горловой звук, выражающий удовлетворение.

Ску́чно – обидно.

Слуга́, ж. р. – слуга.

Слу́шать – вдыхать.

Смеша́ться – сбиться в рассказе, перепутать события.

Сме́шивать – сбиваться в рассказе, перепутывать события.

Смышля́ть – добывать, заготавливать что-либо.

Снаряди́ться – одеться.

Снести́ – отнести.

Сничто́жить – уничтожить, убить.

Собачо́нок – щенок.

Сожга́ть, соже́чь – сжечь.

Сопря́тать – спрятать.

Сопря́таться – спрятаться.

Сосвисте́ть – засвистеть, свистнуть.

Соска́кивать – быстро подниматься, вскакивать.

Сосну́ть – поспать.

Сохвата́ть – схватить.

Спе́литься – залезть.

Спе́рва – сначала.

Спи́кать – произвести звук (об утке).

Спи́чка – деревянный гвоздь, колышек, крючок и т. п., вбиваемые в стену дома, на которые вешают что-либо.

Спорина́ в квашню́ – пожелание успеха хозяйке, замешивающей тесто.

Справда́ть – одолеть в борьбе, побороть кого-либо.

Срок изойде́т – срок выйдет, закончится.

Сряди́ть – устроить, организовать.

Ссопе́ть – жадно съесть.

Ста́рая коржо́вка – бран.

Стаска́ть – унести, забрать.

Ста́я – хлев.

Столо́вание – пир, застолье.

Столь – столько.

Стопта́ть – износить (об обуви).

Страви́ться – быть отданным на съедение (собакам).

Стрелить – выстрелить.

Стри́гчи – стричь.

Стручева́тый – имеющий много стручков.

Стря́пка – стряпуха, кухарка.

Супо́риться – противиться.

Супро́тивничек, *ласк.* – противник, враг, неприятель.

Схло́пать – 1) проглотить, съесть; 2) взмахнуть руками (крыльями).

Сшутить – пошутить.

Съедáнье – съеденье.

Таволо́тка – деревце.

Та́мо, та́мока, тамока́ – там.

Ташить – красть.

Твори́ло – крышка подполья.

Течь – идти.

Тожно́ – потом, однажды.

Толда́, толды́ – тогда.

Толкчи́ – толочь.

Толу́п – тулуп.

Топéре, топéрь, топéря – теперь.

То́пы-то́пы, *звукоподр.* – о резких отрывистых звуках.

Тори́ца – сорная трава.

Тошнёй – сильнее.

Тощеголо́вый – глупый, несообразительный, забывчивый.

Тро́ю – трижды.

Тубарéтка – табуретка.

Тýес – цилиндрическая берестяная ёмкость с плотно прилегающей крышкой.

Ту́то, ту́тока, тутока́ – тут.

Ты́кать – бить, ударять, стучать.

Тыя, *указ. мест.* – та.

Тя́гость – тяжесть.

Уго́жий – угрожающий, приходящий на помощь старшим (о человеке).

Уго́р – небольшая гора, пригорок, возвышенность.

Укурну́ть – погрузиться с головой в воду, нырнуть.

Умани́ть – заманить.

Уме́ть – обладать сверхъестественными способностями (о человеке).

Уму́чаться – измучиться.

Унесто́жить – уничтожить.

Уплати́ть – заплатить.

Упя́титься – уйти задом наперёд.

Урабо́тать – сильно избить.

Уходи́ть – убить.

Учу́ть, учу́ять – слышать.

Фурк, *междомет. глаг.* – сбрасывать, скидывать что-либо.

Фырча́ть – фыркать.

Хала́т – верхняя одежда из домотканого холста.

Хлевéц – хлев.

Хлесь, *междомет. глаг.* – хлестнуть, с силой ударить.

Хло́панцы – гороховые лепёшки.

Хлоп-хлоп-хлоп, *междомет. глаг.* – проглотить, съесть.

Ходить в тягости – быть беременной.

Хóлка – ягодица, верхняя часть ноги.

Храни́ть – охранять.

Чаща́ – 1) густой лес; 2) сухие ветки.

Челó, це́ло – наружное отверстие русской печи.

Челпа́н – каравай хлеба.

Чё-небудь, чё-ненабу́дь – что-нибудь.

Черна́вка – служанка, прислужница (обычно в барском доме).

Чигу́нка – горшок из чугуна; чугунка.

Чи́сто – совсем, абсолютно.

Что мо́жно – очень сильно, изо всех сил.

Что мо́ченьки – очень сильно.

Чу́тко – пахнет.

Чуть, чу́ять – слышать.

Шара́хнуть – бросить с силой, швырнуть.

Шары́ – глаза.

Швыр, швырк, междомет. глаг. – резким движением швырнуть, бросить.

Швы́чнуть – хлестнуть, ударить с силой.

Шевéлить – трогать.

Шесто́к, шошто́к – в русской печи: широкая площадка между челом и топкой.

Ши́бко – очень.

Шлык – остроконечный головной убор.

Шо́ркнуть – ударить, стукнуть.

Шти – суп, похлёбка.

Шу́бенки – рукавицы из овечьей или собачьей шкуры.

Шыр, междомет. глаг. – резким движением

швырнуть, бросить.

Щепóты (тебе) в ад – проклятие (щепóта – болезнь, ад – рот, горло).

Э́тто – здесь.

Ядрёный – полный, толстый.

Яичко – яичко.

СПИСОК АУДИО- И ВИДЕОКОНТЕНТА НА ФЛЕШ-КАРТЕ

<https://domgubernia.ru/skazkiperm/>

АУДИОТРЕКИ:

1. Волк – липовая нога
2. Марко Сыробогаый
3. Царская дочь
4. Иван-королевич и леший
5. Иван-царевич и царская дочь
6. Котонай Иванович, Заинька Косошарый, Лиса Патраки-евна, волк и медведь
7. Медведь – деревянная нога
8. Сказка о женитьбе трёх сыновей
9. Сказка о Сучке и старике со старухой
10. Сказка про семь Агафонов
11. Скрипи, нога липовая
12. Про Степана-царевича
13. Про Илью Муромца
14. Про Светогора
15. Про Сорочинскую змею
16. Про Алёшеньку Поповича
17. Про князя Владимира
18. Лапоток и нищая
19. Иванушка и Баба-Яга
20. Анна Снежурка
21. Сказка про кота
22. Сказка про зайца и лису
23. Про медведя липовые ноги
24. Про волка
25. Про Иванушку
26. Про зелёную голову
27. Сказка про Иванушку и невесту
28. Сказка про меленку
29. Про котишку и парнишку
30. Лошадиная голова
31. Лиза и разбойники

- 32. Иван-дурак и поп
- 33. Шут да Маришка
- 34. Живалко-бывалко
- 35. Васька-шут
- 36. Марья Моревна
- 37. Закаменный лес
- 38. Про Светлану
- 39. Девушка, веретено и чёрт
- 40. Отдай, чего не знаешь
- 41. Про Ягизну
- 42. Морозко
- 43. Норушка
- 44. Репка и Медведко
- 45. Медный лоб
- 46. Про доброго молодца и перо Жар-птицы
- 47. Ванька
- 48. Царь и солдат
- 49. Морозко
- 50. Пердунок
- 51. Пердунок
- 52. Калёные зубы
- 53. Я молодец – с того света выходец
- 54. Медведь
- 55. Морозко
- 56. Вершки и корешки
- 57. Солдатская помощь (Как Емеля корову на баню вздымал)
- 58. Про коточка и петуха
- 59. Про кузнеца и молодую жену
- 60. Про курочку Рябу
- 61. Про курочку Рябу
- 62. Про разбойников
- 63. Про Ивана-дурака
- 64. Про козу

ВИДЕО

- 30. Лошадиная голова
- 52А. Калёные зубы
- 56. Солдатская помощь
- 58. Про коточка и петуха
- 60. Про курочку Рябу

СОДЕРЖАНИЕ

О настоящем сборнике3

БАРДЫМСКИЙ район.....42

1. Волк – липовая нога.....42
2. Марко Сырбогатый.....43

КАРАГАЙСКИЙ район.....46

3. Царская дочь.....46
4. Иван-королевич и леший.....49
5. Иван-царевич и царская дочь.....53

КИШЕРТСКИЙ район.....54

6. Котонай Иванович, Заинька Косошарый,
Лиса Патракиевна, Волк и Медведь.....54

КРАСНОВИШЕРСКИЙ район.....56

7. Медведь – деревянная нога.....56
8. Сказка о женитьбе трёх сыновей.....57
9. Сказка о Сучке и старике со старухой.....60
10. Сказка про семь Агафонов.....62

Кунгурский район.....63

11. Скрипи, нога липовая.....63

ОРДИНСКИЙ район.....65

12. Про Степана-царевича.....65
13. Про Илью Муромца.....67
14. Про Светогора.....68
15. Про сорочинскую змею.....68
16. Про Алёшеньку Поповича.....69
17. Про князя Владимира.....70

ОСИНСКИЙ район.....71

18. Лапоток и нищая.....71
19. Иванушка и Баба-яга.....73
20. Анна Снегурка.....74

ОЧЁРСКИЙ район.....76

21. Сказка про кота.....76
22. Сказка про зайца и лису.....78
23. Про медведя липовые ноги.....79
24. Про волка.....80
25. Про Иванушку.....81
26. Про Зелёную голову.....82
27. Сказка про Иванушку и невесту.....82
28. Сказка про меленку.....85
29. Про котикшу и парнишку.....86

СИВИНСКИЙ район.....88

30. Лошадиная голова.....88

СУКСУНСКИЙ район.....90

31. Лиза и разбойники.....90
32. Иван-дурак и поп.....92
33. Шут да Маришка.....94

УИНСКИЙ район.....97

34. Живалко-бывалко.....97

ЧАСТИНСКИЙ район.....98

35. Васька-шут.....98

ЧЕРДЫНСКИЙ район	100
36. Марья Моревна.....	100
37. Закаменный лес.....	102
38. Про Светлану.....	106
39. Девушка, веретено и чёрт.....	108
40. Отдай, чего не знаешь.....	108
41. Про Ягизну.....	112
42. Морозко.....	113
43. Норушка.....	114
ЧЕРНУШИНСКИЙ район	116
44. Репка и Медведко.....	116
45. Медный лоб.....	123
46. Про доброго молодца и перо Жар-птицы.....	127
47. Ванька.....	130
48. Царь и солдат.....	134
ЮРЛИНСКИЙ район	137
49. Морозко.....	137
50. Пердунок.....	139
51. Пердунок.....	141
52. Калёные зубы.....	142
53. Я молодец – с того света выходец.....	144
54. Медведь.....	145
55. Морозко.....	146
56. Вершки и корешки.....	148
57. Солдатская помощь (Как Емеля корову на баню вздымал).....	148
58. Про коточка и петуха.....	149

59. Про кузнеца и молодую жену.....	150
60. Про курочку Рябу.....	151
61. Про Курочку Рябу.....	152
ЮСЬВИНСКИЙ район	153
62. Про разбойников.....	153
63. Про Ивана-дурака.....	155
64. Про козу.....	156
<i>Комментарии</i>	158
<i>Список сюжетных типов</i>	215
<i>Список литературы</i>	217
<i>Словарь диалектной, просторечной и устаревшей лексики</i>	224
<i>Список аудио- и видеоконтента на флеш-карте</i>	237

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХИВ. ПЕРМСКИЙ КРАЙ

РУССКИЕ СКАЗКИ

12+

ПЕРМСКОГО КРАЯ

В ЗАПИСЯХ КОНЦА XX –
НАЧАЛА XXI в.

(ПОД ОБЩ. РЕД. А. В. ЧЕРНЫХ)

Авторский коллектив:

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный
научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН
(руководитель проекта, ответственный редактор)

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Варвара Евгеньевна,
кандидат филологических наук, зав. сектором нематериального
культурного наследия Государственного Российского Дома
народного творчества имени В. Д. Поленова МК РФ,
доцент кафедры общего и славянского искусствознания
Института славянской культуры РГУ им. А. Н. Косыгина
(составление корпуса текстов, вступительная статья,
комментарии)

РУСИНОВА Ирина Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент Пермского
государственного национального исследовательского
университета (расшифровка записей, орфографическое
формирование текстов с сохранением диалектных особенностей
речи исполнителей, составление словаря диалектной,
просторечной и устаревшей лексики)

ПОДЮКОВ Иван Алексеевич,
доктор филологических наук, профессор Пермского
государственного гуманитарно-педагогического университета
(вступительная статья)

СУХАНОВА Марина Евгеньевна,
сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского
федерального исследовательского центра УрО РАН
(расшифровка записей, составление корпуса текстов,
техническая работа с комментариями)

СИВКОВ Олег Сергеевич,
сотрудник Пермского краевого дома народного творчества
(обработка аудио- и видеозаписей, нотная расшифровка)

СВАЛОВА Екатерина Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент Пермского
государственного гуманитарно-педагогического университета
(расшифровка записей, вступительная статья)

ХОРОБРЫХ Станислав Валерьевич,
заместитель директора Усольского историко-архитектурного
музея-заповедника «Усолье Строгановское»
(предоставление экспедиционных материалов)

КОРОЛЁВА Светлана Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного
национального исследовательского университета
(предоставление экспедиционных материалов)

Координатор проекта – Г. Ю. Цыганкова

Редактор – А. А. Арустамова

Дизайн и верстка – С. А. Зеленина

Корректор – И. И. Плотникова

В книге использованы фотографии

А. В. Черных, Д. И. Ваймана, Ю. С. Чернова

**Р89 Русские сказки Пермского края в записях конца
XX – начала XXI в.** / А. В. Черных (отв. ред.), В. Е. Добро-
вольская, И. И. Русинова, И. А. Подюков, М. Е. Суханова,
О. С. Сивков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, С. Ю. Королёва.
(Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.:
Изд-во «Маматов», 2020. – 240 с.

ISBN 978-5-91076-218-7

УДК 398.21(=161.1)

ББК 82.3(2=411.2)-6

Книга включает сказки, записанные в разных районах Перм-
ского края фольклористами в конце XX – начале XXI в. В книге
представлены сказки о животных, волшебные сказки, бытовые
сказки, былинные сказки, новеллистические сказки. В издании
материал размещен по районам бытования, внутри разделов
представлен репертуар каждого исполнителя. Сборник снабжен
предисловием и комментариями к текстам сказок, а также аудио
и видео приложением, содержащим экспедиционные записи.
Издание предназначено для специалистов по фольклору, этно-
графии, культурной антропологии, а также для всех, кто ин-
тересуется фольклором, языком, историей, народной культурой
Пермского края.

*Исследование и издание осуществлено за счет средств
гранта РФФИ (научный проект №20-012-00416 «Фольклорный
архив: принципы хранения, систематизации и публикации экс-
педиционных материалов»).*

*Издание осуществлено в рамках подпрограммы «Реализация го-
сударственной национальной политики в Пермском крае» госу-
дарственной программы Пермского края «Общество и власть».
Рекомендовано к печати Ученым советом Пермского феде-
рального исследовательского центра УрО РАН*

Подписано в печать 10.10.2020. Формат 220х220 мм

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ООО «ПК «АСТЕР».

614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15, тел. (342) 206-06-86

© ООО «Маматов», оформление, 2020